

Российская Академия Наук

Отделение общественных наук
Российской академии наук

**Научно-консультативный совет по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества**

ДОКЛАДЫ КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ РАН,

баллотировавшихся
по секции философии,
политологии, социологии,
психологии и права
в 2019 г.

Российская Академия Наук

Отделение общественных наук
Российской академии наук

**Научно-консультативный совет по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества**

**ДОКЛАДЫ
КАНДИДАТОВ
В ЧЛЕНЫ РАН,**

баллотировавшихся
по секции философии,
политологии, социологии,
психологии и права
в 2019 г.

Москва
2020

УДК [1/14+159.9+32.001+316.6+34](082)
ББК 60.5я43+66.0я43+67я43+87я43+88я43
Д63

Доклады кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г. / Российская академия наук, Отделение общественных наук РАН, Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ; [сост. Тосунян Г. А.]. — М. : Новые печатные технологии, 2020. — 446 с. — ISBN 978-5-6045241-4-5.

По инициативе НКС по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества секцией философии, политологии, социологии, психологии и права ООН РАН принято решение опубликовать доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся на прошедших в 2019 году выборах.

Более того, предполагается делать это по итогам каждых выборов РАН, чтобы можно было иметь в печатном виде предвыборные доклады кандидатов, в том числе и не прошедших в РАН на данном этапе.

Публикация предвыборных докладов позволяет читателю, во-первых, ознакомиться с научными взглядами и достижениями кандидатов, а во-вторых, поскольку многие баллотируются неоднократно, проследить и эволюцию их научной мысли, что само по себе также представляет интерес.

УДК [1/14+159.9+32.001+316.6+34](082)
ББК 60.5я43+66.0я43+67я43+87я43+88я43

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения авторов.

ISBN 978-5-6045241-4-5

© Тосунян, Г. А., составление, 2020

Редакционный совет

Смирнов Андрей Вадимович — председатель,
академик-секретарь ООН РАН

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — заместитель
председателя, руководитель секции философии,
политологии, социологии, психологии
и права ООН РАН

Порфирьев Борис Николаевич — заместитель председателя,
руководитель секции экономики ООН РАН

Аганбегиан Абел Гезевич

Горшков Михаил Константинович

Кокошин Андрей Афанасьевич

Лекторский Владислав Александрович

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич

Тосунян Гарегин Ашотович

Ушаков Дмитрий Викторович

Хабриева Талия Ярулловна

Содержание

Предисловие академика А.А. Гусейнова, руководителя секции философии, политологии, социологии, психологии и права (ФПСПП) отделения общественных наук Российской академии наук (ООН РАН).....	7
--	---

Доклады кандидатов по специальности «философия»

Доклады кандидатов в академики РАН

<i>Долгов Константин Михайлович</i>	15
<i>Касавин Илья Теодорович</i>	30
<i>Миронов Владимир Васильевич</i>	42
<i>Шульц Владимир Леопольдович</i>	55

Доклады кандидатов в члены-корреспонденты РАН

<i>Анненкова Ирина Васильевна</i>	64
<i>Баксанский Олег Евгеньевич</i>	77
<i>Васильев Вадим Валерьевич</i>	90
<i>Дергачева Елена Александровна</i>	100
<i>Синеокая Юлия Вадимовна</i>	113
<i>Чубаров Игорь Михайлович</i>	127

**Доклады кандидатов
в члены-корреспонденты РАН
по специальности «социология»**

<i>Зубок Юлия Альбертовна</i>	141
<i>Кравченко Сергей Александрович</i>	156
<i>Левашов Виктор Константинович</i>	165
<i>Локосов Вячеслав Вениаминович</i>	180
<i>Мартыненко Владимир Владимирович</i>	190
<i>Осадчая Галина Ивановна</i>	201
<i>Черныш Михаил Федорович</i>	212

**Доклады кандидатов в академики РАН
по специальности «психология»**

<i>Петренко Виктор Фёдорович</i>	223
<i>Ушаков Дмитрий Викторович</i>	236

**Доклады кандидатов
по специальности «право»**

**Доклады кандидатов
в академики РАН**

<i>Клеандров Михаил Иванович</i>	257
<i>Руденко Виктор Николаевич</i>	270
<i>Тосунян Гарегин Ашотович</i>	290

**Доклады кандидатов
в члены-корреспонденты РАН**

<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	308
<i>Гаврилов Борис Яковлевич</i>	320
<i>Керимов Александр Джангирович</i>	334

Содержание

<i>Кропачев Николай Михайлович</i>	344
<i>Курбанов Рашид Афатович</i>	356
<i>Любимов Алексей Павлович</i>	370
<i>Михайлов Николай Иванович</i>	379
<i>Романова Виктория Валерьевна</i>	387
<i>Санникова Лариса Владимировна</i>	397
<i>Старцун Виктор Николаевич</i>	407
<i>Тедеев Астамур Анатольевич</i>	415
<i>Ястребов Олег Александрович</i>	431
Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г.	442

Предисловие

Предлагаемый сборник включает доклады кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права, с которыми они выступили в процессе подготовки к выборам в члены РАН, состоявшимся 13–15 ноября 2019 г.

Выборы — это особый и очень важный этап в деятельности Российской академии наук (РАН). В ходе выборов проверяется дееспособность РАН как социального института, ответственного за состояние и развитие отечественной науки, а именно:

а) проходит испытание демократический характер ее функционирования;

б) выявляется степень ее интегрированности в научное сообщество страны и авторитетности в широких научных кругах;

в) осуществляется фактический смотр состояния различных областей фундаментального знания.

Деятельность РАН определяется ее Уставом, согласно которому ее основной целью является «проведение и развитие фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России» (ст. 12а Устава РАН).

Согласно Уставу, пополнение РАН новыми членами осуществляется через выборы. Ее членами избираются ученые, имеющие выдающиеся научные достижения в своей области знания.

Выборы членов Академии проводятся не реже одного раза в три года; они организуются президиумом РАН, объявляются не позднее чем за четыре месяца до самих выборов.

Наименования специальностей и количество вакансий по каждой специальности, их распределение по отделениям, секциям отделений и региональным отделениям Академии устанавливаются президиумом Академии с учетом предложений отделений Академии, ее региональных отделений и региональных научных центров.

Право выдвижения кандидатов в члены Академии предоставляется научным организациям и образовательным организациям высшего образования, имеющим государственную аккредитацию, научным советам Академии, а также отдельным членам Академии.

Выборы членов Академии — общее дело всей Академии, они проводятся общим собранием членов Академии.

Общее собрание является заключительным, третьим, этапом выборов; ему предшествуют два других этапа на уровне секций и отделений.

Выборы на всех этапах проходят тайно по строго прописанной процедуре.

Первым этапом выборов, осуществляющим решающий отбор среди кандидатов, является секция: она заполняет имеющиеся вакансии, и на следующих этапах (на собрании профильного отделения одобряются и на общем собрании всей Академии избираются) рассматриваются только те из кандидатов, кто прошел фильтр секции.

Именно секция проводит анализ и дает оценку научных открытий и трудов соискателей, выдвигает (в строгом соответствии с имеющимися вакансиями) кандидатов, которые проходят на более высокие ступени академической иерархии для одобрения и избрания.

Обычно число кандидатов многократно превышает число вакансий: во время последних выборов нашей секции в целом было выделено 7 вакансий и на них суммарно претендовало 36 человек.

Однако наша секция в общей структуре Академии является исключением, так как она представляет не одну специальность, а пять.

В частности, на выборах 2019 г. вакансии были выделены на четыре специальности:

- три на философию (1 академик, 2 чл.-корр.);
- две на право (1 акад., 1 чл.-корр.);
- одна (чл.-корр.) на социологию;
- одна (акад.) на психологию; плюс одна вакансия академика по праву для Уральского отделения РАН.

Комплексный характер секции создает свои трудности, не позволяя при обсуждении и оценке кандидатов до конца оставаться в пределах специальности, ибо голосование в секции является общим.

И в этом смысле было бы лучше, если бы на этом первом этапе, когда происходит решающий отбор, кандидатов по философии оценивали философы, по праву — правоведы и т. д.

Однако такое вынужденное (из-за их малочисленности) соединение в одной секции представителей разных научных направлений может стать преимуществом тогда, когда речь идет о междисциплинарных, комплексных исследованиях; и оно может стимулировать их.

Процесс выборов условно разделяется на два этапа:

- на первом этапе очень широкий круг научной общественности (ученые советы исследовательских институтов и вузов, а также каждый член Академии в персональном качестве) называет кандидатов, которые достойны занять имеющиеся вакансии;
- на втором — уже сама Академия как внутренне организованная профессиональная организация изучает этих кандидатов и осуществляет отбор из них.

Основная тяжесть такого изучения кандидатов и сведения в результате отбора их числа к минимуму, соответ-

ствующему выделенным вакансиям, падает на секции Академии, на каждого ее члена и на саму секцию как научное сообщество.

В традиции нашей секции большое значение всегда придавалось публичному обсуждению научных докладов кандидатов на ее открытых заседаниях.

Трудность каждый раз состояла в том, чтобы заслушать всех кандидатов и предоставить им равные возможности предъявить свои достижения.

В ходе выборной кампании РАН в 2019 г. секция разработала такой алгоритм обсуждения:

а) все кандидаты могли представить развернутые письменные доклады, с которыми заблаговременно знакомились члены секции;

б) были организованы специальные профильные сессии по специальностям;

в) каждый доклад обсуждался отдельно.

Вся работа была организована таким образом, чтобы все кандидаты имели равные возможности: одинаковые формальные параметры письменного доклада, времени на устное выступление и обсуждение, осуществлялся нейтральный (алфавитный) порядок выступления.

Секция на заседании по итогам прошедших выборов одобрила такой порядок их организации, который позволяет более системно и глубоко познакомиться с научными идеями и достижениями кандидатов, выразила им всем уважение за участие в выборах и приняла решение опубликовать их доклады¹.

В данном сборнике доклады публикуются в том виде, в каком каждый из кандидатов счел целесообразным представить свои достижения, на основании которых он может пре-

¹ В данном сборнике из 36 докладов, заслушанных и обсужденных на собрании секции, публикуются 34, авторы которых дали согласие на такую публикацию.

тендовать на избрание в РАН, и с сохранением той свободной формы, в которой они были сделаны.

Представленные доклады, разумеется, необходимо рассматривать каждый сам по себе и в пределах соответствующей специальности. Но собранные вместе, под одной книжной обложкой, они дают широкий обзор достижений, состояния и актуальных проблем гуманитарного знания.

Академик А.А. Гусейнов,
руководитель секции философии, политологии,
социологии, психологии и права (ФПСПП)
отделения общественных наук
Российской академии наук (ООН РАН)

Доклады кандидатов
по специальности
«философия»

Долгов Константин Михайлович*

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

В этом году исполнилось 65 лет с того времени, когда я стал профессионально заниматься философией, хотя приобщение к ней началось гораздо раньше, еще в средней школе. Я зачитывался произведениями русских и зарубежных писателей, поэтов, мыслителей, хотя, естественно, не в полной мере понимал тогда всю их глубину и значимость. Прежде всего, это были А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, М. Горький, М.А. Шолохов, Данте, И.В. Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллер, У. Шекспир, Ф. Рабле, М. Сервантес и многие другие.

Я пришел в философию не со школьной скамьи. Мой трудовой стаж начался еще во время войны, я пять лет работал слесарем, а затем электриком на военных заводах, помогая семье. Затем меня призвали на службу в Военно-Морской Флот, на Балтику, где я прослужил более пяти лет на подводных лодках, а затем на торпедных катерах. Это были годы холодной войны, жестокого противостояния, постоянно нарушались наши государственные границы, и мы регулярно

* Долгов Константин Михайлович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН.

участвовали в боевых операциях против шпионов и диверсантов. Работа на заводах, военная служба, сопряженная с реальным риском для жизни, — всё это побуждало меня анализировать, осмысливать происходящие события, обращаться к глубинным вопросам бытия и сознания. Так возникло стремление всерьез заняться философией, получить философское образование. Видимо, не случайно, когда я был направлен после учебы в особом отряде подводного плавания и противолодочной обороны из Ленинграда к месту службы и мне пришлось делать пересадку в Калининграде (Кёнигсберге на другой поезд и, дожидаясь его, провести в городе несколько часов, я первым делом решил увидеть могилу И. Канта, а также дом, где он жил, и гимназию, в которой он преподавал.

Это был 1949 г., город лежал в руинах, но, когда я подошел к собору, около которого, как мне сказали, был похоронен И. Кант, я увидел вместо собора небольшие фрагменты его стен, оставшиеся после обстрелов и бомбежек, и каким-то чудесным образом уцелевшую, совершенно целую, неповрежденную могилу Канта. Любопытно, что Канта, как еретика, похоронили с внешней стороны собора, и могила осталась нетронутой, а захоронения добропорядочных христиан, находившихся внутри собора, были полностью разрушены вместе с самим собором. Это произвело на меня колоссальное впечатление на всю жизнь, я почувствовал, что это еще один знак судьбы, после которого я окончательно решил связать свою жизнь с философией. В связи с этим добавлю, что одна из моих первых курсовых работ, которую я писал под руководством выдающегося философа, профессора философского факультета МГУ В.Ф. Асмуса, была посвящена философии И. Канта.

В 1954 г. я поступил на философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где получил фундаментальное естественно-научное и гуманитарное образование. Мне посчастливилось учиться у таких ученых, профессоров, как В.Ф. Асмус, Т.И. Ойзерман, М.Ф. Овсянников, В.В. Соколов, Ю.К. Мель-

виль, А.Н. Леонтьев, П.С. Попов, которые ориентировали меня на глубокое изучение истории философии, ее современных направлений и связи философии с естественно-научными и общественными дисциплинами. Учеба всегда давалась мне легко, я учился с удовольствием. Школу я окончил с серебряной медалью, а философский факультет — с красным дипломом с отличием и был рекомендован в аспирантуру. Однако с поступлением в аспирантуру МГУ возникли трудности (ряд преподавателей, которых я критиковал за их объективно слабые лекции и профессиональную подготовку, были категорически настроены против меня), и тогда я решил поступить в аспирантуру Института философии АН СССР. Здесь под руководством академика Б.М. Кедрова я написал и защитил кандидатскую диссертацию «Анализ философских основ неотолизма». Через несколько лет я защитил докторскую диссертацию «Критика буржуазного философско-эстетического сознания».

Большая часть моих работ посвящена истории западноевропейской философии, начиная с античности. Результатом этих исследований явились статьи и книги о древнегреческих и римских философах: Сократе, Платоне, Аристотеле, Цицероне, Сенеке, о писателях, поэтах, мыслителях Средневековья и Возрождения: Данте, Фоме Аквинском, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэле, Макиавелли, Спинозе, о французских энциклопедистах: Дидро, Д'Аламбере, Вольтере, о философах Нового времени: Руссо, Канте, Фихте, Шеллинге, Гегеле, Шопенгауэре, Ницше и др.

Особый интерес у меня вызывали различные направления западноевропейской философии XIX и особенно XX вв.: позитивизм (О. Конт, Д.С. Милль, Г. Спенсер), неопозитивизм (М. Шлик, Б. Рассел, Г. Фреге), экзистенциализм (С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр, Н. Аббаньяно, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет), психоанализ (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм), неокантианство (Г. Коген, П. Натторп, Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт), неогегельян-

ство (Дж. Джентиле, Б. Кроче, Е.Ф. Фукуяма), современный марксизм (Д. Лукач, Р. Гароди, А. Грамши, Т. Адорно, Т. Павлов), феноменология (Э. Гуссерль, Н. Гартман, Р. Ингарден, Г. Морпурго-Тальябуэ, М. Дюфрени, М. Мерло-Понти, Г. делла Вольпе — позже пришел к марксизму), структурализм (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко), неотомизм (Э. Жильсон, Ж. Маритен, М. Грабман, Г. Мансер), интуитивизм (А. Бергсон), модернизм (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Т.С. Элиот, У. Фолкнер, Дж. Джойс, Ф. Кафка, М. Пруст, Р. Рильке, Э.М. Ремарк и др.), постмодернизм (Ж.Ф. Лиотар, А. Тойнби, Ж. Деррида, М. Фуко, У. Эко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр) и другие. В сочинениях представителей этих направлений давался не только серьезный анализ западноевропейской философской мысли XX в., но и выявлялась роль и значение философии для духовного и культурного развития европейских народов. Европейские философы, несмотря на очевидное развитие философии, науки и культуры, отмечали начало серьезного духовного кризиса и предлагали свои методы его преодоления. Это относилось практически ко всем произведениям властителей дум XX в. Мыслители выступали против милитаризма, за сохранение мира во всем мире, за сближение народов и сотрудничество между ними. Со многими из них мне довелось познакомиться лично и не один раз обсуждать вместе с ними сложившуюся духовную ситуацию в мире.

Я много времени уделял изучению произведений Маркса, Энгельса и современных марксистов. После великолепных трудов представителей немецкой классической философии, особенно Канта и Гегеля, раскрывших истоки и причины тотального отчуждения (*Entfremdung*, *Enteuserung*), Маркс выявил своеобразные законы эксплуатации и порабощения человека человеком, изъятие, по существу насильственное, принадлежащего трудящемуся человеку продукта его деятельности, т. е. законы социального неравенства, социальной несправедливости, существующей во всех эксплуататорских

обществах и особенно при капитализме на всех стадиях его развития. Несмотря на некоторые, в настоящее время потерявшие свою злободневность стороны учения Маркса, сущность этого великого учения остается по-прежнему весьма актуальной, даже более актуальной, чем раньше, поскольку в большинстве стран власть и богатство находятся в руках олигархов.

Мои работы, посвященные западноевропейской философии: «Диалектика и схоластика. Критический анализ философии неотомизма», «От Киркегора до Камю. Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века», «Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты», «Федерико Феллини. Ингвар Бергман. Фильмы. Философия творчества», «Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли», «Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре», «В поисках Бога и Человека», «Философские измерения политики, дипломатии и культуры» (в пяти томах) — выявили как сильные стороны современных философских идей, так и некоторые, порой весьма существенные, слабости и недостатки европейской философии в целом. Все направления европейской философии: онтологические, гносеологические, антропологические, психоаналитические, структуралистские и другие — на мой взгляд, больше подходили и подходят для укрепления и развития государственных образований, чем для развития и обогащения индивидуальной духовной структуры человека.

Не случайно, когда меня пригласили на встречу с папой Римским Иоанном Павлом II, в беседе он подчеркнул, что всем известно его отрицательное отношение к социализму и коммунизму, но, может быть, не все знают, что он такой же противник и капитализма, поскольку капитализм, как социализм и коммунизм, не даёт возможности человеку формировать свою внутреннюю духовную структуру. А папа Римский Франциск не так давно выступил с серьезной критикой отхода современного европейского общества от высших цен-

ностей, составлявших когда-то достижения и гордость европейских народов, от духовных христианских принципов — истока, основы европейского бытия и сознания. Не об этом ли писал известный немецкий философ М. Хайдеггер, один из основоположников экзистенциализма, утверждавший, что деградация европейской философии и культуры началась с того момента, когда произошел переход от древнегреческого языка к языку латинскому, что привело к утрате онтологической основы и смысла фундаментальных категорий и понятий, деградации, продолжающейся по сей день? Можно вспомнить и работу другого основоположника экзистенциализма, выдающегося немецкого религиозного философа К. Ясперса «Духовная ситуация нашего времени», в которой он показал, что выхолащивание духовных начал из языка, философии, религии, культуры ведет к современному варварству, в частности к возникновению фашизма. В то же время папа Римский Франциск обращает внимание на заслуги Восточной Церкви, которая сохранила христианское учение в его подлинном виде, что позволило избежать губительной идеологии потребительства, укоренившейся в европейском обществе: «Они сохранили красоту Бога в центре. Читая Достоевского, а его нужно всем читать и к нему возвращаться, я проникаю в русскую, восточную душу. И это очень нам помогает. Мы нуждаемся в этом обновлении, в свежем ветерке, в свете с Востока». Будущее Европы, подчеркивает папа Римский Франциск, зависит от органического соединения двух начал: духовного, божественного, с земным, практическим, прагматическим. Европа, не открытая трансцендентному началу, рискует потерять все, прежде всего свою душу, свой гуманистический дух. Европа, способная открыться этому началу, снова возродится и восстановит свое былое величие со всеми высшими дарами и ценностями, которыми восхищались другие народы. В центре этого исторического процесса, отмечает папа Римский Франциск, должна стоять человеческая личность, то, что христианство с самого начала предло-

жило миру. Этот вклад христианства в мировую культуру и цивилизацию не только не представляет никакой опасности для светской культуры и цивилизации, и для светских политических и других институтов, но напротив, обогащает их содержание и деятельность.

Все это побудило меня обратиться к изучению истории русской философии и истории философии Востока, в которых гораздо больше внимания уделялось и уделяется именно формированию сознания и духовной структуры человека. Мой анализ раннего этапа формирования и развития русской философии и философии Востока показывает заметное и довольно значимое воздействие философских идей на становление, формирование и развитие таких положительных качеств человека, культивируемых в обществе, как доброта, правдивость, благородство, совесть, сострадание, доброжелательность, честность и других.

В этом отношении русская философия и философия Востока превосходили и превосходят западноевропейскую философию в собственно гуманистических измерениях. Если западная философия начинала вырождаться в опасный для народов национализм с его идеями о превосходстве той или иной нации, идеологии, культуры, вплоть до идеи мирового господства, то русская философия и философия Востока, напротив, развивали идеи тесного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех народов. Это особенно очевидно при анализе философии истории, философии политики, философии права, философии искусства и культуры в целом, анализе основного содержания мировых религий и религиозных учений как таковых.

Данные проблемы рассматриваются в моих книгах: «Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева» (выдержала три издания, 2-е и 3-е издания были существенно дополнены; книга получила Национальную премию России); «Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872» —

книга включает в себя документы, найденные мною в АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи) в течение нескольких лет напряженной работы и впервые опубликованные и введенные в мировую философию и политику (2-е издание: «Константин Николаевич Леонтьев. Записки и донесения»); в предисловиях к изданию сочинений русских писателей и философов: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова; в статьях о М.В. Ломоносове, А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, П.Я. Чаадаеве, Ф.И. Тютчеве, Е.А. Баратынском, А.С. Хомякове, братьях Киреевских, В.Г. Белинском, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевском, А.И. Герцене, Вл.С. Соловьеве, А.А. Блоке, М.М. Пришвине, Б.Л. Пастернаке, И.А. Ильине, П.А. Флоренском, Н.О. Лосском, Н.А. Бердяеве, Г.В. Флоровском, Оптинских старцах Макарии, Амвросии, Варсонофии; статьях об Афоне, Русской православной церкви, проблемах религиозного сознания и др. Наконец, это, как мне кажется, по-своему уникальный фундаментальный труд «Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре», в котором раскрываются самые существенные стороны западноевропейской и русской философии и культуры, истоки понятийной системы, преимущества и недостатки, а главное, те духовные и чувственные энергии, которые рождают, развивают и создают внутреннюю духовную и интеллектуальную структуру и характер народа. Раскрывается внутренняя генеалогия духа человека как созерцающего существа и в то же время активно действующего субъекта.

Все эти фундаментальные проблемы активно обсуждались на международных конференциях (например, «Философия и политика», «Философия и дипломатия», «Дипломатия и религия», «Философия и культура» и другие), проводившихся в разные годы в Институте философии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Академии общественных наук, Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО, Объединенном институте ядерных исследований (Дубна), Московской консерватории, ГИТИСе,

Московском художественном институте им. В. Сурикова, ВГИКе, а также в Московской духовной академии Троице-Сергиевой Лавры. В конференциях участвовали выдающиеся ученые, деятели литературы и искусства, представители духовенства, среди них патриарх Алексей Второй, будущий патриарх Кирилл (в то время митрополит Смоленский и Калининградский). Я непосредственно участвовал во всех этих мероприятиях и как докладчик, и как один из основных организаторов. На протяжении более двадцати лет ежегодно проводит свои встречи и конференции Оптинский форум (в Москве, Калуге, Оптиной Пустыни), где я также являюсь одним из организаторов и участников.

В книге «Духовная культура Китая» (два издания), посвященной анализу содержания шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая», которая была рекомендована мной как бывшим членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям на получение Государственной премии России и которая была присуждена, дается всесторонняя оценка исключительно богатой, многообразной китайской философии и китайской духовной культуры.

Мой двухтомный труд «Сила слова, мысли, образа» продолжает исследование основополагающих философских, исторических, политических, дипломатических, правовых, духовных, религиозных проблем прошлого и современности с точки зрения соотношения ретроспективы и перспективы, логического и исторического, абстрактного и конкретного, поскольку философия в ее тесной взаимосвязи с другими сферами, являющая собой своеобразное единство многообразия, способна представить наиболее оптимальные пути всестороннего развития современного общества и государства.

В настоящее время мною завершено и сдано в издательство исследование «Философия, политика, культура: проблемы современного человека и человечества» — всесторонний анализ наиболее актуальных вопросов развития России и Запада, а также подготовлена для публикации рукопись

о моих встречах и беседах с выдающимися отечественными и зарубежными учеными и деятелями культуры, политиками и общественными деятелями XX века: А.А. Громыко, Е.М. Примаковым, П.М. Машеровым, В. Ярузельским, Д.А. Кунаевым, Г.А. Алиевым, Л.М. Леоновым, С.Т. Коненковым, Г.С. Улановой, М.А. Шолоховым, Т.Н. Хренниковым, Д.Д. Шостаковичем, Н.И. Сац, К.М. Симоновым, И.С. Козловским, С.Я. Лемешевым, Н.В. Томским, Д.С. Лихачевым, А.Ф. Лосевым, А.И. Солженицыным, А.В. Баталовым, Е.В. Образцовой и другими, которые внесли неоценимый вклад в развитие отечественной и мировой истории, политики, общественной мысли, литературы, искусства и представляют поистине золотой фонд нашей многонациональной и мировой культуры. Также готовится второе издание моего труда «В поисках Бога и Человека», посвященного анализу мировых религий и религиозно-философских концепций.

Глубокое и всестороннее изучение истории отечественной и мировой философии помогало мне решать многие практические и теоретические вопросы, связанные с моей непосредственной служебной и общественной деятельностью. Мне трудно переоценить значение философии для моей многолетней педагогической деятельности в различных учебных заведениях нашей страны и за рубежом, равно как и для моей работы как журналиста, издателя, заведующего сектором художественной литературы отдела культуры ЦК КПСС, председателя Всесоюзного агентства по авторским правам. Работая консультантом журнала «Коммунист», я заказывал статьи не только выдающимся политикам, но и известным ученым и деятелям отечественной и мировой науки и культуры. Работая в издательстве «Искусство», мне удалось создать новые серии и издать соответствующие книги по древнерусским городам, древним городам мира, древнерусской иконописи, древнерусскому и мировому искусству, архитектуре. С моим участием была основана серия «Эстетика в памятниках и документах» (вышло около 100 томов)

и т. д. Сложнейшие вопросы руководства нашей многонациональной литературой не могли бы успешно решаться без глубокого знания философии. То же самое можно сказать и о продвижении произведений нашей науки и культуры в зарубежные страны. Именно благодаря глубокому изучению отечественной и мировой философии мне и моим коллегам удалось вывести нашу эстетику на передовые позиции, которые она занимала в течение нескольких десятилетий. Также благодаря философии мне удавалось на протяжении всей жизни занимать принципиальные и правильные позиции по самым сложным вопросам, например, когда возник вопрос о введении наших войск в Афганистан, затем в Польшу; это касалось и моего отношения к перестройке М. Горбачева, реформ Б. Ельцина, к последующим реформам, не говоря уже о вопросах современной мировой политики.

Философия как любовь к мудрости является той высшей ступенью развития человеческого разума, которая помогает людям искать истину, утверждать добро и красоту, постоянно поддерживать, укреплять и развивать любовь человека к человеку и ко всему существующему миру — живому и неживому. Она помогает человечеству избегать злословия, зломыслия, злодеяния и вообще исключить всё, что составляет мировое зло, то есть помогает найти праведный путь, подлинный смысл жизни и творчества, обрести подлинное благородство. В этом смысле значение философии для человека и человечества трудно переоценить: всё, к чему прикасается сова Минервы, не только обретает новую, более совершенную и осмысленную жизнь и деятельность, но такую жизнь и деятельность, которая устремлена в вечность. Вот почему в любом обществе и государстве философия всегда занимала и должна занимать особое место, и, хотя философов не всегда жаловали, поскольку они искали истину и говорили правду, отстаивали и защищали их, тем не менее, служение философии, занятие философией является самым достойным, благородным и совершенно необходимым делом.

Работа на заводах во время войны и после войны научила меня ценить честный, добросовестный труд каждого человека и коллектива, труд не только ради собственного благополучия, но прежде всего и главным образом ради благополучия общества и государства. Служба в Военно-Морском Флоте показала мне, в чем я убеждался много раз, что боеспособность и жизнь корабля и его экипажа зависят в равной мере от каждого человека — от матроса до командира, только слаженная работа всех как единого механизма может обеспечить осуществление поставленных задач и целей. Здесь от жизни каждого зависит жизнь всех, и от жизни всех зависит жизнь каждого. И наконец, моя собственная жизнь, преимущественно посвященная философии, убедила меня в том, что философия как любовь к мудрости органически, естественным образом включает в себя любовь к истине и правде, любовь к добру, красоте, свободе, справедливости, милосердию и гуманности, нетерпимому отношению к лжи и приспособленчеству, раболепию и холуйству. Только те произведения научного, художественного, любого творчества вообще являются важными и ценными и пробуждают к себе неослабевающий интерес, которые содержат в себе философские идеи и размышления. Только те произведения, которых коснулась сова Минервы, хочу отметить еще раз, и остаются вечными и актуальными для всех поколений.

Сова Минервы, как известно, вылетает в сумерки, то есть как бы с некоторым опозданием, ибо человек начинает заниматься философией, как правило, позже, чем следовало бы. И тем не менее мне думается, высшая правда жизни заключена именно в этих строках одного из современных поэтов:

Мы оба на свиданье опоздали,
Но я тебя, как позднюю зарю,
За радость счастья в облаке печали
И за любовь тебя благодарю.

P.S.

Мне уже задавали вопрос, почему я решил участвовать в выборах в действительные члены Академии наук, минуя ступень члена-корреспондента. Дело в том, что перед прошлыми выборами в Академию академик-секретарь Отделения общественных наук В.С. Степин пригласил меня к себе в кабинет на беседу, в которой он настойчиво просил меня не участвовать в выборах в члены-корреспонденты, поскольку, как он неоднократно подчеркивал, по количеству серьезных фундаментальных философских работ, да и по возрасту и статусу мне уже неприлично участвовать в выборах в члены-корреспонденты, а на следующих выборах, как он обещал, меня сразу изберут в действительные члены РАН. Я вынужден был согласиться с его просьбой (кстати, в тот раз в члены-корреспонденты избрали А.С. Запесоцкого). Подавая документы на избрание действительным членом Академии наук, на этот раз я надеялся, что выборы будут объективными, в соответствии с количеством и качеством трудов кандидатов, как и должно быть. К сожалению, результаты выборов показали обратное, преобладали совсем другие интересы и, соответственно, критерии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Долгов К.М. Диалектика и схоластика. Критический анализ философии неотомизма. М. : Изд-во полит. лит., 1983. 158 с. = Dołgow K. Dialektyka i scholastyka. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. 228 с.
2. Долгов К.М. Esej o filozofii moci. Tatran, Bratislava, 1986. 184 с. На словацком языке. Книга представляет собой издание рукописи К.М. Долгова, посвященной политической философии Н. Макиавелли, вначале опубликованной в двух номерах журнала «Новый мир».
3. Долгов К.М. Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты М. : Худож. лит., 1987. 487 с.

4. Долгов К.М. От Киркегора до Камю : очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М. : Искусство, 1990. 399 с. Второе, дополненное издание: Долгов К.М. От Киркегора до Камю. Философия, эстетика, культура. 2-е изд., доп. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 472 с.
5. Долгов К.М. Федерико Феллини. Ингвар Бергман. Фильмы. Философия творчества. М. : Искусство, 1995. 236 с.
6. Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М. : Луч, 1995. 272 с. Второе издание: Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М. : Раритет, 1997. 400 с. Третье издание: Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд. М. : Отчий дом, 2008. 720 с.
7. Долгов К.М. Духовная культура Китая. М. : Научная книга, 2010. 118 с. Второе издание: Долгов К.М. Духовная культура Китая. 2-е изд. М. : Научная книга, 2011. 122 с.
8. Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872. М., 2003. 526 с. Данные документы были найдены К.М. Долговым в результате работы в архиве внешней политики Российской империи и изданы в этой книге. К.М. Долгов также автор вступительной статьи. Второе издание: Константин Николаевич Леонтьев. Записки и донесения. М. : МГИМО-Университет, 2013. 560 с.
9. Долгов К.М. Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 1040 с.
10. Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры : в 5 т. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006.
Т. 1. Философия: самосознание человека и общества. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006. 240 с.
Т. 2. Политика и историософия. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006. 240 с.
Т. 3. Политика и дипломатия. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006. 384 с.
Т. 4. Культура и современность. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006. 408 с.

- Т. 5. Западноевропейская философия, политика и культура: проблемы и перспективы. М. : Научная книга, ДА МИД РФ, 2006. 446 с. (одна статья на русском, остальные 33 статьи на иностранных языках).
11. Долгов К.М. Сила слова, мысли, образа : в 2 т. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. Т. 1; 589 с. Т. 2. 631с.
 12. Долгов К.М. В поисках Бога и Человека : курс лекций. М. : МГИМО-Университет, 2014. 360 с. (Сер. «Культура и религии народов мира»).
 13. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 272 с. В 90-е годы автор, который специально изучал труды Н. Макиавелли в архивах Флоренции, Венеции и Рима, намеревался их издать с собственным комментарием, но, к сожалению, не успел этого сделать для данного издания.

© Долгов Константин Михайлович

Касавин Илья Теодорович*

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

1. О кандидате в действительные члены РАН

Касавин Илья Теодорович, р. 07.11.1954, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, г. Москва, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Президент Русского общества истории и философии науки. Премия имени Г.В. Плеханова РАН, медаль АН СССР с премией для молодых ученых.

Специалист в области теории познания, истории и философии науки, истории философии. Автор 475 научных работ, из них 12 индивидуальных монографий, соавтор 30 коллективных монографий, в т. ч. после избрания членом-корреспондентом РАН в 2003 г. 300 научных работ, из них 4 индивидуальные монографии, соавтор 10 коллективных монографий.

* Касавин Илья Теодорович — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

¹ При подготовке доклада были использованы фрагменты статей автора в журнале «Эпистемология и философия науки», а также материалы его индивидуальных и коллективных монографий.

Основные научные результаты И.Т. Касавина

Создано новое направление в исследовании познавательной деятельности и коммуникации — социальная эпистемология. Выделены особенности социального производства и использования знания. Разработан междисциплинарный метод анализа познавательных процессов, основанный на понимании знания как формы культуры и социальности. Сформулирована социотехническая стратегия социально-гуманитарного знания для решения социальных задач, заложены основы теории социальных технологий.

Реконструированы методологические проекты в области гуманитарных наук, базирующиеся на категориях «повседневность», «пространство», «миграция», «контекст», «дискурс»; раскрыты их междисциплинарные перспективы на стыке философии, истории, психологии, лингвистики, социологии и социальной антропологии.

Разработана научно-исследовательская программа «Социальная философия науки» как российский вариант направления “Science & technology studies” (STS). Сформулированы новые методы исследования научных коммуникаций в рамках лабораторий и университетов как особой формы социальности, производящей локусы распределенного сетевого знания («зоны обмена») во взаимодействии науки, техники и общества.

Преподавательская деятельность

И.Т. Касавин — профессор, заведующий кафедрой философии ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Автор и руководитель магистерской программы «Наука, техника и общество». Руководитель ведущей научной школы (четыре гранта Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ (2010–2017)).

Среди учеников И.Т. Касавина — 3 доктора и более 10 кандидатов наук; в настоящее время он руководит работой одного докторанта и трёх аспирантов.

Экспертная деятельность

И.Т. Касавин — главный редактор научных журналов «Эпистемология и философия науки», Web of Science CC и SCOPUS Q2 (Институт философии РАН) и «Цифровой ученый: лаборатория философа» (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);

Член ученых советов Института философии РАН и физического факультета ННГУ; член диссоветов Института философии РАН (09.00.01) и ННГУ (09.00.01); член редколлегии и редсоветов журналов “Social Epistemology. A Journal of Knowledge”, “Culture and Policy” (UK); “Knowledge Futures: Interdisciplinary Journal of Futures Studies” (Pakistan); «Методология и история психологии» (Москва); «Философский журнал» (Москва); «Философия науки и техники» (Москва); «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия»; «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» (Томск).

Международное сотрудничество

И.Т. Касавин избирался senior research fellow, Linacre College, Oxford University (1991), был приглашенным профессором университетов Эдинбурга, Киля, Айхштета и Технического университета Берлина. Руководитель индивидуальных и коллективных исследовательских проектов фондов Дж. Сороса, А. Гумбольдта, Фольксвагена, А. Круппа, Дж. Темплтона, председатель оргкомитетов и пленарный докладчик ряда международных мероприятий в России, Германии, Ю. Корея, Франции, Греции, Финляндии, Чехии.

Выведен кандидатом в академики РАН по Отделению общественных наук РАН по специальности «философия» академиком РАН В.А. Лекторским, Ученым советом Института философии РАН и Ученым советом ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

2. Что такое социальная эпистемология и социальная философия науки?

Социальная эпистемология — международное направление исследований. Оно начало разрабатываться в Великобритании и США в 70–80-е гг. XX в. (David Bloor, University of Edinburgh, “Knowledge and Social Imagery” (1976); Steve Fuller, University of Warwick, “Social Epistemology” (1988); Alvin Goldman, Rutgers University, “Knowledge in a social world” (1999).

В это же время российский вариант социальной эпистемологии предложил И.Т. Касавин со своими коллегами (И.Т. Касавин. Знание и его социальное содержание // Вопросы философии. 1988. № 3). Развиваемый И.Т. Касавиным подход обладает своими существенными особенностями, опирается на собственный концептуальный и методологический аппарат, свой круг проблем и источников. Этот подход стремится синтезировать наиболее ценные идеи Д. Блурра, С. Фуллера и Э. Голдмана с российской философско-научной традицией (Г.Г. Шпет, Б.М. Гессен, Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, М.К. Петров, В.А. Лекторский, В.С. Степин, Т.И. Ойзерман).

Теоретическое значение социальной эпистемологии определяется центральной ролью общества в процессе формирования знания, а также тем, что главная движущая сила современного общества — это информация, или знание. Отсюда вытекает и практическая важность социальной эпистемологии: она способна выполнять экспертную и медиативную функцию в перестройке социальных институтов, ориентированных на хранение, переработку и производство информации.

Наиболее значимые результаты исследований И.Т. Касавина за последние 20 лет обобщены в его индивидуальных монографиях. Предлагаемый обзор ограничивается теми, которые опубликованы автором после избрания его членом-корреспондентом РАН в 2003 г.

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.

Проект междисциплинарного исследования повседневности как когнитивно-культурного феномена обязан расширению предмета и методологического инструментария анализа знания, который проводит социальная эпистемология. Она настаивает на том, что не только научное знание, но и все виды человеческого опыта, деятельности и общения, а также артефакты культуры имеют познавательное содержание. Эмпирическую базу такого анализа составляют результаты социологических, психологических, лингвистических, исторических и культурно-антропологических исследований повседневной жизни в разных культурах. Методологический ракурс анализа повседневности формируется путем переосмысления таких понятий, как обыденное сознание, естественный язык, здравый смысл, традиция, культурная оседлость, миграция, пограничный опыт. Все эти феномены попали в фокус философского интереса задолго до того, как предметом исследования стало научное знание. Однако особенность предлагаемого подхода состоит в том, чтобы провести различие и найти связь между повседневностью как философским понятием и ее эмпирическими конкретными образами; между повседневной реальностью и отображающим ее обыденным сознанием; между повседневным опытом и философией здравого смысла, которая претендует на его обобщение. Лейтмотив исследования состоит в том, что преодолеть пренебрежительное отношение к повседневности как нерелевантной рутине, которое обязано поверхностному прочтению немецкой классической философии. Напротив, обосновывается необходимость учета уроков феноменологии Э. Гуссерля, показавшего важность и универсальность жизненного мира. Все выдающиеся достижения человека — моральные поступки, научные открытия, художественные шедевры — возможны лишь благодаря повседневности и на ее фоне. Это не отменяет задачи философской критики повседневности и выхода за ее пределы с точки зрения

высоких эпистемических стандартов. Повседневность — это черта старта и финиша, рождения и смерти, непереносимое условие трансцендирования, фундамент всякого абсолюта. Философия рождается в лоне повседневности как своего иного и периодически обновляет связи с ней. Дэвид Юм говорил в связи с этим о жизни как о необходимом условии и границе всякого рационального философствования.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон +, 2008. 544 с.

В книге показываются следствия «лингвистического поворота» для эпистемологии, философии языка и ряда гуманитарных наук. Приводятся новые аргументы для доказательства тезиса Сепира — Уорфа и содержательной взаимообусловленности языка и социокультурной реальности вообще. Автор реконструирует междисциплинарные методологические программы, общие для лингвистики, литературоведения, социологии, психологии и социальной антропологии и связанные с такими специально-научными понятиями, как «текст», «дискурс» и «контекст»; осуществляет критическую проблематизацию этих понятий в перспективе их обобщения до философско-эпистемологического статуса. Для философии языка взаимосвязь этих понятий, по мысли автора, приходит на смену известному «треугольнику» Г. Фреге: знак, значение и смысл. Текст, понимаемый как всякий культурный артефакт, аналогичен знаку. Контекст как набор универсальных условий деятельности придает тексту предметное содержание. Дискурс, живая человеческая деятельность обеспечивают контекстуализацию, деконтекстуализацию и реконтекстуализацию текста, т. е. производят культурные смыслы, наполняющие текст. В исследовании показывается, что подлинная жизнь языка происходит в постоянном и напряженном выходе за собственные пределы — в иные виды человеческой деятельности, в многообразные культурные и предметные миры. Преимущества социально-эпистемологического под-

хода к языку демонстрируется автором в ряде ситуационных исследований научных и художественных текстов (Р. Бойль, У. Шекспир, Ф. Достоевский, И. Бродский).

Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа М, 2013. 560 с.

В книге обобщаются результаты разработки исследовательской программы социальной эпистемологии в России и мире, дается ответ на вопрос о специфике социальной эпистемологии по сравнению с классической теорией познания. Во-первых, ее отличает онтологический вопрос о специфике социокультурной ситуации производства, функционирования и применения знания, для ответа на который строится социальная онтология науки. Во-вторых, это эпистемологический вопрос о таких способах исследования познавательных процессов и категориальном аппарате, которые приоритетным образом учитывают реалии культуры и социума. Для этого дается новая интерпретация классических философских категорий (знания, сознания, языка, творчества, опыта, веры, пространства и времени, конструктивности, историчности). В-третьих, это прикладная задача использования социально-гуманитарного знания для разработки способов решения социальных задач, чему служит методология проектирования и конструирования социальных технологий. Здесь предметом исследования становятся понятия и проблемы междисциплинарности, рациональной коммуникации, социального института, общества знания, артефакта, инновации, риска, конфликта, социального запрета. Лейтмотив книги состоит в демонстрации фундаментальных и прикладных возможностей социальной эпистемологии по созданию универсальной философско-междисциплинарной системы.

Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М. : Весь мир, 2016. 264 с.

Социальная философия науки — новая программа исследования научного знания и коммуникации, предлагаемая и раз-

рабатываемая И.Т. Касавиным и его сотрудниками. Она представляет собой российскую альтернативу программе “Science & Technology Studies” (STS). Теоретическое значение социальной философии науки определяется центральной ролью философии в системе науковедения и ведущей ролью коммуникации в генерации и дистрибуции научного знания. Она имеет практическую значимость для социотехнической перестройки институтов, ориентированных на хранение, переработку, производство и распространение информации. Первое направление развития программы социальной философии — разработка новых понятий коллективного субъекта познания и научной коммуникации, Второе — это применение для исследования науки понятий и подходов коллективной эпистемологии, а также идей М.М. Бахтина, Л.С. Выготского и М.К. Петрова (построение социальной картины мира науки). И в-третьих, разрабатывается новый тренд — «политический поворот в философии науки», в наши дни ставший особенно актуальным для России.

* * *

Исследования по теме «Социальная философия науки» продолжают и в настоящее время, а потому требуют более подробной экспликации.

Социальная природа современной науки является наблюдаемым, измеримым феноменом и выражается в способности науки оказывать мощное влияние на общество. Этот феномен несводим к тесной связи науки и техники, но его сущность обнаруживается в изменении социальных и культурных функций научной лаборатории. Она стала социальной машиной пространства-времени, в которой анализируются и моделируются переходы между естественным и искусственным, живым и неживым, внешним и внутренним, теорией и фактом, открытием и обоснованием, доказательством и убеждением, фундаментальным исследованием и его практическим применением. Современная наука и тех-

ника выступает как целостный естественный процесс. Его элементы (исследователь с его языком, понятиями, теориями и способом видения; приборы, инструменты, материалы; пространственно-временные параметры исследования; изучаемые объекты; коммуникативные партнеры; стимулы и ограничения, налагаемые социальными условиями; общекультурные ресурсы) не могут быть произвольно изолированы друг от друга. Возникает необходимость новой «социальной философии науки», которая бы ответила на три вызова времени. Первый из них состоит в обосновании стратегии развития науки и техники в рамках нового экономико-технологического уклада. Этот уклад предполагает такую наукоемкую перестройку процесса производства и управления им, при которой в производительных силах на первый план выходят интеллектуальные способности, навыки и знания, горизонтальное саморегулирование творческой деятельности, «мягкие» диалогические формы организации и общения. Второй вызов — это требование синтезирования социально-инженерных технологий и глобального философского видения в целях долгосрочного проектирования и прогнозирования с учетом социокультурных гуманистических ориентиров. Третий — интеграция отечественной гуманитарной мысли XX в. (идей Г.Г. Шпета, Б.М. Гессена, В.И. Вернадского, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, М.К. Петрова) с достижениями западной философии науки.

Социальная философия науки неустанно подвергает критике абстрактные представления о науке. Одновременно она удерживает и обосновывает идею культурной ценности науки. Науке предстоит еще долгое время колебаться между высокой практической эффективностью и высоким риском применения новых научных достижений. Использование науки как средства достижения некоторых общественно значимых целей (экономического благоденствия, военной безопасности, создания новых средств коммуникации) будет и далее

находиться в противоречии с достижением других столь же значимых целей (экологической безопасности, разоружения, защиты прав человека).

Инструментальное использование науки чревато вытеснением на периферию ее мировоззренческой функции — способности *быть источником рациональности для общества и личности*. Социальная философия науки противодействует этому, будучи школой философского и теоретического мышления. Задача, которую она решает, — это *обоснование единства рациональности и гуманитарных ценностей*. Данное единство пережило серьезные испытания и уже серьезно поколеблено предшествующим историческим развитием и мировоззренческими спорами, в том числе и в рамках философии науки. Однако в наши дни вновь идет поиск утраченной гармонии разума и человечности, знания и морали, которая задает высокую планку общественных отношений, политики и культуры.

Сегодня складывается более богатый и адекватный образ науки, чем в эпоху промышленной революции и торжества сциентизма, и это относится как к представлению о внутреннем развитии научной теории, так и к ее взаимодействию с культурой и социумом посредством философских оснований. Благодаря регулярному концептуально-образному взаимодействию наука не только не изолирована от культуры (философии, религии, искусства, морали), но обязана ей богатством личностного развития, при этом субъективные смыслы и аналогии вовлекаются в теоретические построения. Процесс теоретического исследования, таким образом, обусловлен широким идейным и образным пространством культуры, а не только экспериментальным трудом ученых. Благодаря этому возникает возможность понять теоретическую науку не просто как не локальную область мышления и деятельности, но как универсальный культурный синтез и этический проект. Это обстоятельство особенно важно именно сегодня, когда наука порой обвиняется во всех социаль-

ных и природных катаклизмах, ей отказывают в культурной ценности и адекватности и рассматривают ее как локальную агрессивную идеологию, как современный миф, как воплощение воли к власти. На деле же именно наука учит *толерантности, креативности и критичности*, не забывая о том, что эти уроки обращаются против нее самой.

Благодаря современной науке формируется не только единая общенаучная картина мира, но и новое целостное мировоззрение, истоки которого обнаруживаются в греческой античности, западноевропейском романтизме, русской философско-научной традиции. Это взгляд на мир как многообразное, исторически изменяющееся целое; это видение человека как не только активного, но и созерцательного, переживающего и понимающего существа; это образ науки как единства естественно-научного, технического и гуманитарного знания, единства знания, деятельности и общения. Естественным следствием из этого становится синтез эпистемологии, социологии, языкознания, психологии и культурологии, создающий основу для рационального понимания целостного субъекта познания и одновременно — для интегральной социокультурной характеристики человеческого разума.

Современная философия науки перестает быть узкоспециализированным анализом естествознания. Процессы интеграции и гуманитаризации в самой науке оказывают существенное влияние на философскую рефлексию о ней. Философия науки превращается в междисциплинарный гуманитарный проект, концептуальное основание которого образует понимание науки как исторически развивающегося социокультурного явления. Тем самым исследование научного знания обретает и новый философский вектор; оно становится формой и способом познания человека, типом дискурса, в котором развитие науки связано с перспективами цивилизации, культуры и человечества как форма общественного блага.

3. Публикации И.Т. Касавина за 2019 г.

1. Великий второй. Роль Уильяма Хьюэлла в формировании зоны обмена «философия — физика» // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия, социология и политология». № 1. 2019.
2. Рождение философии науки из духа викторианской эпохи // Эпистемология и философия науки. Т. 56. № 1. 2019.
3. Вспоминая Вячеслава Семеновича Степина // Человек. 2019. Т. 30. № 2. 2019.
4. Кризис европейских наук завершается // Человек в мире науки и наука в мире человека : коллективная монография. СПб. 2019.
5. Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. № 7. 2019.
6. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. Т. 56. № 3. 2019.
7. Gift versus Trade: On the Culture of Science Communication [https://doi.org/ 10.1177/ 004839311986469](https://doi.org/10.1177/004839311986469). Philosophy of the Social Sciences, Online first, published August 1. 2019.
8. Наука как этический проект // Вопросы философии. № 10 (в печати). 2019.
9. Иллюзия дарения: как сети превращают бескорыстный обмен знанием в навязчивый краудсорсинг // Эпистемология и философия науки. № 4 (в печати). 2019.

© Касавин Илья Теодорович

Мионов Владимир Васильевич*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

Данный материал представляет собой краткое изложение спектра проблем, которыми занимался автор в последние годы, но которые так или иначе связаны с процессами трансформации современной культуры. По сути, это не единый текст, а несколько основных смысловых блоков, которые предлагаются к рассмотрению.

1. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации.....
2. Философия и власть.....
3. Специфика философского знания и метафизика.....

1. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации

Начиная с последней трети XX в. взрывной характер технологических открытий в области коммуникации, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, которые требуют серьезного анализа. Мы рас-

* Мионов Владимир Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

смотрим культуру, вслед за академиком РАН В.С. Стёпиным, как особый тип деятельности, реализующейся в виде системы **«исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях»**¹.

Культура рассматривается нами как особое смысловое пространство, имеющее многоуровневый организмический характер, или семиосфера. В семиосфере как объективированной знаковой системе фиксируются системы человеческих ценностей — моральные, правовые, эстетические, религиозные, философские и т. д., обеспечивающие функционирование общества. Именно разнообразие языков во многом определяет сложность культуры как целостной системы, но основанной не на тотальной целостности, а на целостности разнообразия. Память культуры закодирована живым языком. «Язык — это код плюс его история»². Тексты обеспечивают коллективную память каждой из культур и память культуры в целом.

До последней трети XX в. коммуникация между культурами осуществлялась как диалог локальных образований. Их динамика была малозаметной для индивида, который рождался, жил и умирал в данной культуре, выступающей своеобразным жизненным фоном его существования. Культуры общались как относительно замкнутые языковые множества. Область пересечения этих множеств лишь в редких случаях была большой, но в основном незначительной. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями»³.

¹ *Стёпин В.С.* Человеческое познание и культура. СПб., 2013. С. 73. (Серия «Избранные лекции Университета». Вып. 147).

² *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

³ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 15.

В настоящее время на всех уровнях культуры мы наблюдаем глубинные процессы изменений, которые позволяют говорить о её трансформации. **Трансформации культуры — это направленный внутренний процесс изменения системы, который реализуется за счёт встраивания в неё чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих её работать иным образом.** Результатом этого становится разрушение культуры как системы разнородных локальных культур и становление глобальной культуры с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур. Это напоминает процесс трансфекции клетки, когда в неё встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Условием такой модификации выступает глобальное коммуникационное пространство. Именно через него осуществляется инфицирование локальных культур. Культуры буквально атакуются «медиавирусами»⁴. В результате коммуникация из состояния некоего фона, фиксирующего события, превращается в стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования.

Это можно показать на некоторых примерах разрушения базовых культурных дихотомий и особенностей локальной культуры.

Для локальной культуры характерной была **линейность интерпретации мира**. Это вытекает из формы выстраивания письменной речи, что приводит к закреплению линейного мировоззрения. Это, в свою очередь, порождает одну из особенностей классической локальной культуры, а именно принцип завершенности. Культурное творчество направлено на создание завершенных объектов, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. В настоящее время

⁴ См.: *Рашкофф Д.* Медиавирус / пер. с англ. М., 2003.

наносится удар по принципу завершенности. Целостность восприятия мира дефрагментируется, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности.

Изменяется сущность **дихотомии «прикровенность — откровенность»**, которая была связана с тем, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то, что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты для человека. Происходит процесс «эротизации культуры», и «обнаженность» рассматривается как проявление выбора индивидуального удовольствия в качестве проявления высшей свободы.

Деформируется дихотомия «свой — чужой». Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, а вместе с ним и определенный «иммунитет» к «чужому». Закрытость культуры для другого выполняла функцию блокирования того, что Н. Луман называет «рискованной информацией», которая по тем или иным причинам нежелательна для данной культуры⁵. В результате вырабатывался своеобразный культурный фильтр, блокирующий прямое проникновение нежелательного в собственную культуру. Благодаря новейшим коммуникационным технологиям и более открытому общению между культурами, такого рода фильтрация значительно ослабевает, что стимулируется и современными процессами массовой миграции.

В результате **искажается понимание принципа толерантности, когда терпимость становится не средством взаимной адаптации культур друг к другу, а лишь регламентирующим политическим и правовым механизмом признания**. Мультикультурализм как своеобразная матрица устройства современного общества предлагает рассматривать мир как глобальную целостность с едиными правовы-

⁵ Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. М., 2005. С. 104.

ми, моральными принципами, независимо от национальных особенностей каждой из отдельных культур.

Нарушается дихотомия между высокой и низкой культурой. Сегодня культура становится массовой не только по количеству вовлеченных в неё субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. В центре такого рода «творчества» лежит деформированная имитация, а творчество подменяется симуляцией по созданию псевдообразов, симулякров. Имитация выступает не просто временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место этой реальности в сознании общества и человека. Современное общество становится своеобразной фабрикой развлечений. Мы оказываемся в «реальности», которая конструируется массмедиа и представляет всеобщее большое поп-шоу. Описанные изменения пронизывают все уровни культуры — от обыденного сознания до политики, права, науки и философии.

В качестве примера можно рассмотреть подобную трансформацию на уровне права. Глобализация приводит к становлению транснационального рынка, в который так или иначе втянуты все страны, что оказывается очень удобным для функционирования экономического механизма. Разделение на национальные регионы представляется нежелательным, и подразумевается, что управление такой системой также должно носить наднациональный характер. Это закрепляет за отдельными странами специализированные производственные сектора, в системе которых каждая страна должна (или обречена) занять «свое» место. Для управления такой структурой необходим доминирующий лидер (страна или группа стран), наделённый особыми

полномочиями и возложивший на себя ответственность за функционирование системы в целом. В этих условиях естественной является трансформация под единую модель господствующего лидера всей правовой системы как базовой структуры любого государства.

В результате **реализуется тенденция на расширение применения норм международного права**. В европейском пространстве возникает своеобразный «конституционный дуализм», когда правовая структура опирается на две системы правопорядка — национального (отличающегося в каждом государстве Европы) и создаваемого европейского, который должен быть общим для всех. Возникает проблема правоприменимости, и примат отдаётся международному праву по отношению к праву конкретного государства, причём в обязательной форме.

Философия — это самосознание культуры, фиксация её образа на конкретно-исторической стадии развития. Самовыражением современной культуры становится постмодернистское сознание, которое базируется на фрагментарности и клиповости сознания современного человека. Постмодерн в культуре породил соответствующие **имитирующие формы философии**, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и вообще к завершённому тексту как выражению классической культуры. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает. Возникают популярные образы философии, адаптированные к восприятию массовым сознанием.

В этих условиях **возрастает значение философского анализа культуры**. Это связано с тем, что философия «воспроизводит доминирующие смыслы культуры. С одной стороны, она задаёт общие культурные традиции, выступая фактором сохранения и стабильности культуры, а с другой — всегда стремится «выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смыслы категорий, которые

адресованы не настоящему, а будущему»⁶. Одной из главных задач философии выступает **выполнение функции предупреждения — предупреждения о тех тенденциях, которые сопровождают развитие научно-технического прогресса** и которые несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом. Это касается и процессов **цифровизации**, которые требуют специальной философской оценки, что мы и пытались осуществлять в наших недавних публикациях.

2. Философия и власть

Анализ проблемы соотношения философии и власти производится нами как на уровне общих концептуальных рассуждений, так и в связи с анализом дискуссий, вызванных выходом в свет «Черных тетрадей» М. Хайдеггера и повлекших за собой обсуждение, вышедшее далеко за пределы философского сообщества. Власть выступает предметом «рискованной» формы философской рефлексии, ведь, осмысляя феномен власти, прежде всего политической, философ нередко впадает в искушение воспользоваться близостью к власти для реализации своих философских идей, что показано на примере недолгого «альянса» между национал-социалистическим правительством Германии и Мартином Хайдеггером в период его пребывания на посту ректора Фрайбургского университета. Предметом анализа стало отношение философа к национал-социализму и связь последнего с некоторыми идейными постулатами Хайдеггера. Показывается, что «хождение во власть», как правило, заканчивается «душераздирающей трагедией» (А.Ф. Лосев) для философа.

«Случай Хайдеггера» интересен в аспекте анализа взаимоотношений философа с властью, когда масштабность мыс-

⁶ Степин В.С., Касавин И.Т. Важно, чтобы работа не прекращалась... // Человек, наука, цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Стёпина. М., 2004. С. 63.

ли не «спасает» от ошибок и заблуждений. Это своеобразное предупреждение от заблуждения, будто глубина философских размышлений оправдывает любые поступки или, что ещё хуже, будто философская рефлексия способна придать ценность идеологическим конструкциям, имеющим чисто политические цели. Став проводником политических и идеологических установок, философ может исчезнуть как свободный мыслитель и быть встроено в процесс реализации идеологических конструкций власти, а значит, неизбежно подчиняется целям и задачам власти. Его самостоятельные изыскания нужны власти, только если они совпадают с её задачами. Это порождает проблему ответственности мыслителя за те идеи, которые он «вбрасывает» в мир, то есть ответственности философа за реализацию на практике возможности воздействия на других, индоктринации властной элиты своими идеями.

В связи с этим подвергается сомнению положение постмодернизма о «смерти автора». Оказывается, что в случае с Хайдеггером роль автора остается важной, а для многих такая «смерть» оказывается предпочтительным вариантом, ибо снимает ответственность за те идеи, которые были высказаны и за которые, собственно говоря, некому предъявлять претензии. Можно даже занять сознательную позицию «интеллектуального сокрытия» собственных мыслей того или иного периода, просто видоизменяя тексты. Текст остается зависимым от автора, несет на себе печать личности философа, которая присутствует не в абстрактном мире идей, а в реальной жизни. Хайдеггер демонстрирует на собственном примере модель **«возвращения автора»**, так как мы не можем читать некоторые его тексты без учёта его личностной позиции.

3. Специфика философского знания и метафизика

В многочисленных дискуссиях по поводу сущности и предмета философии бесконечно муссируется идея, что метафизическое представление о ней — это нечто устаревшее,

ненужное и даже не имеющее отношения к истинной философии. «Чем меньше метафизики в мышлении — тем больше философии». Отсюда один шаг до того, чтобы объявить истинным мышлением его полное отсутствие. А далее следуют выводы, что и изучать философию нужно именно таким, несистемным, бессистемным и даже антисистемным, способом. Позиция весьма удобна для «учителя» и приемлема для «ученика». Первый может говорить что угодно и о чем угодно, выдавая всё это за философию. А второй вправе все, что ему предлагается, отвергать или, напротив, воспринимать в качестве единственной истины. Гегель, предчувствуя такую критику, дал в своё время ёмкую характеристику «опровергателям» метафизического философствования: это не более чем безудержные потоки «здорового смысла», который основан на незнании. Позиция незнающего удобна, ибо она упрощает ситуацию при принятии решений или выборе аргументов, если таковые вообще могут понадобиться. Это истоки любимого ныне «свободного» и «раскрепощённого» философствования, на деле представляющего из себя свободу от глубины мышления и раскрепощение от необходимости связывания своих мыслей хотя бы элементарной аргументацией. Чаще всего этим прикрывают лишь неумение и нежелание **мыслить систематически**. В результате философия часто предстаёт перед нами как продукт поверхностного и произвольного умствования, с суетным порождением «новых» смыслов из самих себя.

Истинное свободное философствование возникает не на пустом месте. Это не результат простого фиксирования потока мыслей, возникших в голове того или иного субъекта. Для действительно свободного мышления необходимо погружение в пространство мировой философии, то есть освоение тех достижений, которые были в ней накоплены. Лишь ориентация в этом пространстве позволяет нам свободно чувствовать себя внутри философской проблематики. Следовательно, обстоятельное изучение философии и обучение

культуре философского мышления (философствованию) — это процесс, включающий в себя, кроме собственно философской подготовки, также освоение различных уровней знания — от его конкретных областей, которыми прежде всего занимаются науки, до особых форм постижения бытия, которые характерны, например, для религии или искусства. Философия, стало быть, открыта для всех, и каждый человек в той или иной мере философствует, однако подлинное овладение ею представляет глубокую и систематическую работу мышления.

Современному сознанию навязывается борьба с метафизикой, а в обществе это реализуется как уход от мысли и размышления, когда приоритет отдаётся действию, которое в этих условиях часто превращается в действие бездумное. В свою очередь, на такой готовности к бездумным действиям выстраивается новая идеология — идеология неприятия иного и другого, которая ничем не лучше ушедшей официальной идеологии. Мы на пороге оформления наиболее примитивного типа идеологии, которая направлена на создание упрощённой системы ценностей, позволяющей эффективно (технологично) манипулировать сознанием человека. Философия, основанная на систематическом представлении о бытии и человеке, в этом плане, безусловно, выступает врагом номер один, так как она учит мыслить и рассуждать.

Метафизика в современном понимании — это особая часть философии, присутствующая в ней в виде некоего ядра (сердцевины). Её обозначают также термином «теоретическая философия», «систематическая философия» или «метафилософия»⁷. В составе метафизики можно выделить три уровня, тесно связанных друг с другом: онтологии (учения о бытии), гносеологии (учения о познании) и аксиологии (всеобщей теории ценностей).

⁷ См., напр.: Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-философского процесса. М., 2010. 440 с.

На **онтологическом** уровне выкристаллизовывается система общебытийных отношений между миром и человеком. Любая онтология — признает ли она исходным материальное, идеальное или какое-то другое бытие — всегда пытается выявить всеобщие структуры и закономерности развития вещей и процессов как таковых.

На **гносеологическом уровне** человек осознает свою противоположность бытию, позволяющую рассматривать стоящее вне его в качестве объекта познания. Здесь философия в предельной форме ставит вопрос о познаваемости мира и обоснованности наших знаний о нем.

Аксиологический уровень освоения бытия связан с тем, что человек, будучи существом одухотворённым, не только познает мир, но и живёт в нем как его часть, эмоционально переживая своё существование. Человеку свойственно в ряде случаев ориентироваться на абсолютные мировоззренческие установки, на веру. Философия, опять же в предельной форме, исследует эти ценности человеческого существования, их обоснованность и необходимость.

Праксеологический уровень метафизики связан с деятельностью сущностью человека. Практика является как бы активным связующим моментом между миром и человеком, между бытием и мышлением. Человек познает закономерности бытия, оценивает их значимость для своего развития и развития человечества в целом. Он способен активно воздействовать на бытие, направив те или иные действия в желаемое русло. Необходимо на предельном уровне, исходя из общих ценностей человека и человечества, выявить предпосылки и ограничения вмешательства человеческого разума в практику его жизнедеятельности, выработать нормы и ценности деятельности человека и человечества, их параметры и ограничения.

Кроме того, отдельной темой изыскания автора является анализ концепции К. Маркса и проблема его восприятия России, так же как и обратная проблема восприятия

идей Маркса в нашей стране, эволюция этих представлений. Также автор детально анализирует **процесс реформы образования и науки в нашей стране**. Всё это отражено в многочисленных публикациях на данные темы.

Избранные публикации автора

Бытие, познание и человек в цифровую эпоху. М.: 2019. 184 с. (в соавт.).

Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. Серия «Избранные лекции Университета», вып. 187. СПбГУП. 2019. 60 с.

Размышления о реформе российского образования. М.: 2011. 64 с.

Философия и метаморфозы культуры М.: Современные тетради, 2005. 424 с.

Университетские лекции по метафизике (в соавт.). М.: Современные тетради, 2004. 647 с.

Il destino del marxismo in Russia: dall idolatria al rifiuto. Italy, Roma: Luiss Edizioni Rubbettino Industrie Graficbe ed Editoriali, 2001. 102 p.

Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997. 254 с.

Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Философия и конфликтология». 2019. С. 4–24.

Философ и общественная позиция. Роберт Шпеман (1927–2018) // Социологическое обозрение. № 1. 2019. С. 282–293 (в соавт.).

Философия как предельная герменевтическая интерпретация и диалог культур // Вопросы философии. № 9. 2019. С. 7–14.

Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. № 3. 2018. С. 149–183.

Власть как предмет социально-философской рефлексии // Вопросы философии. № 12. 2018. С. 69–72.

Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия // Вопросы философии. № 7. 2018. С. 119–130.

О роли философии в обществе: уроки Карла Маркса // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 5. 2018. С. 12–19.

Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2018. С. 3–22.

Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. № 6. 2017. С. 16–28. (в соавт.)

Семиотические выражения культуры: от диалога к монологу? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 5. 2017. С. 3–18.

Наукометрия как разновидность безумия // Сократ. Журнал современной философии. 2016. С. 8–11.

Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). 2016. Т. 86. № 2. С. 99–107.

Философ и власть: случай Хайдеггера? // Вопросы философии. № 7. 2016. С. 21–38. (в соавт.)

Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал. 2015. Т. 1. № 1. С. 28–37.

Marx and Russia // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences // Т. 50. № 2. Р. 82–87.

Metamorphosen oder das globale Theater der modernen Kultur // Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Mimesis und kulturelle Metamorphosen. Walter de Gruyter GmbH. 2014. Т. 23. № 2. Р. 25–39.

On Progress in Philosophy // Metaphilosophy. Т. 44. № 1–2. Р. 10–14.

© Миронов Владимир Васильевич

Шульц Владимир Леопольдович*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Мы живем в эпоху перемен, ускорения изменений, дефицита информации для принятия решений.

Превышение необходимых скоростей принятия жизненно важных решений над предельно возможной для человека/общества скоростью обучения (восприятия информации) может привести к непредсказуемым социальным последствиям.

Современная ситуация сходна с ситуацией в физике более столетия назад. В конце XIX в. классическая физика претендовала на завершенность. Однако оказалось, что она не описывает явления, происходящие при скоростях, близких к скорости света. В ответ на этот вызов возникла теория относительности. Подобно этому, в науках о человеке и обществе на рубеже тысячелетий возник кризис, обусловленный превышением необходимых скоростей принятия решений как над скоростью физических и психических реакций человека, так и парадигмальной реакцией общества. Поэтому важной целью социофилософских исследований является анализ и синтез механизмов функционирования гуманитарных систем в условиях быстрых изменений. Проблема состоит в модификации классических дисциплин общественнознания для условий быстрых перемен, создании его новых отраслей и новых дис-

* Шульц Владимир Леопольдович — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Центра исследования проблем безопасности РАН.

циplin. Представляется, что это возможно только на междисциплинарном уровне.

В условиях становления и развития информационного общества существенно видоизменяются процессы функционирования сложных социально-экономических систем, выступающих объектами управления. Следовательно, требуется совершенствование структур, принципов и методов государственного управления. Это касается всех без исключения сфер общественной жизни. Развитие информационных технологий, а также непрерывный рост вертикальных и горизонтальных (с точки зрения иерархии системы управления) потоков информации существенно повышают эффективность, интенсивность развития бизнес-структур, политических структур, социальных объектов. Игнорирование или запоздалая реакция на эти изменения неизбежно приводят к росту уровня неопределенности в процессе управления сложными социально-экономическими системами. Здесь под неопределенностью понимается ситуация, когда частично или полностью отсутствует информация о структуре, возможных состояниях и альтернативных направлениях развития исследуемой системы и (или) ее внешней среды. Данная неопределенность существенно затрудняет решение задач прогнозирования, планирования и управления государственным развитием.

Все это требует тщательного опережающего анализа возможных последствий уже на этапе подготовки решений. Именно этой цели служит использование разработанных моделей и технологий анализа, основанных на методологии формирования сценариев развития сложных социально-экономических систем, позволяющих проводить исследования их поведения при различных стратегических управленческих воздействиях. Этот подход основан на опережающих сценарном анализе и моделировании процессов развития исследуемых ситуаций в политико-правовой, общественно-политической, социально-экономической информационных сферах, а также во внешней среде. Его основным преимуще-

ством является возможность прогнозирования и анализа альтернативных вариантов развития ситуации на заданном временном интервале, а также оценка эффективности и согласованности множества стратегических и тактических управленческих решений, распределенных во времени и пространстве, по обеспечению безопасности и поддержанию социальной стабильности в обществе [1, 5].

В последние годы возникло принципиально новое явление в межгосударственных отношениях — геополитическое комплексное противоборство. Это совокупность современных методов и средств борьбы противодействующих сторон — субъектов международных отношений, основанных на возможностях современных информационных технологий.

В связи с этим была осуществлена разработка теоретических и методологических основ информационного управления, а также механизмов их использования [1–3].

Информация в настоящее время приобретает характер стратегического ресурса современных развитых обществ. Основанием этого является то, что любой вещественный (материальный) процесс, если он подлежит контролю и управлению, имеет свое изоморфное информационное отображение. Любому действию (даже импульсивному) предшествует информационная модель возникшей ситуации и способа ее изменения. Это необходимо учитывать и использовать при осуществлении управления социально-экономическими системами/процессами [2, 3]. Эффективность (результат) социального действия во многом зависит от управленческого решения, которое, в свою очередь, связано с информационным моделированием и анализом ситуации. В настоящее время информация как невещественный ресурс стала ключевым элементом в политической, социальной и экономической деятельности. Информационный ресурс неразрывно связан с коммуникацией между людьми.

Результат этого анализа изложен в ряде статей и монографий [7–9].

При исследовании механизмов информационно-психологического воздействия на общественное сознание и манипулятивных технологий сделан вывод, что главной целью такого воздействия является попытка нарушения/разрушения информационного суверенитета России, формирование в выгодном свете смыслов и ценностей западного мира.

В XXI в. появился термин «информационный потенциал», включающий накопленный информационный ресурс, а также системы его использования и воспроизводства. При этом важнейшими критериями оценки этого потенциала являются качество управления собственными информационными ресурсами (национальным информационным сегментом), эффективность противостояния деструктивным внешним/внутренним информационным воздействиям, реальные возможности расширения сферы своего влияния в мировом информационном пространстве или ключевых (с точки зрения реализации национальных интересов) его сегментах (информационная экспансия).

При этом следует иметь в виду, что процессы происходят в едином глобальном информационном пространстве. Основным различием в этом единстве является коммуникатор, различные вербальные средства выражения информации.

Одной из характерных особенностей современного этапа развития общества является непрерывный и все более ускоряющийся рост объемов информации, циркулирующей в мировом сообществе.

Существенно меняется и роль информации, которая приобретает преобразующий, определяющий характер и охватывает все стороны жизни общества — от материального производства до социальной сферы.

Создание информационной индустрии и превращение информационного продукта в товар приводит к глубинным изменениям в обществе, которое трансформируется из индустриального в информационное.

Эта информационная среда/пространство является системообразующим фактором всей общественной жизни,

фундаментальным основанием современной политики государства во всех ее областях.

Вопросы обустроенности информационного пространства являются одними из важнейших в современном развитии. Здесь и проблемы единства и различия, в том числе и языковые, правовые проблемы т. н. информационного суверенитета и т. д. — в этом ряду вопросы деструктивного воздействия являются одними из определяющих.

Исследование деструктивных процессов, выявление элементов деструкции важно для сохранения и воспроизводства целостности жизненного мира, его смысловых компонентов, ментальности [1, 5, 7].

Многостороннее информационное взаимодействие обеспечивает движение капитала, технологий и людей — основу современного общественного развития.

Процесс информатизации общества нельзя рассматривать как чисто технологический, по своей сути, это социальный процесс, последствия которого еще только прогнозируются и осознаются.

Возросшая взаимозависимость государств не позволяет гарантированно защитить граждан страны от воздействия потоков самой разнообразной информации. Одновременно возникает вопрос о правомерности, необходимости и достаточности такой защиты.

Информационный суверенитет страны становится фактором сохранения социальной стабильности.

С глобальным информационным пространством связано появление особых социальных структур сетевых или виртуальных сообществ.

Виртуализация общества вызывает к жизни новый тип империализма — виртуальный. Не занимая фиксированного географического пространства, виртуальная империя колонизирует виртуальное пространство. Такая империя — империя образов, смыслов (действительность второго порядка), ценностей. Этот образ более значим для внутренней консо-

лидации, чем жесткий контроль за исполнением законов или распределением ресурсов [6].

Возникает новый тип отчуждения — не от результатов своего труда или политических реалий, а от сущностного, смыслового суверенного мира (ментальности).

На базе проведенных исследований в области разработки теоретических и методологических основ информационного управления, а также механизмов их использования в процессах управления противодействием информационным угрозам предложен ряд практических решений — базовые типы стратегий обеспечения национальной безопасности.

Проведен анализ механизмов информационно-психологического воздействия на массовое общественное сознание и манипулятивных технологий, применяемых в рамках геополитического комплексного информационного противоборства, на основе результатов которого разработана методология информационного управления путем целенаправленного использования глобальной информационной инфраструктуры и технологий, методы и модели планирования активных информационных воздействий.

Лавинообразная модель принятия решения (сверху вниз, а затем снизу вверх) в современных условиях становится анахронизмом.

Высокие темпы изменений приводят к необходимости оперативного принятия решений. Реальный путь снижения риска в этих условиях — использование знаний и опыта высококвалифицированных экспертов-профессионалов. Именно их оценки, а не мнение «человека с улицы» (А. Шютц) должны стать основными. Сегодня эффективность/неэффективность альтернатив определяет узкий круг экспертов-профессионалов. Однако они не несут никакой ответственности перед государством и обществом за принимаемые решения. Безопасность/устойчивое развитие общества все больше становится уделом малоизвестных или совсем неизвестных политтехнологов, все больше переходит в теньвую

сферу. С их точки зрения, важным является адаптация общества к новым условиям, осуществляемая на основе изменения общественного сознания с помощью, например, средств массовой информации.

Таким образом, по объективным и субъективным причинам общество все в большей степени утрачивает способность к самоорганизации/самосинхронизации, а значит, и к адаптации [6].

Более всего близки к самоорганизации правовые системы. Отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания об управлении служит косвенным признаком того, что управление в юриспруденции не существует в том виде, в каком оно представлено в общественных науках. Оно осуществляется своеобразным способом, реализуясь в правовых процессах на децентрализованных принципах, т. е. самими участниками на приоритетных/конвенциональных началах (основаниях) [4].

Всегда считалось, что управленческое решение определяется централизацией и синхронизацией управления. В современных условиях, как уже отмечалось, определяющим является время, быстрота принимаемых решений.

Строго иерархическая централизованная система управления оказывается малоэффективной или совсем неэффективной. В условиях возникновения единого глобального информационного пространства выделяются новые принципы управления:

— самосинхронизация — это способность сил и средств адаптироваться синхронно с изменениями обстановки снизу, без ожидания указаний сверху.

Именно таким образом возможно завоевание информационного превосходства;

— максимизация результата, т. е. получение результата действия за счет точных высокотехнологических возможностей вместо массивного применения сил.

На это в большой мере рассчитана программа цифровой экономики;

- достижение шокового эффекта с целью подчинения объекта воздействия путем одновременного воздействия на экономическую, политическую, социальную сферы.

При решении обозначенных проблем повышается роль методологии сценарного анализа, принципиально позволяющей в условиях неполной информации и неопределенности использовать в качестве исходных данные как качественного, так и количественного типа [10] и обеспечить опережающий анализ возможных последствий уже на этапе подготовки решений.

Накопленный опыт исследований, анализ полученных результатов позволили сформулировать ряд перспективных направлений развития теоретических и прикладных исследований в рамках методологии сценарного анализа по целому ряду базовых (стратегических) направлений. К ним в том числе относятся: исследование природы возникновения, характера развития и путей разрешения конфликтов в политико-правовой и социально-экономических сферах с позиций конфликтности; исследование взаимосвязи и взаимозависимости факторов, формирующих облик системы правовых, политических, социальных и экономических отношений в условиях глобализации и информационного общества, а также характера и закономерностей их влияния на уровень национальной, общественной и социальной безопасности, анализ целей, сущности, содержания и направленности государственной информационной политики, ее роли в организации противодействия внешним и внутренним дестабилизирующим информационным воздействиям.

Дальнейшее развитие исследований должно позволить решить ряд прикладных задач, к которым в том числе относятся: достоверная оценка текущей или складывающейся ситуации путем анализа взаимовлияний действующих факторов, определение возможных механизмов взаимодействия

участников ситуации и реальные намерения их участников; прогноз развития ситуаций во времени и использованных целевых установок в пределах определенных временных интервалов; осуществление на этой основе выбора лучших стратегий, направленных на достижение поставленных целей.

Избранная библиография

1. Шульц В.Л. Сценарный анализ в управлении социальной безопасностью // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 6. С. 2–21.
2. Шульц В.Л. и др. Информационное управление обеспечением социальной стабильности как основы общественного и государственного развития. М. : ИПУ РАН, 2019. 211 с.
3. Шульц В.Л. и др. Информационное управление в условиях глобализации. М. : ИПУ РАН, 2017. 130 с.
4. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Управление правовыми процессами. Постановка вопроса — XXI век // Правовое управление. 2019. Vol. 15. № 2(51).
5. Шульц В.Л. и др. Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. М. : Наука, 2015. 541 с.
6. Шульц В.Л., Цыганов В.В. Социология общественной безопасности. М. : Наука, 2014. 415 с.
7. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Язык как конструкт реальности и сверхреальности. М. : Наука, 2019.
8. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 38–50.
9. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социс. 2018. № 12. С. 84–93.
10. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социс. 2018. № 12. С. 84–93.
11. Модели и методы анализа и синтеза сценариев развития социально-экономических систем : в 2 кн. / под ред. В.Л. Шульца, В.В. Кульбы. М. : Наука, 2012. Кн. 1. 304 с.; кн. 2. 358 с.

Доклады кандидатов
в члены-корреспонденты РАН

Анненкова Ирина Васильевна

**ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ
МЕДИАДИСКУРСА
И НОВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
ИЗУЧЕНИЯ МЕДИА**

От филологии к философии

Основная сфера наших научных интересов — современное медиапространство, формирование медиакартины мира в сознании массового адресата, медиадискурсия. Нами сформулирована концепция новой лингвофилософской дисциплины — медиариторики, а также разрабатывается комплексное научное направление — медиаведение.

Формирование и становление научных интересов проходило в стенах факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, на кафедре стилистики русского языка под руководством профессора В.П. Вомперского. Также на наши научные предпочтения повлияли воззрения профессоров Московского университета И.В. Толстого, Н.Н. Кохтева, Я.Н. Засурского, Л.Г. Кайды, С.В. Аверинцева, Е.А. Мелетинского и др.

В самом начале нашего пути в науке предметом наших научных изысканий стали труды выдающегося русского ученого-эмигранта Петра Михайловича Бицилли, которые в дальнейшем во многом повлияли и на нашу собственную научную концепцию, связанную с изучением медиадискурса. Впервые в нашей стране (еще в СССР) нами была собрана на тот момент наиболее полная библиография его трудов, опубликованы такие его труды, как статья «Нация и Язык» (в «Известиях Российской академии наук. Серии литературы и языка». 1992. Т. 51. № 5. С. 68–84), критические и литературоведческие работы (серия статей в журнале «Русская речь» за 1994 г. и в 2003 г.) В 1996 г. нами в соавторстве с профессором В.П. Вомперским была издана первая в России книга трудов П.М. Бицилли «Избранные труды по филологии» (изд-во «Наследие»), в которую вошли наиболее крупные его работы эмигрантского периода (книга вышла уже после смерти В.П. Вомперского). На сегодняшний день это издание признано одним из самых авторитетных в бициллиеведении. В 2011 г. вышла наша наиболее полная научная монография, посвященная филологическому и культурологическому наследию П.М. Бицилли, «Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли» (Издательство Московского университета), в которой была дана систематизация его взглядов на литературный и национальный язык, на проблему соотношения языка, народа, нации и государства, его концепция нациестроительства, его стилистические, социолингвистические и в целом культурологические воззрения. (До этого, в 2010 г., была выпущена монография «Бицилли как историк и теоретик русского литературного языка». Изд-во факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.)

Как было сказано выше, воззрения П.М. Бицилли оказали влияние на наше понимание таких явлений, как культура и цивилизация, национальный язык, национально-культурная архетипичность, сформировали геолингвистический и лингвофилософский фокус наших штудий при анализе медиадискурса современности.

Основные идеи неориторической концепции медиадискурса. Медиариторика

Современное медиапространство — это практически основное пространство бытия современного человека. В нем сосредоточены все сферы и все результаты его речевой и метаречевой деятельности. Вбирая в себя и воплощая в себе все формы уже наработанных социокультурных прецедентов, медиа творят свою собственную социокультурную формацию: и новую, и старую одновременно. Новейшие информационные технологии, в частности Интернет как «посткнижный ресурс тиражирования дискурсов» (В.И. Тюпа), способны фиксировать тексты любой дискурсной формации. Но при этом они порождают и новый тип текста — текст неклассического образца, или медиатекст: конвергентный, креолизованно-мультимедийный, полисемиотичный, незавершенный конструкт, своеобразная новая форма открытой структуры. Новейшие информационные технологии, медиадискурсия, воплощаясь в медиатексте, отражают и порождают собой новый тип культуры коммуникаций, да и в целом новый тип культуры.

Изучение медиа привело нас к осознанию их как уникального культурно-цивилизационного продукта. Данный феномен предопределен дихотомией двух векторов деятельности человека — созиданием Культуры и созиданием Цивилизации (дифференциация этих понятий была воспринята нами, как говорят в науке, в «снятом» виде из трудов П.М. Бицилли, Г.Д. Гачева и в целом из немецко-русской культурфилософской традиции). На наш взгляд, средства массовой информации (и шире — медиа) — это явление не столько культурного прогресса, сколько прогресса цивилизации, и обслуживают они именно цивилизацию. Но специфика цивилизационного развития медиа, а точнее, прогресса их технического развития заключается как раз в том, что новые средства массовой информации и коммуникации, наследуя многие черты своих

предшественников, не отменяют старых, и последние продолжают сохранять ряд своих преимуществ по сравнению с новыми в повседневном обращении. Однако обслуживание средствами массовой информации и коммуникации прогресса цивилизации производится ими с помощью опыта, накопленного в культуре, и в первую очередь в языке. Таким образом, средства массовой информации и коммуникации синтезируют в себе главные, основополагающие черты Культуры и Цивилизации, точнее — их «прогрессов».

На уровне языка это проявляется особенно явно и ярко. Язык — главный «аппарат» и главный инструмент деятельности современных медиа. Однако рассматривать медиадискурсию в координатах стилистики или чистой лингвистики уже не представляется возможным, так как медиадискурс — одна из наиболее влиятельных в современном обществе «фактур речи» (Ю.В. Рождественский), сконцентрировавшая в себе практически все культууроформирующие функции, некогда присущие литературе. Сегодня же культура из разряда литературоцентричной перешла в разряд медиациентричной.

И поэтому мы предложили рассматривать медиадискурс именно в риторических, а точнее — в нериторических координатах, руководствуясь в этом методологическом подходе тем, что после трудов Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки неориторика вышла за пределы стратегии красноречия и искусства убеждать и окончательно вошла в русло философии словесно-речевой культуры. Специфика философско-неориторической системы заключается в том, что она способна охватить все этапы и все аспекты коммуникативной деятельности человека: от докоммуникативной фазы — через собственно лингвистические, экстра-, пара- и социолингвистические компоненты коммуникации — к фазе посткоммуникативной. Помимо этого, Х. Перельман и Л. Ольбрехт-Тытека актуализировали существенную компоненту еще античной риторики — *аксиологическую*, сфокусировав внимание на том,

что риторика — единственная филологическая дисциплина с ценностно-оценочным аксиологическим модусом, т. е. модусом философским.

Медиадискурс предстает как *двухмерная интерпретация*: с одной стороны, он вписывается в новую концепцию постановки основного вопроса философии, когда в центре внимания оказывается уже не проблема соотношения *бытия и сознания*, а проблема *реальности и текста* как ее возможной интерпретации; с другой стороны, медиадискурс вписывается в систему единиц вербальной (и невербальной) коммуникации, которая сегодня сформировалась как культурная информация и включает в себя культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации. Причем какая бы составляющая ни доминировала в медиадискурсе, мы в полной мере можем говорить лишь об интерпретации адресатами медиа собственно смыслов и образно мотивированных ассоциаций, которые ими порождаются.

С точки зрения неориторики язык современных СМИ сегодня можно рассматривать как бесконечную интерпретацию культурных сем, культурного фона, культурных концептов и коннотаций. Медиатексты представляют собою ядро современной русской национальной культуры (как и любой национальной культуры, медиатизированной во всех сферах ее проявления), формируя *неоэпоху культуры готового слова*, того риторического типа культуры, когда слово является живым носителем культурной традиции и всех важных смыслов в этой традиции. Но сегодня автор-журналист, автор-скриптор (по Р. Барту) в силу *протеистичного характера* своей *речетворческой медиадискурсивной деятельности* властвует не столько над своим, сколько над чужим словом, а значит, не творит, а интерпретирует. Поэтому мы назвали современную эпоху *культурой интерпретации готового слова*. Неориторическая установка современных СМИ, несомненно, отражает тенденцию к порождению новых смыслов и новых оценок путем игры с «прецедентным фондом». И эта тен-

денция лежит в русле общей установки деятельности СМИ на перлокуцию и суггестию, которые можно обозначить как *риторическую модальность*, заложенную в каждом медиатексте. Именно *риторическая модальность* формирует аргументативный комплекс медиатекстов. *Риторическая модальность* — *объективная категория медиатекстов любого жанра и формата, порождающая содержательные и структурные компоненты медиатекста как нового типа неклассического текста.*

Специфика медиадискурса заключается также в том, что журналисты (и отдельные личности, и корпоративные медиасообщества) выступают в качестве *посредников* между самой действительностью и массовой аудиторией. Именно они с помощью своего мировоззрения и миропонимания формируют картину мира в сознании массовой аудитории. И картина эта не объективна и не целостна: она частична, фрагментарна, мозаична. Она медиакартина, т. е. лишь отражение образа мира. При медиацентричности культуры человек ставится в зависимость от средств массовой коммуникации, формирование сознания адресата происходит даже независимо от содержания сообщения в медиа. Техническое средство (например, у Г.М. Маклюэна это только телевидение, но то же самое можно сказать и о радио, и о прессе, и тем более об Интернете) передает сознанию адресата свою структурно-резонансную мозаичность, активно влияет на пространственно-временную организацию восприятия информации. Деятельность средств массовой коммуникации перестает быть для человека производной от каких-либо событий. Средства массовой информации и коммуникации создают особого рода *символический* продукт, своеобразную *квазиреальность*, которая начинает постепенно вытеснять, а затем и подменять собою реальность. Не все *события* (явления, относящиеся к миру) становятся в медиа *фактами* (то есть суждениями о мире). Переплавкой *событий* в *факты* занимаются как раз журналисты (индивидуальные и коллеги-

альные), то есть языковые личности, наделенные культурно-социальными полномочиями фильтровать события.

Язык, речевые события в СМИ становятся одним из инструментов формирования этой картины мира — *медиакартины*. В медиaprостранстве наиболее ярко проявляется воздействие на человека *языковых реальностей*, закрывающих от него реальность экстралингвистическую: освещающая события в мире (казалось бы, демонстрируя экстралингвистическое бытие), медиа через вербальные и невербальные знаки закрывают эту действительность от адресата, поскольку рассказ об этом мире в медиа становится важнее самого мира. В связи с этим можно утверждать, что *языковая картина мира в средствах массовой информации и коммуникации совпадает с собственно медиакартиной мира*.

Таким образом, *медиакартина мира — это квазиреальность, предлагаемая адресату медиасистемой в качестве единственно возможной*.

В формировании такой дискретной картины мира участвует весь медиадискурс. Поэтому мы ввели понятие *риторической гипермодальности* медиадискурса в целом, т. е. установки в медиа на формирование собственно медиакартины мира. Фактически можно говорить о медиакартине мира как о медиасознании — новой форме общественного сознания.

Названный нами интерпретационный уровень (наиболее явный, наиболее открытый и демонстрирующий культуру интерпретации *готового слова*) в языке современных СМИ подвел нас непосредственно к более сложной интерпретационной системе, которая схематично выражается дихотомией *действительность~текст*. И в ней наибольший интерес для нас представляют интерпретационные модели важнейших национально-культурных стереотипов. В современном медиадискурсе интерпретации подвергаются не столько концепты культуры, сколько ее топосы.

Именно поэтому сегодня нами *разрабатывается концепция топосферы современного медиaprостранства*.

Интерпретация национальной отечественной топики в медиадискурсе находится в русле основных стратегий деятельности современных СМИ. Во второй половине XX в. отечественные СМИ оказались полностью во власти тех стратегий, которые уже были сформированы на Западе. Мы выделили следующие: 1) стратегию «культурного шока» и катастрофы; 2) стратегию инспирирования и обмана, или манипуляции; 3) стратегию десакрализации; 4) стратегию гедонизма. На наш взгляд, доминирующей стратегией, ведущей за собой все остальные, следует признать стратегию гедонизма. Однако все четыре стратегии находятся в тесной взаимосвязи, формируются с помощью тактик, которые часто пересекаются или накладываются друг на друга (например, кощунства, десемантизации, детабуизации, нагнетания эстетики безобразного, сакрализация медиапространства и медиаперсон и т. п.).

Все предложенные нами понятия — терминологическое ядро медиариторики, которая выступает основой неориторического моделирования современного медиадискурса и, соответственно, медиакартины мира, репрезентируемой и конструируемой посредством этого дискурса. Опираясь на осмысление путей возрождения риторики, на теоретические исследования и на сделанную нами терминологическую коррекцию, мы предложили следующее определение неориторической модели дискурса, а значит, и картины мира: *неориторическая модель дискурса — это модель дискурса, которая отражает его с точки зрения соотношения в нем основополагающих риторических категорий (этоса, логоса, пафоса), аксиологической соотнесенности с риторическими канонами и риторическим идеалом, а также характеризует его праксиологическую составляющую.*

Традиционные центральные понятия классической риторики — *этос, логос и пафос* — стали основой нашей конструктивной модели современной медиакартины мира (= современного медиадискурса) в неориторическом аспекте.

Пафос медиадискурса воплощается в генеральной идее его текстов, которую мы называли *риторической модальностью*. На наш взгляд, риторической модальностью, или интенцией убеждения как персуазивного воздействия, обладают все тексты медиадискурса, вне зависимости от их жанровой принадлежности. Более того, у медиадискурса есть общая *риторическая гипермодальность*, которая не есть сумма риторических модальностей всех текстов медиадискурса, а сосредоточена в идее созидания и конструирования социальной реальности, изобретения общественного мнения, изготовления публичных сфер общества и, как результат, — собственно *медиакартины мира*.

Логос воплощается в основных стратегиях дискурсивной деятельности средств массовой информации, которые сводятся к различным типам дискурсивных интерпретаций и аккумулируют в себе все признаки *неоэпохи культуры готового слова*, которую также можно охарактеризовать как *культуру интерпретации готового слова*.

Квинтэссенцией *этоса* в медиадискурсе можно считать речевую деятельность журналиста, причем как отдельной личности, так и, по терминологии Ю.В. Рождественского, «совокупного образа ратора», а также коллегиальных журналистских сообществ. Сегодня этот *образ протеистичен*. И воплощается это в протеизме *риторической позиции* современного журналиста.

Основные идеи нашей неориторической концепции моделирования медиадискурса и медиакартины мира были изложены в серии статей, в монографии «Медиадискурс XXI века (Лингвофилософский аспект языка СМИ)» (2011 г.), а также в диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук (по двум специальностям: 10.010.10 — журналистика и 09.00.13 — философская антропология, философия культуры) «Современная медиакартина мира: неориторическая модель» (Лингвофилософский аспект) (защищена в совете Д 501.001.07 20 апреля 2012 г.). Нами

была сформулирована и концепция новой дисциплины — медиариторики как дисциплины лингвофилософского характера и статуса.

Перспективы исследований и научно-методологической деятельности

Рубеж XX–XXI вв. демонстрирует нам реалии не просто взаимодействия и переплетения культур, а эпоху *диффузии культур*. Размывание границ (государственных, культурных, социальных, этнических и т. п.) происходит за счет бурного и повсеместного развития коммуникационных технологий. Современные коммуникации, информационные технологии сжимают пространство и время (хронотоп), преодолевая огромность окружающего мира. Мир становится маленьким, открытым и проницаемым. Его культурно-цивилизационное разнообразие все активнее включается в единый общемировой контекст. Деятельность современных медиа становится все более транснациональной и наднациональной. И когерентный луч неориторики (медиариторики) может высветить в языковой деятельности СМИ культурспецифические компоненты национальных образов мира, которые активно трансформируются и переплетаются в медиадискурсе и таким образом участвуют в формировании *современной медиакартины мира*.

Сегодня мы работаем над концепцией неориторического осмысления медиапространства как пространства диффузии и полифонии культур, дискурсов и дискурсных формаций. После трудов Т. ван Дейка в дискурсологии принято рассматривать четыре дискурсные формации, которые стадийно отражают социальную и культурную структуру общества. Современный медиадискурс — это, с одной стороны, новая, пятая, медиадискурсная формация, с другой — это синергия элементов предыдущих четырех, которая воплощает в себе замкнутый круг.

Из первой дискурсной формации, формации покоя, или мифа, сегодня медиа активно эксплуатируют прецедентную картину мира, безличное слово и отсутствие автора, деление на своих и чужих. Особенно важно сейчас осмыслить ту самую бартовскую «смерть автора», которая трансформировалась из скрипторства в форму коллегиальных и алгоритмизированных текстов. И здесь следует особое внимание обратить на трансформацию языка в современных медиа в связи с так называемыми роботизированными текстами. Роботизированные тексты — сущностная опасность для национальных языков. Алгоритмы, составленные по модели английского языка, ломают самую существенную, охранительную часть языка, его кристаллическую решетку — грамматику. В первую очередь — на уровне синтаксиса предложения.

Вторая дискурсная формация, формация власти, выражается как раз в авторитете готового слова и в модальности убеждения, как открытого, так и скрытого, которое принято называть манипуляцией, плюс — в эмблематизации медиадискурса, который сегодня уже принимает доминирующие визуальные формы, при которых идеологема замещается иероглифемой, вплоть до полиинтерпретационных эмодзи.

Постриторическая либеральная дискурсная формация свободы (третья формация) вмонтирована в медиадискурсию рекреативностью, игрой как одной из форм этой деятельности, стратегией гедонизма, а также ментальной интенцией провокативности.

Неориторическая дискурсная формация ответственности (четвертая формация) подарила современным медиа интерактивность как форму коммуникации с перерастанием в транзактность, смену ролей адресанта и адресата. Сегодня эта интерактивность предельно агональна и провокативна. Но в этом и заключается дискурсная диффузия современного медиапространства.

Помимо диффузии дискурсных формаций сегодня речь идет и о диффузии институциональных дискурсов, таких как

политический, религиозный, правовой и др. Медиатизация такого рода дискурсов — процесс, требующий серьезного научного осмысления. Именно поэтому нами была создана лаборатория медиалогии и медиалингвистики в области права на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Исходя из предложенной нами и повторявшейся мысли о том, что современная культура медиацентрична, мы хотим инициировать разговор о новых дисциплинах, включив их в большое и объемное понятие — *медиаведение*. Традиционные для русской науки названия дисциплин со вторым компонентом сложного слова «-ведение» (искусствоведение, славяноведение, природоведение, почвоведение и т. п.) могут служить залогом того, что такая номинация, наряду с медиалогией, органично впишется в русский научный дискурс. При этом объем данной дисциплины, аккумулирующей в себе множество направлений, очевидно, должен включать в себя как сугубо гуманитарное поле, с лингвистической и исторической компонентами — дискурсивное медиаведение, или медиадискурсологию (медиалингвистику, медиастилистику, медиариторику), критическое медиаведение, медиакритику, историческое медиаведение, типологическое медиаведение, прикладное и сравнительное медиаведение, так и компоненты социоэкономического, психологического и технического характера: медиамоделирование, медиасоциологию и социологию медиа, медиапланирование, медиатехнологии, медиаметрию и др. Формирование большого блока медиаведческих дисциплин в отечественной науке важно, актуально и насущно еще и потому, что такое объединение разнонаправленных исследований, давно ведущихся и существующих достаточно обособленно друг от друга, даст возможность говорить о русском первенстве в этом вопросе: нигде в мире такой синтезный, синергийный подход в этой области исследований еще не был предложен. Естественно, это потребует и создания собственной научно-периодической платфор-

мы — отдельного самостоятельного журнала, скорее всего, двуязычного — на русском и на английском языках. Научный аппарат, который уже сформирован, может и должен быть расширен, дополнен и приведен в корреляционное соответствие всех входящих в медиаведение дисциплин. На наш взгляд, эта масштабная задача возможна как в рамках традиционных научных школ, связанных с изучением журналистики, так и с формированием новой школы медиаведения.

© Анненкова Ирина Васильевна

Баксанский Олег Евгеньевич*

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Мировоззрение каждого отдельного человека и общества в целом возникает как результат овладения ими информацией о сущности мира и характере их взаимодействия с ним. Эту информацию человек получает в форме определенных знаний о мире и правил поведения в нем в процессе обучения и воспитания как на основе общения с себе подобными и Природой, так и с помощью специально созданной для этой цели системы образования. В течение тысячелетий система образования решала с достаточно низкой эффективностью лишь очень узкую проблему повышения грамотности части населения. В целом, в массе своей, население оставалось безграмотным и невежественным. И только в последние столетия ситуация стала меняться. Образование из средства ликвидации безграмотности стало основным условием формирования мировоззрения и духовного облика общества. Не последнюю роль в этом сыграла философия образования.

Далеко не всякое общество уделяет достаточно внимания проблемам образования. В той или иной форме специально обученные люди «наставляют», «приобщают», «формируют» и «воспитывают» детей с древнейших времен, а сегодня

* Баксанский Олег Евгеньевич. — доктор философских наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ФИАН им. П.Н. Лебедева РАН.

и взрослые по собственному желанию или под давлением различных социальных факторов учатся практически в течение всей жизни.

В самом общем случае можно говорить о том, что предназначение образования состоит в том, чтобы обеспечить людей знаниями и навыками, необходимыми для достижения собственных целей, а также для того, чтобы принять участие в жизни общества в качестве самостоятельных и независимых граждан. Вместе с тем образование каждого человека оказывает по линии обратной связи влияние на духовное состояние общества в целом.

Проблема состоит в том, что для того, чтобы дать знания и навыки растущему человеку, необходимо понимать, что именно понадобится через 5, 10, 15 лет, когда он завершит образование данного уровня и начнет использовать свои знания на практике. Иными словами, содержание образования должно каким-то образом исходить из «вероятного будущего» в той же, если не в большей, мере, чем из реалий дня сегодняшнего.

Тем не менее в различных обществах вопрос о соотношении ценностей культурного воспроизводства и индивидуального развития решался и решается по-разному. Даже в современных демократиях европейского типа существуют социальные группы, которые не приветствуют развитие автономных личностей, персональные интересы и независимость мышления которых могут ослабить групповую сплоченность, поставив под вопрос ценности, нормы и убеждения данного сообщества. Именно такие группы отстаивают сегодня тезис о том, что аккредитованные государством учреждения образования, работающие по утвержденным программам, должны сохранять исключительное право на «окультуривание» новых поколений, дабы избежать неконтролируемых и непрогнозируемых эффектов образовательных инноваций.

Ключевыми проблемами образования, вокруг которых на протяжении веков разворачивались философские дискуссии, можно считать следующие:

- цели образования;
- содержание образования;
- соотношение внутреннего потенциала и социального влияния в обучении и развитии;
- соотношение обучения, развития и воспитания;
- приоритетность образования; выбор между гуманитарным и техническим образованием;
- связь образования и культуры;
- роль образования в сохранении социальной структуры общества;
- взаимоотношения детей, родителей, преподавателей и государства в процессе образования;
- гарантированное государством право на образование; связь между образованием и индивидуальными убеждениями;
- соотношения образования и социальных реформ.

Фактически большинство перечисленных проблем были поставлены еще в «Государстве» Платона.

На сегодняшний день исследовательская область характеризуется фрагментарным видением, целостная картина проблем и единая традиция их постановки и интерпретации не сложилась.

Частично такое положение дел вполне рационально объясняется тем, что цель деятелей образования (обусловленная их институциональной принадлежностью к социальным институтам образования и вовлеченностью в практическую деятельность) состоит не в том, чтобы внести вклад в собственно науку об образовании, а, скорее, в том, чтобы продвинуть образовательную политику и практику. Это определяет не только выбор интересующих их тем, но и стиль рассуждений, ведения дискуссий.

В основе различия базовых направлений философии образования лежит различие эмпирико-аналитических и гуманитарных наук. Соотношение этих наук, их подходов в научных исследованиях образования, и более широко, во взаимодействии с вненаучным знанием выступает в философии образования как центральная методологическая проблематика образовательного знания¹.

Так же как различные философские системы по-разному относятся к ценностям естественно-научного знания, точно так же это имеет место и в философии образования:

- эмпирические и аналитические науки;
- гуманитарные дисциплины;
- педагогическая антропология, ориентированная на синтез эмпирико-аналитических и гуманитарных составляющих образовательного знания.

Эмпирико-аналитические науки исследуют «факты», доступные воспроизводимому наблюдению и эксперименту. Этот процесс направляется теорией — системой высказываний о законах реальности (опирающейся на правила логики). Теория обусловлена накопленными фактами и сама, в свою очередь, влияет на «доступность исследованию» определенного круга фактов, отфильтрованного ею фрагмента реальности. К наукам такого типа принадлежат естественные и социальные науки: экономические, социологические и, далее, поведенческие дисциплины, основанные на психологии. Статус социальных дисциплин и психологии дискусионен.

Гносеологическими предпосылками метода естественных наук являются типологизация и абстрагирование. Они получили распространение ввиду своей жизненно-практической

¹ Phillips D.C. Philosophy of Education // International Encyclopedia of Education / T. Husen, N. Postlethwaite (eds). 1985. P. 3859–3877.

ценности (в том числе и в образовании): именно вычлененная типологическая регулярность, описанная на уровне теории и законов, поддается достаточно определенному прогнозу, который способен выступить основанием для регулируемого практического использования. Этот метод предполагает выдвигание новых обобщений, выходящих за пределы проверенной теории и образующих гипотезы, которые могут войти в теорию на основе многосторонней проверки.

В первой половине XX в. в педагогическую науку входит психология, в которой выдвинут ряд новых концепций. Будучи специально-научными, они вместе с тем имели философское значение как минимум на уровне влияния на мировоззрение исследователей. Именно они определяли социокультурные контексты того времени.

Аналитическая философия образования развивалась с начала 60-х гг. в США и Англии (И. Шеффлер, Р. Питерс, Е. Макмиллан, Д. Солтис и др.). Исследователи видели основную цель философии образования в интеграции образовательного знания на основе единого метода — логического анализа языка, употребляемого в практике образования. Важно отметить, что анализировались содержание ключевых категорий образовательного пространства — «образование», «обучение», «воспитание», специфика речевых высказываний педагогов, аргументации в педагогике, частных формулировок учебного материала и т. п.

В конце 70-х гг. аналитическая философия образования активно интегрирует проблематику вненаучного, обыденного знания, реализуя это через аналитику обыденного языка. В этот период логический позитивизм уступает место философии лингвистического анализа, пафос философии образования смещается в плоскость «языковых игр» и семантики в образовании.

Критико-рационалистическая философия образования возникла в начале 60-х гг.

Для критико-аналитической философии образования характерны следующие особенности:

- трактовка педагогики как прикладной социологии и поворот к социальной педагогике;
- противопоставление социальной инженерии холизму и в связи с этим критика долгосрочного планирования и проектирования в педагогической практике;
- критика тоталитарного подхода в образовании и педагогическом мышлении и отстаивание принципов открытого общества и демократии в управлении системой образования;
- ориентация педагогической теории и практики на развитие критических способностей человека.

Гуманитарная традиция в философии образования базируется на системах немецкого идеализма начала XIX в. (Ф. Шлейермахер, Г.В.Ф. Гегель), философии жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель), экзистенциализме и философской антропологии (М. Шеллер, Г. Плеснер, А. Портман, Э. Кассирер и многие другие).

Гуманитарная традиция критиковала сложившуюся систему образования, обращая внимание не только на чрезмерную рационализацию (в ущерб общекультурной и гуманитарной подготовке), но и на закрепление расщепления «жизненного мира» личности на не связанные между собой области жизни. Речь идет о том, что сугубо прагматическая ориентация в образовании приводит к ущемлению места и, соответственно, утрате интегрирующей роли общекультурных ценностей и смыслов.

Образование перестало всесторонне развивать личность, перейдя, по сути, к подготовке «персонала», будущих работников производства и участников фиксированных социальных процессов. Иными словами, от формирующейся личности требуются вполне определенные характеристики, которые в дальнейшем позволят человеку «вписаться» в со-

ответствующую его экономическим возможностям социальную нишу, при этом цели и ценности работы, публичной и частной жизни больше не соответствуют друг другу, и этот разрыв увеличивается со временем.

Гуманитарная философия образования, по сути, претендует на роль теории реформирования педагогики ради возвращения к целостности человека на основе общекультурных ценностей и смыслов.

Постмодернистская философия образования представляет собой логическое продолжение ключевых идей постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж.-П. Сартр) и их конкретизацию относительно проблем образования. Речь идет в первую очередь о критике сложившегося институционального порядка, ориентации на социальный конструктивизм на основе коммуникации, то есть о необходимости реорганизации общества, всех его социальных институтов на базе ценностей открытого общества — свободы и личной ответственности, свободы от авторитетов, гармонии с природой, сотрудничества, самопознания и сопричастности.

Наиболее влиятельными сегодня являются концепции И. Иллича и П. Фрейре, отстаивающие необходимость «деконструкции» существующих систем образования. Неэффективность образования не может быть преодолена «косметическими» поправками, необходимо изменить характер институционализации образования — упразднить монополию школ и университетов.

С точки зрения Ивана Иллича, большинство людей приобретают свои знания в основном вне школы. Одна из разрушительных иллюзий состоит в отождествлении результата образования с получением знаний в результате преподавания².

² Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир (фрагменты из работ разных лет). М., 2006. С. 36.

Школы, по Илличу, «выращивают» конформистов, послушных потребителей продукции социальных институтов. Школьное обучение связывает удовлетворение потребностей именно с потреблением «товара», предлагаемого в готовом виде различными социальными институтами вместо того, чтобы проявлять личную активность и творчество. Люди с детства привыкают потреблять готовые «продукты» вместо самостоятельного развития интересов, поиска ответов на вопросы, создания благ. Вследствие принятия такой пассивной установки люди теряют «власть» над собственной жизнью, становятся привычно беспомощными перед проблемами, перекидывая ответственность за собственное благополучие на государство.

Проблемой является также культивируемое в «зашколенном» обществе ранжирование людей в зависимости от объема и, соответственно, стоимости приобретенных образовательных услуг (количества лет обучения): «Учебные программы всегда служили для распределения людей по социальным рангам. Когда-то это распределение происходило еще до рождения: принадлежность человека к определенной касте обуславливала карма, а принадлежность к аристократии — происхождение родителей. <...> Всеобщее образование было призвано разорвать зависимость между социальной ролью и особенностями личной биографии: предполагалось, что оно даст всем равные шансы на любую работу и должность. ...И теперь еще многие наивно полагают, что именно школа обеспечивает людям общественное доверие в зависимости от их учебных достижений»³.

В качестве альтернативы школам Илличу видится «сеть» — «служба, предназначенная для обсуждения того, что волнует человека, с другими людьми, которых волнуют те же проблемы»⁴. Важной особенностью «сети» является то, что

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 43.

подобная паутина групп ресурсов может находиться под личным контролем каждого учащегося.

Отказавшись от монополии школ, можно было бы сделать акцент на непосредственном обучении у мастеров (не обязательно имеющих лицензию или какой-либо сертификат, а просто владеющих навыком и согласных служить моделью), самообучении путем экспериментирования с объектами и наблюдения в реальной практике.

В целом отказ от монополии школ и университетов позволил бы, по Илличу, достичь не только подлинного образования (личностного присвоения культуры), но развивать самосознание и ответственность людей, в том числе социальную ответственность.

Подобное отношение к проблемам образования и его роли в воспроизводстве мирового институционального порядка проявляет Паоло Фрейре.

Идеи постмодернизма оказали на теорию и практику педагогики существенное влияние даже при том, что отношение к ним в среде специалистов в области образования далеко не однозначно — от восторженного принятия до яростного отторжения. Тем не менее, при всей неоднозначности оценок исходных посылок, многие бывшие до этого бесспорными установки педагогики сегодня активно проблематизируются, что само по себе позволяет продвинуться на пути модернизации образования.

Так, например, ценностная нейтральность научных суждений; минимальная роль субъективности в познании; игнорирование влияния бессознательных процессов, интуиции; универсальность целей воспитания и обучения; роль учителя как источника знания и посредника в обучении; логоцентрированность обучения и т. п. больше не являются универсальными инвариантами педагогической теории и практики. Создаются и успешно реализуются на практике модели образования, построенные на иных принципах, ориентирован-

ные на субъективизм, выстроенные в конструктивистском ключе, в соответствии с новыми ценностями постиндустриального общества.

Развитие когнитивной науки идет сегодня в направлении все большего углубления в такие «внерациональные» области, как интуиция или креативность, причем исследователи сталкиваются с необходимостью описания быстрых процессов «самопроизвольного» нахождения решения, вырастания осмысленных результатов из хаоса исходно бессмысленной информации, непредсказуемости хода развития через кризисы, описания упорядоченных процессов на макроуровне через беспорядок на микроуровне и т. д.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что сегодня есть все основания говорить о формировании *когнитивно-синергетической научной программы* — подхода, строящегося на принципах современного нелинейного мышления⁵.

Реализация этой программы получает свое воплощение в широком внедрении в современную культуру *конвергентных технологий*, которые представляют собой взаимосвязанный кластер информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки, то есть *NBIC конвергенцию* (по первым буквам областей: *N* — нано; *B* — био; *I* — инфо; *C* — когно). В этом концепте нанотехнологии играют роль своеобразного катализатора.

Термин введен в 2002 г. Майклом Роко и Уильямом Бейнбриджем, авторами отчета “Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive science” (M. Roco, W. Bainbridge, 2004), подготовленного в рамках Всемирного центра оценки технологий (WTEC). В контексте этого отчета конвергентные технологии *определяются через указание на явление так называемой NBIC-конвергенции*.

⁵ См. подробнее: Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: междисциплинарный подход. М., 2003.

ходами, что уже привело к серьезной научной концепции о конвергенции ряда научных дисциплин»⁶.

И наконец, в-третьих, *NBIC*-концепция конвергентных технологий в принципе открыта для процесса интеграции с системотехникой, информатикой, теорией сложных систем и, далее, с гуманитарным знанием в его междисциплинарном измерении: социологией, лингвистикой, антропологией, медициной, философией науки и техники.

Список литературы

1. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М., 2009.
2. Баксанский О.Е. Методологические основания модернизации современного образования // Философия и культура. 2012. № 9. С. 105–111.
3. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. М., 2009.
4. Баксанский О.Е. Философия, образование и философия образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 6–19.
5. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. М., 2008.
6. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М., 2010.
7. Баксанский О.Е., Дергачева Е.А. Конвергентная парадигма современного образования // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: материалы III Всерос. конф. : в 2 т. Брянск: БГТУ, 2017. Т. 1. С. 129–138.
8. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. М., 2005.
9. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. М., 2010.

⁶ Роко М. Конвергенция и интеграция // Фостер Л. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности. М., 2008. С. 285.

10. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Личностно ориентированный подход к обучению физике // Физика в школе. 2003. № 4.
11. Баксанский О.Е., Чистова М.В. Проблемное обучение: обоснование и реализация // Наука и школа. 2000. № 1.
12. Дергачева Е.А., Баксанский О.Е. Социотехноприродная реальность: социально-экономические риски конвергенции // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-3. С. 612–617.
13. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004.

© Баксанский Олег Евгеньевич

Васильев Вадим Валерьевич*

РОССИЙСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ: ТРИ СЮЖЕТА НА ТЕМУ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Уважаемый руководитель Секции и члены Российской академии наук, разрешите рассказать о научных проектах, исполнителем которых мне довелось побывать. За последние десятилетия я участвовал в нескольких довольно крупных проектах, таких как исследование тенденций философской психологии эпохи Просвещения и аналитической философии сознания XX в. или анализ перспектив концептуального разрешения проблемы сознание-тело. А совсем недавно я опубликовал систематическое исследование жизни и творчества Д. Юма. Но сегодня я расскажу о трех других важных для меня проектах, объединяющей чертой которых является то, что они высвечивают любопытные аспекты взаимодействия отечественной и западной философских традиций. Два из них имеют историко-философский характер, третий же более теоретичен.

1. Забытый российский гений эпохи Просвещения

Отечественная философская традиция насчитывает много столетий, но трудно спорить, что по-настоящему она заявила

* Васильев Вадим Валерьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова.

о себе в XVIII столетии, т. е. в эпоху Просвещения. К её главным достижениям тех времен обычно относят философские труды А.Н. Радищева и Г. Сковороды. На рубеже XX и XXI вв. я много работал с оригинальными источниками той эпохи. И в одной из немецких книг начала XIX в., «Истории психологии» Ф.А. Каруса, я наткнулся на упоминание о трактате некоего Андрея Колыванова «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру»¹. Эта книга была опубликована на немецком языке в 1790 г. в Альтоне². Я никогда не слышал об авторе с такими именем и фамилией, почти наверняка указывающими на его принадлежность к России. Вскоре я убедился, что информация о нем отсутствовала в исследованиях по истории русской философии. Особую интригу этой ситуации придавало то, что Ф.А. Карус не просто упомянул книгу Колыванова, но и высоко оценил ее идеи. Анализ литературы конца XVIII в. показал, что Карус был не одинок в своих оценках. На книгу Колыванова позитивно откликнулись такие авторитетные мыслители, как К.Ф. Мориц и С. Маймон. Нашлось и несколько других рецензий. Со временем стало понятно, что работа Андрея Колыванова была *самой обсуждаемой в Европе XVIII в. философской книгой отечественного автора*. Тем более выглядело странным, что она была совершенно забыта в последующие времена. Одной из причин этого оказалось то, что она, по-видимому, вышла очень небольшим тиражом и, возможно, вообще широко не продавалась.

Неудивительно, что уже через сто лет после выхода книги Колыванова известный историк идей М. Дессуар не смог отыскать ее в библиотеках. В начале XXI в. мне вместе с директором Архива И. Канта В. Штарком, однако, удалось найти несколько сохранившихся экземпляров. Один из них обнаружился в Москве, в Фундаментальной библиотеке МГУ

¹ Carus F.A. Geschichte der Psychologie. Leipzig, 1808. S. 726–727.

² Koliwanow A.P. Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Verhältniß zur Welt. Ein philosophischer Versuch. Altona, 1790.

им. М.В. Ломоносова. В русском переводе (который выполнил я сам) она доступна читателям с 2003 г.³ Но лишь через несколько лет мне удалось установить подлинное имя автора. Еще в начале 2000-х стало ясно, что «Андрей Колыванов» — это псевдоним, но первоначальные гипотезы о том, кто мог стоять за этим псевдонимом, не подтвердились. Ситуация изменилась, когда в старых изданиях переписки и каталога библиотеки немецкого литератора И.Г. Мюллера я обнаружил сведения, позволяющие однозначно заключить, что за псевдонимом «Андрей Колыванов» скрывался уроженец Ревеля (Колывани) Христлиб Фельдштраух. Сохранившееся письмо этого человека Мюллеру⁴ и другие данные позволяют восстановить основные этапы его жизни. Он родился в 1734 г., окончил школу в Ревеле, затем, с 1751 по 1754 г., обучался теологии в престижном немецком университете в Галле, потом вернулся в Россию, но в 1761 г. вновь отправился в Германию. Сначала он преподавал в различных лицеях, а потом занялся частным преподаванием. Умер он в 1799 г. во Франкфурте-на-Майне. В упомянутом письме Мюллеру от 1788 г. он дает понять, что собирается опубликовать результаты своих многолетних исследований. Сопутствующая информация позволяет заключить, что речь шла именно о будущих «Наблюдениях о человеческом духе» (в каталоге библиотеки Мюллера он указан как автор «Наблюдений»⁵). И здесь я должен заметить, что высокие оценки этой книги философами XVIII в. не были завышенными. В этом небольшом сочинении предпринимается оригинальная по тем временам попытка установить сущностные черты челове-

³ *Колыванов А.П.* Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. Калининград, 2003.

⁴ *Feldstrauch an Müller // Schröder H. (hrsg.) Johann Gottwerth Müller, Verfasser des Siegfried von Lindenberg: Nach seinem Leben und seinen Werken.* Itzehoe, 1843. S. 88–91.

⁵ *Verzeichniss der von... J.G. Müller in Itzehoe hinterlassenen Bibliothek.* Itzehoe, 1829. S. 343.

ческой природы на основе сопоставления данных о людях разных эпох, возрастов и культур. Автор создает унифицированное учение о человеческих способностях, отрицающее наличие высших и низших способностей (разум в те времена, к примеру, обычно считали высшей способностью, чувственность — низшей и т. п.), и перебрасывает мост к антропологической теории, акцентирующей внимание на радикальной свободе человеческой личности.

«Наблюдения о человеческом духе» с их акцентом на позитивном преобразовании человеческой жизни на основе правильного, с точки зрения их автора, понимания человеческой природы хорошо читаются и сегодня. Мне известны люди, для которых этот трактат стал настольной книгой и руководством в практических делах. И можно только гадать, какое направление могла бы принять отечественная философия, если бы «Наблюдения» попали в круг чтения ее представителей. Но история пошла иным путем, принесшим русской философии немало других достижений. Витриной отечественной философской культуры стала религиозная философия В.С. Соловьева и его последователей. Позже ее сменила марксистская философия. Согласно принятым ныне классификациям, неомарксизм относится к неклассической, «континентальной» ветви современной мысли. Континентальной философии противостоит «аналитическая философия», в большей степени ориентированная на классические философские образцы и на математическую логику. Второй научный проект, о своем участии в котором я хочу рассказать, связан с примечательным эпизодом пересечения советской марксистской философии и аналитической философской традиции.

2. Москва и Витгенштейн

Аналитическая философия — одно из самых значительных философских движений современности — начала свое существование на рубеже XIX и XX вв. Основателями анали-

тической философии считаются Г. Фреге, Дж.Э. Мур, Б. Рассел и Л. Витгенштейн. Витгенштейн подытожил достижения раннего этапа аналитической философии и наметил пути ее дальнейшего развития. Различные опросы показывают, что большинство современных философов считает Витгенштейна самым значимым мыслителем XX в. Витгенштейн прожил непростую жизнь, в которой было немало крутых поворотов. Одним из самых любопытных ее эпизодов было посещение им Ленинграда и Москвы в сентябре 1935 г. Витгенштейн пробыл в СССР менее двух недель (из них десять дней в Москве), но этот визит не был для него проходным событием. Он долго готовился к нему и воспринимал поездку в СССР как судьбоносное свершение. Советский Союз ощущался им как страна, где выше всего ценится труд, и он, разделяя эти ценности, хотел сделать ее местом своего проживания. После визита, однако, его настроения изменились, и он больше никогда не приезжал в СССР. Все это объясняет, почему многочисленных биографов Витгенштейна всегда интересовали детали этой поездки. Однако до последнего времени эти детали оставались непроясненными. Было известно, что он встречался с логиком и философом С.А. Яновской, но многие обстоятельства этой встречи тоже были неясны. Западным биографам был доступен неопубликованный ежедневник Витгенштейна с краткими пометками по ходу его визита, но они оставались нерасшифрованными.

В 2016 г. я попробовал уточнить обстоятельства визита Витгенштейна. Обратившись к советским справочникам середины 30-х гг. и сопоставив их данные с адресами и именами в ежедневнике (фотокопии страниц которого мне предоставил директор Архива Витгенштейна в Кембридже М. Недо), я установил, какие именно организации посещал Витгенштейн. Мне также удалось разыскать в Государственном архиве Российской Федерации отчет сотрудника Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, сопро-

вождавшего Витгенштейна в течение двух дней в конце его пребывания в Москве. Этот ценный документ⁶, о возможном существовании которого всегда было множество спекуляций, до сих пор не был известен биографам Витгенштейна. Использование этих и других источников помогло не только зафиксировать десяток адресов, по которым Витгенштейн побывал в Москве, но и узнать о его впечатлениях от Москвы (Витгенштейн посетил несколько выставок, рабочий и детский клубы и побывал в театре, всякий раз высказывая свои — зачастую критические — мысли об увиденном) и прояснить логику его визита⁷. Получив в первые дни в Москве отказ при попытке получить работу преподавателем английского языка и оценив сложности поездки в отдаленные регионы СССР (где он надеялся устроиться в какое-нибудь медицинское учреждение), Витгенштейн (который в то время преподавал в Кембриджском университете) обратился в Институт математики МГУ. Там ему рассказали о С.А. Яновской, с которой он встретился накануне своего отъезда в Ленинград. Эта встреча на кухне коммунальной квартиры Яновской (которая, как удалось выяснить, находится по адресу: ул. Доватора, 7/8, кв. 19; в те времена улица называлась иначе) не только повлияла на решение Витгенштейна не связывать свою дальнейшую жизнь с СССР (он понял, что преподавать по специальности он сможет, лишь став марксистом, чего ему делать не хотелось), но и оказала влияние на судьбу советской философии. Благодаря Витгенштейну Яновская увлеклась математической логикой (как свидетельствовал ученик Яновской Б.В. Бирюков, Витгенштейн подарил Яновской книгу одного из создателей математиче-

⁶ [Отчеты А. Каспарсона о пребывании в Москве Л. Витгенштейна в сентябре 1935 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). 1935. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 657.

⁷ См. *Васильев В.В.* Московские адреса Витгенштейна // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 39–51.

ской логики Г. Фреге) и много сделала для внедрения курсов математической логики в систему философского образования. Поскольку математическая логика является не только инструментарием, но и одной из областей аналитической философии, Яновская, по существу, создала островок аналитической философии в советском марксизме. Эти ее действия предопределили большой интерес к аналитической философии в современной России.

Российские аналитические философы новой волны не ограничиваются историко-философскими рассуждениями об аналитической традиции. Они пытаются внести свой вклад в дискуссии по классическим философским вопросам, не утихающие и в наши дни. Сам я тоже участвовал в них, и сейчас я расскажу о своих предложениях по вопросу о свободе воли.

3. В защиту классического компатибилизма

Вопрос о свободе воли — одна из давних тем европейской философии. Он активно обсуждался еще христианскими апологетами почти две тысячи лет назад. Не прекращались споры и в дальнейшем. В Новое время Д. Юм, обобщая идеи ряда своих предшественников, обосновал позицию, в наши дни получившую название «классический компатибилизм». Эта позиция стала отправной точкой для последующих дискуссий. Понимание свободы воли исторически было связано с коллизией, возникающей при столкновении представлений о самостоятельности людей в принятии ими своих решений и идеи божественного предопределения всего, что происходит. Позже идея предопределения была преобразована в более общее представление о детерминизме. Можно ли построить свободную человеческую волю в детерминистический универсум? Д. Юм и его последователи положительно отвечали на этот вопрос. Они указывали, что если понимать под свободой состояние, при котором мы можем делать все что хотим, то такое понимание действительно не

противоречит детерминистической картине мира. В самом деле, хотя при такой картине законы природы с необходимостью предопределяют то, что в данный момент времени я поступаю таким-то образом, следуя какому-то из своих желаний, которое так же предопределено, я могу сказать, что, если бы я пожелал поступить иначе, я поступил бы иначе. Классические компатибилисты доказывали, что подобной «гипотетической свободой» (или «свободы действия», как ее сейчас называют) вполне достаточно для сохранения моральной ответственности за совершенные людьми поступки, ведь ответственность снимается при принуждении, а свобода действия являет собой противоположность последнему.

Несмотря на привлекательность классического компатибилизма, в новейшие времена он был подвергнут серьезной критике. Аналитические философы, рассуждавшие о проблеме свободы воли, указывали на выхолощенность понятия гипотетической свободы, объясняющуюся ее акцентом на *возможных* поступках, и доказывали, что она не является условием моральной ответственности⁸. Кроме того, они упрекали эту концепцию в оторванности от современных представлений о мире, не включающих допущение его детерминистичности (если в мире нет каузального детерминизма, то какой смысл объяснять, как свобода может сочетаться с детерминизмом?).

В своем проекте, направленном на защиту классического компатибилизма⁹, я попытался отвести эти возражения. Прежде всего, я попытался показать несправедливость упрека в выхолощенности гипотетической свободы. Дело в том, что формулировка «если бы я пожелал поступить иначе, я поступил бы иначе» на деле указывает на то, что мое

⁸ См., напр.: *Fischer J.M. Deep Control: Essays on Free Will and Value.* N. Y., 2012. P. 130–131.

⁹ *Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма.* М., 2017.

желание играет роль причины моего поступка (понятие причины нередко определяется через необходимое условие свершения события, отсылка к которому имеется и в приведенной формулировке). И если мы упрекаем в выхолащивании подобные определения, то эту критику можно будет распространить на любые рассуждения о причинах каких-то явлений, что, разумеется, нелепо. Далее я доказывал, что между гипотетической свободой и моральной ответственностью все же есть глубинная связь. Хотя и в самом деле можно сконструировать ситуации, в которых отсутствие гипотетической свободы индивидов не будет приводить к исчезновению их моральной ответственности за совершаемые поступки (примеры подобных ситуаций приводили Г. Франкфурт и Дж.М. Фишер), у нас есть серьезные основания считать, что некоторые особенности подобных ситуаций будут неизбежно снижать ответственность этих индивидов. Так, в мысленных экспериментах Франкфурта и Фишера принимающий решение индивид не знает, что его мозг находится под контролем манипулятора и что если бы он решил поступать иначе, манипулятор все равно заставил бы его поступить так, как он фактически поступил. Но незнание существенных характеристик ситуации традиционно относится к снижающим моральную ответственность факторам. Наконец, я показывал, что мы не должны поспешно отбрасывать интуицию детерминированности природных событий, так как она вырастает не столько из теологических или научных гипотез, сколько из самого устройства нашего когнитивного аппарата, работа которого предполагает допущение правомерности переноса прошлого опыта на будущее. Важным истоком детерминистических представлений является именно эта наша когнитивная вера в соответствие прошлого и будущего (каузальный детерминизм определяется в современной литературе как учение, согласно которому в любой момент времени у мира есть только одно реально возможное будущее: из этой дефиниции следует,

что повторение наличного состояния мира всегда приводило бы к одним и тем же последствиям, а это и есть принцип соответствия прошлого и будущего опыта). Я подробно обсуждал эти когнитивные механизмы при попытке наметить перспективы решения проблемы сознание-тело¹⁰. Впрочем, это был уже другой проект, о котором сегодня я не планировал рассказывать. Благодарю за внимание к докладу!

© Васильев Вадим Валерьевич

¹⁰ *Васильев В.В.* Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии. М., 2014.

Дергачева Елена Александровна*

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИОТЕХНОПРИРОДНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Имея базовое экономическое образование, полученное в Брянском государственном техническом университете (БГТУ, 2001), я заинтересовалась междисциплинарными исследованиями на стыке философии, социологии, экономики и экологии. Поэтому в 2002 г. я поступила в аспирантуру по социальной философии при БГТУ, поскольку там появилась возможность исследовать совершенно новое направление в науке — техногенное общественное развитие. Это были публикации директора ИФ РАН академика В.С. Степина и брянского профессора, д. ф. н. Э.С. Демиденко. Вдохновляла перспектива получения дополнительного образования и целостного видения развивающегося мира для научных исследований, которые меня привлекали в дальнейшей преподавательской работе в области экономики.

* Дергачева Елена Александровна — доктор философских наук, профессор РАН, профессор Брянского государственного технического университета.

Следует отметить, что я попала к требовательному человеку, который меня заставил практически по-новому изучать философию и работать параллельно над диссертацией по проблематике техногенного общественного развития. У отмеченных философов практически были исследованы только основы этого направления, поэтому я согласилась работать над такой темой: «Техногенное общество и противоречивая природа его рациональной транс-формации». Еженедельная двухразовая консультация, напряженная работа позволили мне в течение 2,5 лет не только изучить важнейшие проблемы философской науки, но и написать диссертацию, 27 научных статей, из которых 10 статей были написаны по экономической проблематике до поступления в аспирантуру в студенческом научном кружке. Каждое промежуточное исследование, не вписывающееся в логику диссертации, превращалось в статью. Защита проходила в 2005 г. в диссертационном совете, возглавляемом профессором, д. ф. н. Л.А. Микешиной при Московском педагогическом государственном университете. По результатам исследования была издана авторская монография «Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск : Изд-во БГТУ, 2005» [4]. Л.А. Микешина пригласила меня и в докторантуру, которую окончила, но защищалась в совете при РУДН в связи с сокращением совета при МПГУ.

В кандидатской диссертации мною был проведен анализ применения в философии понятий «техногенный», «техногенное общество», «техногенный мир», раскрыто содержание этих понятий. Установлено, что этот понятийный аппарат отражает широкий новый спектр взаимодействий наукотехники и техносферы с социальными и природными объектами, процессами и явлениями в совокупности с последствиями этих взаимодействий. Осуществлен методологический анализ социально-философской концепции техногенного общества. Доказано положение о том, что *сущность* техногенного общества заключается в коренном изменении земледельче-

ских общественных производительных сил, выразившемся в резком возрастании значения науки, техники и технологий в них. Это обусловило переход к промышленному, а затем и к научно-технологическому способу производства общественной жизни и, соответственно — к индустриальному и постиндустриальному (фактически — к сверхиндустриальному) обществу (по концепции А.М. Ковалева). Показано, что *содержательные характеристики* техногенного общества определяются также воздействием научно-технологических, технических и особенно техносферных факторов на весь ход планетарной жизни, на постепенную замену биосферных форм земной жизни постбиосферными, то есть искусственными. Разработано понятие *техногенной модернизации* для обозначения социального механизма перехода традиционного общества на новую цивилизационную и постбиосферную ступень развития. Выделены *основные этапы техногенной модернизации* общества: преиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Они характеризуются формированием не только технических объектов производства, но и крупногородской техносферы как искусственного мира, поглощающего человека с его постземледельческой деятельностью и частью живой природы. Техногенное общество характеризуется не только ускоренным научно-техническим развитием, но и формированием искусственного мира как основы будущей общественной и природной жизни.

Автором было разработано понятие *техногенной рациональности* как содержательной характеристики техногенного общества; проведен анализ составляющих компонентов техногенной рациональности — *экономической, научной и технико-технологической*, выявлены противоречия трансформации современного общества. Установлено, что техногенная рациональность не только способствует улучшению условий жизнедеятельности человечества, но и усиливает тенденцию трансформации биосферы и человека.

Обоснован тезис о *доминирующей роли противоречивой рыночной экономической рациональности* в формировании техногенного общества. Аргументирована необходимость *разделения экономической рациональности на хозяйственную, направленную на улучшение условий человеческого существования, и рыночную, которая направлена на бесконечное обогащение за счет биосферных ресурсов и доминирует в формировании глобальной общественной системы*. Исследовано *противоречивое воздействие научной и технико-технологической рациональности* на трансформационные процессы техногенного общества. Установлено, что негативная сторона ее воздействия на социоприродное развитие определяется не только и не столько недостаточностью знаний о таких воздействиях, сколько рыночной рациональностью, направленной на получение прибылей и сверхприбылей.

В процессе диссертационного исследования было разработано понятие *концептуальной гуманной рациональности социоприродного развития*, фиксирующего феномен, противоположный техногенной рациональности. Предложен комплекс мер по гуманизации и ограничению негативных последствий техногенной рациональности с целью сохранения и дальнейшей эволюции биосферы и биосферной жизни. Таким образом, в кандидатской диссертации мною было осуществлено исследование формирования понимания техногенного общественного развития в философской и обществоведческой литературе.

Тем не менее малоизученным в философии и науке оставался вопрос по исследованию глобализирующихся техногенных социоприродных процессов и техногенных общественных систем. Поэтому, преподавая в БГТУ экономические и философские дисциплины, в дальнейшем продолжила междисциплинарное углубленное исследование современных взаимосвязанных трансформационных процессов в обществе (и его экономике), искусственной среде (техносфере) и биосфере, что *привело к разработке принципиально новой*

в международной глобалистике концепции социотехноприродной глобализации. Особенности данного явления нашли отражение в авторской монографии «Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации» (М. : Либроком/URSS, 2009) [2]. Защита докторской диссертации по социальной философии состоялась в Российском университете дружбы народов в 2013 г., в совете, возглавляемом проф., д. ф. н. Н.С. Кирабаевым. Её тема — «Феномен глобализации в контексте техногенного социоприродного развития». К защите опубликовано 105 научных работ, включая 6 монографий.

Если в кандидатской диссертации мною было исследовано понятие «техногенный» в границах общественной жизни, то в новой диссертации понятие «техногенность» приобретает более широкое звучание, поскольку во взаимоотношениях общества, техносферы и биосферы рассматриваются биогеохимические процессы и биогенные обменные процессы в живых организмах, в частности в человеческом. Техносфера становится в работе более полной по своему содержанию и сущности, по выявлению ее роли в изменении эволюции жизни, в процессах глобализации и формировании новых форм жизни — биотехнологических растений, микроорганизмов и клонированных животных. Отсюда и более глубоко понимается сам социум — не только как социоприродное явление, но и как техногенный социоприродный организм, поскольку он включает общество, создаваемую им техносферу и регион биосферы, в котором они существуют. Такое понимание техногенного общества не было отражено в исследовательской литературе. Соответственно, такое общество, становясь глобальным сообществом, определяет техногенный характер развития социальных и природно-биологических процессов и становится решающим фактором нарастания интегративных процессов глобализации. С учетом новейших тенденций исследований концепция техногенного общества нашла отражение в авторской монографии «Философия техногенного общества» (М. : Ленанд/URSS, 2011 [3]).

В науке отмечалось ранее два основных направления в исследовании глобальных процессов и проблем — социально-экономическое и социоприродное (экологическое), отражающие далеко не полно различные грани социально-технократического развития мира. В этих теориях авторы исходят только из социологического понимания феномена глобализации как порожденного общественными процессами и изменяющегося на основе рыночно-экономических отношений. Из этого следует, что общество развивается на основе социальных закономерностей, а биосфера — на основе природно-биологических. Такая трактовка исключает существование более сложных социотехноприродных закономерностей развития.

Так, технократические теории постиндустриального (и информационного) общества концентрируют внимание исследователей на экономических и технико-технологических модернизациях (как технократических факторах) развития капиталистического социума, на основе чего делаются поспешные выводы о закономерностях общественного прогресса. Тенденции современного развития мирового сообщества формально подтверждают реалистичность концепций постиндустриализма в области роста занятых в сфере услуг. Однако в этих теориях упускается из виду факт развертывания социоприродных процессов в условиях современного перехода жизни из естественной природной среды в искусственную. Поэтому автор расширяет узкое, т. е. социологическое, содержание системного подхода его социально-философской интерпретацией, когда общество как подсистема биосферы (т. е. системы более высокого уровня) техногенно укрепляется и начинает переподчинять и даже уничтожать биосферную природу. В связи с этим современное глобальное развитие мира мною рассматривается как целостный феномен в единстве его социально-экономических, техносферных (искусственных) и природно-биосферных характеристик, раскрываются интегрированные закономерности, тенденции и перспективы таких процессов.

Исследования автора базируются на методологии *социоприродного подхода*, восходящего в своих истоках к размышлениям В.И. Вернадского о ноосфере и меняющихся исторических параметрах общества и биосферы в ходе их взаимодействия. Сейчас мы можем констатировать, что новая сфера жизни, которую называют нередко ноосферой, формируется преимущественно в облике техносферы и культурных организмов, концентрирующихся в городской и иной искусственной среде, и направляет мир по ступеням социотехноприродной эволюции жизни. Мир ноосферы В.И. Вернадский рассматривал как новый гуманно измененный мир биосферы — живой природы — и не включал в него мир искусственной неживой природы. Являясь одним из авторов книги «Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины» (М. ; Брянск, 2011) [6], я ввела в научный оборот и новый понятийный аппарат, что позволило точнее отразить трансформационные процессы природно-биосферного мира. Наиболее важные из них — социотехноприродная глобализация, техногенная рациональность, техногенная модернизация, концептуальная гуманная рациональность социоприродного развития, индустриально-техногенное общество, постиндустриально-техногенное общество, рыночная экономическая рациональность, хозяйственная экономическая рациональность, современный техногенез социоприродного развития, техногенная биосфера (технобиосфера).

Развивая концепцию системно-интегрированной техногенной социоприродной глобализации, автор обосновывает положение о том, что современная глобализация является закономерным продолжением многовековой взаимосвязанной эволюции человечества и естественной природы, в систему которой на современном этапе развития включается техносфера. Раскрывает факторы формирования современного глобализирующегося общества и трансформации природы, в частности научно-технические производительные

силы, рыночная экономика техногенных обществ, техносфера, техногенная рациональность. Вводит и обосновывает понятия «индустриально-техногенные» и «постиндустриально-техногенные» общественные системы, отражающие различные стадии техногенности глобализирующегося социума. Устанавливает, что *перспективы развития современной глобализации связаны со становлением глобальной техногенной социоприродной системы, которая может прийти на смену биосферной системе жизни, если не будут приняты коренные меры по сохранению гибнущей биосферы*. Показывает, что хозяйственные механизмы современной рыночной экономики направлены на расширенное воспроизводство элементов техносферы и техногенных процессов в масштабах планеты. Обосновывает, что *сущность современной глобализации заключается в системной интеграции социальной, техносферной и природно-биологической эволюции*.

Устанавливает, что содержательные характеристики современной глобализации определяются нарастающей техногенностью составляющих ее планетарных процессов и проблем. Показывает, что возможные пути устойчивого взаимосвязанного развития общества и природы должны быть связаны с гуманизацией и ограничением негативных последствий техногенности в процессах современной глобализации. Данная концепция представлена в авторской монографии «Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ» (М. : Ленанд/URSS, 2016) [1].

Современная глобализация соответствует техногенному этапу развития общества и окультуривания им природы. Глобализирующийся техногенный социум на основе расширения различных элементов искусственного — от синтезированных веществ, включая продукты питания, до электромагнитных полей — перестраивает сам общественный организм (в т. ч. человека), прежнюю систему развития природы и ее жизни, которая существовала на Земле на протяжении почти 3,8 млрд лет. Искусственные вещества (ксенобиотики, супер-

токсиканты) через пищевые цепи постоянно включаются в биосферный биотический круговорот веществ, трансформируют, нарушают его замкнутость, получая повсеместное распространение, в результате чего локальные техногенные биогеохимические процессы становятся глобальными. Эти качественно отличные от биосферы техносферные объекты интегрируются с естественными природными организмами и человеком, создавая промежуточные формы жизни между естественным и искусственным миром — технобиосферу, техногенного человека, трансгенные растения, клонированных животных, а в глобальном масштабе — технобиогеохимические круговороты веществ, энергии и информации. Распространяющиеся по планете интегративные изменения не являются безопасными, поскольку подавляют способность природы к воспроизводству биологических организмов и поддержанию условий существования, благоприятных для развития общества и человека. Достаточно отметить, что только за последние четыре десятилетия в мире утрачено свыше половины популяций живых организмов, о чем свидетельствуют данные индекса живой планеты.

Глобальные процессы и проблемы, разворачивающиеся в последние два-три столетия техногенного социоприродного развития, пока что глубоко не изучены ни философией, ни наукой, что не позволяет охватить разумом перспективы нового этапа эволюции жизни на Земле, включить эти вопросы в сферу рассмотрения теорий устойчивого социоприродного развития. В современных условиях, когда активным посредником между глобализирующимся обществом и трансформируемой природой становится техносфера, речь должна идти об интегративных социотехноприродных закономерностях развития мира и эволюции жизни. Такое понимание планетарных изменений предоставляет возможности активного изучения современных трансформационных процессов в комплексе всеми науками — как общественными, так и техническими и естественными. Разработанная мною концеп-

ция социотехноприродной глобализации открывает новые возможности для системного решения методологических и практических проблем социальной философии, глобалистики, социальной педагогики [9], «зеленой» экономики, визуального моделирования трансформационных процессов в сфере информационных технологий (что отражено в соответствующих публикациях в 2014–2019 гг.), более глубокого исследования таких процессов, их прогнозирования. Концепция может быть применена при разработке и реализации программ безопасного социально-экономического и социотехноприродного развития России и мира. Эта концепция расширяет узкие, социологические границы понимания феномена глобализации и позволяет осознать необходимость ускоренного решения острейших глобальных проблем и главной из них — сохранения и укрепления биосферы и биосферной жизни на Земле.

Труды автора написаны в контексте работы Междисциплинарной научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни, функционирующей при Брянском государственном техническом университете и возглавляемой профессором, д. ф. н. Э.С. Демиденко с 2002 г., окончившим в 1959 г. наш вуз и проживающим в Калининграде. Автор выполняет обязанности соруководителя школы. Вместе с профессорами Э.С. Демиденко и д. ф. н., к. т. н. Н.В. Попковой автором были написаны в 2007–2011 гг. совместно три монографии со строгим разделением текстов [5–7]. Разрабатываемая школой проблематика техногенности общественного и социоприродного развития расширяет в науке понимание экологической проблематики, особенно в областях трансформации биосферы и человека. Школа особое внимание уделяет игнорируемой мировым сообществом одной из основ биосферы — почвенному покрову, который оголился за 10 тыс. лет на половине суши Земли и может окончательно погибнуть уже в XXII в. Как показывает анализ

ученых школы, уже в XXII в. и Россия может оказаться без почв даже в черноземных областях.

Направление исследований школы признано в России многими научными и общественными организациями, включая РАН (письмо от 11.05.2012 № 4-Д-987-1851 за подписью вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова на основе всестороннего рассмотрения деятельности школы специалистами РАН и ИФ РАН, исх. письмо ИФ РАН № 14204/2113 от 18.01.2012), РАО, РЭА, РАЕ, факультетом глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. В ИНИОН РАН были проведены по нашей инициативе в 2014 г. две научные конференции «Антропо-техногенная деградация биосферы: есть ли выход из кризиса» с экспертами РАН, исследующими экологические, биологические, социальные и другие близкие к нам вопросы. Эксперты подтвердили верное направление исследований научно-философской школы и внесли предложения, касающиеся необходимости подключения большего числа научно-исследовательских институтов РАН к изучению развивающихся в мире интегрированных социотехноприродных процессов, приходящей на смену биосферно-биологической эволюции жизни уже социотехнобиологической эволюции. Поэтому решение только экологических проблем, поставленных в центр внимания на конференциях ООН, не приведет к положительному результату. Необходимы более глубокие исследования РАН смены эволюции жизни, в том числе и в России, и разработки подходов к ее сохранению [8]. РАН опубликован научный доклад (Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни. М. : РАН, 2017 [10]), который стал лауреатом конкурса лучших научных статей среди профессоров РАН (2018).

По инициативе и при участии автора (в статусе профессора РАН с 2015 г.) были организованы и проведены при поддержке ученых Отделения общественных наук РАН две международные междисциплинарные конференции по фундаментальным и прикладным проблемам социально-эконо-

мического и экологического развития «Экономика в условиях социально-техногенного развития мира» (2016, 2017). Автор является членом редколлегии (ответственным секретарем с 2007 г.) ежегодного сборника научных статей «Проблемы современного антропосоциального познания», издаваемым БГТУ с 2003 г. для отражения проблематики нового видения мира.

Автор становилась 23 раза победителем и лауреатом международных, всероссийских и региональных конкурсов работ в номинациях «философия», «экономика», «социология», «экология», «социальная педагогика». Имеет благодарность президента РАН академика В.Е. Фортова за содействие в развитии сообщества профессоров РАН и активное участие в реализации задач РАН (2016). Опубликовала более 150 научных работ, из них 12 монографий, в том числе 4 личных, 3 в соавторстве, 52 статьи в ведущих научных российских и зарубежных журналах, в том числе 42 — в журналах, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России, три — базы Web of Science, две — Scopus, пять — другие зарубежные издания.

Список литературы

1. *Дергачева Е.А.* Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ : монография. М. : Ленанд/URSS, 2016. 256 с. (16 п. л.).
2. *Дергачева Е.А.* Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации : монография. М. : Либроком/URSS, 2009. 232 с. (14,5 п. л.).
3. *Дергачева Е.А.* Философия техногенного общества : монография. М. : Ленанд/URSS, 2011. 216 с. (13,5 п. л.).
4. *Дергачева Е.А.* Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности : монография. Брянск : Изд-во БГТУ, 2005. 219 с. (12,72 п. л.).
5. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Техногенное развитие общества и трансформация биосферы : монография. М. : Красанд/URSS, 2010, 2017. 288 с. (18 / 10,7 п. л.).

6. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира : статьи, понятия, термины : науч. изд. М. : Всемирная информ-энциклопедия ; Брянск : Изд-во БГТУ, 2011. 388 с. (26,65 / 8,2 п. л.).
7. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Техногенное общество и земной мир : монография / под ред. Э.С. Демиденко. Брянск : Изд-во БГТУ ; М. : АНО «Всемирная информ-энциклопедия», 2007. 377 с. (21,91 / 8,5 п. л.).
8. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Глава 2.2. Смена направленности эволюции жизни в условиях социально-техногенного развития // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий : коллективная монография / отв. ред. д. ф. н., проф. И.К. Лисеев (сектор био- и экофилософии ИФ РАН). М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 344 с. С. 185–208. (1 п. л. / 0,6 п. л.).
9. Дергачева Е.А. Раздел 2. Социотехноприродная реальность: исследования ее формирования и потребность учета ее в социальной педагогике // Арнольдов А.И., Григорьев С.И., Гурьянова М.П., Гусякова Л.Г., Дергачева Е.А., Демиденко Э.С., Морова Н.С., Силласте Г.Г., Сорочинская Е.Н. Социальная педагогика в России: на острие времени : коллективная монография / под ред. М.П. Гурьяновой ; ФГНУ «Институт социальной педагогики» РАО. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. 190 с. С. 34–53 (11,87 / 1,2 п. л.).
10. Демиденко Э.С., Дергачева Е. А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни : науч. докл. М. : Изд-во РАН, 2017. 28 с. (1,6 / 0,8 п. л.).

© Дергачева Елена Александровна

Синеокая Юлия Вадимовна*

О ЗНАЧЕНИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И РОЛИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ

В своей научной деятельности я выделяю два основных вектора:

1) *историко-философские исследования*, цель которых — посредством изучения отечественного и зарубежного философского наследия (публикаций, архивных документов, черновых и эпистолярных материалов, мемуаров) проанализировать мыслительные установки, духовные и социальные парадигмы прошлого и сегодняшнего дня. Эта работа важна для того, чтобы, во-первых, показать уже имевшую место логику трансформации идей и смыслов, а во-вторых, выявить возможные перспективы становления российской и европейской интеллектуальных традиций в будущем;

2) *практические проекты*, направленные на *вхождение академической философии в публичное пространство*. Значи-

* Синеокая Юлия Вадимовна — доктор философских наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Института философии РАН.

мость просветительской и популяризаторской деятельности профессиональных философов определяется для меня тем, что, с одной стороны, она способствует коммуникации внутри научного сообщества, а с другой — помогает людям, далеким от науки и принадлежащим к разным профессиональным, социальным и возрастным группам, ориентироваться в мире, формировать личную систему ценностей, находить смысл в повседневной жизни.

Существенное внимание я уделяю проблеме философской коммуникации, объединяющей теоретическую и практическую стороны моей работы.

I. Жизненный мир в философии

Экзистенциалы как отправной пункт исследования философских парадигм

Классический историко-философский подход к работе с текстами предполагает изучение философских концепций в их становлении, выявление логики развития и трансформации идей. Будучи сторонником этой традиционной методологии, активно применяя ее в собственной работе при изучении масштабных феноменов, я считаю возможным дополнить ее новым ракурсом, при котором отправным пунктом в исследовании философских парадигм служат не идеи, а экзистенциалы.

Мною задуман и реализуется проект изучения рождения и развития философских установок внутри малых философских сообществ и групп, основанный на исследовании межличностной, экзистенциальной коммуникации авторов. В ходе своих занятий я не раз убеждалась в том, что зачастую философские труды не прямая исповедь их создателей, а философские концепции могут являться эманациями дружеского и даже любовного общения.

Я различаю *два типа философской коммуникации — межкультурную (I.1) и межличностную (экзистенциальную) (I.2).*

Историко-философский анализ, в котором отправным пунктом исследования служат идеи, более эффективен, на мой взгляд, при изучении явлений **межкультурной коммуникации**. Приведу два примера философского анализа межкультурной коммуникации.

I.1.1. В течение ряда лет моя работа была сконцентрирована на таком масштабном феномене, как русская ницшеана (результаты изложены в книгах: Синеокая Ю.В. *Три образа Ницше в русской культуре* (2008); *Ницше сегодня* / автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая (2019); *Ницше: Pro et Contra* / ред.-сост. Ю.В. Синеокая (2001); *Фридрих Ницше и философия в России* / ред.-сост. Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая (1999) и серии статей). Целью работы было выявление логики становления отечественной философии посредством принятия и отвержения российскими интеллектуалами творчества Ницше. Ницше играл в моих исследованиях роль лакмуса (индикатора перемен) при определении ключевых моментов смены философских парадигм в России в течение последних 130 лет. (История отечественного ницшеведения берет свое начало с последней декады XIX столетия и продолжается сегодня.) Этот подход помог мне выделить специфику проблемного поля и философских установок, характерных для досоветского (русский религиозный ренессанс рубежа XIX–XX вв.), советского и постсоветского этапов в отечественной интеллектуальной традиции. Я различаю три вектора русской ницшеаны: 1) приоритет религиозно-метафизической проблематики (с акцентом на дихотомию иерархизма и стихийности в культуре и концепцию «сверхчеловек versus богочеловек»). Эта парадигма сложилась под влиянием прочтения Ницше деятелями Серебряного века русской культуры конца XIX — начала XX столетий; 2) преобладание прагматической (идеологической) составляющей философского знания, характерной для советского периода и первых лет эпохи перестройки. Эта установка была задана содержащейся в сочинениях Ницше критикой социализма, религиозного

фундаментализма, его призывами к поиску новых интерпретаций демократии, либерализма, консерватизма (концепция «большой политики» Ницше в контексте дилеммы «родное и вселенское», установка на формирование нового человека); 3) стратегический (ценностный) подход, характерный для рубежа прошлого и нынешнего столетий, связанный с востребованностью ницшевского проекта философии как созидания и переоценки ценностей, как законотворчества (противостояние глобализма и неоконсерватизма и проект пост(сверх)человека).

Многочислен был проведен анализ логики восприятия творчества Ницше его российскими читателями, выявлены причины попеременного перехода от резкого осуждения идей философа до их восторженного принятия. Представителями классического идеализма (конец XIX столетия) Ницше был провозглашен *persona non grata*, но уже к началу XX в. философ стал кумиром деятелей Серебряного века русской культуры. Затем взлет популярности Ницше сменился более чем шестидесятилетним запретом на сочинения философа в Советской России. Этот запрет был нарушен лишь однажды, в 1930–1940-е гг., когда Ницше подвергся уничижительной критике как сторонник милитаризма, расизма, шовинизма и предтеча фашизма. К началу нынешнего столетия либеральная горбачевская перестройка, давшая новый импульс академическому изучению трудов Ницше на рубеже XX–XXI вв., уступила место «консервативной революции», осудившей «неоязычество» Ницше. Одновременно с этим вот уже более десяти лет идеи Ницше востребованы у представителей философской антропологии и теоретиков трансгуманизма.

1.1.2. Другим успешным примером межкультурной коммуникации, на этот раз направленной на исследование наследия философа, а не рецепции его идей, стал коллективный труд: *Фридрих Ницше: наследие и проект* / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая, Е.А. Полякова (2017). Цель книги — выявить проблемное поле ницшеведения первой четверти XXI сто-

летия и способствовать сотрудничеству ученых из разных стран. 32 ницшеведа из 13 государств, отвечая на поставленные мною перед ними вопросы, обсудили, какие именно концепции Ницше оказались наиболее востребованы в XX в., поспорили об ответственности Ницше за идеологию национал-социализма, обменялись мнениями о том, какие идеи Ницше будут востребованы в XXI столетии.

Теперь кратко обозначу, как работает историко-философский анализ, отправным пунктом которого служат экзистенциалы, на примере *межличностной (экзистенциальной) коммуникации* в малых философских сообществах.

I.2.1. Первый пример касается исследования межличностной (экзистенциальной) коммуникации в дружеских союзах. Для этого обращаюсь к важнейшему документу начала XX в. — небольшой книге *Переписка из двух углов* (Петроград, 1921). Авторы книги, историк отечественной общественной мысли М.О. Гершензон и философ-поэт В.И. Иванов, ведут спор, суть которого кратко можно обозначить так: «религиозный мистицизм versus культурный нигилизм».

Хайдеггер утверждал, что не человек обладает свободой, а свобода обладает человеком таким удивительным образом, что только она и ставит его в связь со всем сущим. Диалог друзей состоялся в таких условиях, когда само сохранение мыслительной свободы и верности своим исканиям, в ситуации исторических и личных катастроф, было духовным подвигом. При этом в книге нет ни одного прямого указания на страшные события постреволюционных лет, обсуждаются «последние вопросы бытия»: о Боге, культуре, гуманизме, связи интеллектуального наследия с жизнью.

«Переписка», вызвавшая отклики Шестова, Флоровского, Ортеги-и-Гассета, Бубера, Марсея, Берлина, Элиота, не была плодом литературного гурманства или инсценировкой Это действительно переписка из двух сторон одной комнаты московской здравницы для работников науки, в которой голодным летом 1920 г. волей случая оказались двое близких това-

рищей, далеких друг от друга по духовному опыту. Диалогу в письмах предшествовали публикации, выявившие расхождения друзей во взглядах на современное состояние культуры, однако первоначально идеи, составившие ядро знаменитых писем-эссе, были облечены в жанр академического монолога.

Полемика в 12 письмах вошла в историю мысли как своеобразное возобновление в постреволюционной России векового спора между реалистами и номиналистами. Русская мысль традиционно обращена к вопросу о значении культуры. В культуре видели то результат сознательных усилий людей по созданию всеобщего счастья на земле, то собрание духовных ценностей, сформулированных ушедшими поколениями, то воплощение христианского идеала в истории. «Переписка» подвела итог многолетней дискуссии интеллигенции о смысле и роли культуры, отразив основную оппозицию, указывающую на водораздел между «устремлением к thesaurus» (аргументация Иванова) и «жаждою *tabula rasa*» (позиция, утверждаемая Гершензоном). Так был вычеканен символ двух культурных парадигм, завладевший воображением нескольких поколений.

Оптимистическое отношение Иванова к культурному наследию опиралось на его веру в силу человеческого творчества. В его письмах слышен отзвук идей Чаадаева о том, что творчество не зависит от существующих на том или ином отрезке истории социальных, экономических и политических реалий, поскольку личность при любых обстоятельствах может найти вдохновение для духовного созидания. Поэт сохранил цельность своего мирозерцания, поскольку оправдание им культуры основывалось на вере в ее религиозный смысл.

Гершензон, напротив, приветствовал нигилистический бунт против омертвевших культурных форм. Его письма к другу — предупреждение об опасности. Культура заражена фетишизмом; создания личного и коллективного творчества, отделившись от породившего их человека, начинают жить самостоятельной жизнью, давая начало новым образовани-

ям, чуждым их создателю. Культурные образования множатся помимо воли человека, а ему в этом процессе отводится лишь служебная роль. Идеал культуры — свободная община творческих личностей — обернулся в действительности подневольным трудом работников, которые не понимают цели своих усилий. Наряду с ценностями-фетишами Гершензон выделяет в особый класс так называемые «отвлеченные ценности»: «Из многих “Гамлетов” и “Сикстинских Мадонн” путем отвлечения возникла общая ценность — Искусство; и так родились они все, — Собственность и Нравственность, Церковь и Религия, Национальность, Культура, и сколько, сколько еще: все из эманации лучшей крови самых горячих людских сердец. И каждая из них имеет свой культ, своих жрецов и верующих. Государство жаждет мощи. Национальность — единства. Промышленность — развития и т. д.; так, призраки сами, они реально повелевают миру, и чем отвлеченнее ценность, тем она прозорливее и беспощадней»¹. Свое восстание против культуры Гершензон объяснял распадом личных и социальных скреп.

Оба товарища мечтали о новой культуре, суть которой виделась им в том, чтобы личное стало опять совершенно личным, но переживалось бы как всеобщее; чтобы «человек знал во всяком своем проявлении, как Мария, заодно и свое дитя и Бога»². Однако пути к этому идеалу виделись ими разные. Для Гершензона залог построения «подлинной культуры» — самодовлеющая личность. Религиозный гуманист Иванов, отрицая антропологизм руссоистского типа, полагал, что творческая свобода может быть обретена не «разрушением следов былого», а верою в Бога.

Друзья прервали спор, так ни о чем и не договорившись. Но спустя несколько лет недавние оппоненты пришли к сходным выводам. Их примирило признание трансцендентного бытия источником свободы и творчества как для отдельно-

¹ Иванов В., Гершензон М.

² Там же. С. 36.

го человека, так и для культуры. Подобно блаженному Августину, друзья-спорщики призвали к преодолению себя ради того, чтобы стать собой: “*transcende te ipsum*”³. Это примирение было облегчением и торжеством для каждого из них.

Настоящая дружба — редкий дар. Она подобна «двери, распахнутой в метафизический опыт человека» (Франсуа Федье)⁴. Понять и верно выразить себя, прийти к себе возможно лишь благодаря другому. Дружба, воспетая Аристотелем, Цицероном, Монтенем, Гельдерлином, Лессингом, Ницше, — одна из основополагающих ценностей европейской культурной традиции. Истинная дружба — высшая форма общественной солидарности — противоположна тотальному единомыслию. В сообществах, где царит одно мнение на всех, людям не о чем говорить, нечего обсуждать. Талант дискуссии, диалога, в котором собеседника слушают и чутко слышат, понимают и принимают как другого, составляет сущность дружбы. Ханна Арендт считала, что основой дружбы для древних греков была беседа, обсуждение. «Иного образа для открытости другому, для совместного переживания смысла, чем речь и слушание, античность не знала»⁵. Именно о таком духовном сродстве со своим товарищем — «совоприсником» и оппонентом — и говорит в «Переписке» Вячеслав Иванов: «Ничем лучшим не могут одарять друг друга люди, чем уверяющим ясноведанием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания»⁶. Товарищество — точное определение сотворчества Иванова и Гершензона, именно дружба задавала вектор индивидуальных духовных исканий каждого из них.

³ Превзойди самого себя (лат.).

⁴ *Fédier François*. Voix de l’ami. Editions du Grand Est, 2007. P. 14.

⁵ *Арендт Х.* Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований. 2003. С. 35.

⁶ *Иванов В., Гершензон М.* Переписка из двух углов // Гершензон М.О. Избранное: в 4 т. Т. 4. Тройственный образ совершенства. М.; Иерусалим, 2000. С. 23–24.

К наиболее существенным для философской традиции межличностным экзистенциальным коммуникациям я отношу дружбу Мишеля Монтеня и Этьена Ля Боэси; Гегеля, Шеллинга и Гельдерлина, Анри Бергсона и Уильяма Джеймса, Ханны Арендт и Карла Ясперса, Жана-Поля Сартра и Альбера Камю, Густава Шпета и Льва Шестова, Никиты Струве и Семена Франка и др.

1.2.2. В качестве итога практического применения описываемого мною подхода назову книгу *Философские эманации любви* / авт. идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая (2018). В этом труде показано, как из переплетения личных и творческих судеб мыслителей выкристаллизовываются философские тексты. Книга содержит анализ рождения философских концепций из сродства душ. Исследование наследия философских союзов, чье творчество освещено обоюдной любовью (например, Пьер Абеляр и Элоиза, Фридрих Ницше и Лу Саломе, Сабина Шпильрейн и Карл-Густав Юнг, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар и др.), сложилось в летопись творчества философов разных эпох, живших в разных странах, работавших в разных мыслительных парадигмах. История формирования философских концепций представлена как «биография» идей и смыслов. В перипетиях судеб героев этой книги читатели не найдут ни утешения, ни назидания, но узнают, как из любви-страсти, любви-опоры, любви-упоения, любви-поддержки, любви-ослепления, любви-служения, любви-дружбы складывается философская традиция.

II. Академическая философия в жизненном мире

*Философия в публичном пространстве:
опыт трансляции и аккумуляции знания*

Будучи членом Комиссии по популяризации науки при Президиуме РАН, я считаю существенной составляющей своей работы деятельность, направленную на вхождение отече-

ственной академической философии в публичное пространство России и русскоязычного мира за пределами нашей страны. В последние годы мною инициированы и ведутся два научно-просветительских проекта.

Об одном из них, «Философская мастерская», скажу кратко, поскольку он функционирует второй год и только начинает завоевывать популярность. Другой же проект — «Анатомия философии» — существует шестой год и получил признание научного сообщества. Несмотря на то что это начинание продолжается, сегодня уже можно говорить о нем как о состоявшемся феномене. В 2017 г. за проект «Анатомия философии» я была удостоена звания «Лауреат Золотой медали РАН» за выдающиеся достижения в области пропаганды научных знаний «Научные достижения России» в номинации «Гуманитарные и общественные науки».

П.1. Цель «Философской мастерской» — вовлечение начинающих исследователей в научную жизнь. Этот проект, объединяющий на платформе Института философии РАН отечественных и зарубежных философов, популярен у молодых ученых, для которых участие в работе «Философской мастерской» является свидетельством их признания научным сообществом. Проект состоит из трех циклов:

1) В цикле «Лаборатория» молодые ученые обсуждают свои исследования с известными интеллектуалами, чье мнение для них важно. Задача «Лаборатории» — помочь талантливым магистрам, аспирантам и докторантам на том этапе их работы, когда основной тезис диссертации уже продуман и частично изложен в публикациях или в виде рукописи, но до защиты еще есть время, чтобы воспользоваться советами профессионалов. Молодые исследователи, приглашенные к участию в работе «Мастерской», присылают аннотацию своего выступления и имена экспертов, чье мнение о своей работе им важно услышать. Принявшим приглашение экспертам рассылаются специально подготовленные участниками развернутые тексты, на основании которых можно составить

представление о презентуемых исследованиях. Обсуждение работы каждого из участников длится один час, в течение которого заслушивается доклад молодого ученого и комментарии экспертов. В оставшееся после выступлений экспертов время молодой ученый может ответить на прозвучавшие замечания.

2) В цикле «Мастер-класс» известные философы дают уроки профессионального ремесла молодым коллегам, выступают с практическими советами и делятся опытом работы. «Мастер-класс» проходит в формате авторского выступления, затем следуют вопросы слушателей.

3) Цикл «Круглый стол» включает в себя беседы об актуальных аспектах интеллектуального наследия ушедших из жизни философов, творчество которых сегодня можно рассматривать как законченный феномен, обретающий будущее в работах последователей, учеников и оппонентов. Цель дискуссий — дать прошлому будущее. В обсуждении участвуют как признанные специалисты в обсуждаемой области, так и юные коллеги.

С весны 2018 г. в рамках этого проекта состоялось 11 мероприятий, все они представлены в видеозаписях на сайте Института философии РАН: https://iphras.ru/phil_master.htm

II.2. Более подробно я бы хотела рассказать об опыте работы совместного проекта Института философии РАН и московской городской библиотеки им. Ф.М. Достоевского, основателем, руководителем и модератором которого являюсь. К сегодняшнему дню по результатам работы проекта записано 89 видеопередач, вышла серия публикаций в журналах: «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки», «Человек». При поддержке РФФИ (грант на издание лучших научных трудов) мною, по материалам проекта в качестве редактора-издателя и автора, опубликованы три книги: «Анатомия философии: как работает текст» (2016, объем 78 а. л.), «Фридрих Ницше: наследие и проект» (2017, объем 66,4 а. л., совместно с Е.А. Поляковой) и «Ницше

сегодня» (2019, объем 19,5 а. л.). Подготовлен к печати том «Реплики: философские диалоги» (ориентировочно этот том будет издан в 2020 г., объем 82 а. л.).

Целью проекта является пропаганда и популяризация достижений отечественной академической философии как среди интеллектуалов, так и среди широкой публики. Запуская проект, я видела задачу в создании в центре Москвы открытой городской философской площадки — интеллектуального клуба, где ведущие исследователи Института философии РАН, при участии авторитетных коллег из других исследовательских центров и вузов, могли бы регулярно проводить встречи со всеми, кто интересуется мировой философской мыслью, рассказывать слушателям о классических и новейших философских школах и направлениях, представлять и комментировать известные и малодоступные философские тексты, проводить открытые философские диспуты с привлечением широкой аудитории. Такой площадкой стала столичная муниципальная библиотека им. Ф.М. Достоевского (Чистопрудный бульвар, 23).

Вскоре после запуска проекта весной 2014 г. первоочередной задачей стало расширение числа участников посредством вовлечения в его работу людей из других регионов России и проживающих за рубежом. Проект приобрел международное значение, его целевая аудитория — россияне, «русский мир» за рубежом, граждане других стран, интересующиеся российской культурой и философией и понимающие русский язык. В проекте используются мультимедийные формы освещения происходящих в библиотеке встреч. Налажена трансляция презентаций проекта онлайн, ведется открытый архив видеоматериалов проекта в Интернете (“You Tube”) и на сайте Института философии РАН http://iphras.ru/anatomia_text.htm. Во многих городах России (Симферополе, Нижнем Новгороде, Томске, Махачкале) при университетах и книжных магазинах созданы философские клубы, участники которых собираются, чтобы обсудить беседы философов

после очередного мероприятия в библиотеке. Они смотрят видеозаписи проекта и проводят собственное обсуждение. Активисты таких философских клубов поддерживают связь со мной по Интернету. Проект известен в странах СНГ, Польше, Сербии, Израиле, Канаде, США.

Встречи в библиотеке в рамках проекта «Анатомия философии» проводятся еженедельными циклами. К сегодняшнему дню реализовано три цикла: «Лекции по истории мировой философии» (38 лекций), лекции «Творчество Фридриха Ницше в историко-философском контексте» (10 лекций), философские беседы «Реплики» (41 диалог), проект продолжается. На конец 2020 г. запланирован старт четвертого цикла «Экслибрис».

«Философские четверги» на Чистопрудном собирают людей, принадлежащих разным культурным поколениям и интересующихся философской мыслью независимо от избранных ими профессий, религиозных и политических предпочтений. Заметное большинство аудитории составляют студенты и аспиранты. Примечательно, что лекции и диалоги носят академический характер, ведутся на профессиональном языке, без упрощения и снижения интеллектуального уровня обсуждаемых проблем.

Первоначально замысел проекта состоял в том, чтобы знакомить собравшихся с историей философской мысли. Однако из дискуссий со слушателями, неизменно следующих за каждой лекцией, стало очевидным, что не стоит ограничивать тематику встреч философским наследием. В библиотеку стали приходить специалисты по этике, социальной философии, эпистемологии, психологии, философии науки. На смену жанру лекций пришел формат диалога, философских бесед, неизменно заканчивающихся «репликами из зала» и свободным диспутом со слушателями. Гости библиотеки составляют лишь малую часть аудитории проекта, основная аудитория — это те, кто смотрит видеозаписи передач «Анатомия философии».

Принципиальным условием проекта является участие в его работе разных поколений исследователей. Общее число ученых — участников проекта, выступивших перед широкой аудиторией, превысило цифру 100. Важная составляющая работы — обратная связь, прямой диалог автора и читателя. Беседа напрямую с читателями своих книг — высочайшая ценность для каждого исследователя. В рамках проекта «Анатомия философии» такие встречи происходят постоянно. Ученые получили возможность делиться своими достижениями с читателями-слушателями без интерпретаторов и посредников. Свободное общение, формирующее чувство человеческого достоинства, открывающее возможности самосовершенствования, живой диалог, коммуникация важны как для слушателей проекта, так и для самих ученых.

Замечательная особенность этого проекта состоит в том, что он является инициативным, функционирует на добровольных общественных началах, держится на энтузиазме. Проект осуществляется без каких-либо грантов, материальных поощрений, рейтинговых очков. Он является индикатором интеллигентности, человеческой и академической доброкачественности российских философов.

Проекты «Анатомия философии» и «Философская мастерская» способствуют общению и взаимопониманию между людьми, укрепляют авторитет академической философии в России, дают ясные ответы на вопросы: «Зачем нужна философия и какая от нее практическая польза?» и «Чем занимаются ученые из Академии наук?»

© Синеокая Юлия Вадимовна

Чубаров Игорь Михайлович

АНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И КРИТИКА НАСИЛИЯ

Оправдано всякое зло, видом
коего наслаждается некий бог.

Ф. Ницше

1. Проблематизация понятия насилия

У философии есть не решенные в рамках ее истории, методологии и языка проблемы. Центральной из них выступает проблема насилия. Мы имеем в виду принципиальный и даже трансцендентальный уровень этой проблемы, а не то бытовое насилие, связанное с ограничением потребностей и принуждением, с которым мы каждодневно сталкиваемся и которое практикуем сами. Философски проблема насилия должна быть поставлена на уровне условий его (не)возможности или обоснования его негативной идеи — идеи «чистого насилия», сама непредставимость которой для разумных существ, в смысле подчинения насилию измерений «духовного» или сознательного, указывает на их сущностное подобие.

Аналитическая антропология рассматривает насилие не только как бытовой эксцесс, шоковый художественный образ, радикальное юридическое или политическое средство, но и как позитивный антропологический гештальт, очерчивающий границы человеческой телесности, восприятия и мышления. Насилие предстает здесь как непризнанный двойник

основных философских понятий и самого разума. При этом критика насилия как своего рода quasi-кантианский проект гораздо больше отличается от пацифизма, этики ненасилия и правозащитных дискурсов, чем от предмета своей критики — насилия как такового.

Насилие беспокоит нас доставляемой болью и другими физическими и психическими последствиями ее применения вплоть до болезни и смерти, представляя поэтому интерес для множества наук — психологии, социологии, юриспруденции и т. д. Оно предстает в них в виде индивидуальных, случайных и одновременно связанных с природным происхождением человека эксцессов, аффектов, проявлений агрессии и т. д., лишь изредка затрагивая принципиальный уровень проблемы. В обыденном сознании насилие допускается как некая по умолчанию принимаемая предпосылка, объясняемая естественными целями выживания, по отношению к которым оно выступает как вынужденное, а в определенных контекстах даже безальтернативное средство. При этом вопрос о социальном содержании и историческом происхождении этого понятия, его отношении к понятиям свободы, справедливости и права чаще остается вне рассмотрения.

2. Что такое насилие

Расхожее представление о насилии как проявлении «злой природы» человека, принятое в рамках религиозно-идеалистической картины мира в образах олицетворения зла или идеи свободного выбора, способно объяснить и тем самым оправдать его любые проявления. С другой стороны, вульгарно-материалистическая постановка проблемы насилия фактически поддерживает сходный тезис, связывая насилие с животным происхождением человека, по отношению к которому сознание или разум выполняют роль законодателя или судьбы. Эти два основных философских подхода к при-

роде насилия сходятся в идее перевоспитания и постепенной гуманизации человека в истории.

Философская критика насилия отличается от перечисленных подходов прежде всего тем, что не пытается объяснить этот феномен отчужденно, априори оправдывая его в рамках избранных моральных доктрин, подбирая для этого *ad hoc* справедливые цели и оправданные средства. Напротив, она хочет проследить, насколько далеко заходит взаимодополнительность разума и насилия, то есть изначально рассматривает насилие как амбивалентный феномен, связь которого с разумом позволяет ему выживать в социальной истории, принося в жертву своей божественной природе все новые кровавые жертвы. Разум здесь используется инструментально, но привычка мыслить насилие субстанциально и не оставляет ему иного выбора.

* * *

Мы ставим вопрос традиционно философски: что означает слово «насилие», или, например, каково значение фразы «насилловать кого-нибудь», а не что лежит в основе насилия как его «природа», «истина» или «сущность» — животная агрессия, бог или власть? Также нас интересует не происхождение насилия, а формы ее рационализации, эстетической и поэтической репрезентации и морального оправдания в истории. Ниже мы коснемся важнейшего аспекта проблемы насилия, связывающего его с такой популярной в философии темой, как свобода воли.

Традиционно насилие определяют как ограничение свободной воли человека, принуждение его к чему-то против этой воли вплоть до обращения в рабство и убийства. При всей феноменологичности подобного определения нельзя не увидеть его опору на ряд метафизических предпосылок, прежде всего таких как «свобода» и «воля». Но уже Фридрих Ницше («К генеалогии морали», 1887) обратил внимание на теологическое происхождение понятия свободной воли,

противопоставив ему понятие «воля к власти» как основу всех наших моральных норм и ценностей. Генеалогия моральных ценностей у Ницше предлагала их переоценку, т. е. не столько создание новых ценностей, сколько интерпретацию традиционных, с демонстрацией (если не разоблачением) их истинной природы или «нравственности нравов», которые он усматривал как раз в насилии, проявлявшемся в истории в формах наказания и причинения боли и страданий, приносящих удовольствие его субъектам. Само это удовольствие понималось Ницше в качестве эквивалента неоплаченных долгов (Schulden), этимологическая связь которого с понятием долга морального и чувства вины (Schuld) намекала на справедливость его радикальной генеалогической гипотезы. Насилие, по Ницше, применялось к человеческим телам в истории с целью вменения им памяти и самой способности размышлять — соотносить причины и следствия, платить по счетам и обещать себя в качестве будущности. Несмотря на парадоксальную, антитетическую манеру выражения, именно Ницше стал первым философом XIX в., инициировавшим антропологический и критический анализ понятия насилия в современности. Дальнейшая критическая традиция в истории современной философии, религиоведения и антропологии, концептуально обращавшаяся к проблематике насилия, — В. Беньямин, Х. Арендт, Э. Левинас, Ж. Деррида, Р. Жирар и другие., — предложила более позитивные ответы на вызовы насилия, связанные с их (апофатическим) осмыслением в теории, символическим преодолением в искусстве, изживанием в истории и в социальной действительности.

3. Свобода воли и насилие

Причинение боли, убийство и другие ограничения свободы действий и желаний вменяемой личности или безответственного субъекта (даже животного) мы называем наси-

лием. Согласно этой логике, причинение боли или смерти с согласия другого человека, как исполнение его желания или при отсутствии сопротивления со стороны любого живого существа должно считаться ненасильственным действием. Но, скорее всего, мы воспримем и оценим подобные действия как насилие и с согласия претерпевающих их субъектов. Причина этого в том, что понятие свободы сформировано в нашем обществе из некоего нормативного представления о человеке и его свободной воле. А осуждение насилия обусловлено не заявленной в его словарном определении ценностью метафизической свободы и этическим понятием свободной воли, а фундаментальной ценностью человеческой жизни, неотчуждаемым правом на жизнь. Поэтому причинение человеку боли с его добровольного согласия будет расценено нами как моральное отклонение и нарушение фундаментальных прав человека даже со стороны самого насилуемого. В предельном случае — самоубийство человека, совершенное в здравом уме и трезвом рассудке, будет квалифицировано как преступление и нарушение права на жизнь, хотя именно в этом акте понятие индивидуальной свободы получает вроде бы свое наиболее полное выражение. Насилие здесь — это посягательство на бытие человека, понимаемое как его сила и власть, а не на его волю. Иначе пришлось бы признать, что в самоубийстве человек совершает насилие против своей воли, а не исполняет ее (случай Свидригайлова как литературный пример: Свидригайлов совершает суицидальный акт не в противоречии со своей суверенной волей или желанием, а следуя ей и его исполняя. Но обретает свою свободу в акте самоубийства, потому что это почти единственно свободное, что он мог сделать перед лицом тотальной определенности своих желаний со стороны других людей, общества и государства. Именно поэтому Раскольников так завидовал своему двойнику Свидригайлову, пошедшему в проблематизации преступления и закона гораздо дальше доморощенного ницшеанца). В этом смысле

все самоубийцы уравниваются в контексте анализа причиняемого ими в отношении самих себя насилия, рассматриваемого здесь исключительно с точки зрения средств, — в данном случае лишения себя жизни, — а не его причин, целей или последствий. Поэтому образ Свидригайлова, как и других литературных самоубийц, дает нам ключ к сложной проблеме самонасилия.

Мы исходим здесь из возможности сознательного, не обусловленного психическим расстройством или невыносимыми условиями физического существования (смертельное заболевание и т. д.) суицида. Так понимаемое самоубийство демонстрирует недостаточность определения насилия через ограничение свободы воли и позволяет по-новому взглянуть на само понятие свободы, ведь если обернуть определение насилия через ограничение свободы воли, сама свобода предстанет как право применять насилие не только к другому, но и к самому себе. Но именно этой свободы индивид в современном государстве давно лишен. В определении самоубийства как самоограничения свободы собственным желанием индивида вообще пренебрегают. С точки зрения государственной власти человек не имеет права лишать себя жизни, портить, так сказать, общественное имущество своего тела, причиняя себе телесное увечье или страдание, ведь применяющий насилие в отношении самого себя индивид в результате теряет не только жизнь, но силу и власть. А это уже государственное «имущество». И хотя по факту в правовом обществе и полицейском государстве самоубийца лишен и того и другого, своим действием он символически посягает на что-то находящееся в нем, но как бы ему не принадлежащее. Самоубийца здесь как бы ограничивает права человека в себе, насилует в себе человеческое, осуществляя тем самым акт негативной свободы равносильный принятию смерти. Но тогда сама эта воля приобретает не индивидуальный, а коллективный характер. Если человек, доставляя страдание, боль или смерть

самому себе, и ограничивает чью-то свободу, то не свою, а, так сказать, социальную.

Субъект здесь как будто расщепляется, когда, например, сознательно решаясь на самоубийство, в последний момент хватается за жизнь. По сути, общество и государство пытаются своими установлениями присвоить проявляющееся времени в человеке доиндивидуальное, природно-животное или биологическое, грубо подменяя его социальным и моральным, но лишая его тем самым индивидуального. Именно поэтому государственное право и общественная мораль оценивают самоубийство как преступление, проявление психической патологии или грех.

Желание анонимной власти (в генетивус субъективус), как ее воля (не путать с «волей к власти» Ф. Ницше), выступает здесь последней истиной или реальностью, по отношению к которой любые попытки субъективного протеста, то есть проявления индивидуального желания, (объ)являются преступлением. Разумеется, анонимная власть делает это не ради живущих, а ради себя самой ввиду непомерной и недоступной ей претензии на насилие со стороны субъекта, которое он способен проявить лишь в суицидальном акте. Господствующая юридическая риторика при этом только прикрывается заботой о гражданах, пугая их психическим заражением, якобы идущим от самоубийц. Но и здесь она заинтересована только в выживании определенного типа власти и права, а не блага конкретного человека. Не случайно официальная наука преимущественно объясняет самоубийства депрессией, психическими девиациями, смертельными болезнями или влиянием наркотиков, как бы априори лишая самоубийц права на рациональность и осознанный (свободный!) выбор.

Сказанное объясняет, почему в рамках современного права человек лишен возможности законного применения насилия на индивидуальном уровне, кроме редких и всегда спорных случаев самозащиты. Короче говоря, свобода воли

в определении насилия не предполагает волю конкретного индивида, которой всегда можно пренебречь или которую можно запретить, если она не соответствует установившимся в обществе нормативным представлениям о человеке. Положение свободной воли аналогично здесь праву на индивидуальное насилие, то есть власти индивида, а также самой его жизни, а они в нашем мире либо запрещены, либо ничего не стоят.

Правда, одновременно с этим право и общественная мораль объявляют свободу и жизнь высшими человеческими ценностями, которые и берутся защищать силами государств. Но по факту речь всегда идет только о «своей» жизни, а не жизни «врагов» или просто соседей, жизнью которых при любой конфликтной ситуации и столкновении можно пренебречь, ибо принципиальной ценностью она не обладает.

С некоторой долей провокативности можно по итогам этого рассуждения сказать, что свобода воли декларативно придана современному человеку только для того, чтобы нести юридическую ответственность за свои поступки. Но и обратно, именно юридической ответственностью обеспечивается человеческая свобода. Другими словами, свобода воли существует постольку, поскольку существуют законы, ограничивающие осуществление насильственных действий со стороны таких животных, как человек, в отношении других людей и животных.

Для защиты своей биологической жизни свобода воли человеку не нужна, ибо он ее и так будет инстинктивно защищать, даже когда решится покончить с собой. Генеалогия юридического запрета на насилие должна пролить свет на непредопределенность свободных действий человека какими-то внешними ему трансцендентными силами и биологическими программами и прояснить ее связь с вопросом об ответственности за свои поступки. Возможно, заодно мы сможем расставить новые акценты в вопросе об отношении мозга и сознания, *mind-body problem* и т. д.

4. Определения насилия: отношение или субстанция

Определение насилия из доклада **Всемирной организации здравоохранения** (WHO) уже 15-летней давности: «Н. — преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» (Доклад Всемирной организации здравоохранения (2002 г.). URL: http://who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf).

Определение из **Брокгауза — Ефрона**: «Н. — незаконное употребление силы против личности потерпевшего, принуждение его что-либо сделать или не делать, что-либо испытать или перенести. Н. может быть физическое или психическое; последнее всего чаще выражается в форме угроз. Н. может быть средством для учинения другого преступления (разбоя, грабежа, изнасилования, посягательства на личную свободу); тогда оно входит в состав последнего и им поглощается. Как самостоятельное преступление, Н. состоит в противозаконном употреблении силы против личности, не переходящему в иное преступление» (<https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B5/>).

Классическое определение Иохана Галтунга: насилием является любое предотвратимое посягательство на основные потребности человека и на жизнь в целом. Благодаря насилию возможности удовлетворения человеческих потребностей сводятся к минимуму или вытесняются на самый нижний уровень. К насилию причисляют также угрозу насилия. Установление различия между прямым и опосредованным, структурным насилием в отношении с четырьмя категориями

основных человеческих потребностей дают в итоге типологию (Gewalt, S. 913. URL: https://www.pedocs.de/volltexte/2015/1665/pdf/Vom_Menschen_Handbuch_Wulf_Christoph_D_A.pdf).

В соответствующих определениях бросается в глаза, что насилие — понятие сугубо опосредованное и относительное, за ним не может стоять никакой безоценочной, безотносительной реальности действия или субстанции. Это не мешает ему быть чем-то большим, нежели моральная оценка, принципиально не оценочным понятием. Насилие предстает в большинстве этих определений не как субстанция, а как отношение, которое устанавливается между человеком и объектом приложения его силы (ср. А.А. Гусейнов). На-силие — это применение или использование силы и власти (в немецком это одно и то же слово — Gewalt) в отношении любого объекта, теряющего в результате этого акта собственную силу и власть (нем. Macht). Другими словами, насилие — это превозмогание власти, победа над ней, что указывает на его позитивный характер, выводя соответствующее действие из сферы преимущественно отрицательных определений. Мы еще вернемся к этому моменту в связи с понятием «божественного» насилия у Вальтера Беньямина.

5. О «божественном» насилии Вальтера Беньямина

Согласно Беньямину («К критике насилия», 1921), инициируемое гневом насилие не направлено на устранение несправедливости, потому что сопровождается смертельными рисками и фатальными издержками для всех задействованных сторон. Причина этого казуса состоит в том, что между целью и насильственными средствами ее достижения вклинивается такое, часто не учитываемое, переживание, как удовольствие от ощущения превосходства над жертвой, от причинения ей страданий и боли, от созерцания ее агонии и смерти. Гнев соотносится скорее с соответствующими переживаниями, со-

проводимыми внутренней уверенностью в справедливости любого нашего субъективного поступка, «естественного» права на него. Эта добавка, подобно прибавочному труду в формировании стоимости товара, делает преследуемые на словах «справедливые цели» маскировкой фундаментальной экономики насилия, в которой не труд, а именно насилие выступает всеобщим эквивалентом. Соответствующее открытие и было сделано в свое время Ф. Ницше.

Аффект гнева, таким образом, манифестирует бытие субъектов насилия, но не их субъективную волю и уж тем более не декларируемую ими юридическую цель. На это указывает и травматический характер соответствующих переживаний, вызывающий заикленность на конфликте, потерю самоконтроля и сужение сознания. А это, в частности, говорит о невозможности каких-либо сознательных персонологических обоснований суверенных решений, обнаруживая преимущественно коллективный и бессознательный характер насильственных действий, сопровождающихся сакрализацией убийств, превращением их в ритуал или обретающих правовую легитимацию ввиду соответствующих законов, норм и моральных предписаний.

Беньямин указал на разрыв между правоустанавливающим и правоподдерживающим насилием, диалектика которого казалась до его критики исчерпывающей и подтверждала неустранимость насилия в истории человечества. Но правоустановление исходит из идеи злой природы человека, хотя она не злая, а животная, то есть невинная, а вот правоподдержание постоянно само дискредитирует достижения установленного права, вводя все новые предписания и законы *ad hoc*, подмывая основания государства и деградируя, таким образом, к доисторическому состоянию, унижая и таща за собой частного человека. Рассмотрение насилия в философии его истории позволяет вернуться в его доисторические и выйти в постисторические времена, занявшись его генеалогией и футурологией. Когда-то возникнув, наси-

лие может и завершиться последним актом божественного гнева — ядерной войной, экологической катастрофой или социалистической революцией. Именно о таком насилии как чистом и «божественном» писал Беньямин, противопоставляя его мифическому, в котором фикциональный рассказ о жизни становится ее законом. Социалистическая революция в этом смысле сродни извержению Везувия: винить в ней некого, праву оно не подотчетно, но жизнь после нее может и исчезнуть. Истина побеждает здесь реальность, а бытие, согласно Беньямину, проигрывает в ценности «справедливому бытию». В современных условиях это, конечно, звучит чересчур. Но именно поэтому мы больше не соблазняемся идеей революции.

© Чубаров Игорь Михайлович

Доклады кандидатов
в члены-корреспонденты РАН
по специальности
«СОЦИОЛОГИЯ»

Зубок Юлия Альбертовна*

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ: ОТ ОТРАСЛЕВЫХ ПРОБЛЕМ К СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ТЕОРИЯМ

На протяжении всего постсоветского периода актуальность молодежной проблематики постоянно усиливалась. Это связано с множеством социальных проблем, возникающих во взаимодействии молодежи с трансформирующимся обществом. Их предпосылки содержатся в радикальной смене общественной системы, способах их функционирования и социальной регуляции. Без их фундаментального осмысления невозможен полноценный анализ и поиск путей решения.

В развитии социологии молодежи как отрасли научного знания возникли три фундаментальные проблемы. Во-первых, изменение механизмов социального регулирования опережало уровень их научного осмысления. Многие социологические механизмы не были разработаны на уровне общесоциологических теорий с учетом изменившихся условий и не могли служить решению отраслевых задач. Во-вторых, сформировавшиеся в рамках отрасли концепции молодежи носили преимущественно социально-философский характер, но требовалась их эмпирическая верификация. В-третьих, в жизнедеятельности молодежи возникали новые явления,

* Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи ИСПИ РАН.

которые требовали изменения научной парадигмы. Все это стало стимулом к бурному развитию отраслевых теорий социологии молодежи, внесших заметный вклад в социологическую науку в целом.

Решение названных проблем осуществлялось на основе исходной методологической установки о неразрывной связи молодежи и общества: 1) развитие молодежи и общества — процесс взаимообусловленный; 2) молодежь является относительно самостоятельной социально-демографической группой, обладающей специфическими социальными характеристиками, но связана с обществом множеством социальных связей и находится под влиянием всех его противоречивых изменений. В основу разрабатываемых методологических подходов был положен социально-воспроизводственный подход¹, раскрывающий социально-групповые функции молодежи в процессе общественного воспроизводства: воспроизводственную (преемственность), инновационную (обновление), трансляционную (передача воспринятых и обновленных социальных образцов следующим поколениям). Развитие этого подхода позволило наиболее полно раскрыть взаимодействие молодежи как становящегося социального субъекта в изменяющемся обществе.

1. Были переосмыслены с учетом новых реалий группообразующие признаки молодежи, связанные со спецификой ее социального положения и сознания (переходность социального статуса; лабильность сознания). Также обосновано влияние следующих признаков: *трансгрессивности* как способности к символическому выходу за границы пространства и времени и заимствованию референтных образцов из других социокультурных сред с последующим встраиванием их в собственные жизненные стратегии; *экстремальности* — склонности к крайностям в оценках и реакциях, выраженных

¹ Теоретический подход разработан в 1985 г. в Институте социологии АН СССР под рук. д-ра социол. н., проф., засл. деятеля науки РФ В.И. Чупрова.

в противоположных эмоциональных и поведенческих формах — фанатизме и нигилизме; *риска* как характеристики, возникающей в ситуации перехода от неопределенности и амбивалентности статусных позиций молодежи к определенности, связанной с социальной зрелостью и социальной субъектностью.

2. Получила социологическое обоснование новая парадигма социального развития молодежи. В ее основе лежит противоречие в становлении субъектности молодежи в разных сферах общественного производства и общественной жизни. Обоснована роль мотивационной сферы сознания (потребностей, интересов, ценностей) и социальных институтов в механизме социальной регуляции данного противоречия. На основе социологического мониторинга разработаны особенности этого механизма в изменяющейся социальной реальности.

Во-первых, в трансформирующемся обществе акцент смещается преимущественно на социальное новаторство молодежи. Особый смысл инновационная модель приобретает в условиях кризиса. С ней связывается ожидание преодоления его последствий в разных сферах жизнедеятельности молодежи. *Во-вторых*, в условиях кризиса нарушается принцип достаточности ресурсов, необходимых для полноценного развития молодежи, что усиливает состояние неопределенности. В связи с этим разработаны гибкие технологии, направленные на минимизацию возникающих рисков.

В общественном плане наименее разработанными были критерии развития молодежи. Отсутствие общественного консенсуса в понимании критериев оценки значимости процессов, протекающих в молодежной среде, затрудняло интерпретацию выявляемых тенденций. Поэтому в качестве наиболее общего (общественно значимого) критерия предложено рассматривать степень воспроизводства в конкретном поколении социально-исторической целостности, степень ее сохранения в качественно новых способах деятельности.

Для эмпирической оценки состояния и тенденций социального развития разработана комплексная система показателей, структурированная по двум направлениям: развитие молодежи как субъекта производства жизненных средств (условий жизни) и ее развитие как субъекта производства духовных и физических сил человека (духовное производство). В каждом направлении оценка развития определяется изменением специфических сущностных характеристик молодежи и социальной деятельности на основе следующих показателей: социального положения (статуса), занимаемого молодежью в обеих сферах производства (в материальном и духовном); личностного потенциала молодежи (коммуникативные, эмоциональные, практические способности); мотивационной сферы сознания, а также показателей социальной деятельности, являющихся способом реализации сущностных сил этой социальной группы². Сравнение стартовых и достигнутых позиций молодежи в каждой возрастной группе (внутрипоколенный анализ), позиций представителей молодежи аналогичных возрастных групп (сравнительный анализ) и сопоставление с родительским поколением (межпоколенный анализ) позволяет исследовать уровень, темпы, тенденции развития молодого поколения.

Их количественная оценка осуществляется с помощью индекса развития (Ир) в каждой из сфер общественного производства (материальном и духовном производстве, а также в сфере распределения, обмена и потребления)³. Индекс развития (Ир) позволяет оценивать состояние и тен-

² Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003. С. 31–36.

³ Индекс развития представляет собой сумму отклонений по каждому показателю, деленное на количество показателей (n). Отклонение по показателям (O_i) рассчитывается как отношение абсолютных значений достигнутых результатов A_i(t), в данный момент времени, к базовым. Поэтому O_i = {A_i(t)/A_i(t-1)}-1. Тогда Ир = Sum{(A_i(t)/A_i(t-1))-1}/n, где i = 1, ..., n.

денции развития молодежи по 70 показателям, входящим в рассматриваемую систему, а также динамику изменения противоположностей в основном противоречии как источнике развития.

Данный индекс имеет ряд преимуществ, по сравнению с используемым в мировой практике индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), посредством которого оценка производится лишь по трем основным направлениям: продолжительность жизни и здоровье; образование; уровень жизни. Предлагаемый индекс развития позволяет достаточно точно определять степень изменений по отдельным показателям, получать суммарные оценки развития по группе показателей, количественно измерять динамические характеристики социального развития, осуществлять их сравнительный анализ, выявлять направленность деформационных процессов.

Анализ данных мониторинга социального развития молодежи показывает, что развитие нескольких поколений молодежи, протекавшее на фоне глубочайших кризисов, оказалось полностью разбалансировано. Молодежь вытеснялась из сферы материального производства в сферу обращения, структура возможностей ее самореализации и статусная динамика отражала нарастающее неравенство. Вобрав в себя все признаки материального расслоения, сегодня она воспроизводит расслоение на региональном уровне. Углубляется разрыв между развитием молодежи в сфере материального и духовного производства. При этом в материальной сфере отклонения носят более заметный характер, чем в духовной, но в духовной сфере отрицательной динамике подвергается значительно большее число показателей, предопределяя затяжной процесс культурных деформаций в обществе.

3. Эскалация противоречий, лежащих в основе развития молодежи, приводит к их перерастанию в конфликты, причем все чаще проявляющиеся как конфликты между обществом и молодежью в целом. Помимо общих для всех социальных

групп конфликтов, проявляются *специфически молодежные конфликты*, связанные с особенностями социального взросления: конфликты в связи с возрастным неравенством социального статуса (статусно-возрастное основание); противоречиями взаимодействиями с институтами социализации (функциональное основание); принадлежностью к иному типу культуры — субкультуре (социокультурное основание). Их разрешение происходит на основе двух принципиальных моделей — *социальной интеграции* и *социального исключения*, промежуточной для которых является модель *дифференциации*. *Интеграция объединяет в себе два параллельных процесса: механическое включение в социальную общность и органическое, т. е. осознание себя частью этой общности*. В качестве форм интеграционного поведения предложено рассматривать *конформизм, инновацию, эскапизм, ритуализм и бунт* (на основе концепции Р. Мертона). Эмпирически выявлена наибольшая устойчивость конформизма и ритуализма в среде российской молодежи; чувствительность инновации к более общим процессам в среде обитания; ситуативность эскапизма и бунта как крайних реакций на неразрешимые социальные противоречия.

Модель социального исключения отражает процессы отторжения молодежи от социальных ресурсов, благ, институтов и реализуется в форме *социальной дискриминации* (непривилегированные группы), *социального отчуждения* (отрыв от собственных функций, формирование отверженных групп), *маргинализации* (смещения в пограничные социокультурные слои, нарушение идентификации). Каждый из названных процессов соотносится с одним из трех типов специфически молодежных конфликтов, становясь их закономерным итогом в случае эскалации.

В условиях затяжного кризиса социальное исключение расширяется, а *интеграция приобретает следующие особенности*: преимущественно локальный характер, строится в основном на общинных связях, опосредуется индивидуали-

зацией и различными девиантными практиками, которые отражают эмерджентность в процессе включения молодежи в общество.

4. Нарастающий динамизм социальных изменений влияет не только на отдельные стороны развития молодежи, но и на весь процесс в целом. С одной стороны, общественное развитие расширяет возможности молодежи, процессы либерализации создают основания для расширения социальной субъектности молодых людей. С другой стороны, ускоренный темп изменений, хаотичность и кризисы в российском обществе обусловили расширение неопределенности и нелинейность процессов в среде молодежи. Эти явления связаны между собой прямой и обратной причинно-следственной связью.

Социальная неопределенность — *это неструктурированность и невозможность адекватной рефлексии социальных субъектов в связи с нарастающей нестабильностью социальной реальности*. Если достижение определенности означает переход множества потенциальных возможностей, открывающихся перед молодежью, в действительность на основе жестких, однозначных и предсказуемых связей, то неопределенность выстраивается на многозначности и проявляется не как неизбежность, а как случайность. Это проявляется в непредсказуемости, неустойчивости и нелинейности процесса социального развития.

В современном понимании направленность развития не тождественна заданности, запрограммированности и предопределенности. Она рассматривается как множественность, вариативность и сценарный репертуар. Механизмом реализации конкретного вектора выступает индивидуальный выбор. Под влиянием префигуративного сознания (М. Мид) он реализуется в конструировании жизненных стратегий разными группами молодежи. В силу дифференциации ресурсов и социальных ожиданий стратегии разных групп не универсальны, а вариативны. А их реализация зависит

от стечения случайных факторов. Поэтому развитие альтернативно и многовариантно. Такой подход к его пониманию наиболее адекватен специфике изменяющейся реальности и расширяет возможности изучения саморегуляции и самоорганизации молодежи.

5. Становление субъектности молодежи, происходящее в условиях неопределенности, имманентно связано с риском, рассматриваемым в данном подходе как *социальная детерминанта, определяющая направленность и характер ее развития*. В интерпретации риска принципиально следующее: 1) рискованная деятельность происходит не в самой ситуации неопределенности, а в процессе перехода от неопределенности к определенности и от определенности к неопределенности; 2) выбор появляется при оценке вероятности достижения результата; 3) выбор не свободен от нравственных критериев; 4) риск существует в двух формах: *объективной (средовой)* как условиях жизнедеятельности молодежи и *субъективной (деятельностной)*, т. е. установке на рискованную деятельность во имя различных индивидуальных или групповых целей. С учетом этих особенностей осуществлена разработка рискологической концепции в социологии молодежи⁴.

6. Уточнен механизм воспроизводства неопределенности и риска, формирования на этой основе рискогенных сред. Риск не всегда приводит к снятию неопределенности, а порождает новую неопределенность с последующим наложением все новых ситуаций риска. Черты, присущие социальной реальности (нестабильность и неопределенность), конвертируются в поведенческие установки (необходимость рисковать), являясь способом интеграции в постоянно меняющееся общество.

На индивидуально-личностном уровне риск отражается в системе социальных установок (диспозиций). На каждом

⁴ См.: *Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи*. М., 2007.

уровне диспозиционной структуры образуется горизонтальный срез, отражаемый крайними установками (аттитудами) безопасности и опасности. Их реализация отвечает за противоположные состояния в жизнедеятельности социального субъекта — самосохранение и изменение. В индивидуальном сознании риск (то, что воспринимается как риск) является мерой между ними, регулируя индивидуальное поведение. В зависимости от степени риска изменяется положение индивида на шкале между экстремальными состояниями. Деятельностная форма риска проявляется на каждом уровне в стереотипной, стереотипно-личностной и активно-личностной формах.

Эмпирическое исследование влияния объективного и субъективного риска показало разнонаправленность этих форм риска на социальное развитие молодежи. Для этого был разработан и применен коэффициент риска⁵. Расчет отклонений и коэффициентов риска показал, что средовая составляющая риска влияет на развитие молодежи преимущественно отрицательно, а деятельностная, обусловленная ориентацией на риск, в целом положительно. При этом в разных сферах ситуация выглядит не одинаково. А сама ориентация молодежи на риск снижается в условиях обострения кризиса и тотальной социальной неопределенности.

7. Поиск эффективных методов управления в условиях трансформации связан с изучением изменений, происходящих в механизмах социальной регуляции и саморегуляции. Основу регулирования составляют социальные институты. Однако их регулятивная функция снижается, а дисфункция

⁵ Коэффициент риска K_p представляет собой отношение значения отклонения по каждому показателю в группе риска (O_{ip}) к значению отклонения по этому показателю в целом по молодежи (O_i). Он указывает, насколько (т. е. в какое количество раз) велико отклонение в значении показателя развития в группе риска по отношению к общему распределению, и выражает *степень риска*. Расчет отклонений и коэффициентов риска см.

превращается в источник неопределенности, преодоление которой становится задачей самой молодежи. Подчиненный внутренней целесообразности, этот процесс осуществляется посредством *индивидуализации, саморегуляции, самоорганизации*, рассматриваемых с теоретических позиций феноменологии как конструирование образов реальности с последующей конвертацией в жизненные стратегии.

Образы, основанные на смыслах, которыми наделяются объекты реальности, формируются с участием исторического и актуального опыта в процессе intersубъективных взаимодействий молодежи. Исторический опыт закрепляется в коллективном бессознательном (архетипах, ментальных образцах, габитусах, стереотипах) и составляет устойчивую основу базового образа реальности. Актуальный опыт, отражающий конкретные жизненные ситуации разных групп молодежи, определяет подвижную часть образа. В зависимости от совпадения/не совпадения базового образа и ситуативного опыта изменяется отношение молодых людей к конкретным объектам реальности — доверие или недоверие к ним.

Как показали исследования, развитие молодежи протекает по сценарию гибридизации. В его структуре сосуществуют традиционная и современная модели с характерными для них культурными образцами. Анализ динамики показывает сохранение доминанты традиционных и одновременное нарастание современных элементов образа реальности.

В традиционной и современной моделях формируется *особый тип рационализации*, основанный на культурно-исторических образцах, присущих преимущественно локальной культуре или универсальных, привнесенных глобализацией. Рационализация отражает способ оптимизации социальных взаимодействий. В условиях неопределенности статус рациональности изменяется. Рационализация проявляется в следующих формах: ускорения, самосохранения, имитационно-симулятивных практик, социальной мимикрии. Эти формы становятся проявлением саморегуляции молодежи.

Исследования показали, что доверие лежит в основе воспроизводства традиционной модели саморегуляции, а недоверие — современной. Между тем в разных сферах жизни это проявляется по-разному. В образе другого предпочтение отдается традиционным личностным качествам; в образе семьи — сочетание традиционной ценности семьи с современными практиками ее организации; в труде — эрозия как традиционных, так и современных ценностей; в образовании — традиционная ценность знаний в сочетании с современным отношением к его символическим атрибутам; в политике — соединение традиционных ожиданий справедливости и порядка сочетается с современным запросом на правовое государство.

8. Углубленному исследованию механизма саморегуляции жизнедеятельности⁶ молодежи способствовало применение методов моделирования. Само понятие «механизм» предполагает внутреннюю взаимосвязанность его элементов — архетипов, ментальных и современных черт национального характера, габитусов и стереотипов, образующих сложную структуру связей, определяющих процесс саморегуляции жизнедеятельности. Для моделирования данного процесса использовался метод структурной таксономии — распознавания образов⁷, позволяющий получить гипоте-

⁶ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014.

⁷ См: Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986; Леванский В.А., Любутов А.С. Политический спектр РФ: структурно-таксономический анализ (Партии, фракции, выборы в 1993–1996 гг.) // Государство и право. 1997. № 9. С. 87–94; Любутов А.С., Леванский В.А., Киприянова Д.Д. Структурно-модельный мониторинг экономико-политической ситуации в регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Моделирование в социально-политической сфере : тр. межвуз. науч.-практ. семинара. Москва, 27 апреля 2004 года. М., 2004; Загоруйко Н.Г. Прикладные методы анализа данных и знаний. Новосибирск, 1999.

тическую структуру наиболее существенных (по критерию «максимальной близости») связей между показателями-об-
разами.

Построение таксономических моделей способствовало обоснованию структуры связей между элементами механизма в разных пространствах жизнедеятельности. Эти структуры образуют смысловые единства, лежащие в основе различных типов ее мотивации. С учетом того, что часть этих связей образуется в коллективном бессознательном, их изучение позволяет сделать еще один шаг к пониманию воспроизводства смыслов, содержащихся в архетипических и ментальных компонентах культуры, их связи с другими элементами социокультурного механизма — габитусами, стереотипами, смысложизненными ценностями.

Моделирование проведено на основе 120 показателей, характеризующих *пространство жизнедеятельности молодежи* (культурная жизнь, досуг, межличностное общение, самоорганизация, семейные и трудовые отношения, отношения в сфере образования и в политической жизни).

Эвристическая ценность структурной модели состоит, во-первых, в выявлении традиционных и современных смыслов в мотивации жизнедеятельности молодежи и парадоксальных способов их гибридизации, а во-вторых, в установлении элементов механизма, оказывающихся в более тесной связи с конкретным смысложизненным выбором молодежи. Моделирование позволило разработать типологию мотивации, на основании которой осуществляется социокультурная саморегуляция жизнедеятельности современной российской молодежи. Практическое применение этих знаний позволяет проводить наиболее сбалансированную государственную молодежную политику.

Эмпирическую базу исследований составили результаты многолетних всероссийских социологических исследований, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ (ФНИСЦ) РАН по сопоставимой методике в период с 1990 по 2017 г.

Основные публикации

Монографии индивидуальные и в соавторстве

1. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М. : Социум, 1998. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
2. Проблема риска в социологии молодежи. М. : Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
3. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
4. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001; Изд-е 2. Наука, 2003. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. В.И. Чупров, К. Уиллиамс).
5. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : АCADEMIA, 2008. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. В.И. Чупров).
6. Молодежь и кризис: диалектика определенности и неопределенности в социальном развитии. М. : Русское слово, 2009. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. В.И. Чупров, Е.А. Певцова).
7. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест : Альтернатива, 2008. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. Т.И. Яковук).
8. *Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции.* М. : АCADEMIA, 2009. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. В.И. Чупров).
9. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : НОРМА-ИНФРА, 2014 (соавт. В.И. Чупров, Н.А. Романович).
10. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019 (соавт. В.И. Чупров, Н.А. Романович).

Научные статьи

1. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социс. 2003. С. 42–67.

2. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарное знание. 2003. № 1. С.147–162.
3. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М., 2006. С. 84– 107 (соавт. В.И. Чупров).
4. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социс. 2008. № 7. С. 108– 117 (соавт. В.И. Чупров).
5. Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 63–77.
6. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения / отв. ред. М.С. Киселева. М. : Научная мысль, 2015. Т. 2. С.173–189.
7. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 12–48 (соавт. В.И. Чупров).
8. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1 (49). С. 41–57 (соавт. В.И. Чупров).
9. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. 2018. Т. 4. № 3. С. 3–14. URL: <http://research-result.ru/journal/annotation/1492/> (соавт. В.И. Чупров).
10. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 1 / под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, д. с. н. Т.К. Ростовской, д. с. н. Ю.А. Зубок. М. : Изд-во «Эконинформ», 2019. С. 15–35 (соавт. В.И. Чупров, А.С. Любутов).
11. Жизненные стратегии молодежи в политическом пространстве // Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году : коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. С. 701–722. (соавт. В.И. Чупров, А.С. Любутов, О.В. Сорокин).

Учебная и справочная литература

1. Социология молодежи : энцикл. словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М. : АCADEMIA, 2008. 608 с. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015 (соавт. В.И. Чупров). URL: <https://znanium.com/>
2. Социология молодежи : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2009. 322 с. (соавт. В.И. Чупров).
3. Социология молодежи : учеб. М. : Норма, 2011. 2-е изд. 2013. 336 с. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2016 (соавт. В.И. Чупров). URL: <https://znanium.com/>

© Зубок Юлия Альбертовна

Кравченко Сергей Александрович*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Сфера моих основных интересов — изучение конкретных социальных и культурных изменений в условиях «конца определенности» (И. Пригожин) и становления нелинейно-динамичной картины мира. В самом общем виде нелинейность проявляется, с одной стороны, в разрывах исторической преемственности, травмах, дисфункциях, а с другой — парадоксальных синтезах социума, что ведет к образованию, по существу, новых феноменов, возникающих подчас в виде «вдруг-событий». Подобные разрывы стали проявляться в *трудовой профессиональной деятельности* — вместо прогнозирувавшейся еще М. Вебером её *рационализации* в отдельных сферах стали все больше распространяться компоненты *запланированной иррациональности* в виде того или иного игрового дискурса. Вместе с тем нелинейные развития проявились и в игре. Её исследователь Й. Хейзинга обосновал, что игра как явление предполагает *строгое следование правилам*. Ныне же в ряд трудовых сфер стал входить игровой дискурс нелинейного толка, основанный на сознательном

* Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой социологии МГИМО.

нарушении правил. Более того, происходит зарождение феномена *парадоксального синтеза* этих двух новых дискурсов труда и игры, что было названо мною *играизацией общества* (понятие «играизация» (game-ization) вошло в ряд социологических словарей. См., например: Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2008). В итоге произошло становление *нового типа рефлексивной рациональности*, адекватной условиям увеличивающейся нелинейной динамики, которая ориентирована на достижение *прагматического успеха* посредством шоу и организации массовых развлечений. В потребительскую стоимость товара и услуг, идентификации людей был добавлен *искусственно инсценированный компонент в виде счастливого случая, успеха*. Чтобы получить признание, ряд политиков с помощью игровых перформансов стали инсценировать у себя *«второе тело»*, функциональность которого обусловлена рефлексивной рациональностью и ориентирована на массу, предрасположенную к легко обретаемому успеху. Телеэкраны заполнили шоу-доктора, специалисты, «гарантирующие» счастье, любовь, материальное благополучие, всевидящие экстрасенсы, а международные обозрения стали проходить в виде шоу-дебатов, что в итоге вытеснило образовательные и научные программы, серьезные аналитические обозрения. Для интерпретации реалий играизации был предложен *играизационный подход*, реализованный в монографии: Кравченко С.А. *Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход*. М. : МГИМО-Университет, 2006.

Становление современного сложного общества происходит нелинейно: травмы жизненных миров людей, разрывы в процессе социализации, ценностях и нормах парадоксально сочетаются с зарождением социо-техно-природных гибридов. Эти процессы носят *объективно-субъективный характер*. Главная проблема, которая мне видится, — *умаление роли субъективного фактора*: общий тренд становления тех или иных сложностей носит *прагматический характер*. Его вы-

брали люди, и, полагаю, они могут изменить этот тренд на *гуманистический вектор* развития, соответственно, осуществив *гуманистический тип модернизации*, предполагающей отказ от абсолютизации «эффективности» в контексте ценностей формального рационализма и прагматизма. Соответственно, мною обоснована гуманистическая концепция сложности, реализованная в монографии: Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М. : МГИМО (У), 2012, а также в зарубежных публикациях: Kravchenko S.A. The Becoming of the Complex Socium: New Causes of Deviance and Crime // International Journal of Criminology and Sociology. 2012. Lifescience Global. 1.

Мною предложена классификация социологических теорий по критерию *усложняющегося развития социума*, по которому были выделены пять поколений социологических теорий с обоснованием того, что каждому поколению теорий характерен свой тип социологического воображения. При этом для нелинейно-динамичной картины мира и нынешнего этапа развития социологических теорий предложена трактовка *нелинейно-гуманистического социологического воображения*, нацеливающая исследователей, с одной стороны, на учет реалий нелинейно-динамичной картины мира, изучение разрывов и парадоксов социума, а с другой — на поиск новых, потенциально возможных *форм гуманизации социума* вообще и научной деятельности в особенности. Эти идеи реализованы в монографиях и ряде зарубежных публикаций: Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления : монография. М. : Анкил, Институт социологии РАН, 2010; Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире : монография. М. : МГИМО (У), 2007; Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов : монография. М. : МГИМО (У), 2010; Kravchenko S.A. The Dynamics of the Sociological Imagination // Sociology Study. 2013. November. Vol. 3. № 11.

Во всех учебниках личного авторства *социологические теории раскрываются в едином контексте с социологическим воображением*: Кравченко С.А. Социология : в 2 т. Т. 1. Классические теории через призму социологического воображения : учеб. для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014; Кравченко С.А. Социология : в 2 т. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения : учеб. для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014; Kravchenko Sergey A. Basic sociological paradigms through the prism of sociological imagination : учеб. [на англ. яз.] / С.А. Кравченко ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел России, Ин-т междунар. отношений и управления, каф. социологии. М. : МГИМО-Университет, 2015.

Обосновано, что нелинейное развитие проявляется в становлении *усложняющихся рисков и уязвимостей*. Люди на эти риски и уязвимости рефлексивно реагируют амбивалентно посредством *рискостраха и рискофилии* (термины предложены нами). Показано, что рискострах является своеобразным *защитным механизмом* в виде обращения людей к рутинным практикам, вовлеченности в экологические и антиглобализационные движения, что в итоге способствует формированию у них онтологической безопасности. Рискофилия также является защитным механизмом адаптации к условиям нелинейности, жизни в эпоху «конца определенности». По существу, сторонники рискофилии формируют у себя *определенность нового нелинейного типа*, которую видят в самолюбовании и самоутверждении среди любителей всего экстремального. Результаты исследований усложняющихся рисков и уязвимостей нашли отражение в монографии: Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М. : Анкил, 2009. Они так внедряются в учебный процесс: Учебник и практикум для академического бакалавриата — Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. М. : Юрайт, 2016; Учебное пособие для магистрантов — Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. МГИМО (У), 2016.

Показано, что в условиях нелинейно-динамичной картины мира формируется *новый тип аномии*, что нашло отражение в обосновании концепции «*нормальной аномии*». Если теория аномии Э. Дюркгейма была функциональна для интерпретаций относительно «жестких» социальных реалий, характерных для линейно-механистической картины мира, а теория аномии Р. Мертон уже отражала институциональные дисфункциональности в условиях усложняющегося социума, то для нелинейно-динамичной картины мира *нормой* становятся эффекты *перманентной незавершенности*. Отсюда необходимость *переоткрытия аномии*, что отражено в монографии: Кравченко С.А. (ред.). «Нормальная аномия» в России и современном мире. М. : МГИМО (У), 2017.

Предложена концепция *гуманистического поворота*, суть которого в том, что для валидного анализа реалий нелинейно-динамичной картины мира необходима не формальная междисциплинарность, а *новый синтез научных дисциплин*, предполагающий не только *гуманизацию* социальных наук, но и переход к гуманистическому тренду развития *всех* естественных наук. Проблема в том, что «чистых, аутентичных» социальных, природных или технических феноменов становится все меньше. И напротив, увеличиваются масштабы *гибридной социо-техно-природной реальности*. Для понимания её природы востребовано *междисциплинарное знание с гуманистическим стержнем*. Еще более гуманистический поворот необходим при внедрении научных достижений в жизнь, минимизации их побочных последствий. Ныне в инновациях доминируют *прагматические соображения*, акцент делается на *пользе для сегодняшнего дня*, что является существенным фактором воспроизводства отложенных рисков и уязвимостей. Обосновано, что для сохранения и воспроизводства самодостаточности социо-техно-природной реальности необходима гуманизация наук, адекватная нелинейно-динамичной картине мира, что отражено монографии: Кравченко С.А. (ред.). Гуманистиче-

ский поворот: императив человеческой цивилизации. М. : МГИМО (У), 2018.

Показано, что полноценная жизнь в условиях нелинейно-динамического развития невозможна без *гуманистической био-политики*, призванной обеспечить физическое и умственное здоровье человека, его активное долголетие даже при возрастании неопределенностей. Эффекты неопределенности неолиберальная биополитика пытается минимизировать за счет макдональдизации питания и практик здравоохранения, формальной рационализации физиологии тела и умаления проблемы умственного и психического здоровья. Это формально рациональный, прагматический на сегодня, но тупиковый путь для будущего, ибо содержит многочисленные риски дегуманизации человека. Конкретным препятствием на пути гуманистической биополитики является распространение в России и мире *прагматических и меркантильных практик не-еды* (термин предложен нами, он вошел во Всемирную социологическую энциклопедию: Kravchenko S.A. Food and Nonfood // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / Edited by George Ritzer and Christ Rojek. John Willey & Sons. Ltd. Published 2017 by John Willey & Sons). Под не-едой понимается еда, лишенная аутентичного культурного содержания, искусственно созданная пища с инсценированным вкусовым удовольствием, дополненная прагматическим «благом» быстрого питания. Результаты исследований этих реалий опубликованы в монографии: Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. М. : МГИМО (У) ; Институт социологии РАН, 2014.

Предложена концепция «стрелы времени» знания, раскрывающая конкретные проявления его ускоряющегося и усложняющегося развития (травмы и разрывы в преемственности; увеличение точек бифуркаций, возникновение научного незнания как знания со значительным потенциалом неопределенностей и побочных эффектов). Концепция реа-

лизована в монографии: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М. : МГИМО (У), 2015, а также в ряде зарубежных публикаций: Kravchenko S. The Birth of 'Arrow of Time' Scientific Knowledge // Сборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. 2014. № XLIV (3); Kravchenko S.A. The Becoming of Non-Linear Knowledge: New Risks, Vulnerabilities, and Hopes // Montenegrin Journal of Economics. 2018. Vol. 14. № 4.

Обоснована концепция *доверия к научному знанию* в условиях становления нелинейно динамичной картины мира. Ныне доверие к научному знанию во многом продолжает определяться критериями прагматической полезности, формального количества публикаций, взятыми из ньютоновской картины мира. В противовес им предложены *новые критерии доверия к научному знанию*: критическая нелинейная рефлексия в отношении усложняющихся рисков и уязвимостей; рефлексия в отношении травм и разрывов; учет гуманистической эффективности знания, фактора безопасности при реализации научных инноваций и др. Квинтэссенция концепции отражена в монографии: Кравченко С.А. (ред.). Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности. М. : МГИМО (У), 2018.

Предложена концепция *сложных метаморфоз*. Обосновано, что в отличие от относительно простых метаморфоз, имеющих неожиданный, но предсказуемый результат, сложные метаморфозы, становящиеся «нормальной» данностью в нелинейно-динамичной картине мира, могут выступать как в качестве *факторов новых непредвиденных дисфункций, так и запланированного перехода к гуманистическим трендам развития*. Выявлены три основных типа сложных метаморфоз: 1) *травматическое развитие*, проявляющееся в виде «вдруг-событий», ненамеренных разрывов социума и культуры как результат формально-рациональных, прагматических преобразований социума и природы, а также научных и техно-

логических инноваций меркантильной направленности, которое деформирует и дегуманизирует жизненные миры людей; 2) развитие в виде *«текучих» катастроф*, перманентно изменяющих живую и неживую природу, структуру почвы, воды, воздуха, десоциализирующих человеческие отношения, преобразующих людей в «не-людей», места в «не-места», еду в «не-еду». Если прежние, традиционно понимаемые катастрофы были ограничены локально-временными параметрами, то нынешние носят *перманентный и пространственно неограниченный характер*; 3) собственно *метаморфозное развитие*, несущее, подчеркнем, не только беды, турбулентности социума, природы, климата, но и *потенциальные блага, надежды*, связанные с переходом к более совершенным, гуманным трендам жизнедеятельности. Сделан вывод, что возможности обращения последствий метаморфоз на благо людей не могут стихийными, они могут открываться только при условии *гуманизации науки и технологических инноваций*. Концепция сложных метаморфоз изложена в монографии: Кравченко С.А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. М. : Знание — Сила, 2019.

Специфической особенностью изданных мною социологических словарей и справочников является то, что, в отличие от других изданий, как правило, нацеленных на возможно более полную интерпретацию понятий, в них акцент сделан на раскрытии *динамики понятий* с учетом контекста разных поколений социологических теорий, обоснованием того, что *научный социологический дискурс развивается и усложняется под влиянием перехода от линейной к нелинейно-динамичной картине мира*. Среди изданных социологических справочников личного авторства: Kravchenko S. The Encyclopedic English-Russian Sociological Dictionary. Lewiston ; N. Y. : The Edwin Mellen Press, 2000. P. 404; Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей. М. : РУССО, 2002. 512 с.; Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский сло-

варь. Более 10 000 словарных статей. М. : Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. 511 с.; Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами). М. : МГИМО-Университет, 2011. 408 с.; Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. 15 000 словарных статей М. : МГИМО-Университет, 2012. 690 с.; Кравченко С.А. Социологический толковый русско-английский словарь. 12 000 словарных статей. М. : МГИМО-Университет, 2013. 914 с. Многие из них доступны не только российскому, но и зарубежному читателю. Ряд изданий словарей, в частности, есть в Библиотеке Конгресса США (словари, монографии, учебники, в общей сложности 13 наименований книг), в библиотеках Джорджтаунского, Йельского, Оксфордского университетов, в Британской библиотеке и др.

Мои теоретические новации были апробированы и опубликованы в материалах шести — с XIV (Монреаль, 1998), XV (Брисбан, 2002), XVI (Дурбан, 2006), XVII (Гётеборг, 2010), XVIII (Йокогама, 2014, руководил рабочей группой «Уязвимости и нормальные аварии в локо-глобальных отношениях») по XIX (Манчестер, 2018) — всемирных социологических конгрессов, в которых участвовал.

© Кравченко Сергей Александрович

Левашов Виктор Константинович*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВА

Стоит только попристальной взгля-
деться в настоящее, будущее вдруг
выступает само собой.

Н.В. Гоголь

Понятие «устойчивость» в приложении к обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. Социальная устойчивость в соответствии со структурой областей общественной жизни слагается из социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости. Все эти сферы общественной жизни при их несомненной связи являются относительно самостоятельными. В наших работах о развитии российского общества конца XX — начала XXI в. разрабатывается понятие **социально-политической устойчивости** и проводится сравнение ее динамики с динамикой социально-экономической устойчивости. Перспективы устойчивого развития российского общества во все возрастающей степени зависят от внешних условий, от процессов, которые происходят в формирующемся планетарном социуме. Проблемы глобального социального развития нашли свое отражение в концепции

* Левашов Виктор Константинович — доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и политических исследований ИСПИ РАН.

устойчивого развития, которая на конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и последовавших за ней конференциях и встречах на высшем уровне укрепила свой научный статус. На разработку проблем глобального, регионального и национального устойчивого развития российского социума и были в последние годы направлены усилия автора, который в предлагаемом докладе опирается на результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого под его научным руководством и с его участием в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2019 гг.

Глубина, масштабность и неоднозначность результатов социальных и политических преобразований в российском обществе и государстве поставили вопрос о теоретическом обосновании и создании адекватной социологической измерительной системы устойчивости общества, ее количественных показателей. Принципиальная научная новизна подхода, предложенного автором в этой области в социологической теории и практике, заключается в следующем:

- автор впервые в отечественной социологии ввел в научный оборот понятие «устойчивое развитие» и подверг философско-социологическому анализу содержание этого понятия;
- рассмотрел соотношение глобальных и региональных аспектов концепции устойчивого развития в применении к России;
- разработал метод анализа социально-политических процессов на основе введения системы категорий «устойчивое развитие — стабильность — кризис — катастрофа — распад»;
- создал оригинальную систему эмпирических показателей социально-политической устойчивости применительно к российскому обществу;

- построил динамические ряды социально-политического состояния российского общества в сравнении с динамикой социально-экономического развития с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время;
- на обширном социологическом материале провел системный анализ социально-политических процессов в российском обществе в период радикальных реформ, построил сценарные прогнозы и предложил научные рекомендации для разработки и формирования социальных аспектов устойчивого развития.

Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов и т. д., которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. При этом, конечно, нужно учитывать, что каждый конкретный индивид со своим сознанием как бы «вмонтирован» в общую систему социально-политических связей. Социально-политические отношения выражаются через интересы и изменяются в процессе деятельности, имеющей целью удовлетворение потребностей и интересов различных классов, групп, слоев общества и отдельных индивидов.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы *социальных индикаторов*, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, и поэтому могут служить свидетельством выражения интересов тех или иных субъектов социально-политических отношений и общества в целом. Эта система строится из отдельных индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений, в своей совокупности они использованы автором для построения **интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ)**.

Измерение социально-политической устойчивости общества производилось в условном квантифицированном континууме от [+100] до [-100]. Связь состояний системы, выражаемая в понятиях системного анализа, с узловыми точками указанного континуума была определена следующим образом: **устойчивость (+100), стабильность (+50), кризис (0), катастрофа (-50), распад (-100)**. Эти узловые точки связаны с зонами континуума следующим образом: зона устойчивого развития (100–50); стабильного развития (50–0); кризисного развития (0 – [-50]); распада ([-50] – [-100]) (см. схему 1).

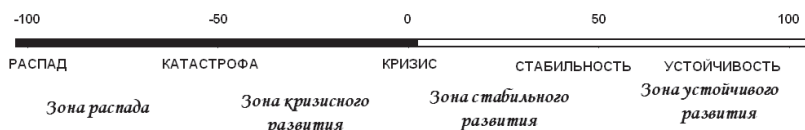

Схема 1

Что касается содержания основных понятий, которым в теории систем присущ характер категорий, описывающих узловые точки процесса развития, то оно может быть выражено (применительно к социально-политической системе) следующим образом.

Устойчивое социально-политическое развитие означает, что в системе отношений «политические партии — государство — общество» происходит самоподдерживающееся оптимальное при данных условиях согласование интересов, что создает для всех субъектов и институтов системы социально-политических отношений режим устойчивого развития в настоящем и ближайшем будущем.

Стабильное социально-политическое развитие означает, что система отношений стабильно функционирует в настоящем и способна справляться с нарушениями равновесия (дисфункциями, по Парсонсу) за счет действия внутренних регуляторов и резервов, однако развития системы не происходит.

Кризис социально-политических отношений означает нарушение состояния равновесия и появление тенденций деградации и возможной катастрофы системы.

Катастрофа наступает при разрушении системы, распаде ее на отдельные части, разрыве связей между субъектами социально-политической сферы.

Распад означает гибель данной системы социально-политических отношений с уничтожением всех или большей части составляющих её институтов.

Критерии квантификации социально-политического континуума были избраны на основе международного опыта изучения социально-политических отношений. В частности, при конструировании шкалы социально-политической устойчивости, отборе индикаторов и индексов были учтены результаты сравнительного анализа социологических методик, используемых в разных странах, проведенного известным французским социологом М. Доганом.

Обобщенное выражение динамики всех шести социологических индикаторов социально-политической сферы представлено в сконструированном континууме за весь период наблюдений.

Из графика видно, что все составляющие имеют устойчивое отрицательное значение и находятся в зоне, которая обозначена как зона кризисного развития. Каждый из показателей как бы «высвечивает» определенную сторону социально-политической жизни российского общества со своими особенностями проявления (см. график 1).

Общие выводы исследования динамики ИСПУ по России таковы:

Во-первых, к настоящему моменту сформировалась и сохраняется тенденция массового отчуждения населения от проводимой социально-экономической политики, которая выражается в том, что большая часть российского общества определенно осознала для себя проигрыш от её осуществления. Подавляющая часть населения не доверяет новым

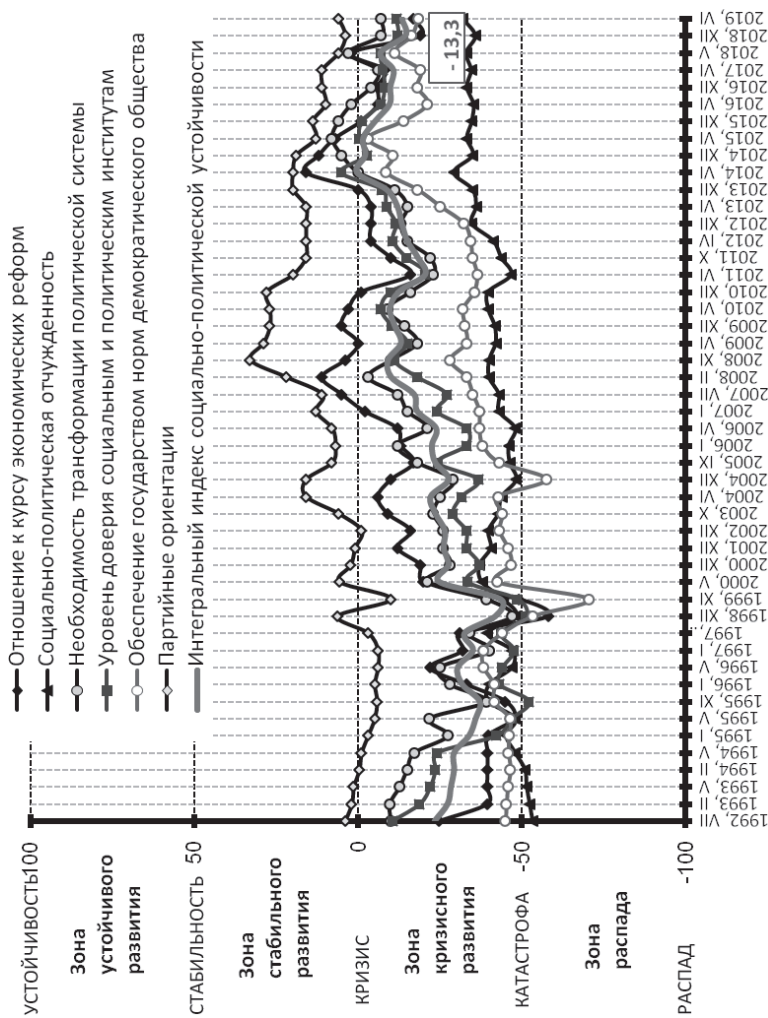

График 1. Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Сохраняется высокий уровень недоверия к должностным лицам госаппарата, полиции, всех правоохранительных органов. В обществе сохраняется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой радикальных неолиберальных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, не поддерживает социальную направленность проводимых реформ.

Во-вторых, у большинства населения сложилось и продолжает сохраняться устойчивое негативное отношение к результатам реформ и проводимой социальной политики. Большинство населения считает себя обманутым государством в ходе приватизации. Этот фактор будет продолжать оказывать дестабилизирующее влияние на социально-политическую ситуацию в стране. Правительству не удалось выполнить главную политическую задачу реформ — создать в обществе стойкую убежденность в эффективности и справедливости проводимой политики преобразований. Радикал-либералы, создав новые мифы о «народной приватизации», «демократической России» и т. п., заложили основу будущих социально-политических потрясений. Игнорирование властями социальной ситуации и вызванная массовым обнищанием люмпенизация населения разрушают социальную базу гражданского общества и правового государства.

В-третьих, в течение всего периода реформ продолжает воспроизводиться процесс тотальной социально-политической отчужденности, который складывается из двух потоков негативных явлений, «разрывающих» страну: социальной дезинтеграции и политического отчуждения населения от власти. По мнению большинства населения, увеличивается разрыв между бедными и богатыми, власти не заботятся о жизни простых людей, центр не проводит политику в интересах регионов, граждане не чувствуют себя участниками собы-

тий в стране и не могут на них влиять. Гражданское общество и государство теряют социально-политическое единство.

В-четвертых, политическая система общества в ее нынешнем виде не удовлетворяет подавляющее большинство граждан. Авторитарные и элитарные механизмы власти вошли в противоречие с потребностью российского гражданского общества в проведении широких социальных реформ, которые можно осуществить только при задействовании высокой социальной мотивации граждан в массовых демократических преобразованиях в центре и регионах. Процесс отчуждения общества от власти привел к качественным изменениям в доверии граждан к исполнительной власти. Динамика социологических показателей политического доверия демонстрирует, что в обществе развивается социально-политический и конституционно-институциональный кризис, разрешение которого невозможно без внесения коренных изменений в структуру власти и положение политических элит.

В-пятых, в обществе не создана сбалансированная система конструктивно функционирующих полнокровных политических партий и общественных организаций. В настоящее время только некоторые из них имеют более или менее развитую структуру в регионах, постоянный электорат и могут независимо от властных структур и институтов проводить массовые политические кампании. Уровень доверия населения к политическим партиям по-прежнему остается низким. В складывающихся условиях возрастают шансы политического будущего у лидеров и партий, которые в своей деятельности реально оценивают результаты своих действий и ориентируются на социальные приоритеты, национальные интересы, т. е. ценности устойчивого социально-политического развития.

В-шестых, выборы во властные органы показывают, что у политиков во власти существуют административные и информационные преимущества. Однако в условиях реформ, которые фактически приводят к угнетению процессов ста-

новления гражданского общества и игнорированию социальной компоненты политики, принадлежность к официальному истеблишменту делает проблематичной его популярность. Выборы в органы власти приводят к частичной смене политических элит, вовлечению во властные органы политиков государственно-патриотической ориентации.

Мониторинг общественного мнения, безусловно, является зеркалом социальных изменений. Но это зеркало не даёт точного знания динамики общественного сознания, взятого в целом. Используемые в социологии эмпирические методы опроса населения дают возможность оценить изменения в материальных условиях жизни, потребностях населения лишь косвенным образом, через их отражение в сознании людей. Сопоставление динамики интегрального индекса социально-политической устойчивости (субъективного показателя) с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, даёт следующую картину (см. график 2).

Анализ динамики объективных социально-экономических и субъективных социально-политических показателей развития российского общества в период радикальных реформ показывает, что в стране происходило **противоборство двух социально-политических тенденций. Первая** определяется совокупным действием тех социальных и политических сил, которые отражали стремление во что бы то ни стало продолжить курс радикального нелиберального реформирования. За этой тенденцией стоит сравнительно небольшая часть общества: крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы. На практике курс радикальных реформ выразился в переделе общественной собственности в интересах узкого слоя крупных собственников и создании привилегий для узкого круга лиц, допущенных к управлению, владению и распоряжению ключевыми отраслями экономики. Усилия радикал-реформаторов, по существу, в стратегическом плане развернули на-

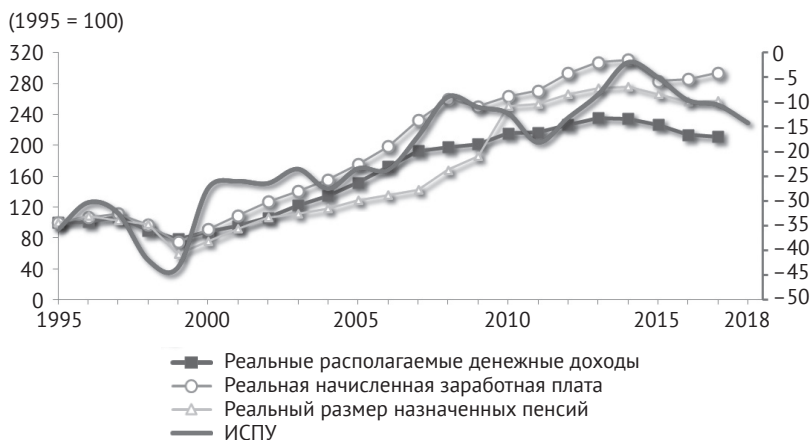

График 2. Основные виды денежных доходов населения
в реальном выражении

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. // Госкомстат России. М., 2002; Российский статистический ежегодник — 2010 г., Российский статистический ежегодник — 2016 г., Российский статистический ежегодник — 2018 г.

зад движение России по пути экономического и социального прогресса, поставили ее в неравноправное положение по отношению к стратегическим партнерам и соперникам, создав им преимущества за счет дискриминации национальных политических и экономических интересов России. Курс на создание периферийной сырьевой экономики сохраняет неокOLONиальный модус существования нашей страны и, по сути дела, открывает конкурентам российские рынки, отдает в их руки промышленный и интеллектуальный потенциал страны, создает возможности для вывоза природных ресурсов.

Антисоциальные результаты реформ и вызванное ими тотальное обнищание населения стали основой для **второй социально-политической тенденции** российского социума: общество осознает пагубность радикальных реформ и необходимость принятия нового пути развития, учитываю-

щего интересы большинства российского общества. В то же время становится очевидным, что переход к развитию на основе социально выверенной стратегии устойчивого развития в российском обществе станет возможным только после того, как общество выйдет из зоны кризисного социально-политического развития. Стратегия устойчивого развития предполагает смену стратегии реформ. Будущее устойчивое развитие страны вызревает на платформе осознания национально-государственных интересов и социальных приоритетов, равноправного вхождения России в систему международных экономических отношений, задействования позитивных социальных механизмов мотивации труда в целях создания демократического устойчивого сообщества народов, проживающих на евразийских территориях. Россия подошла к очередной развилке социополитических траекторий развития. Их может быть множество. Крайние определяют экстремумы отношений системы «общество — государство». В одном случае может произойти абсолютизация властных ресурсов на стороне корпоративного меньшинства, контролирующего государство, в ущерб обществу, и тогда наступит деградация социума. На другой траектории власть и ее ресурсы могут быть бездумно распылены в обществе, и тогда в стране может вновь, как это было в 90-х гг. XX в., воцариться хаос. Необходим комплекс сознательных усилий, чтобы страна пошла по траектории устойчивого развития, на которой государство эффективно реализует в политике интересы большинства населения.

Послевоенный опыт успешных экономических реформ в Европе и Азии показывает, что существуют фундаментальные **социополитические принципы устойчивого развития** государства, которые должны соблюдаться наравне и в согласованности с национальными особенностями социально-экономических и политических отношений.

Во-первых, принцип рациональной экономической свободы, на основе которой формируется смешанная экономи-

ка, обеспечивающая необходимое количество рабочих мест и достаточное производство товаров и услуг для общества.

Во-вторых, трудовые отношения в обществе выстраиваются на принципах социального партнерства государства, наемного труда и работодателей.

В-третьих, принцип обязательного государственного регулирования рыночных отношений, достижение оптимальных для общества, природы и человека уровней и соотношений производства и потребления.

В-четвертых, государство во всех своих действиях следует соблюдению принципа социальной справедливости, что сопровождается перераспределением общественного продукта в пользу менее трудоспособных и нуждающихся.

В-пятых, соблюдается принцип демократического коллективного управления производством и социальной сферой общества, обеспечивающий оптимально возможную степень социальной солидарности.

Соблюдение и наполнение этих принципов реальной деятельностью реализуется в процессах этатизации общества и социализации государства, сводит отчуждение между обществом и государством до минимума. Конечно, выделенные принципы не существуют ни в одной из стран в чистом виде. Социокультурные традиции по-своему определили их формы выражения, иногда кардинально различные. Но генеральная тенденция развития выстраивается вдоль гуманистического вектора усилий мировой цивилизации. Уровень и характер производительных сил и технологий в развитых странах потребовали установления правил планетарного общежития. Совокупность этих правил и составляет сущность социально ориентированного управления как в планетарных, так и в национальных масштабах.

В сфере политики стратегия социальной солидарности означает проведение политики в интересах большинства членов общества.

В сфере экономики стратегия социальной солидарности осуществляет переход от рыночно-потребительской эконо-

мики максимализации капитала к смешанной экономике социальной, экономической и экологической достаточности и устойчивости.

В социальной сфере стратегия социальной солидарности проводит политику ликвидации социальных диспаритетов и диспропорций, доступа и гарантий каждому гражданину социального минимума: получения работы, материальной поддержки в старости, жилья, образования, медицинского обслуживания.

В духовно-нравственной сфере стратегия социальной солидарности означает отход от конфронтационных идеологий к этике устойчивого развития на основе традиционных гуманистических ценностей, коллективизма, взаимопомощи, трудового самоуправления.

В сфере экологии стратегия социальной солидарности начинает проводить политику отказа от покорения и господства над природой.

Анализ социально-политических процессов показывает, что в российском обществе и в мире в целом **столкнулись две логики действий**: логика консервативного либерализма «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства и новая логика устойчивого развития — сосуществования человека, общества и природы. В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития, продолжается процесс социализации государства — восприятия потребностей и интересов общества. Сегодня важнейшей задачей является изменение доминирующей нетрудовой мотивации деятельности на трудовую. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнеуществования цивилизации проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях. Старый, потребительский способ жизнеуществования человечества неминуемо ведет к сокращению его численности. Новый — оставляет перспективу для живущих. В рамках второй логики, объединив усилия

ученых естественных и социальных наук, нужно определить угрозы, интересы, цели и средства и попытаться найти выход из **тупика цивилизации**.

Предложенные автором методологические и методические подходы измерения социально-политической устойчивости стали социологической основой научных докладов серии «Социальная и социально-политическая ситуация в России», подготовка которых осуществляется в ИСПИ РАН с научно-организационным участием автора. Разработанная автором методика и полученные на ее основе научные результаты стали также составной частью инициированных академиком В.А. Коптюгом комплексных исследований проблем устойчивого развития. Совместно с академиками В.А. Коптюгом и В.М. Матросовым автор является редактором и автором ряда разделов коллективной монографии «Новая парадигма развития России в XXI веке», в которой на основе междисциплинарного подхода излагаются идеи и возможности перехода РФ к устойчивому развитию. В рамках работы Комиссии Государственной думы по проблемам устойчивого развития В.К. Левашов принял участие в подготовке коллективной монографии «Научная основа стратегии устойчивого развития» (раздел «Социальные приоритеты стратегии устойчивого развития»). В соавторстве с чл.-корр. Ж.Т. Тощенко подготовлена статья «Социология» в «Энциклопедии систем жизнеобеспечения — знания об устойчивом развитии», изданной ЮНЕСКО.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ

Авторские монографии

Левашов В.К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегии. М., Academia, 2002. 6 п.л.

Левашов В.К. Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2003 г. 11,7 п.л.

Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2006 г. 11 п.л.

Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М., Academia, 2007. 29 п.л.

Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М., Научный мир, 2010. 39,3 п.л.

Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. Издательство “Центр социального прогнозирования и маркетинга”, Москва, 2013. 28,5 п.л.

Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. Монография / Москва, 2018. Сер. 28 Актуальные монографии (2-е изд., пер. и доп) М. : Издательство Юрайт, 2018. 28 п.л.

Коллективные монографии

Новая парадигма развития России (комплексные исследования проблем устойчивого развития). Издание первое и второе. Под ред. В.А. Коптюга, В.К. Левашова, В.М. Матросова. М., Academia, 1999, 2000. 60 п.л.

Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах: коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. — М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2018. — 716 с. (44,75/5 п.л.)

© Левашов Виктор Константинович

Локосов Вячеслав Вениаминович*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ: ФАКТОРЫ И МОДЕЛИ

Основным направлением научных исследований В.В. Локосова в 1992–2019 гг. является обоснование и разработка основ концепции *трансформации социальных систем, социологических методов и методик измерения этого процесса* на примере трансформации современного российского общества. В рамках данной концепции трансформация изучается как один из трех видов изменений общественных отношений наряду с эволюцией и революцией.

Научная проблема заключается в необходимости преодоления несоответствий имеющегося теоретического и эмпирического осмысления процесса трансформации целям развития России в XXI веке. Это предполагает концептуальную разработку закономерностей трансформации, исследование социологическими методами ее движущих сил, технологий регулирования, динамики, последствий и рисков, обеспечение ее научно-практического сопровождения.

Наиболее точное научное понимание опыта постсоветского переходного периода даёт «трансформационная» терминология. Именно трансформация стала тем понятием, которое в обобщенном виде отражает многогранный процесс кардинального изменения прежней социальной системы.

* Локосов Вячеслав Вениаминович — доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Социальная трансформация — это процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов, характеризуемый многовекторностью, высоким темпом реализации изменений и повышенным влиянием на них субъективных факторов.

Диалектика трансформационного процесса определяется противоречием между потребностью сохранения стабилизирующего ядра, которое не дает распасться социальной системе и одновременно потребностью в радикальном усилении «энергий» — реформации и деформации. В ходе этого процесса нарушается единство социальной системы, которое определяется двумя ее атрибутивными качествами — целостностью и интеграцией. Еще один ключевой аспект трансформации — соотношение объективных и субъективных факторов. Повышенная значимость для трансформации субъективных факторов делает их, по сути, равнозначными объективным. Это связано с тем, что происходящие в больших социальных системах качественные изменения крайне сложны и, как правило, они подводят ее к состоянию хаоса. В таких состояниях индивидуальные, групповые интересы, действия могут получить доминирующее значение. Кроме того, трансформация не столько стихийный, сколько организованный процесс, и, следовательно, здесь также существенна роль субъективных факторов.

В рамках концепции трансформации разработана аналитическая *интегративная модель социальной системы* (см. схему 1).

В основе интегративной модели находятся взаимоотношения общества и индивида, онтологически-гносеологический континуум; главные функциональные подсистемы: экономическая, политическая, социально-демографическая, духовно-нравственная. Неотъемлемой от социальной системы является биосфера. Гипотетически допускается включение в модель трансцендентальной сферы, в которую входят подсистемы, лежащие в настоящее время вне нашего научного познания. Разработанная интегративная модель соци-

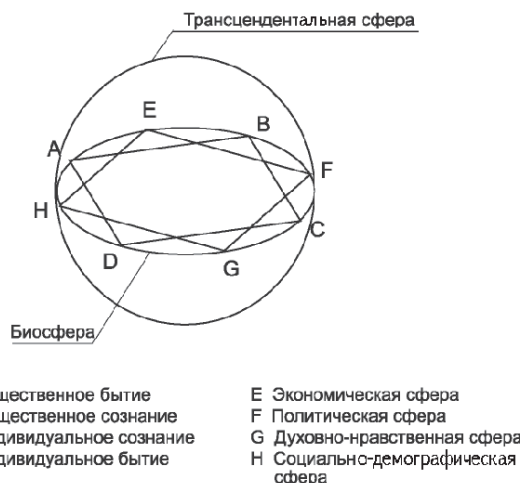

Схема 1. Интегративная модель социальной системы

Источник: разработано автором.

альной системы приемлема для большинства социальных концепций и согласования друг с другом. Указанные концептуальные положения впервые были изложены в монографии «Трансформация российского общества» (2002 г.).

Происходящие в больших социальных системах изменения многообразны, и контролировать большинство переменных этих процессов невозможно. В таких переходных периодах важное значение приобретает наличие надежного способа информационно-аналитического обеспечения трансформации. Разработка *метода предельно критических (пороговых) показателей* развития российского общества и построение на основе обобщения отечественного и мирового опыта *методики диагностики* социального состояния общества и *шкалы* этих показателей является одним из способов изучения процесса трансформации. Впервые автор опубликовал результаты разработки этого метода в статьях «Пределы падения» (в соавторстве с Г.В. Осиповым, 1995 г.)

и «Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития» (1998 г.).

Любая социальная система имеет предельно критические (пороговые) значения энтропии жизненно необходимых для ее воспроизводства параметров, превышение которых означает угрозу распада этой системы как интегрированной целостности. Приближение показателей развития основных подсистем к предельно критическим величинам означает, что общество находится в состоянии кризиса и для своего сохранения нуждается в изменении. Динамика показателей в сторону предельно критических величин не означает обязательного распада той или иной сферы жизнедеятельности общества. Прежде всего, она свидетельствует о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений и о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций, механизмов ее функционирования.

Существуют несколько основных путей определения предельно критических показателей и их пороговых значений. Наиболее распространенный способ определения предельно критического значения (ПКЗ) показателя — это экспертная оценка, которая иногда принимается официально. Известны и часто используются ПКЗ показателей Международной организации труда (МОТ), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Например, по официально принятой оценке ВОЗ, ПКЗ показателя потребления чистого алкоголя составляет 8 л на душу населения; уровня самоубийств — 20 суицидов на 100 тыс. населения; доли личных средств граждан при получении медицинских услуг — 20% (см. табл. 1).

Измерение состояния основных сфер общественной жизнедеятельности в России приводит к выводу, что по большинству важнейших показателей они находились за критической чертой развития. Результаты комплексного анализа социальных последствий нелиберального этапа трансформации опубликованы в монографиях «Пятилетка № 13. Взле-

Таблица 1. Соотношение предельно-критических и фактических значений показателей развития российского общества (фрагмент)

Показатель	Предельно критическое значение	Фактическое состояние на 2001 г.	Фактическое состояние на 2013 г.	Фактическое состояние на 2018 г.	Вероятные негативные последствия
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14 (простое воспроизводство населения)	1,17	1,71	1,62	Депопуляция населения
Коэффициент старения населения (доля лиц 65 лет и старше к общей численности населения, %)	7 (ООН)	12,7	12,9	14	Старение населения
Индекс человеческого развития (ИЧР, баллы)	0,8 (ООН)	0,775	0,778	0,816	Снижение уровня развития человеческого потенциала
Уровень потребления алкоголя (литров абсолютного алкоголя на душу населения)	8 (ВОЗ)	14–15	13,5	11,1	Физическая деградация населения
Доля людей, употребляющих наркотики (ПАВ), %	7 (ВОЗ)	8	6	8	
Число суицидов на 100 тыс. человек населения	20 (ВОЗ)	39	19,6	12,4	Фрустрация массового сознания

Источник: данные Росстата.

ты и падения» (в соавторстве с И.Б. Орловой, 1996 г.); «Социальная цена неолиберального реформирования» (в соавторстве с Г.В. Осиповым, 2000 г.); «Социология трансформации России в меняющемся мире» (в соавторстве с Г.В. Осиповым и В.И. Жуковым, 2005 г.).

Складывалась абсурдная ситуация, когда ради формирования условий эффективного развития общества разрушалась основа его жизнедеятельности — человеческий потенциал. Этот вывод сделан в статье «Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием» (в соавторстве с С.Ю. Глазьевым, 2012 г.). В последние годы ситуация стала выправляться, в частности, в сфере оборонно-промышленной, продовольственной безопасности, по некоторым показателям девиантного поведения, но по основным показателям социальной сферы (демографии, уровня и качества жизни), отражающим воспроизводство человеческого потенциала, ситуация остаётся критической.

Одно из возможных деструктивных последствий процесса трансформации заключается в придании социальной системе таких качеств, как «мягкий суверенитет», «социальная энтропия» и «суррогатная идеология», и в конечном счете в формировании общества-трансформера (см. табл. 2).

Атрибутивные качества общества-трансформера приводят к бесцельному, нерациональному расходованию общественной энергии, к диссолидации общества и неспособности населения отстаивать свои приоритетные интересы и ценности. Общество-трансформер остается слабо структурированным из-за его чрезмерной подвижности и изменчивости элементов, склонным к аномии и девиантным формам поведения. Управлять таким обществом-трансформером относительно просто, так как оно в основном самоорганизуется в целях выживания, что определяет его повышенные адаптивные способности. От общества-трансформера главным образом и требуется способность к адаптации, а не к творче-

Таблица 2. Сущностные качества и характеристики общества-трансформер

Сущностные качества	Характеристики	Последствия
1. «Мягкий суверенитет»	1.1. Введение ограничений на государственный суверенитет, дискредитация национальной государственности, продвижение негативного образа государства как внутри страны, так и за рубежом. 1.2. Отчуждение от народа права суверена и дискредитация способности народа к суверенному развитию. 1.3. Блокировка ведения народом освободительной борьбы и других способов защиты суверенитета	Политическая дезорганизация страны, ослабление политической воли и способности к реализации общей цели и «больших проектов»
2. «Социальная энтропия»	2.1. Затратное, неэффективное распределение общественной энергии, направление ее в девиантное русло. 2.2. Поддержка чрезмерной индивидуализации общества, его дезорганизации, слабой структурированности, маргинальных групп. 2.3. Стимулирование состояния аномии, инертности	Тотальная диссолидация общества и неспособность реализации общенациональных интересов
3. «Суррогатная идеология»	3.1. Блокировка становления идеологии государства. 3.2. Пропаганда определенного типа идеологии при формальной плюралистичности и фрагментарности передаваемых идеологем. 3.3. Стимулирование состояния смысловой дезориентации, агрессии инокультурных и девиантных ценностей	Перманентный кризис идентичности и неспособность сохранить, защитить свои базовые ценности

Источник: разработано автором.

ской, конструктивной самоорганизации жизнедеятельности. Снижение общественной энергии, разобщенность, маргинальность и крепкие адаптивные способности помогают сохранению стабильности и инертности в системе социальных отношений. Продолжение разработок концепции трансформации, в том числе возможностей формирования общества-трансформера, представлено в монографиях «Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей» (2006 г.) и «Основания консолидации современного российского общества» (в соавторстве с В.Л. Шульцем, 2008 г.).

Проведенный анализ трансформации российского общества приводит к следующим выводам: во-первых, трансформация советской социальной системы произошла. Россия теперь является качественно иным государством и обществом. Во-вторых, новый общественный уклад носит чрезмерно рискованный характер, он не разрешил основных противоречий, свойственных позднесоветскому строю: экономика слабоконкурентоспособна; политическое управление малоэффективно; интеллектуальное регулирование догматично и мифологизировано. В-третьих, процесс трансформации не завершён. Пролонгация сложившихся способов воспроизводства социальной системы накапливает потребность в новом, более конструктивном этапе трансформации.

Методологической основой второго этапа трансформации выступает закономерность смещения естественно-исторических процессов в сторону социально-исторических, когда определяющую роль в развитии общества играют социальные факторы, человеческий потенциал. Экономико-центристский подход, когда представления об успешности развития общества сводились к сравнению количественных показателей экономического роста и материального положения населения, в современных условиях некорректен. Экономический рост автоматически не решает проблемы социальных диспропорций, бедности, демографии, экологии. Технико-технологическое развитие, манифестируемое сегод-

ня в цифровой экономике, может помочь формированию такого типа общественных отношений, в котором ведущую роль будут играть знание, информация, культурные ценности.

Реализация этой закономерности приведет к трансформации *социальной организации современных обществ в новый институционально-сетевой тип — в со-общество (co-society)*. Страны, которые сумеют первыми построить «со-общественные отношения», получают хорошие шансы для мирового лидерства. Важное эвристическое значение для понимания нового типа социальных отношений представляет диада Ф. Тённиса «общность — общество» и её расширение до триады «общность — общество — со-общество» (см. табл. 3).

Таблица 3

Типы социальных отношений	Основные термины
Общность	Родство, соседство, духовность, дружба, эмоциональность, достоинство, служение, хозяйство, дом, семья, народ
Общество	Рабочая сила, рынок, капитал, рациональность, унификация, прогресс, потребление, фабрика, государство, население
Со-общество	Человеческий потенциал, знания, инновации, персонализация, самоорганизация, коммуникации, творчество, социальные сети, гражданское общество, народонаселение

Источник: разработано автором.

«Со-общественный» тип социальных отношений призван соединить позитивные качества «общества» и «общности»: институциональную иерархичность, наличие стратегически важных организационных «вертикалей» и сетевую неиерархичность, открытость — по обыденным самоорганизующимся «горизонталям». Взаимодополнение в социальной системе институциональной и сетевой структур способно создать синергетический эффект ее развития.

«Со-общественный» тип социальных отношений хорошо сочетается с характеристиками модели «общества-участия» (participation society). С одной стороны, в рыночных реалиях нельзя все надежды на решение социальных вопросов возлагать на государственную власть, с другой — проблемы повышения качества жизни населения, и особенно борьбы с бедностью, не могут решаться только за счет граждан. Реализация партисипаторного подхода, его встраивание для повышения качества жизни населения и качества самого населения (его качественных характеристик) в контуры государственного управления и местного самоуправления дает возможность гражданам оказывать влияние и участвовать в управлении обществом. При этом происходит блокировка чрезмерного патернализма массового сознания. Результаты анализа этих тенденций опубликованы в монографии «Социальный кодекс России: pro et contra» (в соавторстве с А.В. Ярашевой, 2014 г.), статьях «Богатая Россия и бедное население: причины парадокса (2015 г.)» и «Социодемографическое развитие России: динамика и риски на рынке труда» (2017 г.).

В настоящее время в России, по социологическим данным ведущих научных учреждений, большинство населения примерно одинаково негативно оценивает как советское, так и нелиберальное устройство общества. Одновременно эмпирически доказывается наличие потенциала консолидации российских граждан и обширного корпуса общих целей, интересов, ценностей. Это является важным условием для перехода ко второму этапу трансформации российского общества и получения его общественной поддержки. Недостаток включения социологического знания в управление реформами был одной из важных причин негативных социальных последствий нелиберального этапа трансформации российского общества. Этот недостаток может быть преодолен при концептуальном обосновании нового этапа трансформации и обеспечении научного сопровождения его реализации.

Мартыненко Владимир Владимирович*

КРЕДИТНАЯ МЕТАНОЙЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Главным направлением моих научных исследований является, прежде всего, постижение предмета нового порядка — универсального смысла денег в их эволюционно-историческом генезисе; смысла, взаимоусиливающего действие общества и денег. Оказываясь существенным образом контекстуальным термином, деньги на чисто феноменальном уровне образуют поле социального тяготения, собирающее и сжимающее значимые события связей между людьми, развивающиеся во времени и имеющие множество точек роста. Эти связи не только структурируют общество, социальное взаимодействие; они конституируют в качестве своеобразных объективностей различные типы человеческих сообществ со своей возможной иерархией. Поэтому совокупный горизонт моих исследований может быть обозначен следующим образом: *деньги* как априорность, имеющая место в социальности с ее различными уровнями; сам «голос» денежных отношений звучит как голос логоса социальности, то есть звучит социологически. Эта проблематика так или иначе вплетена в канву современных споров об обществе, государстве, праве, политике, экономике; о перспективах социальности. Знаниевый дискурс, направленный на понимание природы денег, невозможно осуществить вне методологии, направленной на выявление социологических предикатов, парадоксальности отношений между денежными практиками, реализующими

* Мартыненко Владимир Владимирович — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН.

матрицу социальности, и самим социальным знанием, нередко игнорирующим именно общественную сингулярность денег, отстраняющимся от тех вопросов, которые имеют решающее значение для понимания социальных процессов в современном обществе. Непосредственным следствием проведенного анализа является теоретическое обоснование необходимости изменения ракурса взгляда на естественно-исторические процессы и закономерности формирования денежной идентичности как кредитной стати социума, его ценностных установок.

Денежные отношения — это структурные отношения, описываемые онтологией кредита, которая представляет собой парадигмальный мировоззренческий сдвиг в современной постнеклассической социологической картине социального мира. В фокусе исследования находится концепция денег, выполненная в нелинейной оптике, позволяющей четко увидеть сложности изменяющегося социума, способы «пересборки социального» (Б. Латур).

Среди направлений моей работы также раскрытие закономерностей формирования в обществе таких ценностных и правовых отношений, которые были бы по преимуществу нацелены на обеспечение и страхование социального развития, а не на защиту социальных привилегий тех, кто получил власть устанавливать правовые нормы в обществе. Измерение денег может быть эксплицировано в контексте недавнего открытия концепции детерминированного хаоса, согласно которой неопределенность, непредсказуемость есть имманентное свойство системы человеческих взаимодействий, которые рассматриваются в социальном масштабе. Деньги есть некий «связующий паттерн» в образе становящейся сложности социальной реальности.

Построенная нами парадигма денег эпистемически разрабатывает конструктивизм социологического мышления. С осознанием кредитной метанойи мы связываем развитие в будущем нового качества социальности, которая,

по-видимому, в процессуальном ключе будет предполагать защищенную криптоалгоритмами типа блокчейн «электронную демократию» социальности, новые формы денежных отношений, структурирующих архетипы коллективного сознания кредитного сообщества.

Основная задача состояла в нахождении ответа на давно поставленный вопрос о рациональном объяснении социальной матрицы денег, социальных (а не религиозно-мистических или спекулятивно-философских) основ политики, экономики и права, включая вопрос о правах человека. Отсутствие рационального объяснения естественных базовых структур конституирования социума и гуманитарной реальности, имманентного подхода к системе прав и обязанностей, возникающих между членами общества, которое не ограничивалось бы темой положительного права или закрепленного государственными законами права, оказывает свое негативное воздействие на качество научных исследований в социально-политической области. Все это свидетельствует об отсутствии ясных и надежных критериев для оценки социальной целесообразности той или иной деятельности властных структур и выполняемых ими функций.

В рамках решения поставленной задачи были критически проанализированы различные концепции денежного процесса, существующие теории государства и права, оказавшие влияние на весь комплекс социального знания, характер и направленность исследований в области политической философии, социологии политики, политологии и политической экономии. Были вскрыты концептуальные пробелы в теориях социального развития, в онтологии и эпистемологии государственной власти и гражданского общества, определены пути и средства очищения указанных концепций от влияния и последствий многочисленных догматических наслоений, возникавших в области социально-политической мифологии. Кроме того, выявлена необходимость серьезной переоценки социального статуса денег, имеющего особое значение для

понимания социально-экономических, правовых и политических причин и последствий современных мировых кризисов.

Естественную социально обусловленную основу политического и правового воплощения предлагается рассматривать в контексте необходимо возникающих в человеческом обществе кредитных отношений между людьми. Понятие «кредитные отношения» не ограничивается узкоэкономической интерпретацией данного термина, а наделяется социальным содержанием, ценностным регистром доверия, устанавливаемого между социальными субъектами. Речь идет о понимании того, что, с одной стороны, человеческое развитие невозможно вне системы социального альтруизма — без готовности одних членов общества вносить большой вклад в создание материальных и духовных благ, чем они получают или могут получить в тот или иной конкретный период от других его членов. С другой стороны, именно по отношению к указанным членам общества, которые на том или ином временном интервале оказываются его кредиторами, естественным образом может формироваться признание их прав и социальных привилегий. Иными словами, социальная поддержка кредиторов общества обеспечивается признанием их заслуг и/или вклада в виде наделения кредиторов определенными правами. Поэтому появление и функционирование таких социальных институтов, как государство и деньги, следует рассматривать в качестве процессов естественного развития основных социальных механизмов или форм, обеспечивающих фиксацию и реализацию прав кредиторов общества. Один из главных недостатков всех существующих концепций государства и общества обусловлен тем, что кредитная природа денег, их роль инструмента, обеспечивающего социальный и гражданско-правовой статус кредиторов общества и процессы горизонтальной интеграции человечества, до сих пор в полном объеме не осознаются.

Хотя очевидно, что деньги предоставляют своим держателям вполне определенные права, но все еще сохраняет-

ся представление о них как о некоем, пусть и особом или даже условном, товаре, обладающем абстрактным качеством всеобщего эквивалента. При этом значительная часть социально-экономических проблем в современном мире во многом является следствием политической реализации ложных теоретических установок и идеологии денежной политики, в существенной мере определяющих каркас социальной жизни.

Суть денег как социальной категории — этой генерации связей, структурирующих общество, — хорошо выражается моделью кредитного состояния социума, кредитного контракта, который заключают друг с другом социальные субъекты. Его практическая реализация и оформление требуют определенных степеней защиты для снижения разнообразных рисков. Исторически для страхования социальных связей (кредитных контрактов) использовали различные технологии защиты — от драгметаллов в монетах и водяных знаков в купюрах до специальных алгоритмов кодирования. Сегодня эти технологии защиты кредитных контрактов используют распределённые системы и алгоритмы (протоколы) шифрования, например, в известных проектах, связанных с так называемыми криптовалютами: биткойнами, битчейнами и другими, причем, что интересно, в первую очередь указанные технологии применяются именно для защиты контрактной информации, личной и коммерческой тайн. Кстати, криптовалюты не являются деньгами в значении сгустков социального вещества. Они представляют собой инструментарий социальной коммуникации — пиринговые платежные системы, использующие специфический протокол передачи данных. А для обеспечения их функционирования и защиты используются криптографические методы, позволяющие всей информации о транзакциях быть доступной в открытом для общества виде.

Хотя темы денег как социального подлинника и социальных технологий защиты кредитных контрактов ощутимо

присутствуют в дискурсе современной эпохи, но научной теорией, которая внятно объяснила бы, как строится социальная пирамида финансов, как образуются социальные прожилки понятия «деньги», как расширяется социальное знание о деньгах, занимаются мало. Если бы существовала, скажем, социально ясная схема протекания политических, экономических и финансовых процессов (варьирующих этапы фиксации горизонта событий в обществе), то сами кризисы можно было бы предотвратить или, по крайней мере, смягчить их последствия. Координационные усилия мирового сообщества гасили бы локальные кризисы, не давая им разрастаться до мировых. Но поскольку такие усилия сегодня не предпринимаются интеллектуальным сообществом, то никто не может объяснить: почему начинаются кризисы, как и почему они заканчиваются? Они как бы растворяются в обществе, и глупость одностороннего политического, экономического и финансового действия начинает проявлять себя снова и снова, пока не рассасываются старые социальные узлы, породившие кризис. Кризисы есть социальные проявления монопольных попыток власть предержащих перераспределить в собственных интересах страховые выгоды, бенефициарами которых являются социальные слои, временно утратившие положительные балансы собственного социального производства на фоне экономических, технократических, техногенных, природных или революционных катаклизмов. А на уровне социально-политической теории никто из исследователей не связывает монопольную настойчивость — этот чисто социальный конструкт — в формировании и интерпретации правил и законов на мировых и региональных финансовых рынках с источниками кризисов. Надо признать, что в периоды кризисов нереалистичность этого конструкта проявляется особенно ярко. Феноменология преодоления мирового экономического кризиса показывает, что вопросы о социальной прегнантности денег, о композиции банковской системы (этом мировом нотариате в динамике) как

компоненте социальной формы и методах ее регулирования далеки от своего окончательного решения. Столь же далеки и теоретические представления о связи между социальными интенциями, экономической методологией, практикой денежной эмиссии и политической теорией.

Результатом проведенных исследований является разработка теории кредитной природы формирования политических, экономических и правовых отношений в обществе, а также концепции денег как категории социальной онтологии. В предложенной концепции впервые раскрыты социальные причины исторической эволюции денежных форм, социально-политический смысл денежной власти и социально-политическое значение демонополизации денежной эмиссии. Доказано, что обесценение денег важно рассматривать как выражение крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и в обществе, как свидетельство отсутствия социальной культуры полноценных кредитных отношений, а также необходимых условий для их развития. Определены условия рационального взаимодействия и оптимизации функций «политической» и «денежной» властей, включая проблематику социальных принципов денежной эмиссии, поддержания надежности и безопасности банковской системы, которая призвана отражать саму процессуальную субстанциональность денег, каковой является развитие социальности. Стабилизация этой системы связана и с предотвращением инфляции, созданием предпосылок для сбалансированного социально-экономического развития страны и улучшения социально-политической ситуации в обществе.

Общий вывод заключается, во-первых, в необходимости рассматривать связь государственной власти и денег как многомерную, производную от постоянно меняющихся социальных профилей, включая профили естественно возникающих кредитных отношений между членами общества, от их практических ориентиров. Во-вторых, адекватность го-

сударственного регулирования, значение и смысл вводимых в государстве законов, а также направлений деятельности органов государственной власти различных уровней целесообразно анализировать и оценивать прежде всего сквозь призму их соответствия задачам социально полноценного страхования и поддержания полноценных кредитных отношений. Эти отношения суть базовые условия поступательного социально-экономического развития, понимаемого как объективный процесс цивилизационного развития, как процесс раскрытия возможностей и реализации способностей людей, повышения их творческого уровня. Такой подход позволяет демифологизировать представления о возможностях и принципах государственного регулирования социальной деятельности, по-новому взглянуть на проблему федерализма, согласования деятельности и интересов различных политических образований, нахождения путей минимизации социально-политических рисков, включая риски социального распада и возникновения международных конфликтов.

Предложенный теоретический фундамент может быть использован в качестве предпочтительной основы для построения новой социально-политической парадигмы, отвечающей интересам развития России и способствующей формированию научно обоснованных и реально осуществимых методов преодоления препятствий, постоянно угрожающих развитию страны и человечества в целом.

В небольшом сообщении, конечно, невозможно подробно рассмотреть и обосновать предлагаемые варианты решения затронутых проблем. Более подробно с высказанными здесь идеями и моей позицией можно ознакомиться в опубликованных статьях и монографиях, большинство из которых представлено в Интернете по адресу: www.martynenko.info.

В заключение несколько слов о представленных на презентации монографиях.

В монографиях **«Социология денежно-финансовых отношений» (2004)** и **«Неизвестная политика банка России»**

(2004) впервые обозначен принципиально новый подход к анализу сущностных характеристик социальной параболы денег и эволюции их форм; предложена новая социально обусловленная концепция финансовой политики и обеспечения стабильности банковско-кредитной системы; сформулированы и теоретически обоснованы конкретные меры по трансформации роли и места денежной власти в общей системе разделения властей как предпосылки развития гражданского общества и преодоления внутренних противоречий демократического устройства государства.

Важным этапом в моих исследованиях являются опубликованные в монографии **«Идеология против экономики»** (2005) результаты разработки методологии выявления социальных индикаторов, характеризующих процесс трансформации политики властных структур из социально востребованной в экономически произвольную. Данная трансформация ведет к утрате политической системой внутренних ресурсов и возможностей своего обновления, является процессом, порождающим дестабилизацию общества.

В монографии **«Кальдера государственной власти»** (2005) исследованы сущность и двойственная роль государства, внутренние закономерности и противоречия в развитии этой цивилизационной структуры; представлены методы оценки принимаемых государственной властью общественно значимых решений, степени их соответствия объективным потребностям и возможностям сбалансированного социально-экономического развития. Эта монография представляет собой фундаментальное исследование теоретических и практических проблем политической субъектности, взаимодействия государства и гражданского общества, включая политико-экономические и социальные аспекты финансовых и денежно-кредитных отношений; в ней разработаны концепции и практические рекомендации по оптимизации функций исполнительной, законодательной, судебной, а также «денежной» власти.

Дальнейшее развитие указанные концепции и обоснование предложенных рекомендаций получили в моих научных статьях, а также монографиях: **«Социальная эпистемология и политика»** (2008), **«Социальная матрица политического знания»** (2008), **«Гражданское общество: от политических спекуляций и идеологического тумана к социальному знанию и осознанному выбору»** (2008). В перечисленных монографиях подробно определено содержание новых междисциплинарных направлений социальных исследований и обоснована необходимость их углубленного развития. Раскрыта теория кредитных закономерностей формирования социальных прав и системы социального страхования, социальных смыслов денежной власти и денежной эмиссии. Представлено новое, социологически четкое прочтение денег как категории, характеризующей процесс формирования в обществе прав и обязанностей социальных субъектов. Выявлено социально-политическое значение исторической эволюции денежных форм. Определено содержание, уточнены цели и методы осуществления социальной политики и стратегии социального страхования, их роль в системном обеспечении сбалансированного социально-экономического развития и предотвращении риска социально-политического распада. Объяснены причины социально-политических трансформаций концепции гражданского общества, обстоятельства возрождения научного и практического интереса к проблематике гражданского общества в настоящее время.

В контексте решения концептуальных проблем политологии и социологии хотел бы отметить монографии **«Наступающая политология. Основы и особенности политической науки»** (2010) и **«Компендиум социально-политической мысли. Точки опоры или движение по замкнутому кругу?»** (2011). В этих работах критически проанализированы различные концепции государства и права, оказавшие влияние на современное состояние политической мысли, характер и направленность исследований в области поли-

тической философии, социологии политики и политической экономики; произведена оценка теоретического наследия и определены основные направления развития политологии, а также представлена методология междисциплинарных исследований политики.

В монографии 2019 г. **«Кредитная синтагма социальнойности»** рассматриваются концептуальные пробелы теорий социального развития, обстоятельно анализируются социогуманитарные проблемы кредитной реальности, социологии кредитной имплементации цивилизационного развития, а также расшифровывается социограмма кредита как человеческого кода социальнойности. В данной работе осуществляется социальная тематизация и концептуализация кредита, который понимается как первоячейка банковского опыта. В этой связи подвергаются критике некоторые структуры деятельности Центрального банка Российской Федерации. Исследуя элементы кредитного (денежного) массива общества в качестве базового компонента системы социального страхования и структурирования социальных функций государства, я определяю пути формирования кривизны социального пространства через выполнение закона кредитования в общественных системах. Социальный кредит прочерчивает контур политики, которую следует поставить в адекватный контекст, обусловленный процессуальной логикой кредитования. В монографии дается полный спектр толкований социальных предпосылок кредитной эпистемы; многогранность понимания кредитного здесь трактуется через открытие социальной целостности как горизонта, в котором исследуемые феномены кредитного мира приобретают смысл и определенность.

© Мартыненко Владимир Владимирович

Осадчая Галина Ивановна

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Потребность обществ в постоянном развитии человеческого капитала, детерминирующей инновационность и вектор трансформации социальной реальности, побудила автора к разработке **специальной социологической теории социальной сферы**, качественное своеобразие предмета которой задано ее **основной** (социальное воспроизводство и всестороннее жизнеобеспечение человека, групп в их целостности как субъектов исторического процесса), **производными** (социорегулятивная, социоадаптивная, социопродуктивная, социокультурная, социодинамическая, социозащитная) **функциями** и тесно связано с понятием «**социальное**». Методологическую основу ее формирования составили идеи классиков российской и зарубежной социальной мысли о постоянном усложнении социальной организации и социальных связей; модернизации общества как дифференциации самовоспроизводящихся подсистем общества; взаимосвязанности социальных явлений и элементов; социальной

справедливости, социальной солидарности общества; государственном управлении в интересах более справедливого и устойчивого развития общества.

Социология социальной сферы представляет собой системное знание со сложной внутренней структурой, раскрывающее теоретическую концепцию социальной сферы и особенности методической стратегии ее анализа. Обосновано, что генетическим истоком социальной сферы является семья, с древнейших времен выполнявшая функцию социального воспроизводства человека. Генезис социальной сферы представляет собой процесс взаимодействия спонтанных и целенаправленно организуемых обществом и государством социальных институтов, осуществляющих непосредственное жизнеобеспечение, взаимодействие и воспроизводство социальных субъектов в конкретных исторических условиях их деятельности. А историческое становление — движение от синкретизма первобытного к дифференцированным самостоятельным частям современного общества, каждая из которых выполняет свою функцию. Субстанциональной основой социальной сферы является социальная деятельность по воспроизводству действительной жизни и регулированию социальных отношений между субъектами данной деятельности. Социологическая теория рассматривает социальную сферу как подсистему общества, порожденную объективной потребностью в непрерывном воспроизводстве субъектов социального развития и как пространство социального воспроизводства человека, группы, в котором обретает смысл социальная политика государства, реализуются гражданские и социальные права человека; дает характеристику структуры социальной сферы, функций, разнообразия факторов, детерминирующих ее изменения; системы показателей, адекватной ее сущностным признакам. Отработана и предложена методическая стратегия комплексного изучения социальной сферы. Социология социальной сферы нацелена

на формирование реалистической стратегии социального развития страны, на раскрытие сущности целостного жизне-существования социальных субъектов, решение конкретных социальных проблем и способствует преодолению обособления социологии от осмысления механизмов социального управления.

Новым в социологическом знании является предложенная автором **методология и методика мониторинга социальной сферы России** как информационной технологии, учитывающей особенности социальной сферы, позволяющей получать, а также накапливать информацию о социальном воспроизводстве населения и на основе расчета индексов сравнивать его результаты, а также методика пролонгированного социологического наблюдения семьи как субъекта социальной сферы. Проводимый в рамках данной научной парадигмы комплексный и систематический сбор **надежных и достоверных данных о динамике, направленности и глубине социальных сдвигов**, происходящих в российском обществе, позволил сделать теоретические выводы о **тенденциях, противоречиях и социальных рисках трансформации российского общества в контексте глобализации, социальной сплоченности региональных сообществ**, предложить модели и механизмы социальной модернизации страны, повышения эффективности реализации государством его социальной функции.

Обновлению и развитию социального знания, разрешению накопившихся социальных противоречий способствуют результаты, полученные в ходе реализации конкретных исследований, базирующихся на созданных автором **моделях социологического измерения** социально-экономического статуса многодетных и малодетных семей, социальной защиты различных групп населения, социального здоровья населения, социального потенциала российской молодежи и

молодых семей, социальных факторов экономической безопасности, миграционных процессов, этносоциального будущего мегаполиса и др.

В них приводятся разработанные автором **меры социальной защиты** семей безработных с детьми, даётся сравнительный анализ **стратегий поведения молодых горожан и методология разработки гендерной стратегии в России**, показаны возможные **направления и технологии достижения** гендерного равенства в российском обществе, даны рекомендации по совершенствованию социальной и миграционной политики России, повышению качества жизни населения, обеспечению социальной сплоченности российского общества, формированию здорового образа жизни.

Автор в своей научно-исследовательской деятельности постоянно обращается к теме образа жизни, представляющего собой типичную, конкретно-историческую форму многообразной повседневной жизнедеятельности индивидов, социального бытия, способ функционирования общества на личном уровне, визитную карточку группы, общности. Им предложена **теоретическая модель изучения образа жизни россиян** как форм социальной практики и социальных представлений людей **и объяснения его динамики** как способа самоорганизации людей, качественно характеризующего данное общественное устройство, возникающего в результате реализации и последующей объективации тех или иных стилей, способов жизни, появления модальной личности и представляющего собой доминирующие модели жизнедеятельности, конструирующие сегменты социального пространства. Наиболее общие черты образа жизни маркируют образ жизни конкретного общества.

Сравнительный анализ результатов исследования этого феномена ИСИ АН РАН в начале 80-х гг. XX в. и ВТК под руководством Г.И. Осадчей в 2008–2009 гг. XXI в. позволил автору выявить отличия постсоветского от позднесоветского образа жизни, показать изменения иерархии и характера норм,

терминальных и инструментальных ценностей, господствующих в социальном окружении, повседневного поведения, представлений о жизненных целях.

Интеграционные усилия России на постсоветском пространстве, создание **Евразийского экономического союза (ЕАЭС)** актуализировали изучение социальных отношений и социальных связей народов государств — членов ЕАЭС. Автором разработана **методология социального измерения интеграционных процессов, научные подходы** к разработке социальной стратегии Союза. В соответствии с ними проведены исследования по проблемам формирования общего рынка труда ЕАЭС, социальной базы интеграционных процессов, мобильности, межэтнических отношений граждан государств-членов, социально-профессионального профиля, социального самочувствия, адаптации мигрантов из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда. Дана характеристика потенциала возможностей и рисков евразийской интеграции, от использования или преодоления которых зависит будущее Союза. Спрогнозирован вектор миграционных перемещений, предложены меры по реализации миграционной и социальной политики России в рамках евразийских компетенций для достижения цели, поставленной в Договоре о создании ЕАЭС; предложены меры по расширению социальной базы интеграционных процессов.

Выявлено, что в новых условиях трудовой мобильности подавляющее большинство мигрантов из государств — членов ЕАЭС демонстрирует траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности, а часть из них улучшила свои социальные позиции. Более других в результате переезда в Россию повысили свой статус мигранты из Беларуси и Армении. Количество информантов, занимающих должность руководителей разного уровня, по сравнению со страной гражданства, выросло в два раза, а среди мигрантов из Казахстана и Киргизии увеличилась доля квалифициро-

ванных работников. Исследования показали, что более 65% мигрантов из государств-членов можно отнести к группе хорошо адаптировавшихся, а чуть менее 35% имеют проблемы с адаптацией в столице России. Наиболее успешно вписались в московский рынок труда граждане Беларуси и Армении. Фактором такой успешности стало: обладание ими большим человеческим (более высокий уровень образования, лучшее знание русского языка), социальным капиталом (устоявшиеся социальные связи в столице) и опытом мобильности в их обществах. Во второй группе преобладают мигранты из Киргизии. Они хуже, по сравнению с мигрантами из других стран — членов Союза, знают русский язык, имеют меньший опыт жизни и работы в большом городе. Среди них в два раза больше тех, кто живет и работает в Москве до одного года. Здесь еще не сложились социальные сети, способные на первых порах оказать им поддержку, не эффективно действуют киргизские диаспоры в России, они не переориентировали свою деятельность на адаптацию соотечественников в обществе принимающей страны. Межэтнические разногласия граждан государств — членов ЕАЭС отмечаются в представлениях о результатах и в ожиданиях от функционирования Евразийского союза. Они усиливаются ингрупповым этническим фаворитизмом, сохранением межэтнической напряженности, сложившейся в районе их постоянного проживания в столице России, недостаточной позитивной консолидацией людей вокруг идеи создания нового интеграционного объединения, неготовностью части граждан стран-членов взаимодействовать для достижения интеграционных целей, сохранением среди приезжих и москвичей относительно высокой доли людей, считающих возможным решение конфликтной ситуации посредством участия в агрессивных акциях, вплоть до выступлений с оружием в руках. Фиксируемое снижение уровня социальной поддержки и социальных ожиданий народов государств — членов ЕАЭС, дифферен-

циация интеграционных настроений по возрастным характеристикам детерминированы не только экономической ситуацией в ЕАЭС, но и слабой вертикальной и горизонтальной сплоченностью элит, снижением эффективности микросоциальной солидарности и вертикального потока социальной консолидации.

Опираясь на результаты авторских исследований сложившейся социальной реальности, Г.И. Осадчая обосновала необходимость формирования, наряду с единым экономическим, **единого социально-гуманитарного пространства**, в основе которого лежит активный политический и гражданский дискурс населения стран-членов, обеспечивающий структурное и функциональное единство ЕАЭС.

К основным направлениям социально-гуманитарного сотрудничества отнесены: формирование позитивного мнения вокруг идеи интеграции, этнокомплементарных отношений, эмпатии, толерантности в социумах государств — членов ЕАЭС; воспроизводство консистентной солидарности во всех структурных элементах обществ; двойной идентичности; сохранение общего культурно-исторического пространства, общей социальной памяти, традиций; поддержка русского языка; создание социально-экономических и культурных условий для адаптации приезжих. Для выстраивания социально-гуманитарного взаимодействия предложено использовать такие практики, средства и ресурсы, которые обеспечивают социализационные процессы, интериоризацию символического комплекса евразийской интеграции, поддержание идеологии евразийства, морально-этических норм, ритуалов, ценностей, практик, способствующих интеграции, объектов и событий, обладающих интеграционным потенциалом. Обоснована необходимость расширения сотрудничества в области образования и обеспечения свободы движения рабочей силы; реализации многосторонних социально-гуманитарных программ, направленных на раз-

витие горизонтальных связей; обеспечения единой медиа-поддержки интеграционных процессов; создания центра координации социально-гуманитарного взаимодействия стран-членов на уровне наднационального регулятора; мониторинга экономической и социальной результативности интеграционных процессов.

На основе анализа опыта мониторинговых исследований в интеграционных объединениях мира, оценки возможностей, предоставляемых интеллектуальными информационными технологиями последнего поколения, предложена концепция **многоаспектного мониторинга процессов евразийской интеграции**, формирующая в режиме ситуативной осведомленности информационную базу для предупреждения кризисов, принятия упреждающих решений в различных сферах интеграции, **разработана конкретная социологическая модель измерения социальной результативности становления Евразийского экономического союза**, основанная на системах показателей: ресурсных, процессуальных, результативности, интегральных, обеспечивающая совместимость с другими форматами фиксации, анализ и прогнозирование событий, актуализацию и детализацию информации, вносящая вклад в обоснованность управленческих решений. Сегодня данная методология уже используется для научного анализа достижения ключевых результатов интеграции, разработки конкретных механизмов и мероприятий, учитывающих неэкономические факторы, включающих в интеграционные процессы «человеческое измерение».

За последние 10 лет под руководством и при активном участии Г.И. Осадчей реализовано 19 научно-исследовательских проектов. Среди них: «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России: сравнительный анализ и оценка изменений». 2016–2017 (Грант РГНФ), «Разработка единых критериев оценки эффективности работы учреждений социальной защиты населения г. Москвы». 2012 (Грант ИПК Департамента СЗН г. Москвы), «Мигранты из Армении

и Грузии в Москве». 2008–2012 (Грант Фонда “Volksvagen”), «Внедрение принципов рыночной экономики в развитие системы социального обслуживания жителей города Москвы». 2012 (Грант Департамента СЗН г. Москвы), «Социальные изменения российского общества в контексте глобализации». 2009 (Грант Минобрнауки), «Этносоциальное будущее Москвы. Прогноз и комплексная оценка». 2009 (Грант РГНФ), «Региональная модель социальной сплоченности в контексте преодоления глобального кризиса». 2009–2010 (Грант Федерального агентства по науке и инновациям РФ), «Социальное развитие России: новые модели и направления». 2009 (Грант Федерального агентства по науке и инновациям), «Современное медицинское образование и здоровье населения». 2007 (грант Федерального агентства по образованию РФ) и др.

Г.И. Осадчая имеет 30-летний опыт преподавательской деятельности, является председателем ГАК Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, подготовила 10 докторов и 21 кандидата наук. Она почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Научно-методическим вкладом в развитие **социологического образования** являются разработанные автором **концепция подготовки специалистов-социологов для социальной сферы, новые социологические специализации: «социология социальной сферы», «социология социальной работы»**. В соответствии с новыми направлениями социологического знания подготовлены авторские учебные пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология» и «Социальная работа»: «Социология социальной сферы (гриф УМО)», «Методы и технологии мониторинга социальной сферы», «Лекции по социологии (гриф УМО).

Г.И. Осадчая является экспертом РАН, председателем Научного совета Отделения общественных наук РАН «Социально-политические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)», членом экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной науки при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, вице-президентом Российской академии социальных наук, членом Президиума Федерального учебно-методического объединения по УГСН «Социология и социальная работа», членом Комиссии РАН по экспертизе федеральных государственных образовательных стандартов и учебников.

Она член редакционного «социология», редакционных коллегий журналов Нижегородского журнала «Социальная политика и совета университета «Вестник ННГУ» и «Вестник Пермского университета», включенных в перечень ВАК.

Г.И. Осадчей опубликовано 400 научных и научно-методических работ. Среди них 11 авторских монографий и 29 коллективных.

Список основных трудов

1. Осадчая Г.И. Социальная сфера общества: теория и методология социологического анализа. М. : Издательство Союз, 1996. 279 с.
2. Социальная сфера России: социологический анализ (1990–2000 гг.) / рук. проекта В.И. Жуков, Г.И. Осадчая. М. : Изд-во МГСУ, 2002. 284 с.
3. Осадчая Г.И. Социальное знание и социальная практика. М. : Академический Проект, 2003. 160 с.
4. Осадчая Г.И. Социология социальной сферы : учеб. пособие для вузов с грифом УМО. М. : Академический Проект, 2003. 336 с.
5. Осадчая Г.И., Роик В.Д. Социальные аспекты экономической безопасности России. М. : Мысль, 2006. 176 с.
6. Семья в России и в Москве в начале XXI века / рук. авт. коллектива Г.И. Осадчая. М. : Изд-во РГСУ, 2008. 216 с.

7. Осадчая Г.И. Мигранты из Армении и Грузии в Московском мегаполисе. М. : Изд-во РГСУ, 2010. 155 с.
8. Осадчая Г.И. Сплоченное общество как идея и вектор инновационного преобразования общества. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 166 с.
9. Осадчая Г.И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян. М.: Изд-во РГСУ, 2013. 509 с.
10. Осадчая Г.И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М. : Эконом-Информ, 2019. 284 с.

© Осадчая Галина Ивановна

Черныш Михаил Федорович*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

М.Ф. Черныш — специалист в области изучения социальной структуры общества и социальной мобильности, автор 156 научных работ, из них пять монографий, включая личные.

1. М.Ф. Черныш исследовал потоки социальной мобильности в трансформирующихся обществах. Концепция мобильности как социального процесса, влияющего на разные стороны общественной жизни, возникла в начале XX в. В тот период мобильность рассматривалась прежде всего как следствие глубоких изменений политической и экономической системы общества: включения в политический процесс малоимущих граждан, женщин и меньшинств, масштабной индустриализации, охватившей развитые страны Запада, демократизации и расширения системы образования. В исследованиях мобильности на первом плане находились изменения поселенческой структуры развитых обществ, приводящие к массовому переезду сельского населения в города, изменения в структуре занятости, рождение благополучных средних слоев, которые к 30-м гг. прошлого века составляли в развитых странах до 30% населения. В российском обществе процессы мобильности, восходящей и нисходящей, существенно ин-

* Черныш Михаил Федорович — доктор социологических наук, первый заместитель директора ФНИСЦ РАН, руководитель сектора социальной мобильности Института социологии ФНИСЦ РАН.

тенсифицировались после 1917 г., в результате ликвидации сословий и целенаправленной политики эмансипации угнетенных в прошлом классов и слоев, которую проводила новая власть. Изначально в исследованиях мобильности преобладал количественный статистический подход, фиксирующий изменения социальной структуры и ставивший во главу угла изменения структуры занятости. В традиции, основы которой заложили американские социологи С. Липсет и Р. Бендикс, мобильность рассматривалась как массовые перемещения индивидов в ответ на те изменения, которые происходили в экономике. Схожих позиций придерживались социологи марксистской ориентации, для которых основные изменения в обществе происходили в основаниях экономического базиса и были связаны с развитием производительных сил. В социологическом сообществе возник концептуальный консенсус, согласно которому мобильность рассматривалась, в основном, как сумма индивидуальных перемещений между классами или слоями, которые формируются в сфере занятости и чувствительны прежде всего по отношению к изменениям в экономике. После этого исследования мобильности развивались по пути увеличения выборок и реализации сравнительных межстрановых проектов, базирующихся на идентичных инструментах. Этот подход нашел отражение в монографии Роберта Эриксона и Джона Голдторпа «Постоянные перемещения», ключевой работе по проблемам мобильности в развитых странах, опубликованной в 1993 г. В этой работе утверждалось, что структура мобильности, очищенная от временных флуктуаций, оставалась неизменной в развитых странах на протяжении всего XX в. «Камертоном», определившим структуру мобильности в Европе, доказывали авторы, стали две страны — Великобритания и Франция. Теоретические подходы к мобильности, предлагаемые ведущими социологами Запада, не могли в полной мере отразить реалии российского общества. В исследованиях, которые были проведены М.Ф. Чернышом, доказывалось, что мобильность

в СССР, а затем и в России стала итоговой составляющей политического проекта равенства, который закладывался в само основание советского государства. В постреволюционной России возникла уникальная ситуация, в которой социополитические отношения оказывали на потоки мобильности не меньшее влияние, чем экономические изменения. Идея открытости социальных границ, возможности восходящей мобильности для всех легла в основу «общественного договора» между властью и обществом. Социологические исследования свидетельствовали, что в истории советского государства потоки мобильности менялись — от массовой мобильности в послереволюционный период до снижения потоков мобильности в 70–80-е гг. прошлого столетия. Поколение, достигшее зрелости в 80-е гг., столкнулось с проблемой нарастающей закрытости социальных групп, становления неформальных институтов, регулирующих мобильность в обход законов и формальных правил, призванных обеспечить равные жизненные шансы для всех граждан. В обществе происходило «закрытие» социальных групп, имеющих в нем статусные привилегии, и усиление тенденций воспроизводства социальных позиций. В этой ситуации стала более значимой роль социального и культурного капиталов семьи, наличие которых обеспечивало следующему поколению привилегированные позиции в сфере образования и занятости. В исследованиях доказывалось, что усиление тенденций социального воспроизводства стало одной из причин кризисного состояния общества и нарастающей социальной напряженности, нашедшей отражение в общественном сознании.

2. В работах М.Ф. Черныша получил развитие новый подход к мобильности, рассматривавший её на макроуровне как результат интегрированного влияния функционирующих в обществе социальных институтов. Предлагалось рассматривать социальные институты диахронно, как эволюционирующую систему формальных и неформальных норм, регулирующих поведение индивидов, их ориентацию на мобильность,

выбор ими личных целей и средств для их достижения. В рамках этого подхода институты не имеют той неизменной природы, которая им часто приписывается, а становятся на каждом этапе эволюции общества результатом взаимодействия между субъектами, обладающими разной степенью влияния в сфере политики, экономики и культуры. Социальные институты интегрированы и в этом качестве способны определять доминирующий вектор мобильности — от ориентации на равенство до преобладания дифференцирующих тенденций. В советском обществе институты прошли эволюцию от доминирующей ориентации на равенство до доминирующих тенденций дифференциации за счет усиливающихся неформальных норм и правил. Советское общество двигалось, хотя и с некоторым запаздыванием по отношению к развитым странам Запада, к фазе расширенного потребления товаров и услуг. Отсюда постепенное усиление такого фактора социальной дифференциации, как доход, и, соответственно, расширение неформальных практик повышения уровня личного материального благополучия. Противоречия между декларируемыми нормами равенства и растущими потребностями в материальном благополучии приводили к парадоксальным для любой развитой страны явлениям, таким, к примеру, как нисходящая квалификационная мобильность значительной части населения, ставящая целью повысить стандарты жизни за счет перехода работников с высшим образованием на рабочие места, характеризующиеся низкой квалификацией, но высокой оплатой труда. Сложившийся социальный порядок способствовал постепенной деградации «общественного договора», имеющего в основе идею безбарьерной мобильности. В советском обществе возникли и набирали силу социальные нормы, которые впоследствии станут определять тенденцию к росту неравенства. На основании данных о мобильности в четырех поколениях россиян М.Ф. Чернышом была предложена концепция «замещающей мобильности», заключающейся в постепенном изменении жизненных практик, ведущих в ко-

нечном итоге к смене социальной позиции. В исследовании, посвященном культурным ресурсам мобильности, были зафиксированы разные фазы социальных перемещений — от начальной, в которой сохраняется институциональная идентичность, до конечной, в которой она изменяется на новую благодаря замещению одних практик другими, например постепенному, через подработки, переходу из государственного сектора экономики в частный сектор.

3. В исследованиях, которые проводились М.Ф. Чернышом, мобильность изучалась во взаимосвязи с теми изменениями, которые набирали силу в современных обществах, и в частности с тенденцией индивидуализации. Опыт российских исследований свидетельствовал о том, что российское общество, вопреки представлениям о его естественной «коллективности», становится все более индивидуализированным. Рост индивидуализма в российском обществе обусловлен уровнем его урбанизации (этому способствовала реализация плана стягивания населения в большие города), распространением образования, ориентацией на расширенное потребление и акцентом на самореализацию. В современном обществе внешние принудительные нормы все меньше определяют индивидуальный выбор, в том числе в такой сфере, как социальная мобильность. Исследования зафиксировали, что в современной ситуации не только сфера занятости, но и межличностные отношения, досуг, потребление могут стать альтернативными измерениями мобильности. Мобильность из концепта, относящегося прежде всего к сфере занятости, превращается в многомерное явление, в котором перемещения в разных областях взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. В новейших исследованиях мобильности, которые проводились М.Ф. Чернышом, изучались связанные между собой перемещения в поселенческом, территориальном, доходном, жилищном, образовательном и профессиональном измерениях. Концепция многомерной мобильности позволила связать между собой микро- и макроуровни мо-

бильности — индивидуальный выбор и работу социальных институтов, создающих для него ограничения. Это дало толчок развитию такого подхода, который определяется в рамках данной концепции как субъективная мобильность. Речь идет не о мобильности в ее реальном, онтологическом смысле как о перемещении лиц в координатах социальной структуры, а как о параллельном изучении ориентаций, направляющих мобильность и задающих шкалу оценок индивидуальных или коллективных приобретений и потерь. Рассматривается ситуация, в которой социальные перемещения фигурируют в собственной системе смыслов, и то, что в глазах общества зачастую кажется социальным поражением, может оказаться на поверку в индивидуальной или групповой системе координат равнозначным жизненной победе. Эти выводы подтверждаются анализом мобильности в прекарных группах. В одном случае прекарное состояние оценивалось как нестабильность, утрата социальной позиции, в другом — как обретение свободы, выход из стягивающих индивидуальную свободу офисных пространств, возможность управлять собственным временем и параметрами занятости. Последняя группа хотя и невелика, но, как показало исследование, имеет тенденцию к росту и включает в себя по большей части молодых людей, имеющих высокий уровень квалификации.

Усложнение системы координат в предложенной концепции поставило новые, непростые задачи перед теми, кто занимается эмпирическими исследованиями социальных перемещений. Настоятельной необходимостью стало выделение в общей структуре перемещений отдельных измерений, в которых стало бы возможным обнаружить устойчивые паттерны. Помимо этого, новая реальность, изучаемая исследованиями мобильности, потребовала большей осторожности в интерпретации полученных результатов. Этот вывод напрямую касается исследования поколений, существенно отличающихся друг от друга системами ценностей и, соответственно, пониманием «верха» и «низа» социальной лестницы.

4. В исследованиях, которые провел М.Ф. Черныш, предметом теоретического и эмпирического изучения стала социальная справедливость. В теориях справедливости, разработанных Дж. Ролзом и А. Сеном, акцент сделан на общих подходах к возможному пониманию проблем справедливости. Отличительной характеристикой исследований, которые проводились под руководством М.Ф. Черныша, было стремление «социологизировать» подходы к справедливости, сделав представления о ней предметом анализа в российском обществе. В этих исследованиях была заявлена гипотеза о том, что представления о справедливости разнятся в зависимости от той социальной группы, в которой они формируются, и испытывают на себе влияние конкретных социальных обстоятельств, в которых находятся конкретные сообщества. Исследования доказали, к примеру, что нормативные представления о справедливой заработной плате в значительной степени определяются отраслевыми стандартами, а также преобладающими в сообществе стандартами оплаты труда. Исследования справедливости показали, что представление о ней тесно связано с идеями «справедливого вознаграждения» и «достойной жизни». Под «справедливым вознаграждением» понимается формальная привязка стандартов жизни к трудовому вкладу человека на протяжении всей его жизни, условиям, в которых он был вынужден трудиться, квалификации его труда и тому уровню ответственности, который был характерен для его социальной позиции. В концепте «достойной жизни» нашли отражение представления о жизни без нужды в тех пределах, которые определяются обществом в его настоящем состоянии. Исследования показали, что в российском обществе распространены представления о его несправедливости, о невозможности отстаивать свое достоинство, используя для этого гражданские и политические институты.

5. В исследованиях, которыми руководил М.Ф. Черныш, изучалась гражданская культура российского общества в ее классическом понимании как сферы традиционных пред-

ставлений о функциях и эффективности политических и гражданских институтов общества. Гражданская культура рассматривалась как область противоречий между исторической традицией и новой социально-политической ситуацией, в которой повышение эффективности институтов гражданства обусловлено необходимостью широкого участия населения в процессе формирования органов управления. В исследовании было показано, что в разных поколениях сформированы разные представления о необходимости гражданского участия. Для старшего поколения характерно уважение к сложившимся в советское время формам гражданского участия, для молодежи — критическая оценка гражданских институтов, прагматизм в оценках их эффективности.

6. М.Ф. Черныш руководил масштабными долговременными международными проектами, такими как мониторинговое исследование «Социальные различия в современном обществе», выполнявшееся в сотрудничестве с социологами университетов Хельсинки и Тампере, участвовал в российско-китайских и российско-польских проектах по проблемам трансформации социальной структуры. В этих исследованиях ставились фундаментальные вопросы о связи социальной структуры общества и господствующих в нем ценностных ориентаций. Основная задача виделась в том, чтобы установить уровень влияния культуры на степень социальной дифференциации, ее вклад в процессы формирования больших социальных групп. Эти исследования показали, что культура имеет значение как фактор структуриации общества, что она создает «смысловые оболочки», в которые облекаются реалии, порождаемые социоэкономическими и политическими процессами. Вместе с тем было установлено и то, что фактор культуры не может рассматриваться как гомогенный, что культура имеет множество слоев, каждый из которых рождает собственные, нередко противоречивые смыслы. В этом отношении невозможно говорить о том, что именно культура в понимании её как источника культурных образцов имеет приоритет над остальными факторами группообразования.

Литература

1. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
2. Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 13–23.
3. Social Justice Perceptions, Class, and Institutions in the Contemporary Russian Context // Sociology and Social Justice (SAGE Studies in International Sociology) / ed. by M. Abraham. LA: Sage, 2019. P. 225–243.
4. Социальная справедливость в русской общественной мысли (в соавтор.). М. : Юрайт, 2018. Сер. 28. Актуальные монографии (2-е издание).
5. Многомерная социальная мобильность в современной России (в соавтор.). М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018.
6. Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective / ed. by: Peilin Li (Chinese Academy of Social Sciences, China), M.K. Gorshkov (Russian Academy of Sciences, Russia), Celi Scalon (Brazilian Sociological Society, Brazil), K.L. Sharma (Jaipur National University, India). World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2013.
7. Цивилизационные основания общества и социальная структура // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 6–32.
8. Парадигмальные основания анализа социального неравенства в переходном обществе // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 23–52.
9. Social class in the Russian society: studies in the social classes and social change of contemporary Russia / J. Nikula et al. Saarbrücken : LAP, 2010.
10. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе М. : Гардарики, 2005.
11. Chapter 2. Social Mobility in the Russian Society // Restoration of Class Society in Russia / ed. by Jouko Nikula. L. Routledge, 2004. P. 43–59.

Доклады кандидатов
в академики РАН
по специальности
«психология»

Петренко Виктор Фёдорович*

ПРОЛЕГÓМЕНЫ В ПСИХОСЕМАНТИКУ

В.Ф. Петренко — специалист в области экспериментальной психосемантики и психологии сознания, автор и соавтор 380 научных работ, из них 29 монографий, **включая 11 личных, в том числе** после избрания членом-корреспондентом РАН в 1997 г. — **268 научных работ, из них 25 монографий, включая 9 личных.** Неоднократно получал и выполнял гранты фондов Мак-Артуров, Сороса, РФФИ, РГНФ, РФ. Пятикратно становился лауреатом конкурсов на лучшие научно-популярные статьи РФФИ. Руководил этнопсихологическими экспедициями на Чукотку, Камчатку и Командорские острова, в Бурятию, Туву, проводил исследования в Казахстане, Грузии, Болгарии, Литве, Азербайджане, Киргизии, Узбекистане, Индии, на Тибете.

Разработана новая психологическая область — экспериментальная психосемантика, включающая использование методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, структурного моделирования, детерминационного и дискриминантного анализа) и построения многомерных семантических пространств, выступающих операциональным аналогом категориальных структур сознания. Разработана методология, теория и экспериментальные методы психосемантики сознания и бес-

* Петренко Виктор Фёдорович — член-корреспондент РАН доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией «Психология общения и психосемантика» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

сознательного, методы реконструкции менталитета индивидуального и коллективного субъекта. С помощью методов психосемантики проведены экспериментальные и эмпирические исследования в области категориальной структуры сознания, этнической и кросс-культурной психологии, психолингвистики и структуры значения, политической психологии, гендерной психологии, психологии искусства и измененных состояний сознания и описаны паттерны содержания субъективной «картины мира» (что нашло отражение в соответствующих монографиях).

То, что сознание тесно взаимосвязано с языком и определяет границы бытия, отмечали философы, лингвисты и психологи. Как утверждает Мартин Хайдеггер (1993), «язык — дом бытия». Как полагает Лео Витгенштейн (2018), «границы моего языка означают границы моего мира». А.Р. Лурия (2007) говорит об удвоении мира благодаря языку. Под языком при этом следует понимать не только естественный человеческий язык, но и любую систему значений, описывающую физическую реальность, психические образы и состояния или предписывающую некие действия и поведение. Можно говорить о языке мимики и жеста, танца и пантомимы, языке кино и театра, семиотике балета и архитектуры, дорожных знаков и одежды (см. Лотман 1992). Различные языки, и в первую очередь естественный язык, служат для реализации мышления и коммуникации, самосознания и прогнозирования, рефлексии и саморефлексии. Через языковое сознание выражаются «имплицитные модели» различных областей предметного, социального или внутреннего мира самосознания. Дж. Келли (2000) рассматривает познание любого человека по аналогии с познанием мира ученым. Он, опираясь на индивидуальный и коллективный опыт, строит гипотетические модели того или иного фрагмента реальности. Каждый из нас, совершая покупки и тратя деньги, является житейским экономистом; голосуя за те или иные партии или их кандидатов, мы выступаем наивными политологами; посещая театры или му-

зеи, мы являемся стихийными искусствоведами; строя свои отношения с другими людьми, мы предстаём как житейские психологи и т. п. В то же время человек, не являясь профессионалом в той или иной области познания, как правило, плохо осознает эти имплицитные модели и их категориальную структуру. В лингвистике есть понятия “language competence” и “language performance” — знание языка и владение языком. Маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке (“language performance”), не зная его грамматики и синтаксиса. А мы с вами начинаем изучать иностранный язык с формальных правил («language competence»), подчас не овладевая его свободным употреблением. Аналогично наши имплицитные модели тех или иных фрагментов реальности могут работать в режиме употребления, но плохо рефлексироваться. В то же время любой человек способен на основе имплицитных знаний сгенерировать множество частных суждений, взаимосвязанных логикой имплицитных моделей. Выявить внутреннее содержание этих имплицитных моделей и описать их категориальную структуру — задача экспериментальной психосемантики. Предтечей экспериментальной психосемантики являются Семантический дифференциал Ч. Осгуда (Osgood, Cusi, Tannenbaum 1957) и Теория личностных конструктов Дж. Келли (Kelly 1955). Как пишет известный американский психолог М. Коул в предисловии к статье В.Ф. Петренко «Значение как образующая сознания», опубликованной в журнале «Психология в России и Восточной Европе», «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» (Cole 1993). Действительно, методологической основой, определяющей становление психосемантики, является школа Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурия. Однако в отличие от «теории отражения» в психосемантическом подходе акцент сделан на активности субъекта (конструктивистский подход), где субъект конструирует возможные

и подчас альтернативные модели познаваемой им реальности (Петренко 2002).

Вводя новые методики построения семантических пространств как операциональных моделей категориальной структуры сознания, мы значительно расширили сферу их применения, используя их в изучении сознания (Петренко 1988, 2009, 2007); индивидуального и коллективного менталитета, в кросс-культурной (Петренко 2009, 2012), гендерной психологии (Петренко 1988, 2010, Петренко, Митина 2000, 2009), психологии искусств (Петренко 2014, 2018) и политической психологии (Петренко, Митина 1991, 2013, 2017, 2018).

Параметры семантического пространства отражают когнитивную организацию сознания. Так, количество выделяемых факторов отражает когнитивную сложность человека в данной содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и оно может иметь высокую когнитивную сложность (количество выделяемых факторов), скажем, при восприятии футбольных команд, но низкую при восприятии политических партий; высокую в сфере экономики, но низкую в искусстве. Аффекты вызывают уплощение семантического пространства, а духовные озарения могут увеличивать. Мощностность выделяемых факторов (или «перцептуальная сила признака») свидетельствует о субъективной значимости данной категории и тесно связана с мотивационной сферой субъекта. Так, например, честолюбивый человек при оценке других людей выдаст высокую мощностность фактора, связанного с их социальным статусом. Изменение коннотативных значений семантического пространства под влиянием некоего воздействия, например психотерапии с помощью гипноза (см. Петренко, Кучеренко, Вяльба 2006), происходит не в результате разноразличия «броуновского движения», а упорядоченно, в логике аффинного преобразования семантического пространства.

Интеркорреляции факторов свидетельствуют о взаимосвязи тех или иных категорий сознания в человеческом менталитете. Например, на заре христианства богатство отри-

цательно коррелировало с богоугодностью. «Легче верблюду (канату — по другой версии перевода Библии) пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Люди раздавали своё имущество и уходили в богоугодную нищету. Вектор «богоугодности», таким образом, был развернут от вектора богатства на 180 градусов. Спустя тысячелетие в христианском протестантизме вектор «богоугодности» совершил полный разворот и богоугодными стали считаться преуспевающие зажиточные хозяева, а нищих и бродяг в викторианской Англии ждали работные дома. Наконец, координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве отражают так называемые коннотативные значения (нерасчленённые индивидуальные значения в единстве с их личностным смыслом) и характеризуют отношение субъекта к этим объектам.

Построение семантического пространства не является процедурой измерения, как в естественных науках. Система категориальных структур и коннотативных значений выступает скорее ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в менталитет другого индивидуального или коллективного субъекта (или в свой собственный, если исследование направлено на самопонимание и рефлексю). В этом плане методы психосемантики родственны проективным методам психологии, но отличаются гораздо большей доказуемостью.

Взаимосвязь сознания и языка исследовалась в серии гипнотических экспериментов, включавших запрет на актуализацию того или иного значения. Гипнотический запрет видеть некий объект (например, сигареты) ведёт к тому, что выпадает целая предметная область, семантически связанная с запрещенным объектом (Петренко, Кучеренко 2002, 2019). Испытуемый «не видит» не только запрещенный объект, например сигареты, но и пепельницу, полную окурков, спички и зажигалку как связанную с процессом прикуривания. Или же вертит «непонятный объект» — зажигалку, полагая его тубиком от валидола, т. е. затормаживается её предметная функция. Эти исследования позволили развести

процесс «видения» и «осознания». Испытуемый обходит «невидимый объект», т. е. видит его, но не осознаёт. Например, в эксперименте с исследованием роли эмоций в процессе категоризации Петренко и Кучеренко в ходе эксперимента сделали невидимым для испытуемого его соседа по комнате, (чтобы присутствие соседа не отвлекало испытуемого). Эксперимент, включавший заполнение матрицы данных в различных эмоциональных состояниях, протекал довольно длительно, и сосед по комнате, устав пассивно наблюдать, решил подготовиться к вечерней встрече и, достав электрическую бритву, стал бриться. Мы сделали соседа «невидимым» в глазах испытуемого, но не предусмотрели сделать его «неслышимым». Испытуемый буквально извёлся, пытаясь понять, где источник дребезжащего звука. Он встал и направился по направлению к источнику звука. Сосед испуганно вскочил с кровати, так как его напугал вид сомнамбулы. Испытуемый подошел нос к носу к соседу по комнате, но не пытался пройти сквозь «невидимый» объект, а впал в еще более глубокий транс. Напомним, что одним из приемов вхождения в изменённые состояния сознания в дзен-буддизме являются логически парадоксальные коаны (Петренко, Супрун 2018). Создание парадокса ведёт к изменённым состояниям сознания и может обеспечивать его расширение и снятие, как говорят в буддизме, «двойственности», или субъект-объектной оппозиции. В любом случае многочисленные примеры показывают, что объект восприятия может находиться перед глазами человека, но не осознаваться им. В широко известном романе «Война и мир» Льва Толстого описывается ситуация, когда отступающие из Москвы французы пристреливают выбившегося из сил друга Пьера Безухова, и Пьер видит, но не осознает данную трагедию. Сильные эмоции и аффекты могут блокировать осознание и приводить к его сужению. Другой формой сужения сознания вследствие остановки его вербального потока является многократное произнесение мантр в индуизме и буддизме, Иисусовой молитвы в иси-

хазме в православии. Многократное повторение приводит к перенасыщению вербального потока, остановке вербального сознания и переходу к интенсивному визуальному потоку, родственному сновидениям наяву. И.Х. Шеток (1994) приводит пример динамической медитации, практикуемой в буддийских монастырях Бирмы, ведущей к сужению сознания и переходу к сновидным состояниям, похожим на пророческие видения. Практикующий, находясь в социальной изоляции, изо дня в день совершает ходьбу в ограниченном пространстве, осознавая динамику каждого своего шага. В ходе повторяющегося и непрерывно рефлекслируемого действия происходит сужение сознания; понижаются психофизические пороги ощущений. Начиная с некоторого момента поток сознания останавливается и внутреннее восприятие переводится на поток визуальных сновидений, подобных притчам, имеющим для практикующего лично значимый смысл.

Техника построения семантических пространств как операциональных аналогов категориальных структур сознания получила широкое применение в психосемантических исследованиях кросс-культурной и гендерной психологии (Петренко 2009; Петренко, Алиева 1987; Митина, Петренко 2000, 2012).

Было показано, что житейские бытовые стереотипы едины для мужчин и женщин в рамках одной национальной культуры и могут разительно отличаться от менталитета других национальных культур. Специфика категоризации и особенности менталитета изучались нами с помощью построения семантических пространств на материале фразеологизмов русского, грузинского и ряда других языков, они же использовались для описания политических лидеров.

Алгоритмы, использованные для выявления специфики менталитета в этнической психологии, оказались хорошо работающими в области политической психологии (Петренко, Митина 1997, 2018), для исследования ценностных установок политических партий, анализа динамики политического

менталитета, типологии политического менталитета населения, геополитических образов иностранных государств и их политических лидеров, представлений о качестве жизни в различные периоды в истории СССР и Российской Федерации. В частности, наряду с динамикой факторов «Политическая свобода» и «Материальное благополучие» описана динамика фактора «Осмысленность бытия».

В рамках психосемантики методом построения семантических пространств на материале сказочных персонажей (Петренко 1988) изучается онтогенез сознания ребенка в сфере межличностного восприятия. Разработана компьютерная психосемантическая техника «Сказочный семантический дифференциал» (Петренко, Митина, Гамбарян, Менчук 2016), позволяющая дать оценку когнитивной сложности и меры социализации ребёнка. Выделены возрастные нормы когнитивной сложности и меры социализации (Петренко, Митина 2018).

Психосемантика нашла широкое применение в области психологии искусства, позволяя как осуществлять системно-структурный анализ самого произведения, так и анализировать понимание его зрителем. Цикл исследований проведен на материале восприятия живописи и кино, и опубликована монография «Психология искусства» (Петренко 2014).

Сознание интенционально, предметно, описывает мир через причинно-следственные связи и существует в рамках категорий пространства и времени. Методом исследования содержания индивидуального и общественного сознания выступает построение многомерных семантических пространств в метрике Декарта или, более широко, в пространстве Минковского (Осгуд 1997; Келли 2000, Петренко 2013). Проблема коллективного бессознательного переключается с квантовой физикой, где доминируют синхронические, резонансные состояния, существующие вне времени и пространства (Юнг 210; Паули 1947; Линддорф 2013; Петренко, Супрун 2017), и состояния описываются на языке гильбертова про-

странства. На материале волновых процессов построена голографическая модель психического (Прибрам 1975). Как буддийские философы, так и современные физики (Пенроуз 2011; Бом 1959) говорят о не локальности бытия, полагая его сложной, многомерной системой, где «всё со всем взаимосвязано» и где физический мир сопряжен с миром психическим. Творческие, креативные решения возникают на уровне бессознательного, а в результате категоризации (Брунер 1977) редуцируются в предметный образ восприятия или в рациональную мысли-схему. Процесс очень напоминает редукцию волновой функции в квантовой физике (Нейман 1964), а в психологической науке выступает как процесс перевода психического состояния на язык предметной и осознанной картины мира. (Петренко, Супрун 2017). В настоящее время в рамках психосемантики проводится сопоставление феноменов квантовой физики и феноменов бессознательного в психологии, при этом делается акцент на проблеме синхронии в психологии и квантовой сцепленности (перепутанности) в квантовой физике.

В.Ф. Петренко ведет преподавательскую работу более 45 лет — читает лекции по общей психологии, психологии сознания, психосемантике, методологии психологии, психологии понимания для студентов, магистрантов и аспирантов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и его филиалов. Под его руководством защитилось более 100 выпускников МГУ имени М.В. Ломоносова, подготовлены и защищены 12 кандидатских и три докторские диссертации.

В.Ф. Петренко — главный редактор журнала «Методология и история психологии», член редсоветов семи психологических журналов, заслуженный научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова.

В.Ф. Петренко выдвинут кандидатом в академики РАН по Отделению общественных наук РАН по специальности «психология» академиками РАН А.А. Гусейновым и В.А. Садовничим.

Основные монографии

Petrenko V., Suprun A. Methodological crossings of psychology and quantum physics. Lambert Academic Publishing Mauritius, 2019.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход М. : Наука, 2018.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М. : МГУ, 1983.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М. : МГУ, 1988.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М. : МГУ, 1997.

Петренко В.Ф. Лекции по психосемантике. Самара : СГУ, 1997.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М. : Смысл, 2000.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Образ России глазами россиян и иностранцев. М., 2009.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М. : Эксмо, 2009.

Петренко В.Ф., Карицкий И.Н. Евразийская ментальность М. : Информполиграф, 2012.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Эксмо, 2013.

Петренко В.Ф. Психосемантика искусства. М. : МАКС Пресс, 2014.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд. М. : Нестор-История, 2017.

Статьи последних лет

Petrenko V.F., Kucherenko V.V. Theory and Practice of Sensorimotor Psychosynthesis // Herald of the Russian Academy of Sciences. M A I K Nauka — Interperiodica (Russian Federation). 2019. T. 89. № 1.

Petrenko V.F., Mitina O.V. A psychosemantic approach to reconstruction of political mentality: Research methods and examples // Herald of the Russian Academy of Sciences. M A I K Nauka — Interperiodica (Russian Federation). 2017. T. 87. № 1. С. 49–62.

Petrenko V.F., Suprun A.P. Methodology of psychosemantics in the context of the philosophy of Postnonclassical rationality and quantum physics // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2015. T. 85. № 5. С. 434–442.

Petrenko V., Mitina O. Fairytale Semantic Differential Technique: diagnostic possibilities // Психологическая наука и образование. М. : Изд-во ГБОУ ВПО МГППУ, 2018. Т. 23. № 6. С. 41–54.

Petrenko V., Suprun A. Man in objekt-based and mental words: is there any “objective reality” // Danish Scientific Journal (DSJ). 2018. T. 2. № 15. С. 34–43.

Petrenko Victor F. The Problem of Psychology of Consciousness // International Journal of Research in Humanities and Social Studies. 2018. T. 5. № 7. С. 13–27.

Petrenko Victor Fedorovich. The possibility of contact with extraterrestrial civilizations // Scientific research of the SCO countries: synergy countries 上合组织国家的科学研究 : 协同和一体化 Participants' reports in English. Scientific publishing house Infinity. 2019. T. 4. С. 147–160.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Ментальная карта сознания и представление физической реальности в пространстве-времени // Ярославский педагогический вестник. издательство. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2019. Т. 109. № 4. С. 101–109.

Петренко В.Ф. Одни ли мы во Вселенной или возможна встреча с иными цивилизациями? // Методология современной психологии. 2019. № 9. С. 245–259.

Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Психология искусства: психологический анализ восприятия и понимания художественного фильма // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Т. 31. № 1. С. 24–31.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Теория и практика сенсомоторного психосинтеза // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). М. : Наука : МАИК «Наука/Интерпериодика». 2019. Т. 89. № 2. С. 147–156.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Гладких Н.Ю. Психосемантика мягкой силы в геополитике // Социологические исследования. 2018. № 1 (405). С. 40–51.

Петренко В.Ф. Исследование коллективного бессознательно-го как одно из перспективных направлений развития психологии // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / под ред. А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. М., 2018. С. 454–471 (Серия Методология, история и теория психологии).

Петренко В.Ф., Гладких Н.Ю. Образ мира глазами студентов Южной Кореи // Корея и Россия: общество, политика, история, культура. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. С. 241–256.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическая методика «Образ политического лидера» и опыт ее использования для исследования динамики представлений о желательных качествах политического лидера // Человек и его ценности в современном мире. Чита : ЗабГУ, 2018. С. 77–95.

Петренко В.Ф. Принцип дополнительности применительно к науке и религии // История и философия науки в эпоху перемен : сб. науч. ст. : в 6 т. / науч. ред. и сост.: И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М., 2018. С. 59–64.

Петренко В.Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии пост неклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.

Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Поиск смысла собственного существования (на материале восприятия и понимания художественного фильма) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 4. С. 54–73.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Сознание и время (психологический и физический аспекты) // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 58–76.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Категории времени и пространства, как порождение сознания // Мир психологии. 2018. № 3 (95). С. 199–213.

Митина О.В., Петренко В.Ф. Опыт использования психосемантической методики» Образ политического лидера» для сопоставительных исследований восприятия имиджа политических лидеров // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 256–269.

Петренко В.Ф. Конструирование истории // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 15–33.

Петренко В.Ф. Космические истоки религиозного чувства // Методология и история психологии. 2018. № 3. С. 5–27.

© Петренко Виктор Фёдорович

Ушаков Дмитрий Викторович*

ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТА, КРЕАТИВНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

Интеллект, креативность и одаренность — это важнейшие человеческие способности, человеческий капитал, во многом определяющий как индивидуальные судьбы, так и прогресс общества, возникновение инноваций.

В докладе представлены некоторые результаты, полученные автором в исследовании этой проблемы за последние пять лет. Эти результаты во многом основаны на структурно-динамической теории интеллекта, разработка которой ведется с начала 2000-х гг. (Ушаков, 2003, 2011).

Структурно-динамическая теория отличается от других современных подходов к интеллекту тем, что связывает различные интеллектуальные способности не только с реализующими их когнитивными механизмами, но и с живым процессом вложения когнитивного потенциала в эти механизмы под влиянием среды. В результате структурно-динамическая теория, как удалось показать в многочисленных экспериментальных исследованиях, точно предсказывает целый ряд неочевидных феноменов, таких как асимметрия распределения показателей интеллекта в человеческих популяциях, увеличение показателей наследуемости интеллекта человека с возрастом, связь наследуемости с т. н. генеральным факто-

* Ушаков Дмитрий Викторович — член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН.

ром интеллекта, большая наследуемость тех способностей, которые более востребованы средой и мн. др.

Структурно-динамическая теория позволяет анализировать интеллект и на индивидуальном, и на макропсихологическом (термин предложен А.В. Юревичем) уровнях, изучать показатели групп населения в разных регионах мира в различные периоды исторического времени. Ниже рассматриваются некоторые исследования автора последних пяти лет, связанные с приложениями этой теории как на индивидуальном, так и макропсихологическом уровнях.

Интеллект и социально-экономические достижения стран

Широкие дискуссии в мировой научной литературе вызвали полученные Р. Линном и Т. Ванханеном результаты о связи среднего интеллекта стран с их социально-экономическими достижениями, которые показаны на рис. 1.

Эти данные нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении. Они относятся к числу междисциплинарных, поскольку отражают связь психологических и экономиче-

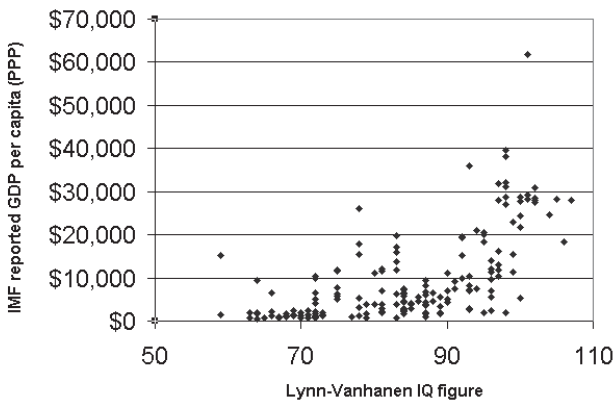

Рис. 1. Связь среднего интеллекта и подушевого ВВП для разных стран мира

ских переменных. Междисциплинарные объяснительные модели, позволяющие связывать переменные из различных гуманитарных наук, на сегодняшний день редки, поэтому их создание требует существенной методологической проработки.

Отсюда возникла задача предложить новую теоретическую модель. Эта модель должна не только решать глобальные задачи междисциплинарной связи переменных, но и объяснять некоторые эмпирически установленные, но не до конца понятые детали. Так, важный, но пока не объясненный результат Линна и Ванханена заключается в том, что связь национального интеллекта с подушевым доходом нелинейна. Она хорошо аппроксимируется квадратичной зависимостью.

По данным Линна и Ванханена получается, что в странах с высокими показателями интеллекта разброс экономических достижений намного больше, чем в странах с низкими его показателями. Это наводит на размышления о механизмах, которые позволяют человеческому капиталу работать в полной мере или, напротив, не позволяют этого делать. Этот вопрос не может не быть существенным для России, где социально-экономические достижения не соответствуют величине человеческого капитала.

Исходя из такого видения проблемы, была разработана модель, которая в качестве центрального использует понятие решения когнитивных задач. Создание товаров и услуг предполагает решение ряда задач, относящихся в первую очередь к их проектированию, изготовлению или организации производства. С одной стороны, успешность решения когнитивных задач зависит от интеллекта и компетенций людей. С другой — успешность решения отдельных задач складывается в социально-экономические достижения общества. То, каким образом задачи решены, определяет качество и количество произведенных товаров и услуг. Таким образом, именно решение задач оказывается промежуточным зве-

ном между человеческими способностями и экономической успешностью.

Кроме того, понятие решения задач позволяет моделировать, каким образом общество, выбирая для решения те или иные задачи, создает или не создает условия для полноценной реализации человеческого капитала. Для данной совокупности способностей людей может существовать оптимальный набор задач, который позволяет максимизировать результаты труда. В том случае, если общество ставит перед людьми подходящий набор задач, оно достигает хороших экономических результатов. Микроскоп не полезнее молотка, если задача заключается в забивании гвоздей. Для того чтобы извлечь преимущество из владения микроскопом, следует заниматься решением тех задач, для которых он необходим. Экономическое развитие с этой точки зрения определяется не человеческим капиталом самим по себе, а тем, в какой степени для решения выбираются такие задачи, которые востребуют когнитивный потенциал общества.

Эти принципы были заложены в математическую модель, которая позволяет генерировать результаты, сходные с тем, что обнаружили Р. Линн и Т. Ванханен (Ushakov, Kulivets, 2016). Схема модели показана на рис. 2.

Проверка модели показала, что она не только позволяет связать психологические и экономические переменные, но и с большой точностью воспроизводит эмпирические данные (рис. 3).

На рис. 4 видно, что модель воспроизводит результаты Р. Линна и Т. Ванханена в таких чертах, как нелинейность связи интеллекта с экономическими достижениями и рост дисперсии достижений по мере увеличения интеллекта.

Модель также позволяет описать феномен «нефтяного проклятия»: при наличии большого объема натуральных ресурсов в стране бизнес меньше заинтересован в постановке сложных задач, поскольку выгоднее вложения в область с большой природной рентой (Журавлев, Ушаков, 2015).

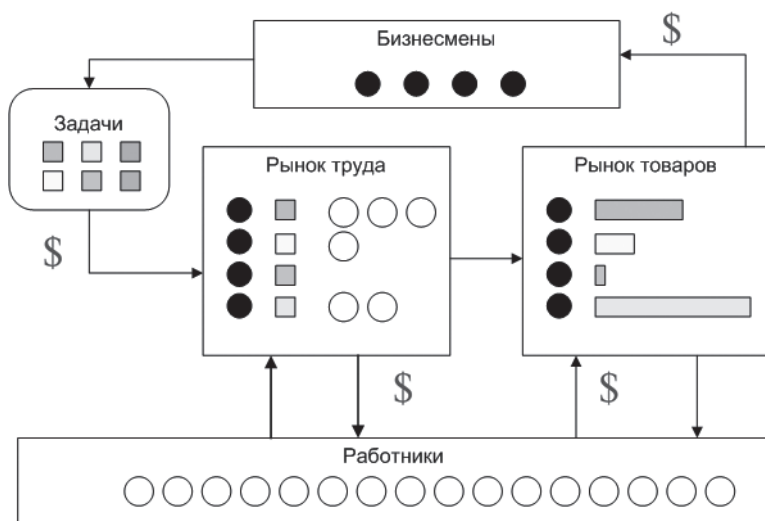

Рис. 2. Схема математической модели
«Интеллект-решение задач – экономика»

Вековой рост интеллекта, или эффект Дж. Флинна

Тесты интеллекта были созданы в 1904 г., а уже в 1930-х гг. стали появляться данные, свидетельствующие, что показатели интеллекта имеют тенденцию к росту в историческом времени. В 1980-х гг. австралиец Дж. Флинн продемонстрировал феномен векового роста интеллекта: увеличение показателей в разных странах мира со скоростью около 3 баллов IQ за десятилетие. На рис. 4 представлены данные об изменениях интеллекта в разных странах мира в разные периоды XX в.

Хотя ряд факторов, которые могли бы привести к росту интеллекта (улучшение образования, питания, уменьшение детской заболеваемости и т. д.), очевиден, все же общий прирост показателей тестов за столетие столь велик, что существующие модели с трудом могут объяснить даже половину этого прироста.

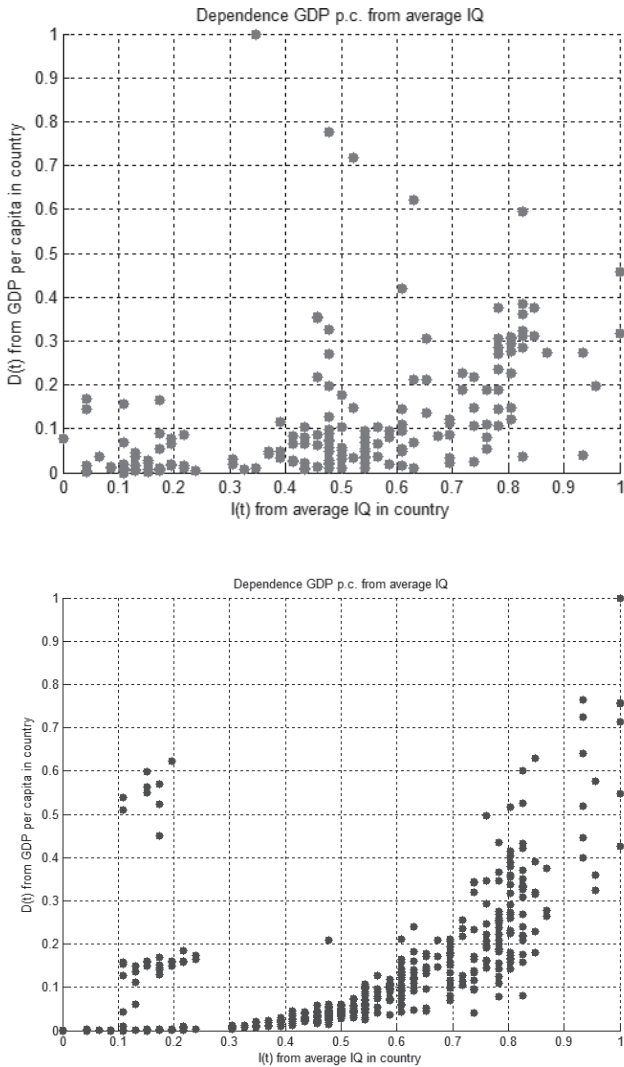

Рис. 3. Сравнение результатов, полученных с помощью модели (справа) и данных Линна – Ванханена. По горизонтали отложен средний интеллект страны, по вертикали – ВВП

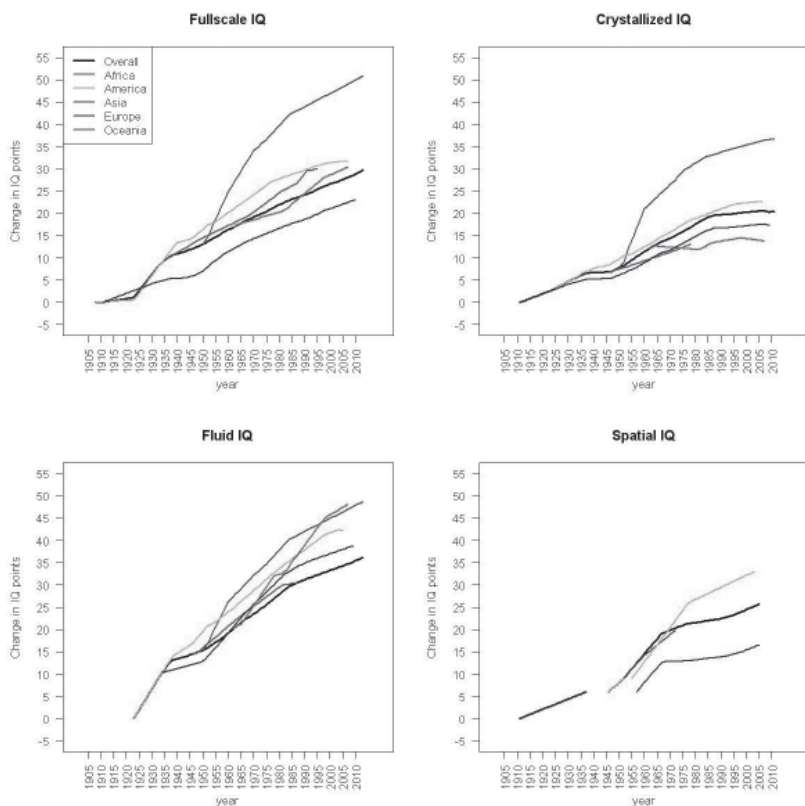

Рис. 4. Рост показателей различных видов интеллекта в разных регионах мира на протяжении XX в.

При этом, когда мы читаем Толстого, Достоевского или Пушкина, не говоря уже о более отдаленных от нас во времени Платоне, Августине или Данте, у нас отнюдь нет чувства, что мы имеем дело с текстами, которые написаны людьми, находящимися в окружении олигофренов. Скорее наоборот — у нас порой возникает чувство превосходства культуры старых времен над нашей.

Структурно-динамическая теория предлагает объяснение эффекта Флинна как комбинации роста интеллекта и одновременно перераспределения интеллектуального потенциала из одних областей в другие, а именно сдвигов от эмоционально-образной сферы в сторону алгоритмически-рациональной. В когнитивных терминах алгоритмически-рациональную сферу можно охарактеризовать как способность оперировать сложными репрезентациями предметов, отделенных от их эмоционального содержания. Другая сфера когнитивной деятельности связана с переработкой эмоциональной информации. Эмоциональность предполагает целостную оценку ситуации и определение целостного вектора поведения в этой ситуации.

Для проверки предположений структурно-динамической теории было проведено исследование, направленное на анализ изменений детской и подростковой художественной литературы, издававшейся с 1900 по 2016 г. Согласно традиционным взглядам на эффект Флинна, можно было бы ожидать, что когнитивная сложность литературы будет возрастать на протяжении XX в. вместе с ростом когнитивных способностей ее читателей. Однако структурно-динамическая теория дает иное предсказание. Художественная литература относится преимущественно к эмоционально-образной стороне жизни, следовательно, в условиях перераспределения когнитивного потенциала в алгоритмически-рациональную сферу можно было ожидать ее упрощение в течение XX в.

Был разработан метод автоматического анализа текстов, позволяющий определить их когнитивную сложность, который был валидизирован путем сравнения показателей литературы для разных возрастов.

На рис. 5 отражены полученные результаты. Сравнение когнитивной сложности литературы для разных возрастов подтверждает валидность примененного метода — литература для более старших детей оказывается сложнее.

Доклады кандидатов в академики РАН
по специальности «психология»

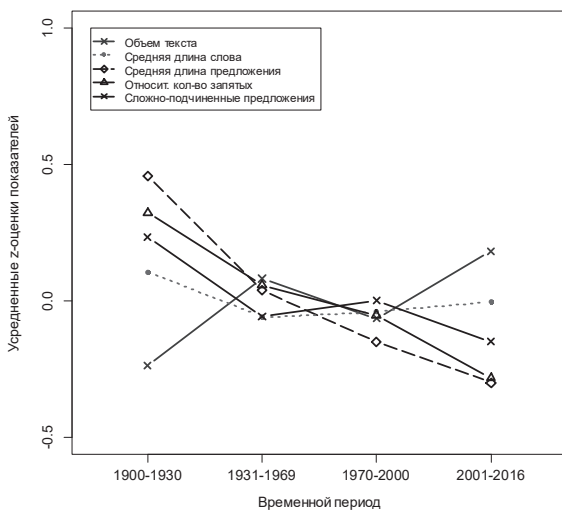
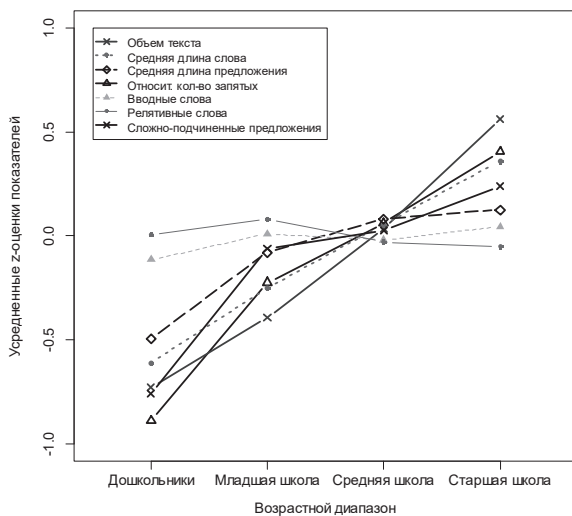

Рис. 5. Слева – когнитивная сложность литературы для детей разных возрастов. Справа – изменение когнитивной сложности литературы на протяжении XX в.

При этом картина на протяжении XX в. оказывается иной — показатели с течением времени падают. Структурно-динамическая теория оказывается, таким образом, гораздо ближе к реальности, чем традиционные способы объяснения эффекта Флинна.

«Культурная генетика» интеллекта

Феномен, обозначенный автором как «культурная генетика», состоит в трансляции через поколения географических паттернов образовательных достижений, тесно связанных с интеллектом. Так, в эмпирическом исследовании была показана связь грамотности крестьянского населения Московской губернии в 1883 г. и образовательных достижений учащихся 9-х и 11-х классов средних школ в ряде районов современной Московской области в 2012 и 2013 гг. В качестве показателей образовательных достижений использовались результаты Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и Государственной итоговой аттестации (ГИА) для районов Московской области за 2012 и 2013 гг. (Григорьев, Лаптева, Ушаков, 2015). Линейно-структурная модель, включающая оба латентных фактора, представлена на рис. 6. Корреляция латентных факторов в модели составляет $r = 0.56$.

На рис. 7 показаны результаты подмосковных районов по тестам русского языка и их показатели грамотности в XIX в.

Позднее аналогичная закономерность — связь грамотности в XIX в. с показателями образовательных тестов в XXI в. — была подтверждена для других регионов России (Ushakov & al., 2016).

Полученные данные о стабильности культурных паттернов на протяжении 130 лет, включая резкие социальные преобразования, последовавшие за 1917 и 1991 гг., допускают несколько вариантов объяснения. Согласно первому варианту, определяющее значение имеет микросреда, семья, друзья, близкие знакомые, она в значительной степени влияет

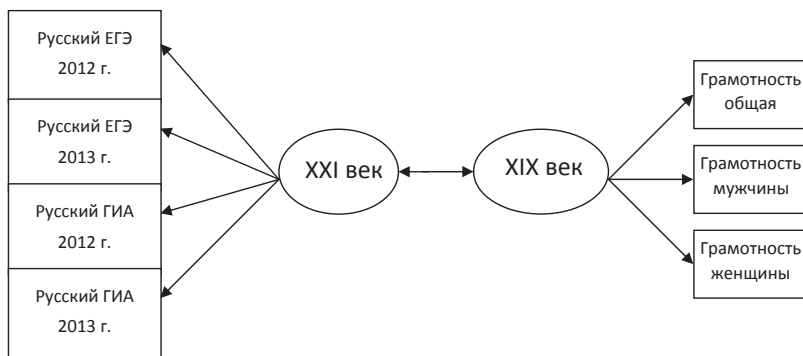

Рис. 6. Линейно-структурная модель связи образовательных результатов районов в XXI в. и уровня грамотности в XIX в. CFI = 0.980, RMSEA = 0.10

на установки людей в отношении учения. Второе объяснение связано с феноменом ассортативности. Этот феномен состоит в том, что люди предпочитают сближаться с теми, кто подобен им в каком-то отношении. В соответствии с гипотезой ассортативности можно предположить, что населенные пункты и предприятия, где сосредоточены люди с относительно высокими способностями, как бы притягивают более способных людей, что и обеспечивает стабильность образовательных паттернов во времени. Третье объяснение может отсылать к причинам экономико-географического характера. Некоторые районы являются более благоприятными для экономического преуспевания, чем другие. Там, где экономическая деятельность разворачивается успешнее, складываются условия для больших образовательных достижений, чему способствуют как большие доходы, так и миграция наиболее дееспособных людей.

Диссинхрония интеллектуального развития

Одаренных детей в европейских языках нередко именуют рано развившимися: *precocious children* по-английски, *en-*

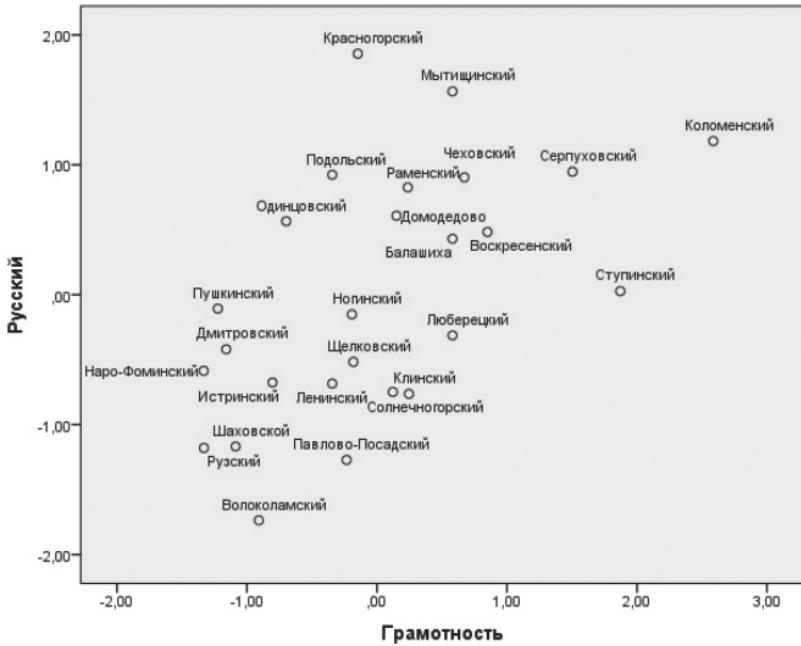

Рис. 7. Показатели грамотности крестьянского населения в 1883 г. и тестирования (в форме ЕГЭ и ГИА) в 2012–2013 гг. по русскому языку для районов Московской области

fants précoces по-французски и т. д. Этот термин возник и продолжает применяться, поскольку звучит более политкорректно, чем слово одаренный: не утверждается, что некоторые дети имеют дар, которым не обладают другие, а просто они более рано прошли какую-то часть пути когнитивного развития.

Однако по существу это название неверно, поскольку интеллектуально одаренный ребенок — это не просто ребенок, забежавший вперед в когнитивном развитии. Структура когнитивных способностей, например, одаренного семилетнего ребенка не соответствует структуре способностей среднего

десятилетнего, даже если их умственный возраст и совпадает. По некоторым способностям преимущество будет на стороне младшего одаренного, а по другим — на стороне старшего ребенка со средним интеллектом. Это явление принято называть диссинхронией когнитивного развития.

В рамках структурно-динамической теории было предложено объяснение феномена когнитивной диссинхронии. Центральная идея состоит в том, чтобы различить хроногенные и персоногенные способности. Те способности, которые больше, чем остальные, зависят от возраста, называются хроногенными. Те, что больше остальных зависят от индивидуальных особенностей, называются персоногенными.

На рис. 8 изображены распределения двух интеллектуальных способностей. Для способности, изображенной вверху, большее количество детей младшего возраста превосходят средний уровень старшего возраста. У нижней способности, напротив, разброс показателей внутри каждого возраста меньше. Следовательно, в сфере первой способности одаренные дети будут проявляться особенно ярко, и они будут в большей степени превосходить свой умственный возраст. Верхняя способность является персоногенной, нижняя — хроногенной.

Согласно структурно-динамической теории, отличия структуры способностей одаренных детей возникают в результате взаимодействия трех начал: интеллектуального потенциала ребенка, среды и времени онтогенеза. Высокий потенциал позволяет за относительно небольшое онтогенетическое время достигать больших результатов. Однако то, насколько одаренный ребенок опережает свой хронологический возраст, зависит от вариативности среды. Именно там, где способность мало востребована средой и вложения потенциала выборкой сильно варьируют, одаренные дети наиболее сильно превосходят свой возраст.

Эту теоретическую позицию можно проверить, поскольку из нее следуют три эмпирических предсказания относитель-

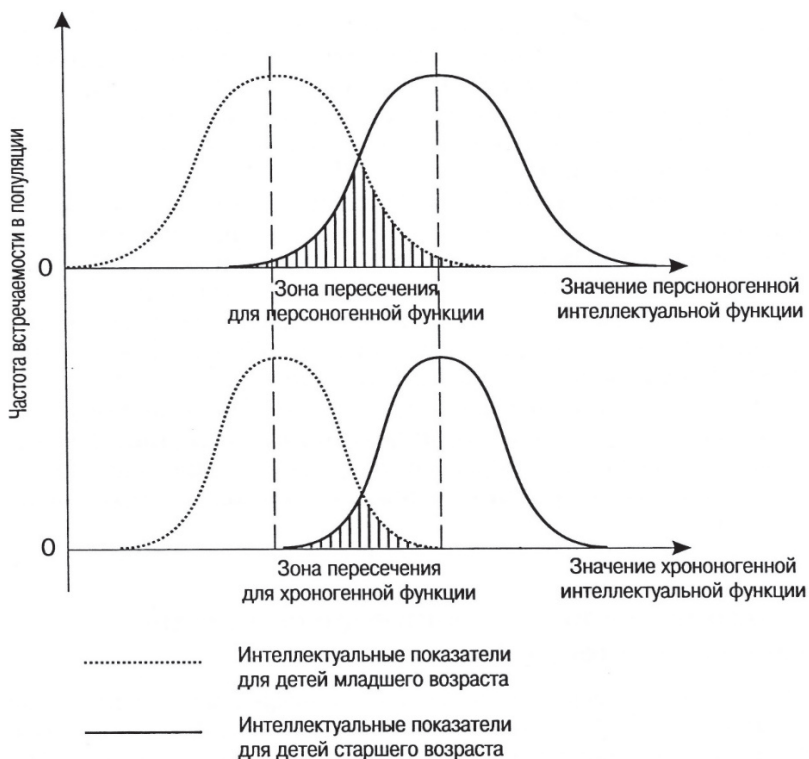

Рис. 8. Хроногенные и персонотипические способности

но хроногенности способности: она должна положительно коррелировать 1) с востребованностью соответствующей способности окружением ребенка, 2) нагруженностью способности по генеральному фактору интеллекта, 3) наследуемостью этой способности. Все три предположения были полностью подтверждены проведенными исследованиями. Корреляции составили $r = 0,32 - 0,66$ в первом случае, $r = 0,55 - 0,86$ — во втором и $r = 0,67 - 0,78$ — в третьем (Валуева, Григорьев, Ушаков, 2015).

Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность — альтернативные способности

Традиционные исследования интеллекта относятся к способности к «холодной», не связанной с эмоциями познавательной деятельности. Однако важную проблему представляют эмоциональный интеллект и креативность, направленные на понимание эмоций других людей и своих собственных, а также на управление ими.

Для разработки этой проблемы автором был создан и валидизирован ряд новых методик, предназначенных для диагностики эмоционального интеллекта, эмоциональной креативности и практического интеллекта у взрослых и детей.

Также некоторые весьма широко используемые сегодня методики были разработаны в лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, возглавляемой Д.В. Ушаковым на протяжении более чем 15 лет.

Диагностические инструменты открывают возможности для экспериментальных исследований природы эмоциональных способностей. Эти исследования показали существенные отличия эмоциональных способностей от когнитивных. Полученная на основе экспериментальных данных модель представлена на рис. 9.

Модель, подтверждаемая методом линейно-структурного моделирования, показывает положительные связи между тремя парами способностей: интеллектом и креативностью, интеллектом и эмоциональным интеллектом, креативностью и эмоциональной креативностью. Это достаточно ожидаемые связи. Однако неожиданной является отрицательная связь между эмоциональными способностями.

Модель позволила выявить альтернативные стратегии эмоционального поведения, применяемые людьми. При стратегии «эмоционального подстраивания» человек проявляет большую чувствительность к состояниям других, что выражается, в частности, в более высоких показателях эмоционального интеллекта. При стратегии «эмоционального навязывания»

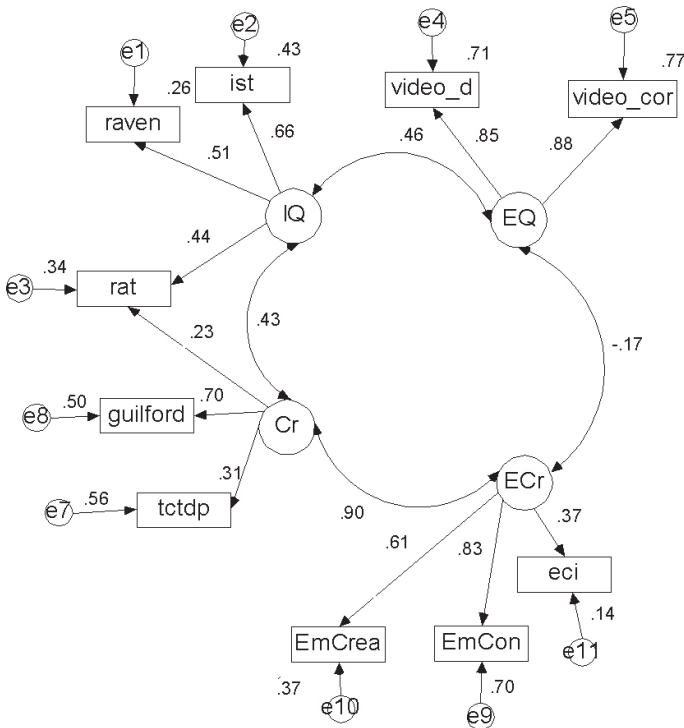

Рис. 9. Конфирматорная модель предметных и эмоциональных способностей. Прямоугольниками обозначены показатели тестов, окружностями – способности. IQ – интеллект, EQ – эмоциональный интеллект, Cr – креативность, ECr – эмоциональная креативность

человек стремится к эмоциональному структурированию ситуаций по собственным правилам, что повышает эмоциональную креативность, но несколько снижает чувствительность к психологическим состояниям окружающих.

«Ага-подсказка» и сигнальная модель инсайта

Одно из наиболее ярких явлений в психологии мышления — это озарение при решении задач. Эмоции часто играют полезную адаптивную роль в деятельности человека. Но игра-

ет ли такую роль «Ага-переживание», чувство озарения при решении? На первый взгляд это не кажется очевидным, поскольку это переживание выглядит лишь сопровождающим уже найденное решение.

Экспериментально обнаруженный нами феномен «Ага-подсказки» показывает, что этот поверхностный взгляд ошибочен и «Ага-переживание» выполняет полезную приспособительную функцию. Феномен «Ага-подсказки» заключается в повышении вероятности решения инсайтной задачи в течение небольшого интервала времени, после того как решающему предъявляется инсайтное восклицание (Ага!, А!, Понял!) другого человека.

В одном из экспериментов испытуемые решали анаграммы, при этом в наушники им предъявлялся текст, на который не следовало обращать внимания. Текст был одинаков для всех испытуемых, за исключением того обстоятельства, что в экспериментальной группе в определенный момент (на 16-й секунде решения) предъявлялось восклицание (типа «Ага!»), а контрольной группе не предъявлялось. В течение нескольких секунд после предъявления восклицания число решений в экспериментальной группе было значительно больше, чем в контрольной (рис. 10).

Феномен «Ага-подсказки» получает свое объяснение в рамках сигнальной модели инсайта (Valueva, Lapteva, Ushakov, 2016), согласно которой «Ага-переживание» выполняет серьезную функцию в процессе мышления, а именно: передает сознательной инстанции информацию о том, что на интуитивном, неосознанном уровне найден и активирован элемент, который, возможно, является ключом к решению задачи. Согласно модели, именно присутствие автоматических процессов интуитивного уровня отличает инсайтные задачи от неинсайтных.

Модель описывает четыре основных случая передачи информации от интуитивного механизма к логическому, которые описывают решение задачи с озарением и без озаре-

Рис. 10. Влияние «Ага-подсказки» на решение анаграмм

ния, возникновение озарения с ложным решением, а также появление «латентного» решения, когда человек не осознает решения, но специальные психологические методы (т. н. «прайминг», анализ глазодвигательной активности и т. д.) свидетельствуют о том, что решение фактически найдено. Все эти случаи подтверждены эмпирически.

Практические приложения исследований

Изложенные выше разработки имеют существенное практическое применение, в том числе связанное со значимостью человеческого капитала для экономической и социальной конкурентоспособности стран. В частности, на базе полученных результатов разработан проект федеральной программы «От одаренного ребенка к творческой самореализации профессионала в обществе».

Предложенные модели позволяют оценивать экономический эффект от различных программ, направленных на развитие способностей людей, дополняя существующие экономические модели человеческого капитала. Разработки индивидуального уровня позволяют конструировать такие программы.

В настоящее время ведется активная работа над созданием технологий искусственного интеллекта в качестве ассистентов для индивидуализации обучения. Структурно-динамический подход оказывается наиболее подходящей теоретической базой для создания алгоритмов конструирования индивидуальных образовательных траекторий учеников.

Библиография ссылок в тексте

Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М. : ИП РАН, 2003.

Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Ушаков Д.В. Интеллект, ценности и процветание наций: как измерить отдачу образования. М. : Федеральный институт развития образования, 2015.

Валуева Е.А., Григорьев А.А., Ушаков Д.В. Диссинхрония когнитивного развития у одаренных детей: структурно-динамический подход // Психологический журнал. 2015. № 5. С. 55–63.

Григорьев А.А., Лаптева Е.М., Ушаков Д.В. Образовательные достижения районов Московской области воспроизводят уровень грамотности в XIX веке: механизмы «культурной генетики» // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 69–85.

Социальная психология знания / под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Ushakov D., Kulivets S. Modeling relationship between cognitive abilities and economic achievements // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. № 4. С. 636–648.

Ushakov D., Grigoriev A., Valueva E., Zirenko M., Lynn R. Differences in educational attainment, socio-economic variables and geographical location across 79 provinces of the Russian Federation // Intelligence. 2016 (58). P. 14–17.

Valueva E., Lapteva E., Ushakov D. “Aha-cueing” in problem solving // Learning and Individual Differences. 2016 (52). P. 204–208.

© Ушаков Дмитрий Викторович

Доклады кандидатов
по специальности
«право»

Клеандров Михаил Иванович*

**ПРАВОСУДИЕ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ:
О НЕОБХОДИМОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРОЕКТА
«СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД»**

Как известно, одной из основных задач государства является обеспечение в обществе справедливости (а это чисто человеческое чувство), которая для наших людей сакральна. Иначе зачем вообще обществу государство? Соответственно, та же миссия возложена на все государственные и муниципальные органы власти и управления — в рамках их полномочий и возможностей. И среди государственно-властных органов центральным, специально созданным для обеспечения в обществе справедливости и быстрого и эффективного её восстановления в случае её нарушения является суд, образо-

* Клеандров Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

вание которого в принципе можно отследить ещё на самой заре человеческой цивилизации (видимо, одновременно с открытием огня) и который с тех пор во всех догосударственных образованиях и государствах прошёл длинный и нелинейный путь развития, что имело место и в нашей стране. Является ли сегодня наш суд государственным органом, способным гарантированно и во всех случаях восстановить порушенную справедливость?

В середине 2018 г., многими научными организациями, проводящими социологические исследования, в том числе Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, был зафиксирован резкий рост запроса в обществе на справедливость, превосходящий даже запрос на сильную власть. Это, помимо всего, безусловно означает снижение — в глазах общества — эффективности механизма правосудия, призванного восстанавливать порушенную справедливость. И это не может быть объяснено конъюнктурными колебаниями в отношениях общества к отдельным ветвям государственной власти — здесь начало проявляться фундаментальное несовершенство всего механизма правосудия. Впрочем, ещё раньше это официально отметил сам судейский корпус страны в финальном — по итогам 8-го Всероссийского съезда судей (а это высший орган судейского самоуправления РФ, фактически выражающий консолидированную точку зрения всего 30-тысячного судейского корпуса государства) — Постановлении от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях её развития», указав (в преамбуле) следующее: «Всё более настоятельной потребностью становится необходимость разработки государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия, конечной целью которых стало бы построение справедливого суда, отвечающего чаяниям российского общества. К отысканию путей решения этой задачи целесообразно привлечение потенциала высших

судов страны, соответствующих государственных органов, научных учреждений, органов судейского сообщества и общественных формирований».

Перед тем как начать лечение любой болезни, необходимо её правильно диагностировать. Целиком и полностью это относится и к «болезням» социального характера, в данном случае — к необходимости выявления фундаментальных проблемных недостатков действующего в настоящее время в нашей стране механизма правосудия. Проблемой институционального характера является то, что, как известно, в старые меха новое вино не наливают — в нашей стране до сих пор не выстроена национальная модель механизма правосудия как итог общественного договора. А без этого судебная власть не сможет обеспечить подлинную справедливость в правосудии. Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция РФ закрепила абрис конструкции отечественного механизма правосудия, но за прошедшее время этот механизм «недоконструирован» и до конституционно закреплённого абриса. Образно выражаясь, здание судебной ветви государственной власти не достроено до уровня, закреплённого Конституцией РФ. При этом у нас нет никакой программы названного «достраивания», нет вообще никакой внятной стратегии совершенствования механизма правосудия.

В чём заключается эта «недостройка» — постатейно?

Ст. 10 Конституции РФ провозглашает: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Но в реалии законодательную власть у нас возглавляет двухпалатный парламент, исполнительную — федеральное Правительство, а у судебной власти такого органа нет — в силу ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по судебным делам, осуществляет в процессуальных формах судебный надзор и даёт разъяснения по вопросам судебной практики, не

больше. И право законодательной инициативы у него ч. 1 ст. 104 Конституции РФ ограничено вопросами его ведения. То есть он не возглавляет судебную власть, как и любой иной орган, имеющий отношение к судебной системе, включая Конституционный Суд РФ.

В результате Федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России» (сейчас реализуется 3-я по счёту Программа, на период 2013–2020 гг.) разрабатывает Министерство экономического развития РФ, а утверждает Правительство РФ. При этом непосредственную ответственность за её реализацию несет Минэкономразвития РФ. Но ведь целями этих Программ провозглашены: повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, достижение которых — вне всяких сомнений — ни названное Министерство, ни Правительство РФ в целом обеспечить не в состоянии в принципе, да они для этого и не предназначены. Грустный факт: у нас нет конституционного государственно-властного органа, определяющего стратегию развития механизма правосудия, обеспечивающего реализацию этой стратегии и несущего ответственность за это дело.

Между тем в доброй половине государств мира созданы и действуют соответствующие конституционные государственно-властные органы. Например, в Королевстве Бельгия это Высший совет правосудия, созданный и действующий на основе ст. 151 Конституции; во Французской Республике это Высший совет магистратуры, ст. 64 Конституции этого государства провозглашает: «Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. Ему содействует Высший совет магистратуры»; в Королевстве Испания это Генеральный совет судебной власти, созданный и действующий на основе ст. 122 Конституции. и т. д. Такие конституционные органы созданы и действуют и в шести из десяти государств — членов СНГ. Во всех государствах эти конституционные органы, где они есть, возглавляют там судебную

власть, не являясь при этом судебными органами — ни какой либо инстанции и ни какой либо юрисдикции.

И в нашей стране такой орган мог реально появиться дважды — в 1993 г. и в 2001 г. Именно отсутствие у нас сегодня такого органа и предопределило отсутствие с чьей-либо стороны хоть какой-то реакции на вышеизложенное положение, содержащееся в Постановлении 8-го Всероссийского съезда судей, а ведь с тех пор прошло уже семь лет — попросту некому организовать эту работу.

Ч. 1 ст. 19 Конституции РФ провозглашает: «Все равны перед законом и судом». Но проживающие в 15 субъектах РФ, включая г. Санкт-Петербург, не равны проживающим в иных 70 субъектах РФ, включая г. Москву — ни перед законом, ни перед судом, правда, в довольно узком сегменте. Дело в том, что в 15 субъектах РФ в настоящее время действуют конституционные (уставные) суды субъектов РФ, в которых нарушенные законодательством этих субъектов РФ права граждан и организаций, закрепленные в конституциях (уставах) этих субъектов РФ, защищаются судьями именно этих специализированных судов в режиме именно специализированного конституционно-уставного судопроизводства. А в 70 других субъектах РФ, где таких судов и таких судей нет, эти же права защищаются в административных коллегиях судов общей юрисдикции субъектов РФ в режиме административного судопроизводства, и между двумя этими юрисдикциями разница велика.

Ч. 5 ст. 32 Конституции РФ провозглашает: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». Но возможность реализации этого права ни законодательно, ни организационно никак не обеспечена. Институт народных заседателей («кивалами» среди которых в действительности была лишь малая доля) в 2002 г. был ликвидирован напроочь; институт присяжных заседателей реально может рассматривать весьма незначительную часть судебных дел, и то только уголовных (правда, в последнее

время он несколько расширен — до уровня районных судов); а институт арбитражных заседателей сегодня влачит жалкое существование лишь в нескольких (из 84) арбитражных судах субъектов РФ и даже в официальную статистику не включён. А ведь превентивный, профилактический и воспитательный потенциалы этих институтов гигантские.

Ч. 1 ст. 46 Конституции РФ провозглашает: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Но у нас около 20 млн «самозанятых», по факту ведущих предпринимательскую деятельность, не зарегистрированных в установленном порядке ни в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица, ни в качестве главы фермерского хозяйства и пр., их статус даже в ГК РФ не обозначен (и это также относится к «самозанятым» в четырёх субъектах РФ, где проводится известный эксперимент). Соответственно, при нарушении их прав и свобод путь в арбитражные суды им закрыт как незарегистрированным, а в судах общей юрисдикции их также не ждут, поскольку они ведут предпринимательскую деятельность, а это сфера экономического правосудия.

Ч. 1 ст. 47 Конституции РФ провозглашает: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом». По сути это означает, что для каждого судебного дела должен быть свой суд. Но ч. 4 ст. 66 Конституции РФ допускает наличие в составе нашего государства так называемых «сложноустроенных» субъектов РФ, где один субъект РФ входит в состав другого субъекта РФ (при этом оба юридически равны). Соответственно, положения процессуальных законов позволяют, при территориальной подсудности судебных дел, одному делу относиться к подсудности судов обоих субъектов РФ одновременно.

П. «Л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ провозглашает: в совместном ведении РФ и субъектов РФ находятся кадры, в частности, судебных органов. Нет сомнений в том, что здесь

речь идет в том числе о кадрах федеральных судей. Но с начала XXI в. федеральным законодательством не предусмотрено, что к федеральным судьям хоть какое-то отношение (при назначении на должность, переаттестации, прекращении полномочий и т. д.) имеют субъекты РФ, хотя там лучше знают тех людей, которые работают или будут работать федеральными судьями в данном субъекте РФ.

Ч. 2 ст. 118 Конституции РФ провозглашает: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Но уголовное судопроизводство осуществляется на основе одного закона — УПК РФ, а конституционное — на основе 25 законов (одном ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и 24 законах субъектов РФ о своих конституционных и уставных судах, при том что в девяти субъектах РФ, включая г. Москву, эти законы — «спящие», и все они никак не согласованы между собой), в которые судопроизводственные нормы органично вмонтированы. Между тем в Монголии, Беларуси и ряде иных государств, где есть только один конституционный суд (с законом о нём), действуют отдельные законы о конституционном судопроизводстве.

Ч. 3 ст. 123 Конституции РФ провозглашает: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Какого-либо исключения из этого правила Конституцией РФ не предусмотрено. Но ведь в настоящее время около двух третьих уголовных дел рассматривается в режиме так называемой «сделки с правосудием», по гражданским делам выносятся огромное количество так называемых «судебных приказов» обязательных к исполнению и т. д., где состязательности по существу нет, а если в судебном процессе нет состязательности, то нет и уверенности в справедливости выносимых таким способом судебных актов. Правда, недавно дела по тяжким преступлениям было запрещено рассматривать в названном режиме...

Из содержания ч. 3 ст. 128 Конституции РФ следует, что порядок деятельности федеральных судов устанавливается федеральным конституционным законом. Невозможно понимать словосочетание «порядок деятельности судов» иначе как судебный процесс, регулируемый соответствующими процессуальными кодексами. Но у нас все процессуальные кодексы — федеральные законы, а не федеральные конституционные законы. Первые намного проще изменять и дополнять (что на практике часто и происходит), чем вторые.

Есть и иные, менее «выпуклые» конституционные «недострои» в нашем судебном строительстве. Однако даже полное завершение судебного строительства в соответствии с положениями Конституции РФ проблемные, стратегические дефекты механизма правосудия не устранил — ведь в Конституции РФ закреплён лишь самый общий каркас механизма правосудия.

Сам организационно-правовой механизм правосудия состоит из судоустройственного, судопроизводственного и судейско-статусного компонентов, и каждая из этих составляющих далека от совершенства. Практически единую сейчас судебную систему страны (в которую не входит лишь конституционно-уставная ветвь судебной власти, где правосудие вершат менее 100 судей), в которой осуществляется 99 и 9 в периоде процентов всей правосудной деятельности в стране (ежегодно выносятся около 25 млн судебных актов), возглавляют — в процессуально-правовом смысле — Президиум и Пленум Верховного Суда РФ. А они состоят из специалистов различных юрисдикций (структурно — в нескольких коллегиях Верховного Суда РФ), и значит — при рассмотрении Президиумом конкретного дела в порядке надзора либо при принятии Пленумом постановления, обобщающего судебную практику по отдельным категориям дел, решения принимаются большинством голосов неспециалистов по рассматриваемому вопросу. Это несколько напоминает ситуацию с защитами диссертаций до 1975 г. не в специализированных/

диссертационных советах, которые появились лишь в 1976 г., а на заседаниях ученых советов (в вузах — состоящих из представителей всех факультетов, то есть непрофильных по защищаемой диссертации учёных). Настоятельно необходимы отдельные, самостоятельные судебные системы: по административным, уголовным, гражданским делам, по экономическим спорам, по делам военнослужащих, каждая из которых должна возглавляться — в процессуально-правовом плане — высшим (верховным) судом (примерно как в ФРГ). Мировая же юстиция должна быть полностью отделена от федеральной, и апелляционной инстанцией там должен быть не районный суд, а апелляционная палата мировых судей соответствующего судебного района и т. д.

Процессуальные кодексы, каждый из которых многократно корректировался и сейчас сплошь состоит из «заплат», нужно предельно упростить, дав больше свободы судейскому усмотрению — с соответствующим надежным судебным процессуальным контролем (и при условии гарантированного выправления судейско-статусной составляющей механизма правосудия).

Организационно-правовой механизм отбора кандидатов в судьи и наделения их судейскими полномочиями нуждается в радикальной модернизации: необходимо внедрить психодиагностирование всех желающих стать судьями; ввести институт кандидатов на должности судей; обеспечить действительно конкурсный отбор кандидатов (с 2005 г. на одну вакантную должность судьи квалификационная коллегия судей может рекомендовать нескольких кандидатов, а из них кто выбирает единственного кандидата на одно вакантное место? Президентская кадровая судейская комиссия положением о ней на это не уполномочена) и т. д. Отсутствуют нормативы судейской нагрузки, нет понимания критериев эффективности судейской деятельности, по сути, нет мотивации у судей работать долго и высококачественно. Но есть серьёзные дефекты в механизме дисциплинар-

ной ответственности судей — она по сути отождествлена с этической (которая, это принципиально важно, не является юридической), при том что механизм этической ответственности судей вообще отсутствует. Продолжать здесь можно долго.

А ведь в ближайшие годы и, безусловно, в отдалённом будущем перед механизмом правосудия встанут ещё более серьёзные вызовы, обусловленные стремительно набирающим обороты научно-техническим прогрессом, к которым он практически — ни законодательно, ни организационно, ни ментально — не готов. Это правонарушения (в том числе преступления), споры и конфликты, переводимые в судебную плоскость, в сферах биотехнологий, интернет-технологий, робототехники, цифровой экономики, искусственного интеллекта и пр. Уже сейчас суды встречаются с необходимостью рассматривать дела при полном отсутствии правового регулирования конкретной сферы отношений (в частности, о сущности и цене криптовалюты по экономическому спору о банкротстве, рассмотренному арбитражными судами летом 2018 г. в двух инстанциях). Появились и передаваемые в суд дела многотомные (в экономическом правосудии — по несколько тысяч требований кредиторов к крупным компаниям при их банкротстве; уголовные — где одно лишь обвинительное заключение по делу состоит из 20 тысяч страниц) и т. п. Рассмотрение подобных дел при скрупулёзном соблюдении сегодняшних судебных процедур может занять не одно десятилетие, что неприемлемо, особенно по делам с участием присяжных заседателей. Перевод судопроизводства в «цифру» проблемы лишь немного уменьшит.

Сказанное выше — неутешительный диагноз современного состояния механизма отечественного правосудия (за рубежом — усредненно — положение дел в целом не лучше, хотя кое-где определенный положительный опыт имеется).

В качестве «лечения» следует предложить радикальное модернизационное преобразование всего организационно-

правового механизма отечественного правосудия (поскольку словосочетание «судебная реформа» заезжено и своей сути в современном прочтении не соответствует). Конечной целью этих преобразований должно стать создание у нас такого механизма правосудия, которым наш народ стал бы гордиться.

Достичь этой цели можно — единственно — посредством разработки, утверждения и реализации государственного проекта под условным названием «Справедливый Суд», который должен отвечать следующим требованиям: а) это должен быть цельный программный документ, пусть и несконотомный, и реализация всего проекта должна занять весьма непродолжительное время; б) ядро его должна составлять совокупность тщательно проработанных, четко между собой взаимоувязанных, синхронно сбалансированных проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, включая корпоративные акты органов судейского сообщества; в) преобразования, предусмотренные этой совокупностью актов, должны быть воистину радикальными в своей концептуальной основе, быть всеобъемлюще охватывающими все три составляющих механизма правосудия; г) проведение этих преобразований должно быть обеспечено организационно, кадрово, информационно, финансово, материально-ресурсно и пр.; д) эти преобразования должны быть нацелены не только на устранение сегодняшних проблемных недостатков механизма правосудия, но и на гарантированное решение тех проблем, которые обязательно или вероятно возникнут в будущем; е) эти преобразования обязательно должны быть одобрительно встречены обществом. Предлагаемому государственному проекту есть исторический аналог — Судебная реформа 1864 г., а поскольку её начали «раскачивать» и «дереформировать» уже в 1866 г., необходимо будет названный государственный проект утвердить федеральным конституционным законом, которым предусмотреть гарантированные блокировки могущих вскоре возникнуть попыток его деформирования.

Сама разработка названного государственного проекта — проблема стратегического уровня и потребует прежде всего фундаментального междисциплинарного научного обеспечения, которое целесообразно возложить на РАН с привлечением к этой работе широкого круга участников на основе специально разработанной программы в форме государственного заказа.

Создание в нашей стране — на основе государственного проекта «Справедливый Суд» — высокоэффективного механизма справедливого правосудия будет означать решение столь грандиозной социальной проблемы (на бытовом уровне: «теперь можно будет в суде найти правду»), которую по результативности воздействия на общественное сознание можно будет приравнять к ядерному и космическому проектам. Но при этом несопоставимо меньше потребуются времени и ресурсных затрат.

АВТОРСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ДОКЛАДА

1. Клеандров М.И. Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 320 с.
2. Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 288 с.
3. Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования : монография. М. : Норма, 2017. 240 с.
4. Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. 160 с.
5. Клеандров М.И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.
6. Клеандров М.И. Ответственность судьи : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 576 с.

7. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты : монография. М. : Норма, 2008. 448 с.
8. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее : монография / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. М. : Волтерс Клувер, 2006. 600 с.
9. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в государствах — участниках СНГ: законодательное обеспечение : монография. М. : Юристъ, 2003. 654 с.
10. Клеандров М.И. Судебные системы государств — участников СНГ: законодательное обеспечение : монография. М. : Юристъ, 2002. 623 с.

© Клеандров Михаил Иванович

Руденко Виктор Николаевич*

МИНИ-ПУБЛИКИ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ

С конца XX столетия наблюдается повышенное внимание к проблемам создания оптимальной модели гражданского участия в публичной власти. Вслед за теоретической проработкой проблем (теории партиципаторной, делегативной, переговорной демократии и др.) на протяжении последних трех десятилетий теория гражданского участия в политике и правотворческая практика претерпевают существенные изменения. Их основным трендом является возрастание интереса к теории делиберативной демократии, развитой, в частности, в трудах Ю. Хабермаса. Понимание значимости хабермасовских идей, и особенно положений о рациональной коммуникации, возросло настолько, что можно констатировать начало глубинных перемен в аксиологии самой демократии (Руденко 2018). Как сущностный атрибут демократии рассматривается рациональный коммуникативный дискурс, и, соответственно, в качестве перспективной формы уча-

* Руденко Виктор Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор., главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

ствия в осуществлении публичной власти все чаще выступает коммуникация, а не голосование. При этом коммуникация должна отвечать ряду требований, по которым обсуждение общественно значимых вопросов может быть квалифицировано в качестве делиберативного процесса. К таким требованиям можно отнести добровольность, равноправие и тесное взаимодействие участников обсуждения, их диалог, глубокое проникновение в существо обсуждаемых вопросов, готовность к консенсусу, в том числе с учетом экспертных оценок, их стремление к артикуляции интересов граждан и др. (Бусова 2002: 44 и др.; Руденко 2018: 118–119; Тараев 2018: 267). Новый подход к демократии означает возложение ответственности за происходящие в обществе процессы не только на органы власти, сформированные при прямом или косвенном участии избирателей, но и на самих граждан и институты гражданского общества, взаимодействующие с органами власти на разных уровнях их организации (Кэмпбелл 2013: 33). Показательно, что этот подход находит отклик у современных законодателей. В частности, его ярким проявлением стал Австралийский акт о правах человека (парламентском контроле) 2011 г. (Australian Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011).

В сфере правотворческой деятельности данная тенденция находит выражение в поддержке новых форм демократии участия — так называемых мини-публик, представляющих собой альтернативу традиционным формам, известным в практике конституционализма XX столетия, таким как обсуждения законопроектов гражданами, публичные и общественные слушания, участие представителей гражданского общества в различных совещательных органах и мн. др.

Суд присяжных — «маленький парламент»: к созданию мини-публик. Мы полагаем, что прообразом новых форм участия граждан в осуществлении публичной власти стали суды присяжных (англ. *juries*). Решающую роль при этом сыграли три важных обстоятельства.

Во-первых, суды присяжных, как отмечал еще в середине XIX столетия Алексис де Токвиль, по существу являются не столько судебными органами, сколько политическими институтами. Благодаря суду присяжных граждане обладают реальными рычагами управления обществом. Согласно А. де Токвилю, участие в общественной жизни становится повседневной формой деятельности, а отправление правосудия судебными присутствиями с коллегиями присяжных, особенно при разбирательстве гражданских дел, начинает олицетворять идею справедливости и воплощать «одну из форм суверенной власти народа» (Токвиль 1992: 211–212). Столетие спустя подобные же идеи были высказаны лордом Дэвлином, отмечавшим, что жюри, участвующие в разбирательстве дел в суде, «являются более чем инструментом правосудия и более чем одним колесом конституции». По существу, «каждое жюри есть маленький парламент» (Devlin 1956: 164).

Во-вторых, опыт работы судов присяжных свидетельствует о том, что небольшие по своему составу коллегии граждан, сформированные на основе случайной выборки, в состоянии выносить обоснованные публично-правовые решения. Несмотря на то что в адрес граждан — членов судов присяжных многими специалистами по уголовному и гражданскому процессу высказываются упреки в некомпетентности, законодатели в большинстве стран общего права, а особенно в США, оценивают суды присяжных как важнейшее достояние конституционализма (Landsman 1999: 285–287).

В-третьих, в 70-е гг. прошлого столетия федеральный законодатель США и законодатели штатов стали обращать самое пристальное внимание на порядок формирования коллегий присяжных. Актом об отборе присяжных и исполнении ими обязанностей от 1968 г. (The United States Jury Selection and Service Act of 1968, or “Jury Act,” 28 U.S.C. § 1861) в федеральных судах США была введена новая система формирования состава больших и малых жюри. В основу ее был

положен идеал справедливого поперечного среза общества в районе юрисдикции суда. К разбирательству дел в судах, таким образом, стали привлекаться представители различных рас, религий, полов, этнических групп. С 1975 г. Верховным судом США идеал поперечного среза общества был распространен на суды штатов. Суд постановил, что гарантией беспристрастного судебного разбирательства служит состав коллегий присяжных, являющийся микрокосмом соответствующего локального сообщества (Abramsson 2000: 99).

Описанные шаги федерального законодателя США в значительной мере совпали с появлением и развитием теоретических идей о механизмах участия граждан в осуществлении публичной власти. Важнейшей из них является идея «внимательной публики» (англ. *attentive public*), выдвинутая в 1950 г. Габриелем Алмондом (*Gabriel Almond*). Она стала исходным посылом известных разработок Роберта Даля (*Robert A. Dahl*), в которых обосновывается возможность эффективного гражданского участия через «мини-народ» (*mini-populus*). «Эффективность процесса постепенного приближения к демократии, — отмечает Р. Даль, — не требует того, чтобы каждый гражданин был информирован и политически активен по поводу любой важной проблемы. ...Взамен этого потребуется наличие критической массы хорошо информированных граждан, достаточно большой и активной для того, чтобы контролировать политический процесс» (Даль 2003: 516). Тем самым американский политолог одним из первых заложил основы современных представлений о делиберативных мини-публиках (*deliberative mini-publics*) — компетентных и информированных группах граждан, участвующих в процессе принятия публично-властных решений, как правило, формируемых по жребию и отражающих в своем составе поперечное сечение общества (Shablinskii 2018; *Deliberative Mini-Publics* 2014).

Маленькие «парламенты» граждан в действии. Высказанные теоретические идеи и гипотезы нашли свое прак-

тические воплощение в ряде мини-публик, получивших развитие на рубеже XX–XXI столетий. Их организация и деятельность основана на следующих принципах:

1. Работа мини-публик обеспечивается независимыми неправительственными организациями, которые осуществляют отбор участников обсуждения, снабжают их необходимой справочной информацией, привлекают экспертов-докладчиков и представителей групп интересов для всестороннего информирования, изыскивают источники финансирования проектов. Организаторы проекта стремятся создать все условия для глубокого и свободного от внешнего влияния обсуждения проблем.

2. Финансируются проекты спонсорами — отдельными гражданами либо некоммерческими организациями, корпорациями, правительственными агентствами, органами власти, медиахолдингами или совместно теми и другими.

3. Выбор граждан для участия в обсуждении проекта осуществляется из числа добровольцев на основе жеребьевки. Мини-публики должны служить микрокосмом всего большего гражданского коллектива, от имени которого организуется обсуждение.

4. Каждый проект уникален во избежание профессионализации граждан, участвующих в обсуждениях. Один состав граждан отбирается для обсуждения одного или нескольких вопросов в рамках только одного проекта.

5. Обсуждение проблем в рамках одного проекта длится, как правило, от трех до шести дней, в зависимости от сферы обсуждаемых общественных отношений и сложности проблем. В процессе обсуждения граждане участвуют в режиме диалога.

6. Граждане, участвующие в обсуждении, не получают за свой труд денежное вознаграждение. В то же время, как и в судах присяжных, для них предусмотрены небольшие компенсации за проезд, проживание, питание, освобождение от основной работы и др.

7. Цель каждого проекта заключается во всестороннем, информированном обсуждении публично значимого вопроса с тем, чтобы предоставить возможность органам власти и высшим должностным лицам, принимающим публично-властные решения, знать, что на самом деле об этом думают люди, когда у них есть возможность изучить обсуждаемый вопрос.

Процесс развития делиберативных мини-публик берет свое начало почти одновременно в США и в Германии в 1970-е гг. В 1972 г. германским профессором социологии Питером Динелем (Peter C. Dienel) были предложены так называемые ячейки планирования (англ. Planning Cells; нем. die Planungszelle) для решения проблем взаимодействия между обществом и властью. В 1974 г. созданным Недом Кросби (Ned Crosby) в штате Миннесота Джефферсон-центром (The Jefferson Center for New Democratic Processes) были проведены первые эксперименты по организации небольших по своей численности групп граждан (Citizens Panels). Моделью для них послужили суды присяжных, главным образом большие жюри (Grand Juries). Эти группы стали известны как жюри граждан (Citizen's Juries) [Crosby, Kelly, Schaefer 1986: 170]. Впоследствии появились и другие разновидности мини-публик, такие как консенсусные конференции (Consensus Conferences) и др.

Сведения об основных формах немногочисленных по своему составу мини-публик представлены ниже в табл. 1¹.

От маленьких «парламентов» к большим «парламентам» граждан. Можно констатировать успех предложенной Питером Динелем и Недом Кросби модели «маленького парламента», создаваемого по жребию без института выборов. В то же время органы власти не всегда склонны доверять маленьким гражданским ассамблеям и, соответственно,

¹ При составлении табл. 1 и 2 частично использованы материалы: Escobar, Elstub 2017; Deliberative Mini-Publics 2014; Citizens Jury Literature Review 2017.

Таблица 1. Формы малых мини-публик и их характеристики

Наименование мини-публики	Количественный состав	Параметры выборки для формирования состава	Процессуальные стадии рассмотрения публично значимых вопросов
Жюри граждан (Citizen's Juries), в т. ч. молодежные (Young Citizen's Juries, Youth Citizen's Juries) ²	16–23 чел.	Пол, возраст, образование, географическая локализация, раса, партийная принадлежность	1. Ознакомление с проблемой, заслушивание свидетелей и экспертов. 2. Обсуждение проблемы, вынесение вердикта. 3. Подготовка итогового доклада, проведение пресс-конференции
Ячейки планирования (Planning Cells) ⁴	20–25 чел.	Лица, чьи интересы проблема затрагивает напрямую, и лица, интересы которых затрагиваются косвенно, пол, возраст и др.	1. Пленарная сессия для углубленного ознакомления с проблемой (просмотр фильмов, прослушивание лекций, ознакомление с письменными материалами, разъяснение определения вариантов решений и критериев оценок).

² О молодежных жюри граждан см.: Carson, Sargant, Blackadder 2004.

³ В России в формате жюри граждан реализуются так называемые проекты «инициативного» или «партиципаторного» бюджетирования, то есть рассматриваются направления расходования выделенных частей (2–3 %) муниципальных бюджетов. На начало 2018 г. в стране было

Субъекты инициативы созыва мини-публики	Опыт реализации	Обсуждаемые публично значимые вопросы
Органы власти, государственные и муниципальные органы, организации	36 проектов в США (1972–2010 гг.), множество проектов в Австралии и Великобритании, в России ³	Стратегия развития экономики, влияние сельского хозяйства на качество воды, вопросы эвтаназии, налогообложение имущества, строительство жилья для малоимущих; проблемы охраны здоровья населения, благополучие местных сообществ, вопросы формирования бюджета, молодежная политика и др.
Органы власти, государственные и муниципальные органы, организации	170 проектов в Германии в 1971–2010 гг., отдельные проекты в Австрии, Испании, США	«Телефон будущего», варианты энергетической политики, планы развития городских микрорайонов, тестирование новых продуктов, потребительская политика и мн. др.

реализовано порядка 5000 проектов. См.: *Инициативное бюджетирование. 2017. Перспективы использования мини-публик в нашей стране* стоят в повестке дня [Чернов 2018].

⁴ Подробнее см.: Dienel 1999; Renn, Webler, Rakel, Dienel, Johnson 1993.

Таблица 1. Окончание

Наименование мини-публики	Количественный состав	Параметры выборки для формирования состава	Процессуальные стадии рассмотрения публично значимых вопросов
			2. Разделение на 4–5 групп, в каждой из которых проводится анкетный опрос и всестороннее обсуждение проблем, обсуждение и выработка рекомендаций, выбор одной важнейшей рекомендации. 3. Вторая пленарная сессия с обсуждением с помощью медиатора рекомендаций групп и их ранжирование. Разделение на 4–5 групп на основе ротации. Анкетный опрос и анализ проблем с учетом их обсуждения на первой пленарной сессии. 4. Заключительная пленарная сессия с подготовкой итогового доклада
Консенсусные конференции (Consensus Conferences)	10–25 чел.	Разные демографические группы	1. Освоение материалов, заслушивание экспертов и представителей групп интересов. 2. Заслушивание экспертов и подготовка итогового доклада

Субъекты инициативы созыва мини-публики	Опыт реализации	Обсуждаемые публично значимые вопросы
Датский совет по технологиям, парламенты	Австралия, Аргентина, Великобритания, Дания, Израиль, Канада, Новая Зеландия, США, Южная Корея, Япония	Вопросы развития науки и техники

расширять практику обращения к ним. Как свидетельствует практика последних лет, заказчики того или иного проекта гражданской ассамблеи нередко желают знать мнение и рекомендации более репрезентативной группы граждан. В этой связи с конца 1980-х гг. и по настоящее время наблюдается некоторое изменение подходов к организации их работы и к выработке укрупненных модификаций мини-публик.

Формы укрупненных гражданских ассамблей были предложены в 1988 г. учеником Неда Кросби профессором Джеймсом Фишкином (James S. Fishkin) [Fishkin 2009]. Сегодня они широко известны как делиберативные опросы (*Deliberative Polls*). В данном случае для участия в обсуждении по жребию отбирается достаточно большая группа граждан в составе 150–500 человек. При работе с гражданами организаторы опроса следуют методологии «углубленного общественного мнения», с тем чтобы установить точку зрения опрашиваемых, хорошо осведомленных по обсуждаемым вопросам [Докторов 2007]. Проект делиберативного опроса предполагает первичное изучение мнения граждан, отправку им необходимой информации, организацию совместного обсуждения вопросов в составе небольших групп, встречи с экспертами на пленарных заседаниях, процедуры повторного изучения мнения после обсуждений и др. Целью реализации проекта является агрегированное общественное мнение, а не итоговый доклад. Результаты опроса широко освещаются в средствах массовой информации. Делиберативные опросы нашли применение более чем в 10 странах мира, включая Китай. Отработанная методология нашла применение для создания укрупненных мини-публик, сопоставимых с современными парламентами.

Сведения об основных укрупненных формах мини-публик представлены в табл. 2.

Происходящие в мире процессы свидетельствуют о возрастании интереса правительств к делиберативному участию граждан в осуществлении публичной власти, и пре-

жде всего к формам мини-публик. Эти формы постепенно становятся квазипарламентами — подобием парламентских ассамблей. Их основное отличие от последних заключается в неприятии института выборов как ведущего способа формирования представительных органов и замене его жребием. Преимущество таких гражданских ассамблей состоит в их относительной независимости от органов власти, для которых они вырабатывают свои рекомендации, а также в независимости от электората, подверженного, как правило, влиянию различных политических партий и групп интересов. Это означает, что участники делиберативного процесса работают, руководствуясь интересами общего блага. Отбор по жребию, кроме того, более справедлив: он предоставляет возможность каждому желающему принять участие в процессе выработки публично значимого решения. Отобранным по жребию избирателям формы мини-публик позволяют пройти школу гражданственности в ходе совместной работы с другими гражданами. Поскольку же делиберативный процесс означает компетентное и информированное участие, граждане получают шанс проявить свои творческие способности, трудясь над выработкой собственных предложений. Способы формирования мини-публик, основанные на идеале справедливого поперечного среза общества, вселяют надежду, что эти органы могут рассматриваться как трансляторы мнений и интересов граждан, связующее звено общества и власти. Важным преимуществом мини-публик является и тот факт, что они применимы практически на всех уровнях организации власти. Так как во всех случаях обсуждение вопросов ведется группой непривилегированных граждан, отобранных по жребию, работа мини-публик восстанавливает доверие к институтам демократии.

В то же время проведенное выше описание функционирования форм мини-публик не может служить обоснованием для непрекращающихся усилий с целью выработки институтов, заменяющих выборные и иные органы власти (Brian

Таблица 2. Формы укрупненных мини-публик и их характеристики

Наименование мини-публики	Количественный состав	Параметры выборки для формирования состава	Процессуальные стадии рассмотрения публично значимых вопросов
Ассамблеи граждан (Citizens' Assemblies)	50–350 чел.	Пол, возраст, географическая локализация, социальная принадлежность, представительство избирательных округов и др.	1. Углубленное ознакомление с проблемой. 2. Публичные слушания с участием 4–16 членов ассамблеи по месту их жительства. 3. Совместное пленарное заседание и подготовка итогового доклада. Либо: углубленное ознакомление с проблемой, обсуждение вопросов за «круглым столом», пленарные сессии
Ядерные жюри (Nuclear Ctzen's Juries) ⁶	50–500 чел.	Пол, возраст, географическая локализация, противники и сторонники обсуждаемых проектов,	1. Работа подготовительного «ядерного жюри» в составе 50 чел., включающая опрос свидетелей, заслушивание экспертов, дискуссии. 2. Работа второго «ядерного жюри» в составе 350 чел., в том числе части присяжных из состава подготовительного «ядерного жюри».

⁵ Ассамблея граждан, работавшая в 2016–2017 гг., рассмотрела вопрос о целесообразности отмены 8-й поправки к Конституции Ирландии, введившей запрет на аборт. Предложение ассамблеи граждан об отмене поправки было вынесено на референдум. 15 мая 2018 г. гражданам проголосовали за это предложение. Ассамблея продемонстрировала, что труднейшие вопросы, которые не могут быть решены самим правительством и под его ответственность десятилетиями, вполне разрешимы путем принятия политических решений на основе справедливого и разумного обсуждения среди граждан. По мнению экспертов, опыт ассамблеи граждан Ирландии является моделью для всей Европы [Humphreys 2016].

Субъекты инициативы созыва мини-публики	Опыт реализации	Обсуждаемые публично значимые вопросы
Парламенты, главы государств, парламенты или высшие должностные лица субъектов федеративных государств	Канада (пров. Британская Колумбия, Онтарио), Ирландия, Нидерланды	Проекты избирательной реформы; поправки к Конституции (Ирландия, 2017 г. ⁵), половое воспитание подростков, уход за пожилыми людьми, приоритеты социальной политики
Высшие должностные лица, правительства субъектов федерации	Австралия, 2016 г. (штат Южная Австралия), Южная Корея, 2017 г.	Целесообразность строительства высокотехнологичного хранилища отработанного ядерного топлива, возможность возобновления строительства АЭС ⁷

⁶ Так называемые «ядерные жюри» — особая разновидность ассамблей граждан, решающих вопросы, связанные с развитием атомной энергетики, хранением отработанного ядерного топлива.

⁷ Ядерное жюри, работавшее в штате Южная Австралия в 2016 г., стало беспрецедентным примером доверия к гражданским ассамблеям со стороны общества и власти. Жюри заблокировало проект строительства высокотехнологичного хранилища отработанного ядерного топлива общей стоимостью 600 млн долларов, несмотря на сильнейшее давление со стороны ядерного лобби. Ядерное жюри в составе 471 присяжного, работавшее в 2017 г. по инициативе президента Му Чже Ин в Южной Корее, одобрило возобновление строительства и эксплуатации АЭС.

Таблица 2. Окончание

Наименование мини-публики	Количественный состав	Параметры выборки для формирования состава	Процессуальные стадии рассмотрения публично значимых вопросов
		представители коренных народов	Заслушивание экспертов, свидетелей, специалистов, пленарные сессии, подготовка итогового доклада. Либо: изучение вопросов и дебаты
Парламент граждан	150 чел.	Представительство федеральных избирательных округов, пол, возраст, культурные различия	Сочетание процессуальных стадий, характерных для ячеек планирования, жюри граждан и ассамблей граждан. Разделение граждан на группы для раздельного обсуждения проблемы и их последующее объединение для совместных пленарных сессий. Подготовка итогового доклада
Национальная ассамблея (National Assembly)	950 чел.	Представительство разных демографических групп на основе Национального регистра	Однодневная пленарная сессия

⁸ Первый австралийский Парламент граждан был проведен 6–9 февраля 2009 г. в помещении здания Палаты представителей страны в Канберре. По окончании дебатов гражданами были выработаны рекомендации, изложенные в итоговом докладе [*Citizens' Parliament. Final Report 2009*].

⁹ В 2011 г. по рекомендации гражданской Национальной ассамблеи Конституционной ассамблеей, состоявшей из 25 специалистов, избран-

Субъекты инициативы созыва мини-публики	Опыт реализации	Обсуждаемые публично значимые вопросы
Парламент	Австралия. 2009 г.	Проблемы совершенствования демократии ⁸
Парламент	Исландия	Разработка ключевых положений новой Конституции страны для Конституционной ассамблеи ⁹

ных на всеобщих выборах, был подготовлен проект новой конституции страны. Проект был одобрен большинством голосов граждан на референдуме в октябре 2012 г., но он не стал конституцией страны после победы на парламентских выборах оппозиции (Gylfason, Thorvaldur. *Iceland's Citizen Constitution: the Window Remains Wide Open*. Apr, 6. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://verfassungsblog.de/icelands-citizen-constitution-the-window-remains-wide-open/> pdf (дата обращения: 20.10.2019).

1992; Burnheim 1985; Рейбрук 2018). При всем многообразии обсуждаемых мини-публиками вопросов общественной жизни очевидна ограниченность комплекса проблем, которые эти ассамблеи могут решать. В частности, имеются препятствия для решения межрегиональных вопросов, проблем межнациональных и этноконфессиональных отношений, для урегулирования разного рода конфликтов. В формате работы гражданских ассамблей практически невозможна организация непрерывного законодательного процесса. Помимо того, гражданские ассамблеи не подотчетны ни избирателям, ни органам власти, для которых они вырабатывают свои предложения. Налицо и косвенная зависимость мини-публик от самих органов власти: без их заказа самоорганизация граждан во многом теряет свою значимость, так как выработанные рекомендации не имеют конкретного адресата. Поскольку же работа мини-публик зависит от заказов, намечается очевидный крен в сторону их коммодификации (Hadjimichael 2017): гражданские ассамблеи становятся значимым товаром на рынке. Данный факт, в свою очередь, влечет манипуляции с гражданскими ассамблеями со стороны их организаторов (Clark 2016). Нельзя идеализировать и возможности формирования выборочной совокупности граждан на основе современных методик. Идеал справедливого поперечного сечения общества всегда остается недостижим. В этом свете думается, что представления о грядущем политическом порядке без выборов и парламентов при всей их привлекательности и убедительности пополняют копилку примеров «демократического экстремизма» (Lucardie, P. 2016: 117–134). Гражданские ассамблеи в перспективе будут выполнять роль достаточно эффективных и разумно организованных собраний граждан, обеспечивающих компетентное участие избирателей в решении сложных публично-правовых вопросов. Но они являются и будут дополнительными формами существующих систем представительства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // *Вопр. философии*. 2002. № 5. С. 44–54.

Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М. : РОССПЭН, 2003. 576 с.

Докторов Б. Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения // *Социальная реальность*. 2007. № 10. С. 81–94.

Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения / И.Е. Шульга, В.В. Вагин, Г.Н. Хачатрян, А.С. Сухова, Л.А. Шилов, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова. М. : «Алекс», 2017. 124 с.

Кэмпбел Т. Права человека: демократический путь // *Правоведение*. 2013. № 6. С. 17–34.

Рейбрук Давид Ван. Против выборов. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.

Руденко В.Н. Стратегия коммуникативного дискурса в конституционно-правовой защите прав человека // *Дискурс-Пи*. 2018. № 3–4. С. 140–148.

Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. 2018. Вып. 4. С. 97–125.

Тараев А.К. Мини-публикс как практики делиберативной демократии // *Молодой ученый*. 2018. № 22. С. 267–270.

Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с франц / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Прогресс, 1992. 554 с.

Чернов Г.Ю. Жюри граждан: теория, технологические особенности, перспективы использования в политическом пространстве России // *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования*. 2018. № 1. С. 216–221.

Abramsson J. Jury Selection and the Cross-Sectional Ideal (From We, The Jury: The Jury System and the Ideal of Democracy. With a New Preface. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2000. 308 p.). P. 99–142. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/juryseminar/crosssectional.html> (дата обращения: 21.10.2019).

Burnheim John. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press, 1985. 205 p.

Brian Martin. Demarchy: A Democratic Alternative to Electoral Politics // Kick It Over. 1992. № 30. Fall. P. 11–13 [p. 13]. URL: <https://www.bmartin.cc/pubs/92kio/92kio.pdf> или <https://www.bmartin.cc/pubs/92kio/index.html> (дата обращения: 21.10.2019).

Carson L., Sargant C., Blackadder J. Consult your community. A guide to running a youth jury. Sydney, 2004. 79 p. URL: <http://www.activedemocracy.net/parrayouth/docs/youth-juries-handbook.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

2017. Citizens Jury Literature Review. Our Voice Citizens Jury Realistic medicine. L. : Shared Future. 24 p.

Citizens' Parliament. Final Report. Old Parliament House, Canberra, 6–9 February 2009. 18 p. URL: http://citizensparliament.org.au/wp-content/uploads/2015/02/Citizens-Parliament_final_FINAL-report-10-Feb.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

Clark R. South Australian 'citizens' jury' rejects nuclear dump // Green Left Weekly, Adelaide. 2016. November 11.

Crosby N., Kelly J.M., Schaefer P. Citizens Panels: A New Approach to Citizen Participation // Public Administration Review. 1986. Vol. 46. № 2. P. 170–178.

Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process / Ed. by Grönlund, K., Bächtiger, A., Setälä, M. ECPR Press, 2014. 272 p.

Devlin Patrick. Trial by Jury. L. : Stevens & Sons Limited, 1956. 179 p.

Dienel Peter C. Planning Cells: The German Experience // Participation Beyond the Ballot Box. European Case Studies in State-Citizen Political Dialogue / Ed. by Usman Khan. L. : UCL Press., 1999. P. 81–93.

Escobar O., Elstub S. Forms of Mini-publics: An introduction to deliberative innovations in democratic practice. 2017. 13 p. newDEMOCRACY. URL: https://www.newdemocracy.com.au/docs/researchnotes/2017_May/nDF_RN_20170508_FormsOfMiniPublics.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Fishkin, J.S. When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation. N. Y. : Oxford University Press, 2009. 256 p.

Gylfason Thorvaldur. Iceland's Citizen Constitution: the Window Remains Wide Open. Apr, 6. 2016. URL: <https://verfassungsblog.de/icelands-citizen-constitution-the-window-remains-wide-open/pdf> (дата обращения: 20.10.2019)

Hadjimichael M., Delaney A.E. Forming perceptions and the limits to public participation on ocean commons: evidence from a citizens jury workshop // International Journal of the Commons. 2017. Vol. 11. № 1. P. 200–219.

Humphreys J. Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe // The Irish Times. 2016. Nov. 27. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/why-ireland-s-citizens-assembly-is-a-model-for-europe-1.2876808> (дата обращения: 20.10.2019).

Landsman S. The Civil Jury in America // Law and Contemporary Problems. 1999. Vol. 62. № 2. P. 285–304.

Lucardie P. Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People. Routledge, 2016. 196 p.

Renn O., Webler T., Rakel H., Dienel P. & Johnson B. Public participation in decision making: A three-step procedure // Policy Sciences. 1993. № 26. P. 189–214.

Shablinskii A. On Mini-Publics in Deliberative Democracies: Inefficient Instrument or Arendt's "Oasis of Freedom"? // Russian Sociological Review. 2018. Vol. 1. № 4. P. 103–116.

© Руденко Виктор Николаевич

Тосунян Гарегин Ашотович*

БАНКОВСКОЕ ПРАВО В РАЗВИТИИ

Основные научные достижения

Автор доклада участвовал в формировании нового направления отечественной правовой науки — банковского права Российской Федерации — и более 25 лет занимается исследованиями в этой области, результаты которых состоят в следующем:

1. Разработаны (совместно с коллегами) **основы теории банковского права**¹ как самостоятельной, комплексной отрасли права, обозначено ее место и роль в системе российского права, раскрыто ее предметное ядро.

В рамках теории банковского права были сформулированы предложения, реализация которых дала мощный толчок:

- становлению и развитию специального банковского законодательства;
- появлению новой отрасли науки и учебной дисциплины;

* Тосунян Гарегин Ашотович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором финансового, налогового, банковского и конкурентного права Института государства и права РАН.

¹ См.: Тосунян Г.А. Банковское дело и банковское законодательство в России: опыт, проблемы, перспективы. М., 1995; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право России : учеб. Общая часть. М., 1999; Тосунян Г.А. Теория банковского права. М., 2002.

- совершенствованию государственного регулирования банковской системы в стране и повышению эффективности ее функционирования.

Было показано (в докторской диссертации 1995 г. и в работах начала и середины 90-х), что в условиях формирующейся в России «рыночной» экономики банковское право становится самостоятельной отраслью права, т. е. реально существующим, важным звеном структуры российского права, поскольку имеет самостоятельный *предмет* и особый *метод* правового регулирования.

Банковское право относится к числу самостоятельных и при этом комплексных отраслей права.

В монографии «Теория банковского права» (2002 г.) автор подвел итог разработке теоретической концепции банковского права как комплексной отрасли права, выделил и описал его предмет, метод, принципы, а также систему категорий и понятий этой отрасли.

Были теоретически обоснованы важнейшие принципы банковского права и вытекающие из них практические выводы.

В частности, обосновав *принцип единства структуры управления Банка России*, автор инициировал внесение соответствующих положений в ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)», что способствовало становлению Банка России как единой централизованной системы. Законодательно было закреплено, что национальные банки республик в составе Российской Федерации являются территориальными учреждениями Банка России, которые могут создаваться в том числе и в регионах, объединяющих территории нескольких субъектов Российской Федерации.

Теоретическое обоснование данного принципа в условиях известного «парада суверенитетов» создало дополнительную защиту единого экономического и финансового пространства страны, риск потери целостности которого был

на тот момент очевиден (см. книгу «Банковское дело и банковское законодательство России: опыт, проблемы, перспективы», 1995 г.).

Важнейшее практическое значение имеет **принцип независимости Банка России**, в соответствии с которым Банк России осуществляет свои функции и полномочия независимо от других федеральных органов государственной власти (см. книгу «Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы», 1999 г.).

В то же время из теории банковского права следует, что реализацию принципа независимости Банка России от других органов государственной власти в практике государственного управления банковской системой страны необходимо сочетать с **принципом полисубъектности верхнего уровня банковской системы РФ**, из которого следует, что один и тот же орган (Банк России) не должен сочетать нормотворческую, контрольную и надзорную функции, а также функцию эмиссии наличных денег, одновременно выступая как участник рынка.

2. Под руководством автора доклада были созданы:

- первый в стране научно-исследовательский центр банковского права (сектор в Институте государства и права РАН 1997 г.);
- первая в стране учебная кафедра банковского права (1997 г.);
- первая программа учебного курса по «Банковскому праву» (1995 г.);
- первый учебник «Банковское право. Общая часть и Особенная часть» в трёх томах (1999–2002 гг.).

В 2001 г. под эгидой ИГП РАН и АНХ при Правительстве РФ был организован выпуск **Серии «Банковское и финансовое право»**. В этой серии издано более 15 книг.

3. После дефолта 1998 г. особый акцент в исследованиях автора был сделан на проблему реструктуризации банковской системы.

В ноябре 1998 г. Правительством РФ² и Центральным банком РФ принимается следующий документ: «О мерах по реструктуризации банковской системы РФ» — и решение о создании специального Агентства по реструктуризации кредитных организаций.

Автор с коллегами обосновал следующие подходы к реструктуризации:

- Реструктуризация кредитной организации — это изменения структуры: активов и пассивов, внутреннего организационного построения, управления, приводящее к преодолению финансовой неустойчивости этой кредитной организации.
- Реструктуризация системы кредитных организаций — это изменения в ее структуре, приводящие к восстановлению способности системы кредитных организаций в полной мере обеспечивать выполнение своих базовых функций: осуществление платежей, предоставление кредитов, аккумуляция и обеспечение сохранности денежных средств.
- Реструктуризация банковской системы — это не только изменение в структуре коммерческих банков, которые составляют нижний уровень банковской системы, но и качественная структурная перестройка верхнего уровня национальной банковской системы с целью совершенствования системы государственного управления банковской деятельностью в стране для создания условий, препятствующих повторению банковских кризисов и обеспечивающих эффективное функционирование банковской системы.

² Со стороны Правительства РФ в подготовке данного документа принимал основное участие автор доклада в статусе советника председателя Правительства РФ по финансово-правовым вопросам.

Именно совокупность этих принципов должна была лечь в основу закона «О реструктуризации кредитных организаций».

Однако правительство Е.М. Примакова было отправлено в отставку в мае 1999 г., и закон вышел в крайне спорной редакции.

Закон, целью которого должна была стать разработка и реализация государственной идеологии и политики по глобальным проблемам реструктуризации системы в целом (о которой говорилось в первоначальной концепции и в законопроекте, разработанном с участием автора), в итоге законодательно закрепил правовой статус Агентства по реструктуризации кредитных организаций и чуть расширил компетенцию Банка России, на практике фактически ограничился реструктуризацией отдельных (!) кредитных организаций (реструктуризация затронула 20 кредитных организаций при общем количестве 1573 организации, зарегистрированные на 1 августа 1998 г.).

В книге «Общий и постатейный комментарий к федеральному закону “О реструктуризации кредитных организаций”» при анализе данного закона автор впервые применил свою методику оценки каждого пункта каждой статьи закона на предмет учета интересов субъектов соответствующих правоотношений.

Применённая авторская методика позволила оценить, в чьих интересах был принят закон, и сделать вывод о том, что вместо декларируемых в первых статьях закона целей он на 94,6% закрепляет статус и интересы АРКО, на 6,5% — защищает интересы кредиторов (вкладчиков), на 9,7% — расширяет компетенцию ЦБ РФ и практически не защищает интересы банков.

Иными словами, на арифметическом уровне было наглядно показано, что вместо декларированной в ст. 1 Закона цели реструктурировать всю банковскую систему страны, пострадавшую от сокрушительного дефолта, закон предоставил вновь созданному субъекту — Агентству по реструктури-

зации кредитных организаций — возможность распределять государственные средства на поддержку наиболее мощных лоббистов финансового рынка. Что, по факту, и произошло!

Автор принимал активное участие в создании системы страхования вкладов и в исследованиях по разработке правовых основ этого института.

После принятия в 2003 г. закона автор доклада с коллегой опубликовали работу «Комментарий к федеральному закону “О страховании вкладов физических лиц в банках РФ”»³.

4. Далее были исследованы теоретико-правовые основы теории банковского саморегулирования⁴, где автор исходил из следующей логики. К сожалению, не всем и не всегда, особенно в нашей стране, очевидно, что **государство — это форма организации общества, а не само общество**. Государство, изначально отвечающее за установление и соблюдение социальных норм, постепенно должно уступать это место иным общественным институтам — институтам гражданского общества. Поэтому:

- во-первых, развитие институтов саморегулирования и особенно банковского саморегулирования имеет особо важное значение для России, где банковский бизнес изначально оказался на переднем крае рыночных преобразований.
- во-вторых, в условиях «сильного государства», склонного к тоталитарному устройству, и «властно-частных структур», разрушающих конкуренцию, саморегулирование может способствовать существенному продвижению вперед гражданского общества;

³ Комментарий к Федеральному закону «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». М., 2004. Рук. проекта и гл. ред. серии «Банковское и финансовое право» Г.А. Тосунян (соавт. А.Ю. Викулин).

⁴ См.: Тосунян Г.А. Теория саморегулирования рынка. М., 2004; Тосунян Г.А. Банковское саморегулирование. М., 2006.

- в-третьих, гражданское общество включает в себя те сферы взаимодействия людей (имущественные, нравственные, семейные), на которые не распространяется власть государства;
- в-четвертых, саморегулирование может быть эффективным инструментом развития конкуренции, если сам институт саморегулирования не будет «перевернут» и преобразован в инструмент в руках регуляторов рынка и его монопольно ориентированных участников.

Авторская идея довольно проста. Наиболее благоприятные условия банковского бизнеса не возникают спонтанно. Отдельные элементы этих условий зарождаются в процессе функционирования механизмов свободного рынка, конкуренции, а также самостоятельной экономической и политической активности отдельных банков.

Однако для того, чтобы эти элементы сложились в систему и не начали доминировать факторы, ограничивающие свободу конкуренции и предпринимательства, необходимо некое упорядочивающее начало, некий баланс сил, которые способны зафиксировать и поддерживать соблюдение единых правил игры на рынке.

Таковыми силами являются и государство, и так называемая «третья сила». Именно последняя может способствовать установлению необходимых правил и гарантировать их соблюдение.

Эта третья сила — **банковская саморегулируемая организация — союз кредитных организаций**, в основе которого лежит концепция общественного договора и солидаризма:

- с одной стороны, государство признает публичный характер интересов банковского сообщества и обязуется их учитывать в процессе формирования экономической политики, а также конституирует важнейшую прерогативу саморегулируемой банковской организации — представ-

- лять своих членов как внутри сообщества, так и при взаимодействии с гражданами, органами государственной власти и другими организациями;
- с другой стороны, банк, становясь членом саморегулируемой организации, получает право высказывать свою позицию по обсуждаемым вопросам и защищать свои законные интересы, одновременно принимая на себя и обязательство подчиняться правилам объединения.

Были сформулированы основные принципы банковского саморегулирования:

1. Принцип публичности интересов банковского сообщества.
2. Принцип единства и функциональной субсидиарности банковского самоуправления.
3. Принцип добровольности участия в саморегулируемой организации.
4. Принцип независимости саморегулируемой кредитной организации от государства, отдельных банков и их групп.
5. Принцип ответственности саморегулируемой организации.
6. Принцип снижения административного давления.

5. Был проведен правовой анализ антикризисного регулирования финансово-банковской системы.

Борьба с кризисом — будь то кризис 1998 г. или кризис 2008 г. и последовавшая за ним с 2013 г. стагнация экономики — это тот случай, когда прикладная роль нормативно-правового регулирования проявилась особенно ярко.

Кризисы наглядно продемонстрировали, насколько противоречивыми могут быть наши действия. Мы можем реализовывать меры, направленные на повышение или снижение процентной ставки по кредитованию. Мы можем добиться повышения покупательской способности или, наоборот, понизить ее. Иначе говоря, мы можем делать шаги, которые

либо стабилизируют рынок, либо, наоборот, усиливают проявления кризиса.

В мировой практике подходы в борьбе с кризисом варьируются:

- Часть стран движется в направлении оптимизации общих условий воспроизводства.
- Другие делают акцент на стимулирование инвестиций и снижение налоговой нагрузки.
- Третьи поощряют покупательский спрос.
- Четвертые дают правительственные гарантии малому и среднему бизнесу.

Однако у всех экономически развитых стран есть нечто общее — антикризисные меры носят в подавляющем большинстве массовый характер, а не ограничиваются поддержкой лишь избранных участников рынка.

В мировой практике кризис — это, как правило, кризис перепроизводства.

Для России же кризис — это кризис экономики дефицита.

В борьбе с кризисами в РФ государство обычно делает крупные вливания в экономику. Однако эти антикризисные меры не носят всеобъемлющий характер, а ограничиваются лишь поддержкой избранных участников рынка, которые получают дополнительные конкурентные преимущества и возможность предлагать более дешевые услуги.

Таким образом, необходима новая модель управления: обеспечение всем одинаковых условий поддержки и развития, особенно в условиях мирового экономического кризиса; модернизация кредитного дела; отказ от принципа распределения государственных средств и создание механизма диверсификационной подпитки ресурсами банковской системы.

Все это должно быть закреплено на законодательном уровне.

6. Автором также была сформулирована идея, теория и программа «Банкизация России»⁵, цель которой — сделать доступными банковские услуги как территориально, так и по цене.

Автором доклада с коллегами была предложена программа по развитию банковской системы, которая включила в себя совершенно новый термин «**банкизация РФ**». Она не менее актуальна и сегодня.

Термин получил следующую **научную дефиницию**:

«Банкизация РФ» — это комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мер по развитию и укреплению банковской системы РФ с целью достижения ею способности эффективно обеспечивать: повышение благосостояния населения, потребности национально ориентированного бизнеса, экономический рост России, осуществляемых специальными субъектами (Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ, Банком России, банковским сообществом).

Таким образом, возникновение данной дефиниции произошло через выявление её сущности, целей, объекта и субъектов, а также были сформулированы основные направления «банкизации» и механизмы её правового обеспечения.

Далее автором с коллегами были **сформулированы правовые основы института кредитных историй и создано одно из крупнейших в России бюро кредитных историй**⁶.

⁵ См.: Год великого перелома. Идея банкизации России от замысла до воплощения. М., 2007; Тосунян Г.А. Банкизация России. Право. Экономика. Политика. М., 2008; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Антикризисные меры и антикризисное законодательство России. Общий комментарий. М., 2010.

⁶ См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях». М., 2006; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Эволюция принципов законодательства о кредитных историях. М., 2014.

До создания института кредитных историй при выдаче кредита банк оказывался в ситуации ограниченности информации о своем будущем деловом партнере.

Главная цель функционирования бюро кредитных историй — упрощение процедуры взаимодействия кредитора и заемщика, а также снижение рисков кредитной деятельности.

30 сентября 2003 г. по инициативе автора доклада и его коллег было принято решение **о создании Национального бюро кредитных историй**. Сегодня НБКИ — один из лидеров на этом рынке (всего их на данный момент 12).

7. В относительно недавний период автором был поставлен вопрос о культуре правотворчества в финансово-банковской сфере⁷.

Эффективность правового регулирования, в частности финансовой сферы, во многом зависит от качества действующего **законодательства**, которое с каждым годом существенно снижается. Оно **отличается бессистемностью, несбалансированностью, противоречивостью**.

Выше уже приводились примеры законодательства о реструктуризации банковской системы, о кредитных бюро и др.

Данные недостатки обусловлены прежде всего уровнем культуры правотворчества.

В правотворчестве выделяются два основных этапа:

- подготовка законопроекта;
- официальное принятие закона — законотворчество.

Фактически отсутствует такая стадия правотворчества, как **предподготовка законопроекта**, когда носитель идеи организует общественное обсуждение этой идеи с заинтересованными лицами, обосновывая необходимость разработки соответствующего законопроекта.

⁷ См.: Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.

Основной изъян многих законопроектов заключается в их неприятии обществом, которое возникает из-за непонимания целей данного правового регулирования и в конечном счете ведет к правовому нигилизму.

Культура правотворчества является неотъемлемой частью правовой культуры. Представляется, что очень важно учитывать социокультурные факторы в правотворческой деятельности на этапе подготовки законопроекта. Они могут быть учтены путем реализации следующих требований:

- в тексте нормативно-правового акта (в особенности общественно-значимого) должны быть обозначены понятные адресатам и обществу цели и задачи;
- интересы субъектов той или иной идеи-инициативы, облекаемой в нормативно-правовую форму, должны быть четко обозначены;
- должно быть обеспечено проведение глубокой экспертизы предлагаемого к принятию документа;
- в рамках этой экспертизы должна быть представлена оценка наличия или отсутствия конфликта интересов с другими субъектами регулируемых отношений;
- должно быть обеспечено максимально широкое участие граждан в обсуждении политико-государственных решений.

Субъект законодательной инициативы должен однозначно обозначить цели и задачи законопроекта. Это позволит выявить реальных выгодополучателей до его принятия. Цель законопроекта необходимо четко выразить в концепции.

Общие требования к концепции законопроекта закреплены в Постановлении Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 (в ред. от 13.03.2015 г.) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов».

Однако практика показывает, что обычно законопроекты на стадии внесения в Государственную Думу РФ не имеют однозначно сформулированной цели.

В настоящее время субъекты законодательной инициативы довольно часто (можно предполагать, зачастую умышленно) не указывают цели законопроекта, что существенно затрудняет его предметное обсуждение. Можно позволить себе следующую аналогию: диссертации все чаще защищаются без положений, выносимых на защиту!

Вместе с тем **стратегические и особо значимые государственные решения должны быть научно обоснованы.** Концепция крупного законопроекта должна опираться на достижения правовой науки, учитывать результаты других гуманитарных наук.

Помимо научной экспертизы, не менее важна оценка профессиональных сообществ, когда речь идет о правовых актах, регулирующих предпринимательскую деятельность. Такая экспертиза позволяет избежать «оторванности» правовых норм от реальной действительности, учесть интересы всех участников регулируемых отношений, проверить соответствие предлагаемых в законопроекте правовых средств целям правового регулирования.

Любой законопроект отражает интерес лоббирующего субъекта, включая государство. Но эффективность правового регулирования будет зависеть от того, насколько соблюден баланс интересов лоббирующей группы и других субъектов общественных отношений.

8. Обозначены и исследованы проблемы банковского законодательства:

- по правовому обеспечению капитализации банковской системы России;
- регулированию банкротства кредитных организаций и взысканию просроченной задолженности;
- правовому регулированию института коллекторов.

Разработаны правовые основы института финансового омбудсмана, и заложены основы его практического применения.

Сформулированы проблемы правового регулирования защиты конкуренции в финансовой сфере, и предложены меры по противодействию монополизации финансового рынка⁸.

Конкуренция выгодна обществу в целом и независимым участникам рынка. Только она способна обеспечить эффективность производства, качество товаров и услуг, способствовать снижению цены для конечного потребителя.

Конкуренция может быть невыгодной только отдельным, имеющим преференции или аффилированным с властью структурам.

Проблема неравной конкуренции в финансово-банковской системе РФ **является** острой и неприкрыто **рукотворной**. За пять лет число российских банков сократилось вдвое, а доля участников рынка, занимающих по размеру активов места в третьей сотне и ниже, упала с 8,2% до 2%.

При этом ущемление конкуренции происходит не столько в силу эволюции рынка, сколько в результате целенаправленных действий регуляторов:

- **ограничения доступа клиентов в банки по размеру капитала;**
- **ограничения доступа банков к ресурсной базе;**
- **«расслоения» банковской системы;**
- **не вполне адекватных санкций в отношении банков — многочисленных отзывов лицензий;**
- **избыточного надзора.**

Автор доклада с коллегами регулярно поднимали вопросы и давали предложения по мерам, направленным на преодоление монополизации рынка и развитие конкуренции.

⁸ См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к федеральному закону «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг». М., 2001, а также см.: Материалы к съезду АРБ «Развитие, а не стагнация. Конкуренция — главный рычаг экономического роста». М., 2017.

9. Кроме всего вышеизложенного, автор доклада уже много лет, занимаясь изучением финансово-банковского законодательства, поднимает вопросы, имеющие социально-философский характер.

В частности, в работе «Государственное регулирование и мораль. Том 1. Сила в правде»⁹ автор с коллегой поднимает широкий пласт морально-этических проблем, возникающих при нормативно-правовом регулировании финансово-банковского рынка, а также в правоприменительной практике. Любой законодательный акт является результатом компромисса между множеством интересов различных субъектов — в этом случае он является справедливым, «моральным», направленным на интересы общества.

Закон, являющийся обязательным для соблюдения всеми членами общества, выражающий интересы отдельной группы, но ущемляющий интересы большинства, носит несправедливый, «аморальный» характер. В этом авторы работы усматривают признаки проявления политики, ассоциируемой с идеологией «государственного имморализма». Здесь уместно напомнить некоторые мысли В.С. Нерсесянца: «Однако уже на уровне обыденного сознания <...> очевидно, что одно дело авторитет законодателя и совсем другое дело — разумность, правильность, справедливость закона, которым регламентируются все основные стороны жизни человека, его права и обязанности»¹⁰.

Следуя этой логике, автором поставлены вопросы и исследованы некоторые морально-этические аспекты специального банковского законодательства на примере правового регулирования такого финансового института, как бюро кредитных историй.

⁹ Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Государственное регулирование и мораль. Том 1. Сила в правде. М., 2018.

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 7.

10. Автором совместно с академиком РАН М.К. Горшковым уже *на протяжении шести лет реализуется межотраслевой проект «Отношения граждан, бизнеса и власти и их влияние на социально-экономическое развитие страны. Диагностика и рецепты общественной терапии»*, в рамках которого силами Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Ассоциации российских банков были *инициированы и организованы социологические исследования* (в 2013, 2015 и 2019 гг.), посвященные изучению общественного мнения о банковской системе страны и взаимоотношениях банков с клиентами финансовых услуг и регуляторами. В рамках данного проекта в ближайшие дни выйдет в свет коллективный труд «И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет...».

Иными словами, *поставлен вопрос о межотраслевом подходе при изучении проблем* во взаимоотношениях участников рынка между собой и с регуляторами. Необходимо постараться максимально использовать научный потенциал не только правовой и экономической, но и философской, социологической и психологической наук для выявления фундаментальных причин возникновения в нашем обществе масштабных социально-экономических противоречий.

Литература

1. Тосунян Г.А. Опыт построения и правового регулирования банковских систем: Россия, Германия, Франция, США. М. : Дело ЛТД, 1994.
2. Банковское дело и банковское законодательство в России: опыт, проблемы, перспективы / отв. ред. А.Е. Шерстобитов. М. : Дело ЛТД, 1995.
3. Место банковского права в системе российского права // Юридический мир. 1998. № 8.
4. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» : учеб.-метод. пособие. М. : БЕК, 1999 (соавт. А.Ю. Викулин).

5. Банковское право РФ. Общая часть : учеб. / под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М. : Юристъ, 1999 (соавт. А.М. Экмалян, А.Ю. Викулин).
6. Общий и постатейный комментарий к Федеральному закону «О реструктуризации кредитных организаций» : учеб.-практ. пособие. М. : Дело, 2000 (соавт. А.Ю. Викулин).
7. Банковское право Российской Федерации. Особенная часть : в 2 т. : учеб. Введение / рук. авт. кол. и отв. ред. Г.А. Тосунян. М. : Юристъ, 2001, 2002.
8. Реструктуризация кредитных организаций / рук. проекта и гл. ред. серии «Банковское и финансовое право» Г.А. Тосунян. М.: Дело, 2002 (соавт. А.Ю. Викулин).
9. Теория банковского права : в 2 т. М. : Юристъ, 2002.
10. Теория саморегулирования рынка. М. : Юристъ, 2004.
11. Банковское саморегулирование. М. : Спец-Адрес, 2006.
12. Национальная банковская система — важнейший атрибут независимости государства. Совещание Президента РФ В.В. Путина с представителями банковского сообщества. Новосибирск, 14 декабря 2005 г. Материалы совещания. М., 2006.
13. О развитии банковской системы и кредитного рынка // Закон. 2007. № 8. С. 5–11.
14. Банкизация России: право, экономика, политика. М. : Олимп-Бизнес, 2008.
15. Перспективы развития банковской системы России // Деньги и кредит. 2009. № 3.
16. Основные риски для экономики и банковской системы России: необходимость изменения подходов // Деньги и кредит. 2009. № 10. С. 14–160.
17. Общий комментарий к антикризисному законодательству России // Труды института государства и права Российской академии наук. 2010. № 4 (соавт. А.Ю. Викулин).
18. Банковское и финансовое право. М. : Олимп-Бизнес, 2011.
19. Актуальные проблемы банковского и смежного законодательства. М. : Олимп-Бизнес, 2011.
20. Правовое обеспечение капитализации банковской системы России // Труды ИГП РАН. М., 2011. № 1.
21. Правовое обеспечение совершенствования банковской системы. М.: Изд-во ИГП РАН, 2012.

22. Эволюция принципов законодательства о кредитных историях. М. : ЗАО «Новые печатные технологии», 2014 (соавт. А.Ю. Викулин).
23. Антикризисная тактика и стратегия: взаимодействие банков и регуляторов // Деньги и кредит. 2015. № 5. С. 31–33.
24. Банки глазами общества. Общероссийское социологическое исследование, 2015 (соавт. М.К. Горшков).
25. Создание эффективной банковской системы в России // Финансы и кредит. 2016. № 8. С. 152–156.
26. К вопросу об укреплении банковского сектора в текущей экономической ситуации // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 7–11.
27. Государственное регулирование и мораль. Том 1. Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях / рец.: А.А. Гусейнов, академик РАН; В.Ф. Петренко, чл.-корр. РАН. М. : ИКАР, 2018. 390 с. (соавт. А.Ю. Викулин).
28. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.
29. Гуманитарные аспекты банковского права. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : докл. членов РАН. М. : ИГП РАН, 2019. С. 364–407.
30. Высокая закредитованность или высокие ставки? // Банковское дело. 2019. № 8. С. 14–25.
31. Догматизм или «синхронизация». Конвергенция научных и управленческих подходов в решении социально-экономических задач (на примере Китая) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2019. № 4.

© Тосунян Гарегин Ашотович

Доклады кандидатов
в члены-корреспонденты РАН

Бабурин Сергей Николаевич*

ДИНАМИКА СУВЕРЕНИТЕТА
И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИНТЕГРАЦИИ
ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕДИНОГО
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА —
РОССИЙСКОГО СОЮЗА.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ
ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ

Для современной межгосударственной интеграции (в случае с Россией — реинтеграции), направляющей процессы глобализации в русло сосуществования цивилизаций, особую важность представляет разработка теории консолидированного суверенитета, его отграничение от суверенитета совмещенного, осмысление целей и ценностей в государственоведении,

* Бабурин С.Н. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

придание государству нравственного характера. Исключительно значимы эти вопросы для возрождения России и российской (русской) нации.

Смысл функционирования и существования любой власти — в том, чтобы людям создавать стабильную, нормальную, безопасную и прогнозируемую на улучшение жизнь. И создание российско-белорусского Союзного государства, как и развитие Евразийского экономического союза, решает именно эти задачи.

Избавиться от противоречивых крайностей — отсутствия союзного суверенитета и, напротив, существования «несуверенных» государств — возможно только через признание возникновения нового суверенитета на основе объединения нескольких суверенитетов государств в единый союзный суверенитет при признании сохраняющимся суверенитета у каждого государства, включающегося в союзное государство. Именно такой подход только и может объяснить присутствие в 1946–1991 гг. среди полноправных членов ООН одновременно СССР, Белорусской ССР и Украинской ССР.

В союзном государстве существует **консолидированный суверенитет**, означающий совместное (объединенное) осуществление соединившимися государствами верховенства своей государственной власти над объединенной территорией. Ключевое значение для параллельного существования консолидированного суверенитета союзного государства и суверенитетов государств, в нём состоящих, имеют два момента:

1) разделение компетенции, в результате которого деятельность отдельных государств-членов либо совершенно прекращается и заменяется собственным управлением союзного государства при переводе национального государственного суверенитета в «спящий» режим, либо приобретает очень ограниченный характер, когда органы власти государства-члена действуют на основании законов и под контролем союзного государства. В пределах компетенции союзного государства исчезают все различия государств-членов, осу-

шествствующих свой суверенитет посредством участия в формировании верхней палаты союзного государства, а иногда и иных его органов;

2) различие в статусе субъектов союзных государств и субъектов федераций. От унитарного государства союзное отличается тем, что находящиеся в его составе государства вне компетенции, отнесенной к союзному государству, сохраняют свой статус, прежде всего в вопросах их самоорганизации. В отличие от исторически сложившейся федерации, способной как создавать, так и ликвидировать свои составные субъекты, союзное государство строится по принципу: неразрушаемый союз, составленный из неразрушаемых единиц.

В союзном государстве территория составляющих его государств есть *его* территория, население этих государств — это *его* население. Союзное государство, доказавшее свою международно-правовую и внутривнутриполитическую состоятельность, становится со временем договорной федерацией. Наличие консолидированного суверенитета отличает современное союзное государство и обнаруживает промежуточную форму государственного властвования между параллельными суверенитетами при союзе государств и суверенитетом единого федеративного государства. В пределах своей компетенции союзное государство, как и государство федеративное, однородно с государством унитарным. Оно непосредственно господствует над своей территорией и своим населением, отличаясь тем от союза государств.

Как следует из анализа правовых норм Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (далее — Договора), достижение поставленных в нем целей и осуществление Программы действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации его положений ознаменует завершение процесса объединения России и Беларуси в Союзное государство с общим экономическим, правовым, таможенным, оборонным пространством, общим бюджетом и денежной единицей, союзными государственными органами, единой

внешней политикой. По сути, речь идет о создании реального федеративного государства. Как зафиксировано в ст. 5 Договора, Союзное государство является светским, демократическим, социальным, правовым государством, в котором признается политическое и идеологическое многообразие.

Но этому положению противоречит уже следующая — 6-я статья Договора, в соответствии с которой каждое государство-участник сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий свой суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, все атрибуты государственности. Государства-участники сохраняют свое членство в ООН и других международных организациях. Оговорено лишь, что по взаимной договоренности государствами-участниками может быть определена возможность единого членства в международных организациях и других международных объединениях.

В этой противоречивости и правовой неясности — яркое отражение сложной политической борьбы вокруг российской реинтеграции. Очевидно, что с подписанием Договора о создании Союзного государства Союз Беларуси и России перерос рамки международной межгосударственной организации, в качестве которой он был признан при регистрации в сентябре 1997 г. в Организации Объединенных Наций Договора о Союзе и его Устава. Согласно требованиям конституционного (государственного) и международного права, Союзное государство не может быть межгосударственной международной организацией. Государство и международная организация — два различных самостоятельных субъекта международного права. Устранить существующие противоречия российско-белорусской интеграции можно только через принятие Конституционного акта, который должен не дублировать Договор 1999 г., а перевести формирование союзного государства на качественно более высокий уровень.

В соответствии со ст. 17 Договора к исключительному ведению Союзного государства относятся создание едино-

го экономического пространства и правовых основ общего рынка, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы в пределах территорий государств-участников, равные условия и гарантии для деятельности хозяйствующих субъектов.

Пробуксовка механизма российско-белорусского Союзного государства заставляет обратиться к анализу фундаментальных основ самого процесса воссоединения, используя этические, политические и правовые категории. «Спринт» в реинтеграции России не удался, идёт «марафон», но и его затяжка чревата уходом участников с дистанции. Пора многое осмыслить по-новому.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве наиболее значимы в защите человечества от безликости глобализации. Основной формой антиглобализма выступает процесс возрождения единой русской государственности, осуществляющийся через воссоединение Белоруссии и Российской Федерации с возможностью присоединения к ним в дальнейшем Украины, Молдавии, Казахстана, Киргизии...

Правовая система строится исходя из модели политической системы. Точнее, в международной организации нет ни той, ни другой, существуют, практически не пересекаясь, национальные правовые системы, дополненные международно-правовыми институтами; при конфедерации (а модель Европейского союза начиналась с конфедеративной, сейчас приближаясь к федерации) мы встречаемся с национальными правовыми системами, которые, не посягая друг на друга, добровольно приняли на себя обязанность применения согласованных правовых механизмов. И наконец, в федеративном государстве национальные и региональные особенности не ведут к разрушению единой правовой системы. Уточним: в здоровом федеративном государстве.

Союзное государство теоретически превосходит уровнем интегрированности Европейский союз, но далеко уступает ему по воплощению в жизнь принятых решений. Правовая

система союзного государства предполагает существование общих для государств-участников системы права, системы законодательства и существенно автономных (но не независимых) национальных правовых систем.

Как известно, гносеологическая и функциональная связь между системой права и системой законодательства создаёт каркас более широкой по объёму системы правовых явлений — правовой системы. Союзная правовая система включает в себя:

- реальную структуру собственно союзного права (позитивного права), комплекс присущих ему специфических институтов — правовых средств, юридических конструкций, структурных подразделений, а также правовых источников и методов их толкования;
- систему союзного законодательства,
- союзную правовую идеологию, т. е. господствующую юридическую доктрину, доминирующие юридические идеи, которые признаются в качестве непреложных, непрекращаемых и которые образуют теоретико-правовое обоснование союзного права и союзной правовой системы.

На сегодняшний день национальные правовые системы Республики Беларусь и Российской Федерации продолжают развиваться изолированно друг от друга.

Единый территориальный суверенитет. Ст. 7 ч. 1 Договора 1999 г. закрепляет существование единой территории Союзного государства, состоящей из государственных территорий государств-участников. Именно единство территориального суверенитета отличает Союзное государство от конфедерации как союза государств. Если конфедерация — это межгосударственное объединение, предполагающее большее или меньшее сближение правовых режимов территорий соответствующих государств, то в Союзном государстве на всей его территории существует единый правовой режим (даже при сохранении национальных правовых подсистем),

а высшие органы Союзного государства осуществляют союзную юрисдикцию на всей союзной территории. Роковое использование понятия «внешние границы» — внешней границей Союзного государства являются границы государств-участников с другими государствами или пространственный предел действия государственных суверенитетов государств-участников — позволяет предположить сохранение и внутренних границ Союзного государства. Благо, что и суверенитеты подчеркнуто никак не совмещаются.

Общность законодательной власти. Становление Союзного государства может происходить только на основе и в рамках союзного законодательства. Договор 1999 г. предусматривает среди целей Союзного государства формирование правовой системы демократического государства (ст. 2). Владение, пользование и распоряжение движимым и недвижимым имуществом Союзного государства осуществляется на основании нормативно-правовых актов Союзного государства (ст. 9). И наконец, в качестве представительного и законодательного органа Союзного государства учреждается Парламент Союзного государства (ст. 37 Договора).

Расширяющаяся компетенция предполагает реализацию Союзным государством не только компетенции, отнесенной к его исключительному ведению (ст. 17 Договора), но и объективное нарастание его активности в вопросах совместного ведения (ст. 18). Такое нарастание вызывается общей тенденцией реинтеграции. С практической же точки зрения сам институт совместной компетенции себя исчерпал и должен использоваться для «мягкого», но полного распределения компетенции между союзным государством и государствами — участниками интеграции.

Субсидиарность предполагает право Союзного государства принимать правовые акты и вне пределов своей исключительной компетенции по проблемам, которые не в состоянии быть урегулированы самостоятельно (поодиночке) государствами-членами, а также в случаях, когда правовое

решение на уровне Союзного государства способно дать лучший результат, чем при решении проблемы национальным законодательством. Здесь многое зависит от конкретной практики реализации совместной компетенции.

Условием создания и существования общей российско-белорусской правовой системы выступают единое правовое сознание граждан обеих республик и общая правовая практика.

В настоящее время ключевыми вехами в интеграционном процессе должны стать: рассмотрение и одобрение проекта Конституционного акта Союзного государства с учетом позиций двух суверенных государств, назначение выборов в парламент Союзного государства и определение будущего дальнейшего развития на различных уровнях российско-белорусской интеграции, проведение всеобщего плебисцита по ключевым вопросам сосуществования двух народов в едином государстве.

Неолиберализм заблуждается, полагая неизбежной смену традиционных цивилизаций, таких как российская, «последовательно демократическими, либеральными цивилизациями». Да, философия гуманистического права была стержнем, духовно-интеллектуальным нервом правового прогресса, происходившего в человеческом обществе в XVIII–XX вв. Но, сломав христианскую этику и основанные на ней духовность и культурные ценности, свергнув Бога во имя Человека в душе человека, гуманизм породил чудовище. С разрушением в последнее десятилетие XX в. ялтинско-потсдамской системы сдержек и противовесов, завершившейся безнаказанной агрессией НАТО против Югославии в 1999 г. и полным извращением принципов международного права при нападении США и их сателлитов на Афганистан в 2002 г., либеральный гуманизм рухнул, вернув правовые основы человеческой цивилизации ко временам дикости и людоедства.

Именно традиционные политические и правовые системы (в том числе российская) с их мировоззренческим консерватизмом и индивидуальной самобытностью оказывают-

ся в ситуации этой тотальности неперенным условием сохранения мировой стабильности, предпосылкой воссоздания выстраданных веками международно-правовых принципов развития человечества.

Выбирая между полной интеграцией в единое государство, надгосударственным образованием по типу Европейского союза и объединением на основе действующего Договора о создании Союзного государства, следует помнить, что строительного инструмента более чем достаточно, но сам по себе он бесполезен, если его не взять в руки и не пустить в дело.

Со времен византийских императоров Константина и Феодосия Империя в подлинном смысле слова воспринимается и должна восприниматься как **образ Царства Божия** на земле. Имперская модель мироустройства восходит ещё к ветхозаветным пророчествам, отводя центральное место идее удерживающей государственности. Богоустановленное государство как форма организованного бытия народа в его служении замыслу Божию мыслилось в качестве силы, противостоящей разгулу мирового зла и удерживающей мир от беззакония. Высшим воплощением такой удерживающей государственности является вселенская империя с её богоустановленной властью, альтернатива этой империи — воцарение в мире антихриста.

Истинная империя и в наше время может быть только **теократией**. При этом теократию следует рассматривать не как какую-либо особенную государственную форму правления в противоположность монархии, олигархии или демократии, а как духовно-государственный принцип, дающий общую норму общественной жизни, полную свободу развития и возможность вырабатывать по своим потребностям, историческим обстоятельствам и условиям все частные формы государственной и общественной жизни. Главное следствие теократического принципа для государственной жизни — социальное, экономическое и политическое равенство всех

людей в государстве, лежащее в основе всех государственно-общественных отношений. В этом и заключается истинный смысл русского подхода к государству и обществу.

Отсюда и необходимость нравственного государства, современный опыт которого в Исламской Республике Иран заслуживает всестороннего изучения.

Процесс воссоздания **союзного государства** — будь то в форме Российского (Евразийского) Союза или в какой-либо иной — видится исключительно как процесс эволюционный, мирный, поэтапный, в котором каждый последующий шаг логически вытекает из предыдущего, имеет свою цель, задачи и должен привести к совершенно определенным, осязаемым, прежде всего для большинства людей, результатам. Так, в качестве конечной цели первого этапа реинтеграции видится создание устойчивого российско-белорусского государственного союза как «малого» ядра будущей единой союзной государственности на территории прежнего СССР, некоей базисной модели, на которой пройдут «обкатку» экономические, политические, правовые и иные механизмы воссоединения.

Россия, традиционно представляя собою метаисторическую вселенскую православную империю, имеет не географические, а духовные параметры. И даже являющуюся частью русского самосознания давнюю доктрину «Москва — Третий Рим» следует рассматривать не как имперскую концепцию, подтверждающую право России на овладение территориальным и политическим наследством византийских императоров, а как вполне современное эсхатологическое обоснование национальной идеи.

Российский Союз как союзное государство и Империя станет реальностью, когда суверенные «осколки» прежнего СССР:

во-первых, согласуют государственно-правовые признаки этого объединения;

во-вторых, установят механизм координации осуществления власти центральными государственными органами власти Союза и органами власти его субъектов;

в-третьих, признают, что субъекты этого объединения соединят вместе свои суверенные права, чтобы суверенным стал Союз в целом. Переход от союзного государства к конституционной федерации нельзя искусственно форсировать, но с ним и нельзя будет тянуть.

Субъектами Российского Союза как союзного государства могут быть государства, государственно-территориальные (республики, края, области или губернии) или региональные (объединения нескольких областей или республик, или областей с республиками) образования, имеющие четкие административные границы и единую систему власти и управления. В основе выделения субъектов лежит традиционное административное, национально-культурное и региональное членение России.

Субъекты Союзного государства не имеют права выхода из нее, но и ***Союзное государство неправомочно менять статус субъекта, участвовавшего на суверенных началах в образовании союзного государства.***

Библиография основных научных трудов

1. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М. : Изд-во Московского университета, 1997. 480 с.
2. Бабурин С.Н. Российский путь: утраты и обретения. М. : Новатор, 1997. 460 с.
3. Бабурин С.Н. Российский путь: накануне выбора. М. : Изд-во научно-образоват. литературы РЭА, 1999. 544 с.
4. Бабурин С.Н. Территориальные режимы и территориальные споры. М: Изд-во Московского университета, 2001. 175 с.
5. Гл. V. Территория государства // Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. 2-е, переработ. и доп. изд. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 1. М. : Зерцало-М, 2001 и последующие издания.
6. Лекция 6. Сущность государства // Философия права. Курс лекций : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 153–177.

7. Бабурин С.Н. Российская реинтеграция: социально-экономические и политико-правовые проблемы. М. : Изд-во РГТЭУ, 2006.
8. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 769 с. Последующие издания в издательстве Магистр: ИНФРА-М, 2010. 829 с.
9. (перевод на сербский) Бабурин Сергеј. Свет империја: територија државе и светски поредак / пер. с русск. Белград, 2009. 628 с.
10. Бабурин С.Н. Государствоведение : научные труды. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 711 с.
11. Бабурин С.Н., Урсул А.Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2010. 557 с.
12. Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 832 с.
13. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
14. Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2012. 512 с.
15. Бабурин С.Н. Новая русская империя. М., 2013. 240 с.
16. Бабурин С.Н. Русская государственность и Российское государство в системе ценностей и интересов современной политики, международного и конституционного права : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 203 с.
17. Рагимов И.М., Бабурин С.Н., Голик Ю.В., Дук Ю.И., Коробеев А.И. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад. СПб. : Юридический центр-Академия, 2019. 344 с.

© Бабурин Сергей Николаевич

Гаврилов Борис Яковлевич*

ИДЕОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА

Говоря об идеологии современного российского законодательства уголовно-правового комплекса, следует отметить, что его формирование в период подготовки и принятия Уголовного кодекса 1996 г. и Уголовно-процессуального кодекса 2001 г. было обусловлено сложившимися изменениями социально-экономического и общественно-политического положения России, а также необходимостью реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. и положений Конституции Российской Федерации 1993 г. в части:

- обеспечения прав и законных интересов лиц, пострадавших как от преступлений, так и от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод;
- ограничения исключительно по судебному решению конституционных и иных основных прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и других участников уголовного процесса;

* Гаврилов Борис Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД РФ.

- повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом и особенно его досудебного этапа в частности за счет перехода по отдельной категории уголовных дел на сокращенный порядок предварительного расследования и упрощенный (особый) порядок судебного разбирательства при условии обеспечения прав и законных интересов участников процесса. К таким формам судопроизводства сегодня относятся: сокращённая форма дознания (глава 32¹ УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40¹ УПК РФ) и др.

Идеологические установки в части совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в последующие после принятия УК РФ и УПК РФ годы формировались, учитывая следующее:

- внесенные в УК РФ и УПК РФ соответственно 246-м и 256-м федеральными законами (по состоянию на 23 октября 2019 г.) изменения не всегда носили системный характер, а в ряде случаев и противоречили положениям самих базовых законов;
- внесение в УК РФ столь многочисленных изменений обуславливалось «шараханием» уголовно-правовой политики как в части криминализации, так и декриминализации отдельных уголовно наказуемых деяний (например, клеветы, организации экстремистского сообщества, побоев, краж чужого имущества и ряда других);
- значительное число изменений в УПК РФ было обусловлено как необходимостью совершенствования его основополагающих институтов (апелляционного, кассационного и надзорного производств), введения новых участников уголовного судопроизводства, требованиями научной общественности о дифференциации полномочий по процессуальному руководству и прокурорскому надзору

при расследовании уголовных дел и рядом других, так и отказом от реформирования данных институтов, на необходимость чего автор настаивал еще в конце 90-х гг. XX в. при подготовке и принятии УПК РФ;

- имело место перерастание либеральных реформ уголовного и уголовно-процессуального законодательства в радикально-либеральные, например исключение Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ нижнего предела уголовного наказания в виде лишения свободы из 68 составов преступлений, в том числе за отдельные виды особо тяжких преступлений, что привело к тому, что сегодня, например, по ч. 4 ст. 111 УК РФ судом наказание может быть назначено от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы;
- были допущены законодательные просчеты, в выявлении которых активную позицию занимает Конституционный суд Российской Федерации, а также контрреформы, которые профессор В.П. Божьев назвал «тихой революцией Конституционного Суда Российской Федерации». «Не остался в стороне» и Верховный Суд Российской Федерации, например, при частичном возврате в УПК РФ судебного доследования, проблему чего многие страны, в том числе и бывшего постсоветского пространства, давно разрешили.

1. Современное досудебное производство: мифы законодательного регулирования и проблемы правоприменения

Исследование причин низкой эффективности досудебного производства и его несоответствия реалиям борьбы с преступностью как с точки зрения представителя научного сообщества, так и с позиции практикующего юриста-следователя (34 года) позволяет утверждать, что сегодня определяющей в реальном, а не «на бумаге» обеспечении прав и свобод участ-

ников уголовного судопроизводства является потребность в разработке принципиально новой модели предварительного расследования, которая своей первоочередной задачей имела бы преодоление сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и плавно перетекших в УПК РФ заформализованности и забюрократизированности уголовно-процессуального закона. Прямым следствием этого является низкая эффективность предварительного расследования, поскольку за два последних десятилетия значительно (почти на 40%) сократилось количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных (с 36,4% в 1999 г. до 22,4% в 2018 г.).

Необходимость формирования принципиально нового досудебного производства обуславливается: следующим:

- *во-первых*, отдельные нормы вступившего в действие с 01.07.2002 УПК РФ принимались в условиях компромисса, к которым следует отнести ряд переходных положений, предусматривающих сохранение до 1 января 2004 г. санкционирование прокурором следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также продление срока содержания обвиняемых под стражей, что обусловило признание Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14.03.2002 № 6-П этих положений не соответствующими Конституции РФ и вызвало необходимость внесения Федеральным законом от 25.05.2002 № 58-ФЗ в УПК РФ еще до вступления его в действие первых существенных поправок;
- *во-вторых*, ряд процессуальных институтов УПК РФ содержат в себе немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., следствием чего являются длительные сроки уголовного судопроизводства, значительный штат сотрудников органов предварительного расследования (более 80 тысяч) и его затратность, что обусловлено забюрократизированностью и заформализованностью современного уголовного процесса;

- *в-третьих*, внесенные за период действия УПК РФ изменения позволяют одновременно утверждать, что многие из них — результат введения вновь или совершенствования ряда процессуальных институтов действующего УПК РФ, что обусловлено объективными реалиями развития российского права.

Анализ досудебного производства позволяет говорить о назревшей необходимости пересмотра ряда процессуальных институтов УПК РФ, включая:

- положения ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия, поскольку её содержание не соответствует введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, а в действующий УПК РФ она «перешла» из УПК РСФСР 1922 г.;
- исключение из УПК РФ процессуального института предъявления обвинения, поскольку его, например, не предусматривали нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1922–1923 гг. На протяжении многих десятилетий предъявление обвинения являлось основанием допуска защитника к участию в уголовном деле. Сегодня это предусмотрено Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, когда фактически уголовное дело еще не возбуждено. В действующем УПК РФ нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). К числу аргументов за отмену данного института следует отнести и то, что в суд за 17 лет действия УПК РФ направлено 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения, а также позицию Конституционного Суда Российской Федерации, высказанную в Постановлении от 16.05.2007 № 6-П, согласно которому «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвини-

- тельном заключении (обвинительном акте)», а также понятием «обвинения» в нормах европейского права;
- принципиальный пересмотр стадии возбуждения уголовного дела, которая из «фильтра» по предупреждению необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности, введенного Циркуляром Генерального прокурора СССР от июня 1937 г., превратилась для 5 млн граждан ежегодно в непреодолимую преграду на пути их доступа к правосудию.

2. Уголовный проступок в российском уголовном законодательстве

Осуществляемые последовательно Российской Федерацией законодательные меры по гуманизации законодательства, включая реформу уголовного закона от 3 июля 2016 г., направленную на либерализацию уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, требуют совершенствования действующих правовых институтов.

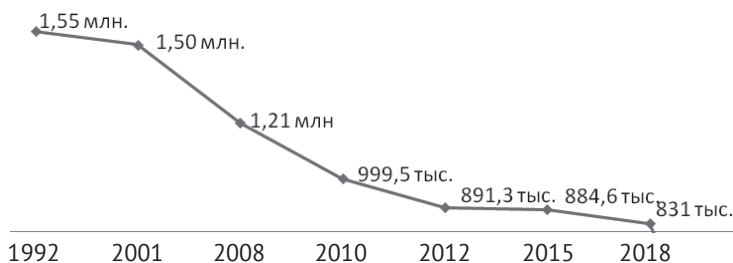
В этой связи следует отметить, что как среди ученых, так и практикующих юристов вопросы дифференциации уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки сегодня подвергаются активному обсуждению, что обуславливается необходимостью их социально-политической и правовой оценки с учетом характера и степени общественной опасности противоправного деяния и лица, его совершившего. Не менее актуальной в этой связи является и проблема объективизации криминологических реалий о состоянии преступности в целях удержания ее на социально терпимом для общества уровне.

При этом следует отметить, что еще до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В.Н. Кудрявцевым, Г.А. Кригером, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковским, М.Д. Шаргородским и рядом других ученых высказывалась идея выделения в уголовном законе уголовных проступ-

ков, которая нашла свое отражение при подготовке рабочей группой В.И. Курляндского проекта Кодекса уголовных проступков (1974 г.). В зарубежном законодательстве деление на преступления и проступки имеет место в большинстве стран (Испания, Франция, Германия, Польша и другие, как и в ряде государств бывшего СССР).

Сегодня с учетом развития общественных отношений, предусматривающих в том числе и гуманизацию уголовного законодательства, создались реальные условия для введения в российское законодательство категории уголовных проступков, необходимость чего вызвана:

во-первых, остающимся по-прежнему значительным числом лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, что связано с перенасыщенностью уголовно-правовых запретов в действующем российском уголовном законодательстве;

Число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам

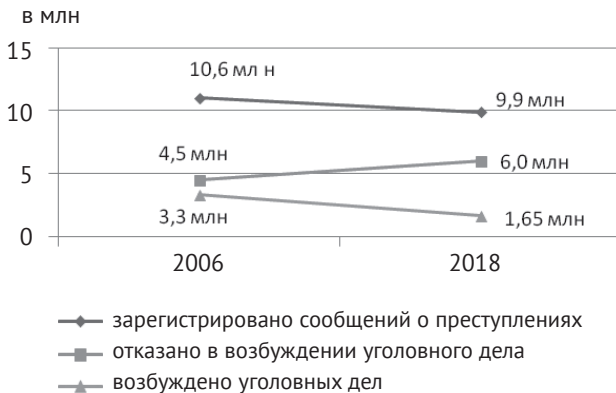
во-вторых, декриминализацией преступлений, характеризующей в целом смягчение карательной политики государства. Одновременно следует отметить, что перевод части преступлений в административные правонарушения негативно скажется на борьбе с некоторыми видами противоправных деяний (кражами, наркопреступлениями, преступлениями на бытовой почве, включая убийства);

в-третьих, наличием у миллионов российских граждан судимости, которая негативно влияет на ресоциализацию

осужденных, затрагивает их права на определенные профессии, устанавливает ограничения в бытовой сфере и т. д.;

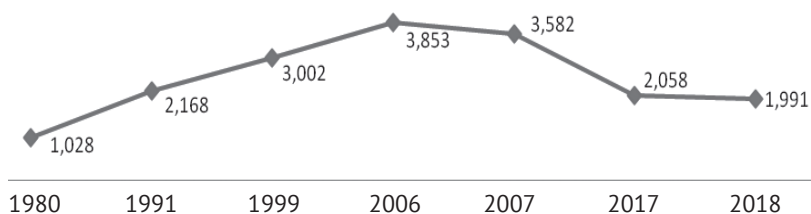
в-четвертых, тем, что введение понятия уголовного проступка создаст предпосылки для исключения закрепленного в ч. 2 ст. 14 УК РФ понятия деяния, в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, наличие которого сегодня в УК РФ порождает неоднозначную судебную практику. Так, Смирныховским районным судом Сахалинской области в силу малозначительности деяния оправдан гражданин П., незаконно выловивший рыбу (кету) в количестве восьми штук в местах ее нереста, чем причинил ущерб на сумму 4640 руб., тогда как в Иркутской области гражданин М. был осужден за вылов рыбы (окуня) в количестве 30 шт. (ущерб составил 510 руб.);

в-пятых, многократным снижением (с 1992 г. — почти в восемь раз) уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлении. Как следствие, из числа расследованных уголовных дел в суд ежегодно направляется не более 25–30 %;

Соотношение количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, возбужденных по ним уголовных дел и отказов в возбуждении уголовного дела

в-шестых, необходимостью восстановления на государственном уровне реальных показателей преступности. Например, в 2018 г. коэффициент преступности в России на 100 тыс. населения составил 1400 преступлений, в Германии, Франции, Италии он превышает среднероссийский в 4–5 раз, а в Швеции — в 8,5 раза, хотя для специалистов в уголовно-правовой сфере очевидно их несоответствие реальной безопасности личности и состоянию общественного порядка.

Количество зарегистрированных преступлений в 1980–2018 гг.

Приведенные сведения о количестве зарегистрированных преступлений за 1980–2018 гг., характеризующие «тренд» преступности, наглядно свидетельствуют о том, что каждые 10 лет количество зарегистрированных преступлений в России увеличивалось примерно на 1 млн, достигнув в 2006 г. показателя 3,853 тыс. преступлений. Однако начиная с 2007 г. уровень регистрируемой преступности резко пошел на убыль, составив в 2018 г. всего 1 млн 991 тыс. преступлений.

Тем самым возвращение в российское законодательство понятия уголовного проступка позволит разграничить преступность на две основные группы — преступления и уголовные проступки. Безусловно, более реалистичной станет и статистическая картина преступности.

Одновременно признание законодателем понятия уголовного проступка обуславливает необходимость разработки упрощенной (протокольной) формы их расследования.

3. О перспективах введения в УПК РФ протокольной формы расследования

Непосредственно постановка вопроса о расследовании в форме сокращенного дознания (введена Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ) была обусловлена двумя основными факторами:

первый заключается в не знающей аналогов в досудебном производстве стран с развитой системой уголовного правосудия заформализованности российского уголовного судопроизводства;

второй обусловлен введением в УПК РФ нормы-принципа (ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства»), что потребовало научного обоснования и законодательных предложений по сокращению процессуальных сроков расследования уголовных дел, и в первую очередь о преступлениях, обстоятельства которых очевидны (например, лицо задержано с поличным).

Сегодня срок предварительного следствия и последующего судебного разбирательства уголовного дела, по которому обвиняемый, подсудимый за совершение одного преступления содержится под стражей, составляет в среднем пять месяцев, а дознания — три месяца, что снижает эффективность уголовно-правовых мер в отношении лица, совершившего преступление, а также затрудняет реализацию потерпевшим своего конституционного права на доступ к правосудию и возмещение причиненного ему преступлением вреда.

С учетом указанных факторов полагаем возможным сокращенное дознание построить по принципиально иной схеме:

- форма расследования должна устанавливаться исключительно определенной уголовным законом тяжестью преступления;
- решение о производстве расследования должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование, и не должно зависеть от волеизъяв-

ления подозреваемого, потерпевшего, за исключением дел частного обвинения;

- при расследовании преступлений по сокращенным правилам доказывания обязательным условием является исключение стадии возбуждения уголовного дела;
- не менее актуальным является и значительное сокращение процессуального срока расследования уголовного дела.

С учетом приведенных выше обстоятельств предлагаются следующие процессуальные компоненты реально сокращенного дознания по уголовным делам:

1) расширение перечня преступлений, отнесенных к компетенции органов дознания, в том числе при введении в УК РФ понятия уголовного проступка;

2) расследование в сокращенной форме должно осуществляться в отношении конкретного лица при условии признания подозреваемым факта совершенного деяния, характера и размера причиненного вреда и согласия с правовой оценкой противоправного деяния;

3) принципиальное изменение формы расследования преступлений указанной категории, для чего необходим переход на протокольную форму, и в целях ее реализации — введение формализованного бланка протокола, в котором предлагается предусмотреть обязательные виды следственных действий, включая осмотр места происшествия, допрос подозреваемого, потерпевшего; изъятие вещественных доказательств; назначение судебной экспертизы только в случае её обязательного производства;

4) срок производства по такому уголовному делу ограничивается двумя сутками, что в условиях очевидности совершенного преступления (ежегодно не менее 250 тыс. таких деяний) и исходя из реальной практики расследования является вполне достаточным;

5) в целях обеспечения исполнения приговора подозреваемое лицо в обязательном случае задерживается в порядке ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов, что должно способство-

вать резкому сокращению числа лиц, находящихся в федеральном розыске (ежегодно 100 тыс.);

б) после направления прокурором уголовного дела в суд последний незамедлительно назначает судебное заседание и одновременно в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в данную норму незначительных изменений, продлевает задержание подозреваемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело.

Решение обозначенной масштабной задачи, на что направлены наши усилия, возможно при поддержке и непосредственном участии в этом проекте научного сообщества Института государства и права Российской академии наук.

Об авторе

Б.Я. Гаврилов — заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, специалист в области уголовно-процессуального и уголовного права, криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, автор около 500 научных работ, из них 13 монографий, включая семь личных, 24 учебника в соавторстве, три из которых неоднократно переиздавались, 114 статей в рецензируемых журналах из Перечня ВАК. Под его научным руководством подготовлены и защищены 25 кандидатских, и осуществлено научное консультирование по двум докторским диссертациям.

Является членом экспертного совета по праву ВАК, научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы, экспертных советов комитетов Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции и по делам женщин, молодежи и детей, трех диссертационных советов при Академии управления МВД России, членом редколлегии журналов «Российский следователь», «Труды Академии управления МВД России», «Публичное и частное

право» и др. Награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка».

Автором с учетом 30-летнего опыта правоохранительной деятельности (1995–2007 гг. — заместитель начальника Следственного комитета МВД России) было принято непосредственное участие в разработке ряда федеральных законов (от 09.03.2011 № 25-ФЗ и от 31.10.2002 № 133-ФЗ), а также в подготовке УПК РФ, принятие и реализация которых позволили: во-первых, снизить уровень уголовной репрессии: «число ежегодно заключаемых под стражу граждан в ходе предварительного расследования сократилось с 450 тыс. в 1998–1999 гг. до 91,5 тыс. в 2018 г.; во-вторых, обеспечить конституционное право на защиту с момента начала производства следственных и иных процессуальных действий в отношении лица, заподозренного в совершении преступления (Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ); в-третьих, исключить из УПК РФ квалифицирующий признак «неоднократность», что фактически восстановило действие ч. 1 ст. 50 Конституции РФ: «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»; в-четвертых, одновременно установить повышенную уголовную ответственность в отношении лиц, совершающих преступления «на профессиональной основе» (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ), а также при причинении существенного вреда государственным интересам и угрозе жизни и здоровью граждан (Федеральный закон от 29.07.2018 № 229-ФЗ).

Основные научные труды Б.Я. Гаврилова

1. Гаврилов Б.Я. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве : монография. М. : Московский психолого-социальный институт, 2003. 368 с.
2. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Мир, 2004. 528 с.

3. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография. М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2008. 208 с.
4. Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве : монография. М. : Академия управления МВД России, 2012. 368 с.
5. Гаврилов Б.Я. Институт дополнительного расследования: генезис, современное состояние, перспективы совершенствования : монография. М. : Академия управления МВД России, 2014. 280 с.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложениями решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В.Д. Зорькина. М. : Норма, 2006. 448 с.
7. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М. : Юрайт, 2017. 205 с.
8. Уголовный процесс / под ред. В.Н. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 490 с.
9. Правоохранительные органы России / под общ. ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 6-е изд., переработ. и доп. М. : Юрайт, 2018. 296 с.
10. Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 247 с.
11. Уголовное судопроизводство : монография / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 305 с.

© Гаврилов Борис Яковлевич

Керимов Александр Джангирович*

ПОРОКИ ДЕМОКРАТИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В своё время А. де Токвиль задался вопросом, который сам он, очевидно, считал риторическим: «Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами?»¹ И действительно, демократия, пожалуй, не отступила ни перед капиталистами, ни даже перед их верхним слоем — олигархами. Произошло, увы, нечто гораздо худшее, что с трудом поддаётся коррекции. Магнатам капитала удалось, если можно так выразиться, полностью приручить её, прибрать к рукам.

Умело овладев демократической идеологией, мастерски освоив соответствующие формы, приёмы и методы обретения и удержания власти, правящий класс идеально адаптировал их к реалиям потребительского общества, виртуозно приспособил к своим нуждам. Он **всецело подчинил себе демократию, поставил её на службу собственным интересам**, начисто лишив её всего ценного, безжалостно выхолостив её изначально задуманное благородное и высокое предназначение, беспощадно извратив её исконные бескорыстные смыслы. Демократическая республика удивительным, неожиданным и парадоксальным образом стала для

* Керимов Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор, начальник научного отдела Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М., 2000. С. 23.

буржуазии совершенно безопасным, абсолютно безвредным, более того, наиболее удобным способом существования.

Но почему же это сделалось возможным? На наш взгляд, основная причина кроется не столько в перманентно и энергично предпринимаемых буржуазией различного рода весьма грамотных действиях, ловких манипуляциях и всевозможных хитроумных махинациях, сколько в изначально заложенных в демократии недостатках сущностного порядка. Остановимся только на двух, наиболее значимых из них.

Первый недостаток демократии связан с **её содержательным наполнением**. Приходится констатировать, что **оно ничтожно**. Действительно, демократия, оказавшись изначально в плену у своего собственного доминантного, по сути, определяющего её признака или, если угодно, её руководящего принципа, а именно — волеизъявления большинства как достаточного и единственного основания для принятия решений и осуществления выбора, сразу же обнаружила свою **бессодержательность**. Ведь названный принцип суть принцип сугубо формальный, беззастенчиво отдающий вульгарным механицизмом, призывающий всегда и при всех обстоятельствах покорно склонять голову перед численным превосходством. А почитание, по сути, культ исключительно количественного начала, признание, по свидетельству Н.А. Бердяева, «власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдаёт её на растерзание количественного большинства»².

Демократия, таким образом, пугающе безразлична к качеству, его нравственному и интеллектуальному наполнению. Она вовсе не озабочена обнаружением далеко не всегда очевидной, а зачастую, напротив, сокровенной, глубинной направленности, целеустремлённой сосредоточенности всеоб-

² Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 466.

щей воли. Демократия, будучи изначально не обременённой никакой высокой целью или идеей, неуклонно и настойчиво стремится освободиться от любых духовно-нравственных ограничений. Для неё не существует никакого безусловно обязывающего её верховного императива, и в силу этого она нередко оказывается охвачена неуёмным желанием избавиться от каких бы то ни было культурных рамок, любых, в том числе ценных и апробированных практикой, социальных норм, традиций и обычаев, выработанных человечеством на протяжении многовековой истории его развития.

Демократия может в равной мере служить как добру, так и злу, как высокому, так и низкому, как прогрессу, так и регрессу. Определяемая П.И. Новгородцевым в качестве системы политического релятивизма, не признающего ничего абсолютного, при этом готового допустить всё — всякую политическую и хозяйственную организацию, демократия есть «всегда распустье; ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено»³. Иными словами, демократия **дозволяет, санкционирует и оправдывает буквально всё**. Порою создаётся впечатление, что при ней приемлемо и посему действительно возможно практически всё: любые, даже самые жестокие и аморальные правители, глубоко безнравственные аксиологические установки (а то и полнейшее отсутствие каких бы то ни было ценностных ориентиров), противоестественные и уродливые формы поведения и общения, беспрецедентно порочные и извращённые нравы и т. п. Современная эпоха постмодерна щедро предоставляет нам великое множество примеров, безоговорочно это подтверждающих.

Обращая мысленный взор на сущность демократической идеологии, мы вынужденно задаёмся вопросом: имеет

³ Новгородцев П.И. Демократия на распустье. София: проблемы духовной культуры и религиозной философии / под ред. Н.А. Бердяева [и при ближайшем участии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка]. Берлин, 1923. С. 103.

ли право на существование такая поистине парадоксальная идеология, которая, по сути, не обременена вообще никакой идеей? Может ли тогда названная идеология рассматриваться в качестве таковой, т. е. в принципе признаваться идеологией? Ведь она зиждется не на некоем рациональном базисе, а лишь на нелепой, ни на чём не основанной вере в то, что народная или общая воля, под которой подразумевается воля большинства, всегда и во всём заведомо добродетельна, безусловно высоконравственна и нацелена на достижение гармонии и справедливости. Но богатейший опыт нынешнего и предшествующих поколений неоспоримо свидетельствует о том, что это далеко не так.

Наше критическое отношение к демократии многократно усиливается по мере ясного осознания того, что названный её недостаток в полной мере вообще неустраним. Это понимают, скорее, инстинктивно чувствуют и её апологеты. Стремясь всеми силами максимально нивелировать описанный изъян демократии, они искусно изобретают и внедряют всё новые и новые её виды. Следует признать, что порой они достигают здесь некоторых незначительных успехов. О какой только демократии не писали и не пишут, какие только её модели и разновидности не обсуждались и не обсуждаются в научных, околонучных, политических и журналистских кругах! Но по большей части попытки приверженцев демократии приукрасить её, точнее, адаптировать к новым феноменам социально-экономической и политической жизни, к стремительно меняющимся реалиям общественного бытия всякий раз оказываются тщетными, терпят очередной крах. И это не удивительно. Ведь неизменным, можно даже сказать, незыблемым и при этом доминантным остаётся основной её принцип (отказ от него равносителен отказу от самой демократии), а именно принцип поклонения волеизъявлению большинства (управляемого, разумеется, меньшинством), начисто выхолащивающий любое живое содержание, позволяющий с лёгкостью, бездумно и ничтоже сумняшеся

в любых ситуациях освободиться от необходимости нравственного выбора, служения какой-либо вдохновляющей идее или высшей цели.

Описанный нами порок демократии неминуемо порождает следующий. Драматизм ситуации заключается вовсе не в том, что при демократии власть сосредоточена в руках меньшинства, иногда ничтожного меньшинства (ведь это неотъемлемый атрибут любого государственно организованного социума вне зависимости от сформировавшегося в нём политического режима), а в том, что меньшинство это вполне может оказаться и нередко оказывается ущербным с точки зрения уровня своего внутреннего, духовно-нравственного и интеллектуального развития. В этом и заключается второй существенный изъян демократии. Она отнюдь **не гарантирует того, что бразды правления непременно попадут в руки наиболее достойных представителей нации.**

Казалось бы, люди, будучи существами разумными и, безусловно, желающими себе исключительно блага, в состоянии обеспечить вхождение (путём выборов и иных демократических процедур) во властные структуры тех, кто наилучшим образом, то есть наиболее профессионально, рационально и справедливо, сможет руководить социумом. Но этого, к сожалению, не происходит. Зато зачастую происходит обратное. Н.А. Бердяев занимает в этом вопросе гораздо более радикальную позицию. Он вообще отказывает демократии в способности обеспечивать появление во властных структурах наиболее достойных представителей рода человеческого: «Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших»⁴. Как знать, может быть, он прав, ведь подавляющее большинство выдающихся государственных деятелей приходили к власти отнюдь не демократическим путём.

⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990. С. 441.

Общетеоретическое, философское основание, первопричину этого, условно говоря, второго недостатка демократии следует искать в своего рода её **априорной антиномичности**. В данном способе формирования, организации и функционирования государственной власти и соответствующей ему идеологии изначально заложено неразрешимое противоречие. Демократии имманентно присущи две цели, каждая из которых, по-видимому, в одинаковой мере может притязать на то, чтобы считаться первостепенной: стремление к наиболее разумному и справедливому решению или выбору и желание опять же во имя торжества справедливости непременно уравнивать всех членов социума в политической сфере, предоставить всем равные права при принятии решения или осуществлении выбора. Но люди, если иметь в виду их интеллект, нравственные качества, свойства характера, аксиологические установки и проч., далеко не равны и, кстати, никогда и никаким социумом не рассматривались и по сей день не рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных единиц. Предоставляя же неравным индивидам равные права, невозможно достичь ни одной из заявленных целей, а именно, во-первых, гарантировать разумность и справедливость решения или выбора, во-вторых, обеспечить соблюдение основополагающего принципа социальной справедливости: воздаяния каждому по заслугам.

Что же взамен демократии? Мы вовсе не предлагаем от неё полностью отказаться. Необходимо, сохранив её достижения и при этом нивелировав выявленные и другие несомненно имеющиеся её недостатки, сформировать во многом новую, постдемократическую, более совершенную политико-правовую и социокультурную модель. Для этого следует двигаться в двух направлениях.

Первое. Создать разветвлённую, многоуровневую, хорошо сбалансированную, действенную систему мер, нацеленную на обеспечение реального **участия в государственном управлении наиболее того заслуживающих представите-**

лей нации. Речь, по сути, идёт о меритократии, о том, чтобы люди, благодаря своим талантам и трудолюбию достигшие значительных высот в той или иной области общественной жизнедеятельности, те, кто, по общему признанию, составляет цвет нации, активно участвовали во власти, составляли её большинство.

В своих книгах мы предлагаем подобные меры. Приведём лишь один пример. Имеет смысл рассмотреть возможность учреждения наряду с традиционными и давно существующими политическими институтами: правительством, парламентом, органами правосудия и другими — специального органа — Государственного, Национального или Высшего Совета (название в данном случае не столь существенно), наделённого властными полномочиями исключительной важности. Речь идёт о том, чтобы предоставить этой вновь созданной специфической властной структуре право выступать в качестве последней инстанции при решении тех вопросов внутренней и внешней политики, которые имеют для страны в целом и каждого её гражданина в отдельности принципиальное, судьбоносное значение. Это предложение было выдвинуто нами ещё в 2007 г. в монографии «Современное государство: вопросы теории». И мы весьма рады, что оно было полностью воспринято КПРФ, левыми и национально-патриотическими силами. Об этом свидетельствует программа П.Н. Грудина «20 шагов Павла Грудина. Кандидат в президенты России обращается к каждому», которую он представил в ходе выборов главы нашего государства в 2018 г.

Решения по таким вопросам ни в коем случае не должны приниматься горсткой власть имущих, как это, к сожалению, происходит во всех современных демократиях, не исключая и наше государство. Напротив, в этом процессе должны самым активным образом участвовать те, кто, по общему признанию, составляет цвет нации, кто полагает свои силы и знания на общее благо и процветание Отечества, кто, по

выражению В. Махнача, воспитан «в категории ответственности перед всем социумом»⁵.

Именно из таких людей и следует формировать орган, условно называемый нами Государственным (Высшим, Национальным) Советом. Способы его формирования могут быть различны, исключая один — демократический, т. е. путём всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Достаточно того, что таким образом формируются нижние палаты парламентов и избираются, как правило, президенты.

Второе. Пожалуй, любые, даже самые разумные, научно обоснованные, подкреплённые тщательным анализом исторического опыта и сложившейся практики реформы в политико-правовой сфере по своей глубинной сути есть всё же преобразования, отмеченные односторонним увлечением сугубо внешней стороной дела. Какие бы то ни было новшества, направленные на модернизацию, повышение качества и эффективности государственного правления, территориального устройства, приёмов, способов и методов властвования, текущего законодательства и т. п., несут на себе отпечаток формализма, неизменно выдают излишнюю озабоченность формой в ущерб внутреннему содержанию. Они тем самым извечно обнаруживают (и всегда будут) свою второстепенную, вспомогательную роль в процессе устроения человеческого бытия. Они сами по себе, автоматически, без энергичного участия рефлексирующего, целеполагающего и действующего субъекта, призванного облагораживать, возвышать, наполнять трансцендентным смыслом и значением, словом, одухотворять всякое нововведение, не ведут к субстанциальным изменениям основ народной жизни.

Никакие усовершенствования политических, правовых и прочих институтов не повлекут за собой желаемых резуль-

⁵ Махнач В. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 2000. 23 ноября. С. 8.

татов, если только они не зиждутся на прочном нравственном фундаменте. Любые улучшения политической системы будут с течением времени сведены на нет, вульгаризированы и опошлены, если они не подкреплены твёрдой убеждённо-стью людей в их нужности, полезности и легитимности, не соответствуют их глубоко укоренённым личностным представлениям о должной организации и должном функционировании этой системы. Как абсолютно точно отмечает А.С. Панарин, «ни учреждения, ни материальные ресурсы не являются действенными, если они не сбрызнуты живой водой человеческой веры и энтузиазма»⁶.

По нашему убеждению, ни одна вновь создаваемая конструкция, претендующая на решительное искоренение изъянов существующих государственных форм, конституционного механизма той или иной страны, не станет надёжной, устойчивой и долговечной, если она не базируется на уходящей в глубь веков духовной культуре населяющих её этносов, культуре, которая «в современном обществе воспроизводит функции церкви: ей дано освящать и отлучать, возвеличивать и дискредитировать, поощрять и осуждать»⁷. Тысячелетиями формировавшаяся **духовная культура всегда главенствует над любыми сущими моделями общественного мироустройства**, над любыми наличествующими политико-правовыми институтами и структурами, в конечном счёте предопределяя их содержание, наполняя их подлинным экзистенциальным смыслом, вдыхая в них жизнь.

Иными словами, говоря предельно обобщённо и кратко, первостепенная роль, наибольшее значение в справедливом жизнеустройении, в обеспечении истинного социального прогресса, бесспорно, **принадлежит духовно-нравственному и интеллектуальному совершенствованию и самосовер-**

⁶ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 12.

⁷ Там же.

шенствованию как каждой отдельно взятой личности, так и всей их совокупной целостности.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к следующему выводу: для того чтобы исторгнуть изъяны демократии, освободиться от присущих ей слабых сторон, избавиться от её имманентных пороков и вместе с тем обеспечить действенность и эффективность представляющихся разумными и обоснованными существующих демократических механизмов, вовсе недостаточно изменения одних только внешних форм, т. е. реформирования тех или иных государственных и правовых институтов и структур. Необходимо прежде всего и главным образом **изменение индивида в направлении его глубинного, сущностного преобразования в духовно-нравственную, высокообразованную, интеллектуальную, социально ответственную личность, стремящуюся к постоянному внутреннему самосовершенствованию.** По сути, речь идёт о решении гигантской по своей важности, масштабности и сложности задачи — формировании в известном смысле **нового человека.** А это возможно достичь исключительно на пути всемерного развития образования, должного воспитания и просвещения. Отсюда следует, что в современных условиях именно культурно-просветительская функция государства должна выйти на передний план. Только тогда можно надеяться, что, пользуясь выражением В.О. Ключевского, капитал утратит политический вес, уступив здесь место науке и знанию, и наконец появится потрясающая возможность управлять обществом посредством именно этой силы⁸.

© Керимов Александр Джангирович

⁸ Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / под ред. В.Л. Янина. М., 1989. С. 241.

Кропачев Николай Михайлович*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЯСНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ

1. Определенность и недвусмысленность содержания правовой нормы выступает одним из важнейших принципов права. Правовые предписания должны быть выражены таким образом, чтобы каждый человек мог предвидеть последствия своего поведения, как правомерного, так и противоправного. Непредсказуемость правовой оценки, возможность прийти к разным выводам на основе одной и той же нормы ведет к произволу, ставит человека в зависимость от субъективного восприятия и эмоций правоприменителя, в результате чего нарушаются фундаментальные правовые принципы — равенство перед законом и справедливость. На эти обстоятельства не раз указывал в своей практике Конституционный Суд РФ¹ и Европейский суд по правам человека. Не будет преувеличением сказать, что определенность правовых предписаний отражает саму сущность права. Однако реализация этих требований на практике сталкивается с рядом сложностей. Поиск средств и способов обеспечения правовой определенности стал на многие годы основным предметом научных исследований автора, результаты которых были реализованы в прак-

* Кропачев Николай Михайлович — Доктор юридических наук, профессор, ректор СПбГУ.

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 N3-П, от 15.07.1999 N11-П, от 27.05.2003 N9-П, от 11.11.2003 N16-П, от 27.05.2008 N8-П, от 21.01.2010 N1-П, от 13.07.2010 N15-П.

тической деятельности Уставного суда Санкт-Петербурга и при организации работы сначала коллектива юридического факультета, а затем и всего Санкт-Петербургского государственного университета.

2. Первой областью поиска правовой определенности стала для автора проблема механизма уголовно-правового регулирования. В докторской диссертации «Механизм уголовно-правового регулирования» среди положений, вынесенных на защиту, прежде всего выдвигался и обосновывался тезис о том, что «в правовом государстве уголовное право должно выполнять роль социального института, обеспечивающего признание прав и свобод человека высшей ценностью, гарантирующего свободу и неприкосновенность чести, достоинства, имущественного благополучия человека от необоснованного применения мер уголовно-правового воздействия»². Поэтому в правовом государстве и регулятивные, и охранительные уголовно-правовые отношения должны строиться как отношения юридически равных сторон, которым гарантирован баланс прав, обязанностей и интересов. Господство права в современном обществе предполагает разворот от восприятия уголовного права только как правового института карательного рода к поиску в уголовном праве инструментов, гарантирующих, обеспечивающих защиту прав личности от необоснованного применения уголовно-правовых мер. При этом речь идет не об одной лишь правовой определенности. Защита прав не только жертв преступлений, но и подозреваемых, обвиняемых и подсудимых — важнейший тезис, который должен быть общим ценностным ориентиром, обеспечивающим реализацию основных принципов Конституции РФ 1993 г. и основ правовой системы современной демократической России.

Именно такой подход следует считать основным и в научной, и в практической деятельности автора. Он нашел свое

² Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 6.

отражение в публикациях, посвященных принципам уголовного права³. Регулятивная функция уголовного права в сочетании с базовыми принципами демократического права (в частности, принципом, по которому гражданам разрешено все, кроме прямо запрещенного) позволяет считать уголовный кодекс «Кодексом свободы», но только в том случае, если в нем четко очерчиваются границы запрещенного и тем самым гарантируется свобода и защита от необоснованного применения мер уголовно-правового воздействия.

3. Стремление обеспечить ясность и определенность уголовно-правовых запретов, которые должны сопровождаться принципом всеобщего дозволения любого поведения, не нарушающего эти запреты, можно считать главной задачей серии работ, посвященных проблемам уголовного права.

Как именно должна обеспечиваться правовая определенность в уголовном праве? Из законодательства и актов разъяснения закона должны исключаться положения, которые могут восприниматься как входящие в конфликт друг с другом. В ситуациях, когда продолжают действовать несколько противоречащих друг другу норм, классические правила разрешения коллизий между ними, такие как *lex specialis derogat legi generali*, в действительности не всегда способны обеспечить решение проблемы, а главное — при применении этих правил разные правоприменители могут приходиться к разным выводам. Такие принципы пригодны для экстраор-

³ Кропачев Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 6. С. 71–76; Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Действие принципа «гражданину дозволено все, что не запрещено законом» в сфере уголовно-правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 3. С. 43–47; Кропачев Н.М. Общие вопросы применения мер ответственности за преступления // Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. СПб., 1992. С. 356–413; Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.

динарных ситуаций, но не должны выступать постоянной, регулярной частью правовой системы.

Для правовой системы в целом определенность правового регулирования требует согласованности между разными отраслями права. Особенно важно это для уголовного права, которое содержит большое количество бланкетных норм. Значительный шаг к согласованности и определенности содержания уголовно-правовых норм был сделан, когда в СПбГУ было подготовлено издание Уголовного кодекса с официальными постатейными материалами⁴. Это издание позволяло увидеть всю полноту нормативного содержания кодекса, раскрывая значение понятий и институтов из нормативных актов других отраслей законодательства, обеспечивая определенность содержания уголовно-правовых запретов. Другие комментарии к Уголовному кодексу, существовавшие на тот момент времени, часто включали в себя субъективные размышления авторов (доктринальное толкование), разъясняющие содержание тех или иных терминов, которые на тот момент уже были однозначно определены в иных отраслях законодательства. В указанном комментарии было обращено внимание читателей на то, что толкование и применение специальных терминов, заимствованных уголовным правом из других отраслей, должно соответствовать нормам отраслевого законодательства (гражданского, трудового, административного и т. д.), а не существовать в отрыве от них, что делало такой комментарий в некотором смысле «официальным», а главное — придавало ему системный нормативный характер.

Такой научный подход позволил не только обеспечить создание реальных механизмов, повышающих стабильность и устойчивость правоприменительной практики, ясность и понятность соответствующих положений кодекса, но и сфор-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации с официальными постатейными комментариями : в 2 т. / Р.М. Асланов, Н.М. Кропачев, Н.И. Мацнев, И.В. Золотарев. СПб., 1994.

мулировать (в изданном в 1995 г. учебнике по Особенной части уголовного права)⁵ ряд новаций уголовно-правового регулирования. Некоторые из них были восприняты законодателем при издании нового Уголовного кодекса РФ 1996 г.

4. Для любой области права, в том числе уголовного, важнейшую роль играет практика толкования и применения правовых норм. Это заставило обратить внимание на особенности правоприменительной практики в нашей стране. Традиционно в отечественной юриспруденции не признавалась идея связанности суда ранее вынесенным решением (прецедентом), однако важная роль отводилась сформировавшейся судебной практике, т. е. последовательной линии толкования определенных законодательных положений. В этих условиях правовая определенность может быть обеспечена лишь тогда, когда судебная практика публикуется для всеобщего сведения; когда любой имеет возможность увидеть, какой общий подход формируется в судебных решениях, затрагивающих конкретный вопрос.

Первым шагом для обеспечения правовой определенности в этой части является открытость судов, доступность выносимых ими решений не только сторонам конкретного спора, но и любым заинтересованным лицам, в том числе экспертам. Инициированный автором еще в 1995 г. проект открытой публикации решений судов Санкт-Петербурга и Ленинградской области позднее был воспринят федеральным законодателем, обязавшим в 2008 г. публиковать все судебные акты. Когда этот проект начинался, важно было обосновать, что речь идет не просто об организационно-технических мерах, обеспечивающих доступность судебных решений, а о том, что любой судебный акт имеет значение не только для сторон конкретного судебного спора, но для всей правовой системы, формируя правоприменительную практику.

⁵ Уголовное право. Особенная часть : учеб. : в 2 ч. / Р.М. Асланов, Н.А. Беляев, А.И. Бойцов и др. СПб., 1995.

Изучение вопроса определенности норм регионального законодательства, проведенное в период с 2000 по 2005 г., показало, что уровень определенности содержания нормативных актов Санкт-Петербурга весьма низок и причина этого кроется не только в субъективном подходе судей к применению норм в реальных жизненных ситуациях, но и в расхождениях при понимании смысла использованных в нормативных актах понятий и словесных оборотов правотворцами на стадии разработки проектов документов. Например, было выявлено, что депутаты, голосовавшие за принятие Устава Санкт-Петербурга, по-разному понимают содержание конкретных принятых ими норм. Представители органов исполнительной власти также по-разному понимают содержание разработанных ими актов регионального законодательства. Таким образом, отсутствует определенность в понимании содержания норм уже на стадии правотворчества. Как показали исследования, и практика применения таких нормативных актов (не только судебная, но и органами исполнительной власти) оказалась в ряде случаев непоследовательной, противоречивой и непредсказуемой, делая невозможной реализацию принципов правового равенства и справедливости.

Аналогичные проблемы были выявлены также на уровне локального нормативного регулирования. Для их решения автором были разработаны и реализованы различные инструменты, направленные на формирование устойчивой и открытой практики применения локальных норм образовательного права в Санкт-Петербургском государственном университете. Теоретически обосновывался и проводился в жизнь принцип максимальной публичности как инструмента противодействия коррупции и способа совершенствования и повышения эффективности нормативного регулирования в сфере образовательных отношений.

Участие в работе по подготовке под руководством чл.-корр. РАН В.А. Мусина объёмного труда "Russian Law in

Brief. Digest for foreign investors”⁶, выдержавшего несколько переизданий на английском языке и переведённого на китайский язык, также преследовало, помимо прочего, реализацию задачи не только разъяснить иностранным инвесторам содержание правового регулирования экономической деятельности в России, но и содействовать формированию последовательной и заранее определённой практики применения таких норм российскими и зарубежными судами и другими правоприменительными органами.

Примерно в это же время в Санкт-Петербургском университете автором был инициирован масштабный проект мониторинга правоприменительной практики, ставший возможным именно благодаря широкому доступу к текстам решений судов. Эксперты СПбГУ, как с помощью обучающихся, так и самостоятельно, ежегодно анализируют несколько десятков тысяч судебных и иных правоприменительных актов; по итогам анализа подготовлены несколько десятков специальных экспертных заключений, они используются в ходе подготовки лекций и в научной работе⁷. В результате становятся видны пробелы и коллизии в нормативном регулировании, но главное — можно сделать вывод, какова логика правоприменителей при рассмотрении конкретных дел, как именно обычно интерпретируют нормы законов. Тексты экспертных заключений с 2011 г. публикуются для всеобщего

⁶ Musin V. A., Kropachev N. M. Russian law in brief: digest for foreign investors / ed. by J.M. Picker ; St. Petersburg State University, Faculty of Law; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, St. Petersburg branch. St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2011, 2012 (2nd ed.), 2013 (3rd ed.), 2014 (4th ed.), 2015 (5th ed.).

⁷ Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон. 2017. № 3. С. 103–115; Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике. СПб., 2018; Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Мониторинг правоприменения в СПбГУ // Закон. 2018. № 3. С. 67–75.

сведения на специальном сайте СПбГУ, и тем самым ученые, студенты и все граждане получают возможность понимать, какое именно содержание вкладывается в нормативные положения, в том числе запретительные и карательные. Доступность как самой правоприменительной практики, так и результатов ее обобщения и анализа позволила существенно повысить качество юридического образования, гарантируя студентам изучение не только «права в книгах», но и «права в жизни».

5. Один из важнейших механизмов обеспечения правовой определенности — публичность правоприменительной и особенно судебной деятельности; открытость и судебной власти, и всех других властных институтов принятия решений, которые затрагивают конкретных граждан. В этом отношении идея доступности и открытости касается всех социальных сфер, в том числе системы образования, здравоохранения, требует доступности и понятности языка любых официальных документов, а не только нормативных и судебных актов. Именно эта идея была сформулирована в ряде публикаций последних лет, включая посвящённые повышению качества юридического образования с учётом современных тенденций развития общества⁸, и на междисциплинарной основе стала последовательно развиваться и внедряться в практической деятельности СПбГУ.

⁸ Кропачев Н.М., Хохлов Е.Б. Юридическое образование в России: выбор пути // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2. С. 235–248; Кропачев Н.М., Попондопуло В.Ф., Филиппова М.В., Шевелева Н.А. Система высшего юридического образования в России: состояние и перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5. С. 4–20; Григорьев В.Ю., Кропачев Н.М., Павлов Р.В. Образовательные интернет-порталы: от ресурсного центра к учебно-методическому // Открытое образование. 2005. № 1. С. 54–59; Кропачев Н.М. Юридическим вузам нужна общественная аккредитация // Судья. 2010. № 1. С. 15–17; Кропачев Н.М. Юридическое образование в России сегодня нельзя назвать универсальным, однотипным и единым // Закон. 2014. № 1. С. 243–247.

Мониторинг практики применения федерального и регионального законодательства и нормативно-правового регулирования образовательных отношений в СПбГУ показал, что проблему определённости нормативно-правового регулирования нельзя решить только по результатам оценки механизмов нормотворческой и правоприменительной практики без герменевтического и феноменологического анализа проблемы восприятия юридических текстов гражданами. Из этого возник интерес автора к проблеме статуса и роли в обществе государственного языка.

Разумеется, тема изучения языка права не нова для отечественной науки. Были в этой области и междисциплинарные исследования. Например, еще в 1920-е гг. в Государственном институте по изучению преступности и преступника (сейчас это Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) совместными усилиями юристов, филологов, психологов изучались проблемы доступности и ясности языка закона, влияние этих факторов на поведение людей. Там же сформировалась научная школа во главе с А.С. Пиголкиным, известная своими работами по языку законов, которая продолжает развиваться и в настоящее время.

Междисциплинарные исследования в данной области, проводимые в СПбГУ под руководством автора, опираются на внушительный научный фундамент из самых разнообразных отраслей знания. Например, в области права — на классические работы Р. Иеринга, Н.И. Таганцева, Е.В. Васьковского, на труды уже упомянутого А.С. Пиголкина, Ю.А. Тихомирова, А.А. Ушакова, Д.А. Керимова, А.В. Полякова и многих других. Однако, кроме использования более совершенной фундаментальной базы, их отличает следующее: анализ текстов не только нормативных актов, но и судебных решений; объем массива исследуемых нормативных актов; использование в качестве предмета изучения других юридических документов, с которыми гражданам приходится сталкиваться чаще, чем с законами (договоры, завещания, согласия и проч.);

применение компьютерных способов обработки и анализа текстов.

В работах, изданных по результатам этих исследований, последовательно отстаивается тезис о том, что главная цель установления в какой-то стране государственного языка — обеспечить единство страны, создавая предпосылки для эффективного взаимодействия, общения, взаимопонимания. В трудах, посвящённых проблемам государственного языка⁹, не только выявляются цели формального придания определенному языку статуса государственного, но и анализируется организационно-правовой механизм реализации соответствующих правовых принципов и норм, обосновывается, что решение проблемы обеспечения посредством государственного языка единого пространства официальной коммуникации возможно лишь в условиях, когда будут четко определены те правила, соблюдение которых обязательно при использовании языка как государственного, а с другой стороны, однозначно и определенно будет очерчена сфера использования языка в качестве государственного.

Наши исследования убедительно доказали, что не только простое несоблюдение языковых правил вводит в заблуждение относительно содержания официальной информации (нормативных актов, судебных решений и т. д.). Чаще все-

⁹ Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С.А. Белова, Н.М. Кропачева. СПб., 2018; Белов С.А., Кропачев Н.М., Оленников С.М. Комплексный экзамен для иностранных граждан: есть ли разница между русским языком и русским языком как иностранным // Русский язык за рубежом. 2018. № 6. С. 106–111; Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон. 2017. № 3. С. 103–115; Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике. СПб., 2018; Baeva E.M., Belov S.A., Bondar V.A., Kropachev N.M., Latuha M.O., Orlova E.V. The Role of Language in the Communication Process Between Business and Government: Evidence from Russian Firms // Journal of East-West Business. 2018.

го проблема непонимания связана с проникновением профессионального жаргона и других социальных диалектов в официальные тексты, адресованные обычным гражданам, которые в соответствии с изданным в 2005 г. Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» (установившим правовые принципы и механизмы применения русского языка как государственного) должны составлять на государственном, т. е. общепонятном языке.

В результате наших исследований стало ясно, что практическое решение выявленных проблем требует уточнения сферы действия закона о государственном языке и формального признания за определенным толковым словарём роли нормативного источника для официальных документов. Это позволит более эффективно решать вопросы юридического и организационного обеспечения требований законодательства о государственном языке Российской Федерации, а также определенности содержания всех официальных документов, чтобы их язык был понятен большинству граждан, что является одним из важных условий реализации на практике принципов равенства перед законом и справедливости.

Библиография

1. Musin V. A., Kropachev N. M. Russian law in brief: digest for foreign investors / ed. by J. M. Picker; St. Petersburg State University, Faculty of Law; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, St. Petersburg branch. St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2011, 2012 (2nd ed.), 2013 (3rd ed.), 2014 (4th ed.), 2015 (5th ed.).
2. 俄罗斯法概要—外国投资者法律指南。作者:瓦列里·穆辛, 尼古拉·克罗帕切夫。出版社:中国人民大学出版社。出版时间:2015年08月
3. Белов С.А., Кропачев Н.М., Ревазов М.А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике. СПб., 2018.
4. Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С.А. Белова, Н.М. Кропачева. СПб., 2018.

5. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» : в 2 ч. Ч. 1: Доктринальный и нормативно-правовой комментарий / под общ. ред. С.И. Богданова, Н.М. Кропачева. СПб., 2009.
6. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.
7. Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006.
8. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. СПб., 2010.
9. Уголовное право. Особенная часть : учеб. : в 2 ч. / Р.М. Асланов, Н.А. Беляев, А.И. Бойцов и др. СПб., 1995.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации с официальными постатейными комментариями : в 2 т. / Р.М. Асланов, Н.М. Кропачев, Н.И. Мацнев, И.В. Золотарев. СПб., 1994.

© Кропачев Николай Михайлович

Курбанов Рашад Афатович*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Актуальность

Для современной эпохи развития человечества характерным является переход от глобализации к мультиполярному миру, в силу чего особое значение стали приобретать региональные интеграционные процессы, которые набирают силу не только в Европе или на постсоветском пространстве — интеграция на сегодняшний день характерна для всех регионов мира.

Преимущественно такие процессы обусловлены социогуманитарным фактором (общими связями, историческим прошлым, культурными или религиозными обычаями) и/или функциональным (геополитическим) фактором (в ряде случаев интеграционные группировки создаются в целях противопоставления уже действующим). Интеграция позволяет усиливать уже существующие экономические, политические и социальные связи и одновременно создавать новые

* Курбанов Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, Директор Института правовых исследований и региональной интеграции РЭУ им. Г.В. Плеханова.

форматы взаимоотношений, что не только оказывает общий стабилизирующий эффект в регионе, но и дает возможность противостоять внешним угрозам.

Исторические аспекты и новый регионализм

Вместе с тем было бы неверно говорить о регионализации как о явлении, характерном исключительно для современного мира. Исторически государствами всегда использовались различные формы объединения и взаимодействия в целях решения вопросов совместной безопасности, обороны, политической и экономической кооперации. Империи и союзернитеты, конфедерации и протектораты, содружества, унии и доминионы были на протяжении всего периода существования государственного устройства.

В Древнем мире существовала Римская империя. В период Средневековья были образованы Франкское государство, в период своего расцвета занимавшее большую часть Европы, Византийская империя и Арабский халифат. Новое время характеризовалось увеличением активности региональных процессов между государствами. Известны Кальмарская (1397–1523) и Иберийская (1580–1640) унии, конфедерации Соединенных Штатов Америки (1776–1777 гг. и 1788–1789 гг.), Швейцарский (1291–1848) и Германский союзы (1815–1866) и т. д.

Исключением не является и евразийский регион, где постоянно функционировали региональные объединения и государства. Золотая Орда, Империя Тимуридов, Русское царство, Российская империя, Закавказская Федерация, Советский Союз, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организация Варшавского договора — это только некоторые исторические примеры.

Новая волна активности региональных процессов на мировом уровне пришла на конец XX — начало XXI в., политические процессы породили большинство региональных объединений государств.

В настоящее время в мире функционирует более 200 международных региональных объединений (МРО), различных по сферам взаимодействия, по правовому статусу, по характеру принимаемых актов и т. д.

В доктрине такая всемирная тенденция объединения получила название *нового регионализма*, в условиях которого наблюдается тенденция усиления роли интеграционных альянсов в противостоянии государств.

Зарубежные исследователи выделяют в своих исследованиях разные подходы к классификации этапов региональной интеграции.

Традиционно отмечается «старый регионализм», который просуществовал в период «двухполярного мира», и «новый регионализм», который образовался после распада социалистического блока и СССР (1945–1990 гг.).

Рассмотрим особенности современных этапов регионализации.

- **Интенсивность:** если в период «раннего» регионализма (1900–1944 гг., за 44 года) было создано шесть объединений, то в период «старого регионализма» (1944–1990 гг., за 46 лет) уже более 60, а в период «нового регионализма» (конец 1980-х гг. — начало 1990-х гг. до н. в., за 27 лет) уже более 130.
- **Разносферность:** современные интеграционные процессы, в отличие от «старого регионализма» (имел узкую направленность на преференциальные торговые соглашения и альянсы безопасности), стали включать в себя сотрудничество стран практически во всех сферах общественной жизни, в т. ч. и в таких важных направлениях, как экология, безопасность, борьба с терроризмом, коррупцией и т. д.
- **Разновекторность:** в ряде регионов государства являются одновременно участниками нескольких международных региональных объединений, отличных как по сферам дея-

тельности, так и по целям создания, причем эти организации могут представлять собой конкурирующих игроков на международной арене.

- Разноформатность: государства-участники в современных условиях перестали ограничиваться формальными межгосударственными интеграционными объединениями, возросла роль и значение деятельности региональных сообществ, не обладающих международной правосубъектностью (саммиты, форумы, программы и т. д.).
- Межпарламентское взаимодействие: из существующих сейчас в мире порядка 52 межпарламентских региональных организаций только одна (Парламентская ассоциация Содружества 1911 г.) была создана в начале века, 12 — в период старого регионализма, а 39 — в период нового¹.
- Трансформация термина «регион»: развитие межрегиональных связей, трансформация значения термина «регион», возможность образования его на функциональной основе, т. е. между странами, расположенными в разных регионах, но имеющими общие внешнеполитические/ внешнеэкономические доктрины, создание мегарегионов стало отличительными особенностями современного этапа регионализации.

В качестве таких *интеграционных мегапроектов можно рассматривать* Евро-Атлантический, Евразийский регионы (идеи Большого Евразийского партнерства), проекты по созданию Трансатлантического союза, идеи «арабского единства» на Ближнем Востоке и в Северной Африке (Лига арабских государств), процессы по созданию Южнотихоокеанского союза в Океании и региональные проекты в Восточной и Южной Азии (в перспективе Восточноазиатский и Южноазиатский союзы). Следует также учитывать интеграционное

¹ Первое Совещание спикеров парламентов стран Евразии (ССЕА) было проведено в г. Москве, Россия, 19–20 апреля 2016 г.

взаимодействие в Африке (Африканский союз и др.), в Латинской Америке (МЕРКОСУР, УНАСУР, Карибское сообщество и др.), в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одной из особенностей нового регионализма является усиление конкуренции между интеграционными альянсами.

Среди исторических примеров подобного противостояния в Евразии можно назвать функционирование Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора.

ЕАЭС с момента создания стали противопоставлять ЕС, при этом развернулась конкуренция между ЕС и ЕАЭС относительно вопроса расширения и присоединения новых членов. Так, проект ЕС «Восточное партнерство» направлен на развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Следует отметить, что украинский кризис продемонстрировал необходимость решения вопроса по укреплению межгосударственных связей стран евразийского региона. И, как представляется, в этом решении должна быть заинтересована не только Россия, но и страны, на которые обращено внимание ЕС, более того, именно они могут пострадать в первую очередь, повторив в той или иной степени сценарий Украины.

Понятие и виды региональной интеграции

Региональные процессы не остаются без внимания ученых различных направлений науки², в том числе и юри-

² См. подробнее труды Е.Т. Байльдинова, Ю.А. Борко, О.В. Буториной, Н.А. Васильевой, Е.Ю. Винокурова, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, В.М. Давыдова, А.В. Дмитриева, В.В. Журкина, С.А. Караганова, В.Н. Кокошина, А.А. Коньшев, А.В. Кузнецова, М.Л. Лагутиной, Н.И. Лапина, А.М. Либмана, А.Н. Михайленко, В.В. Михеева, Е.И. Пивовара, С.В. Рязанцева, Э.Е. Обминского, А.Н. Спартака, В.С. Степина, А.В. Торкунова, Ж.Т. Тощенко, Г.И. Чуфрина, Ю.В. Шишкова, Н.П. Шмелева, В.В. Штоль и др.

стов³, которые применительно к описываемым процессам используют такие понятия, как «интеграция», «глобализация» и «регионализация», вкладывая в них различный смысл, что в первую очередь обусловлено их относительной новизной и не вполне определенной правовой природой.

Доктринальный анализ предлагаемых определений интеграции, глобализации и регионализации позволил прийти к выводу о том, что интеграция отражает в целом все процессы как глобализации, так и регионализации, является их отличительным признаком, их неотъемлемой частью. Они соотносятся как причина и следствие, так как процессы глобализации и регионализации ведут к интеграции государств.

На основании проведенного анализа *под региональной интеграцией следует понимать сотрудничество стран определенного географического или функционального (общность доктрин и целей) региона посредством создания региональных объединений (как обладающих международной правосубъектностью, так и не обладающих ею — форумы, саммиты и т. д.) в целях развития и укрепления экономических, военно-политических, социальных и иных связей, а также достижения единых целей на основе принципов добровольности, в процессе которого происходит взаимопроникновение национальных интересов, а также сближение различных структур государств.*

Поскольку региональная интеграция представляет собой довольно сложное синергетическое явление, в доктрине предложены различные классификации ее видов. Прежде всего, это *глобальная, межрегиональная и региональная (субрегиональная) интеграция*. Существует также градация видов региональной интеграции, в результате выделяют *комплексную интеграцию*, трактуемую как интеграцию в узком

³ См. подробнее труды К.А. Бекяшева, Д.С. Боклан, Г.М. Вельямина, Н.Г. Дорониной, А.Я. Капустина, С.Ю. Кашкина, Ж.М. Кембаева, И.М. Лившиц, И.И. Лукашук, А.Л. Маковского, Т.Н. Нешатаевой, О.И. Тиунова, В.Л. Толстых, Т.Я. Хабриевой, В.М. Шумилова, Л.М. Энтина, Г.Г. Шинкаревой и др.

смысле (применительно только к Европейскому союзу); *не-комплексную*, реализуемую, к примеру, в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН и др.); и *координационную*, которую можно наблюдать на примере консультационного взаимодействия (программы, форумы) различных региональных структур — форум Европейский Союз — МЕРКОСУР, Азиатско-европейский форум (АСЕМ) и т. д. СЛАЙДЫ

Однако представляется более целесообразным классифицировать интеграцию в зависимости от сфер интеграционных процессов на *экономическую, военно-политическую, социальную и правовую интеграцию*, при этом сформулировав определения и уровни стадийности каждого из данных видов (от наиболее простой формы — сотрудничества — к наиболее высшим уровням — созданию союзов).

Понятие Евразийского пространства

Что же следует понимать *под «евразийским пространством»*? Общеприняты определения его в широком смысле как «Евразийский континент от Лиссабона до Владивостока» и в узком смысле как евразийское «постсоветское пространство». Однако «Евразийское пространство» в современном понимании — это пространство «евразийского полюса» (Большое евразийское пространство) (территория, охватываемая функционированием евразийских региональных и субрегиональных организаций, объединённых не только общим географическим и социальным, но и функциональным признаком — общностью интересов и целей). Оно должно определять политико-географические пределы сотрудничества евразийских стран, в т. ч. пространственные рамки деятельности евразийских объединений (в частности, ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и другие, в том числе и такие мегапроекты, как «Один пояс — один путь», реализуемые в рамках Большого евразийского партнерства и др.). Именно третий подход представляется наиболее рациональным.

Особенности евразийских интеграционных процессов

Анализ исторических примеров евразийской интеграции во многом объясняет их современный уровень и собственный, отличный от иных регионов, путь развития. В настоящее время в евразийском регионе действует порядка 30 объединений с различным правовым статусом, разнообразным составом участников и с различными приоритетными целями, созданных как с участием РФ, так и без нее. На основе анализа их деятельности выявлены и определены *социогуманитарный и геополитический (функциональный) факторы*, определяющие особенности евразийской интеграции и влияющие на них.

Одна из отличительных особенностей интеграции на евразийском пространстве состоит в исторически налаженных связях, едином историческом прошлом, общности культурных, социальных, образовательных, языковых и иных аспектов. Такой исторический «багаж» не мог не сказаться на особенностях интеграции бывших советских республик на современном этапе.

Вторая особенность интеграционных процессов на постсоветском пространстве заключается в особых факторах, послуживших причиной для объединения ряда стран в целях решения геополитических (и/или геоэкономических) проблем.

Евразийские объединения можно условно разделить на несколько групп.

Объединения с участием РФ, образующие фундамент формирующейся архитектуры евразийской интеграции: СНГ, Союзное государство Беларуси и России (СГ), ЕАЭС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совет по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Здесь же следует выделять евразийские мегапроекты, например экономическую инициативу ЕАЭС и Китая «Один пояс — один путь», реализуемые в рамках Большого евразийского партнерства.

Объединения с участием РФ (организаций или регионов РФ), представляющие из себя региональные площадки для реализации тех или иных насущных инициатив: Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Саммит каспийских государств⁴, Евразийский исламский совет (ЕИС)⁵, Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ)⁶, саммиты БРИКС, РИК (Россия — Индия — Китай) и РКМ (Россия — Китай — Монголия), формирующиеся форматы АИР (Азербайджан, Иран, Россия) и РТИ (Россия, Турция, Иран).

Следует выделять объединения, созданные без участия РФ, основной курс которых направлен на интеграционные процессы со странами ЕС и США: Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), Содружество демократического выбора (СДВ), программа «Восточное партнерство» (ЕС).

Объединения (без участия РФ, но с участием постсоветских стран — партнеров РФ по другим евразийским структурам), основанные на территориально-этническом признаке: Организация экономического сотрудничества (ОЭС)⁷, Совет сотрудничества тюркских государств; (ССТГ, Тюркский совет)⁸, саммит Азербайджан — Грузия — Турция (АГТ), ре-

⁴ Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран, Азербайджан.

⁵ Совет с 1995 г. создается Управлением по делам религии Турции и контролируется президентом Турецкой Республики. Актуальные вопросы обсуждают более 120 муфтиев и имамов из 33 стран мира, в т. ч. из России, Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Грузии, Хорватии, Казахстана, Черногории, Турции, Швеции, Германии, Бельгии, Франции и т. д.

⁶ В качестве стран-наблюдателей к договору присоединились субъекты Российской Федерации: Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Тува, Республика Хакасия.

⁷ Иран, Афганистан, Турция, Пакистан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан и Киргизия.

⁸ Киргизия, Азербайджан, Казахстан, Турция.

гиональные программы СПЕКА и ЦАРЭС⁹, направленные на углубление экономической интеграции стран региона.

Ряд объединений имеют узкопрофильную направленность: Евразийская патентная организация (ЕАПО), Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ); Международная ассоциация академий наук (МААН).

Отдельно существует сообщество «За демократию и права народов» (Содружество непризнанных государств (СНГ-2)), которое было создано в 2006 г. (участники: Республика Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика и Республика Южная Осетия).

Межпарламентское сотрудничество: ряд межпарламентских структур, созданных на евразийском пространстве, функционируют как в рамках региональных объединений (Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ, Парламентская ассамблея ОДКБ, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России, Парламентский форум стран БРИКС, Парламентская ассамблея тюркоязычных стран и др.), так и в качестве самостоятельных структур (форум Сопредседателей спикеров парламентов стран Евразии).

Четвертой особенностью евразийских интеграционных процессов является то, что страны используют собственные модели взаимодействия в различных сферах. Так, социальное направление развивается в рамках Союзного государства, а экономическая сфера стала основным аспектом взаимодействия в рамках ЕАЭС, при этом сотрудничество в военно-политической сфере активно развивается в рамках как Союзного государства, так и ОДКБ. Вместе с тем зона свободной торговли начала функционировать в рамках другой региональной организации — СНГ.

⁹ Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС),

При этом все эти объединения кардинально различаются по уровню этого взаимодействия.

Среди вышеуказанных объединений есть как структуры, обладающие международной правосубъектностью, присущей классическим международным организациям (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и т. д.), так не обладающие ей и работающие в форме форумов, саммитов, партнерств, региональных программ и т. д. Следует особо отметить статус Союзного государства как межгосударственного объединения, не подпадающего под «классические» интеграционные формы.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время интеграционные процессы на евразийском пространстве приобретают все более сложные взаимозависимые формы и им присуща не только *разноскоростная и разноуровневая, но и разноформатная, разносферная и разновекторная интеграция.*

Формирование евразийского права

С возникновением новых отношений, которые требуют соответствующей регламентации, система права постоянно пополняется новыми отраслями и подотраслями права, его институтами и нормами, что в целом делает ее более эффективной. На сегодняшний день, и в этом нет никаких сомнений, одним из приоритетных направлений развития юридической науки должно стать евразийское право.

Стремительность и особенности евразийской интеграции, оказываемое ею влияние на национальное законодательство стран, а также внушительный вклад исследователей и ученых в развитие теоретических знаний о глобализации, регионализации и интеграции в целом позволяют говорить о начале процесса формирования в системе современного российского права нового блока — евразийского права.

Разумеется, евразийская интеграция несвободна от проблем, на которые указывают как деятели либерально-рыноч-

ной, так и государственнической ориентации. К проблемам правового характера относится практически полное отсутствие интеграции на макроуровне, различие подходов к законотворчеству, в рамках евразийской интеграции не представляется возможным говорить даже об унификации коллизионных норм, а юридическая сила актов органов ЕАЭС существенно отличается от решений органов СНГ или Союзного государства Беларуси и России. Россия, Казахстан, Киргизия и Армения являются членами ВТО, тогда как Беларусь не связана ограничениями этой организации.

Однако, поскольку в новых геополитических и геоэкономических условиях перед Российской Федерацией стоят задачи развития новой многовекторной политики, представляется, что этот блок будет играть не последнюю роль в данном вопросе.

Следует учитывать, что на сегодняшний день в интеграционные процессы вовлечены практически все государства мира, в т. ч. на Американском континенте, в Европе, Евразии, Африке, Азии и Океании. При этом при создании и функционировании региональных объединений происходит смешение существующих правовых систем, создаются новые правовые пространства, включающие в себя элементы различных правовых систем, различных правопорядков.

Исходя из анализа их деятельности, следует отметить, что в настоящее время на стадии формирования находится не только евразийское право, но и европейское право, региональное право Азии и Океании, Африканское право, американское право. Необходимо также выделять блок норм, регулирующих межрегиональное взаимодействие, к примеру, в рамках саммитов ЕС — Африка, Азиатско-европейский форум (АСЕМ) и др.

Учитывая, что и евразийское право в настоящее время находится только на стадии формирования, с уверенностью можно лишь утверждать, что оно является составной частью международного права.

Предмет евразийского права как составной части международного права представляет собой достаточно сложную структуру отношений. На евразийском пространстве функционирует более 30 региональных объединений, которые различны по степени (глубине) интеграции, сферам взаимодействия стран в рамках каждой из них, по наличию или отсутствию постоянно действующих органов и по иным не менее принципиальным вопросам, что требует относительно обособленного правового регулирования.

Таким образом, *евразийское право* — это часть международного права, регулирующая комплекс общественных отношений евразийских государств (и или региональных объединений) по созданию и ликвидации региональных объединений; отношения созданных региональных объединений с государствами (региональными объединениями) — его участниками; *внутриинституциональное взаимодействие*.

Субъектами евразийского права являются функционирующие в регионе международные региональные объединения и евразийские государства. Источники евразийского права подразделяются на *источники первичного права* регионального объединения и на *источники вторичного* (производного) права.

В евразийском регионе действует порядка 30 интеграционных объединений, при этом РФ не является участницей некоторых из них. Однако региональные акты тех организаций, в которых Россия выступает полноправным членом, являются частью ее системы законодательства.

Как представляется, потенциал евразийского права также можно использовать в регулировании отраслей, находящихся в правовом вакууме. Типичным примером являются цифровые технологии. Именно в этой отрасли евразийское право может стать наднациональным.

Даже при рассмотрении возникновения такой умозрительной конструкции, как «всемирное право», при котором даже при идентичности текстов правовых норм их понима-

ние, толкование и применение все равно будут различаться, на пути к нему неминуем этап унификации и гармонизации правового регулирования на региональном уровне. Исключением не является и евразийский регион.

Говоря о направлениях развития евразийской интеграции в целом, следует исходить из того, что какие-либо четкие правила для принятия объективных решений отсутствуют, в силу чего можно предложить только идеологические сценарии перспектив развития региона в условиях кризиса современных международных отношений.

Наиболее перспективным видится реализация регионального проекта Большой Евразии, в основе которого лежат различные теории евразийства. Основой может стать ЕАЭС в качестве связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Являясь в первую очередь экономическим интеграционным образованием, ЕАЭС способен стать ядром интеграционной архитектуры евразийского региона, что никак не умаляет в ее построении роли таких интеграционных проектов, как СГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, СНГ и т. д., чей опыт и достигнутые договоренности будут только способствовать достижению единой цели — построению Большой Евразии. А развитие евразийского права в этом контексте будет способствовать развитию многополярности, повышению роли евразийского полюса, продвижению и пропаганде в мире евразийских ценностей.

© Курбанов Рашад Афатович

Любимов Алексей Павлович*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Государственное строительство и развитие российского парламентаризма

Основные научные результаты автора на начальном этапе связаны с конституционным правом¹, актуальными вопросами государственного строительства и развития российского парламентаризма².

* Любимов Алексей Павлович — доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра международного права Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, заместитель председателя Научного совета при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, член Российского философского общества РАН.

¹ Любимов А.П. Конституция Российской Федерации: проблемы и вопросы толкования // Представительная власть — XXI век. 2003. № 6. С. 15–17; Любимов А.П. Конституция Российской Федерации. Альбом таблиц и схем. М., 1998. 142 с.; Любимов А.П. 15 лет Конституции Российской Федерации // Представительная власть — XXI век. 2008. № 8. С. 8–9; Любимов А.П. 20 лет Конституции РФ // Представительная власть — XXI век. 2013. № 7–8. С. 14–17.

² Любимов А.П. Представительная власть. Этапы большого пути // Представительная власть — XXI век. 2006. № 2. С. 9–10; Любимов А.П. Принципы правовой этики государственных служащих и других должностных лиц // Представительная власть — XXI век. 2007. № 6. С. 11–15; Любимов А.П. Проблемы конструктивности парламентской службы // Представительная власть — XXI век. 2002. № 4. С. 3–4.

Показаны роль и место российского парламентаризма в системе органов государственной власти (парламентское право как подотрасль конституционного права).

Российское парламентское право — сложившаяся подотрасль конституционного права России со своим предметом регулирования, которой в последнее время уделяется значительное внимание.

Настоящее исследование является попыткой системно объединить и проанализировать основные источники парламентского права после принятия новой Конституции Российской Федерации 1993 г.

Парламентское право в России развивается в сложных условиях. Парламент в России находится под постоянным прессингом со стороны различных высших должностных лиц государства и средств массовой информации. Согласно новой Конституции Российской Федерации, парламент России потерял целый ряд полномочий, позволяющих контролировать органы государственной исполнительной власти. Тем самым был нарушен баланс разделения власти. А ведь еще в XIX в. Б.Н. Чичерин писал: «Парламентское правление служит признаком политической зрелости народа»³.

Вместе с тем Конституция Российской Федерации имеет некоторые пробелы, отсылки к федеральным законам, которые приняты позже (или еще не приняты вовсе); ее отдельные положения нуждаются в толковании Конституционным Судом Российской Федерации.

В определенном смысле парламентское право показано через иерархию нормативных правовых актов.

В дополнение к Конституции Российской Федерации, федеральным законам и другим правовым актам решения Конституционного Суда Российской Федерации развивают основы парламентского права. И это очень важно, так как это делается одной из основополагающих ветвей власти — судебной.

³ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1996. С. 175.

Важное значение среди источников парламентского права имеют регламенты палат, которые устанавливают внутреннее устройство и органы Совета Федерации и Государственной Думы, определяют общий порядок работы палат, законодательную процедуру и вопросы, отнесенные к ведению Совета Федерации и Государственной Думы. Отдельно выделены в регламентах палат раздел по внешнеполитическим вопросам и международному сотрудничеству, а также раздел «Обращения в Конституционный Суд Российской Федерации». В настоящее время действуют два регламента: Регламент Совета Федерации и Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Большую роль играют также постановления Совета Федерации и Государственной Думы. Палаты российского парламента принимают постановления по вопросам, отнесенным Конституцией Российской Федерации (ст. 102, 103) к их ведению. Совет Федерации и Государственная Дума часто используют это право. Иногда складывается впечатление, что палаты выходят за пределы своих полномочий. Во всяком случае, однозначного мнения юристов ни по этому вопросу, ни относительно этого вида актов палат не существует.

Определено понимание этики взаимодействия бизнеса и власти⁴ (выборы, лоббизм, парламентаризм⁵).

Исследованы актуальные проблемы систематизации российского законодательства⁶ (серия из пяти книг по систематизации российского законодательства в соавторстве).

⁴ Любимов А.П. Этика парламентария и нравственность законов // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). М., 2010. № 1. С. 17–41; Любимов А.П. Парламентская этика и нравственность законов // Представительная власть — XXI век. 2007. № 5. С. 10–14.

⁵ Любимов А.П. Об общественном (публичном) контроле за компьютерным подсчетом голосов во время выборов // Законодательство. 1998. № 11. С. 69–76.

⁶ Калинин А.Ю., Любимов А.П. Социология процессов правообразования в современной России. Коломна, 2016. 355 с.

Показано развитие философии права в единстве её мировоззренческих основ, теоретического содержания и программных требований. Особое внимание уделено развитию и обоснованию философских идей демократии и прав личности, проблеме соотношения социальных и общечеловеческих начал в философии права, классическим и современным вопросам философии права, правотворчеству, правовому обществу и перспективам его формирования в России, природоподобным возможностям права, философии искусственного интеллекта, электронной демократии, правовой информации и правовой кибернетике, тенденциям развития мирового и международного права и др.⁷

2. Конституционно-правовое исследование возможностей формирования лоббистских правоотношений в Российской Федерации

Впервые в российской юридической литературе проведено конституционно-правовое исследование возможности формирования лоббистских правоотношений в российском обществе с антикоррупционных позиций⁸, раскрыта природа, значение и смысл политических правоотношений с учетом

⁷ Любимов А.П. Философия права. М., 2019. 257 с; Любимов А.П. Тенденции развития мирового права. Интервью со всемирно известным американским профессором Г.Дж. Берманом // Представительная власть — XXI век. 2003. № 1. С. 3–4; Любимов А.П., Ефимова Л.Л. Международные организации, хрестоматия / Московский гуманитарный университет, Юридический факультет. М., 2005. 400 с.; Любимов А.П., Михайленко А.Н. Правовые основы функционирования Содружества Независимых Государств. Хрестоматия : учеб. пособие для гуманитарных вузов. М., 2005. 300 с.

⁸ Любимов А.П. Формирование лоббистских правоотношений в российском обществе: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 40 с.; Любимов А.П. Сколько еще будет процветать теневой лоббизм // Представительная власть — XXI век. 2001. № 1. С. 5–6; Любимов А.П. Актуальные вопросы лоббизма в Парламенте России // Представительная власть. 1997. № 10. С. 81–92.

институтов гражданского общества, обоснована необходимость законодательного регулирования лоббистских отношений в интересах социального и правового государства⁹, гражданского общества¹⁰ и российского бизнеса (малого, среднего и крупного).

Термин «лоббизм», или «лоббирование» (от англ. lobby — кулуары), пришел к нам из Америки, где возникла система агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих воздействие на законодателей и должностных лиц с тем, чтобы те приняли в их интересах определенный закон или решение.

Впоследствии технологии лоббирования стали применяться и в сфере властных отношений не только в США.

Лоббирование в парламенте России имеет свои особенности. В связи с тем что парламент занимается законодательной деятельностью, лоббирование возможно в виде продвижения (проталкивания) определенного законопроекта или отдельных поправок к нему. Кроме того, имеется возможность использовать в целях лоббирования запросы и письма депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации в различные федеральные органы государственной власти. Немаловажен в лоббистской деятельности и личный контакт с депутатом Государственной Думы или членом Совета Федерации: при личном знакомстве с парламентарием можно определить, поддержит ли он необходимый законопроект и сможет ли повлиять на его продвижение.

Лоббирование законодательного предложения или законопроекта в палатах парламента, как правило, начинается с поиска сторонников (единомышленников) среди депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации.

⁹ Любимов А.П. Примерные рекомендации по подготовке законопроектов // Представительная власть — XXI век. М., 2000. № 2–3. С. 18–33.

¹⁰ Любимов А.П. Политико-правовая основа электронной демократии и культуры в России // Философские науки. 2017. № 2. С. 79–88.

После того как они найдены, один парламентарий или группа депутатов, иные субъекты права законодательной инициативы (а их, согласно ст. 104 Конституции РФ, более 700) вправе внести предложенный законопроект в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу. Истинными разработчиками и идеологами законопроекта выступают, как правило, не сами лоббисты, а те, кто заинтересован в принятии именно такого закона (часто этот интерес отражает содержание законопроекта или иного правительственного решения).

Особые возможности при лоббировании определенных вопросов в нижней палате парламента имеются у депутатских объединений — фракций и депутатских групп.

Депутатские объединения могут высказывать возражения против поправок, рекомендуемых ответственным комитетом для внесения в текст законопроекта, рассматриваемого во втором чтении. Уже в ходе обсуждения законопроекта на заседании Государственная Дума заслушивает выступления представителей депутатских объединений. В ходе заседания Государственной Думы возникают регламентные «тупики». В связи с этим фракции и депутатские группы могут вносить предложения об изменении и дополнении Регламента Государственной Думы, которые включаются Советом Государственной Думы без голосования в календарь рассмотрения вопросов Государственной Думой и рассматриваются ею во внеочередном порядке.

Федеральный закон о регулировании лоббистской деятельности до сих пор не принят, что затрудняет чистоту законодательного процесса.

3. От методологии искусственного интеллекта к национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта

В Институте философии РАН и Отделении общественных наук (ООН) РАН на протяжении 15 лет работает научная школа по методологии искусственного интеллекта и когнитивным ис-

следованиям, которая оказалась сверхвостребованной. Пять лет назад автору настоящего доклада удалось присоединиться к данному проекту — Совету по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, а в 2019 г. создать секцию «Право и искусственный интеллект», ориентированную на научные исследования по проблемам международно-правового регулирования искусственного интеллекта, а также на проведение анализа зарубежного и российского опыта.

Развитие искусственного интеллекта становится ключевым направлением национальной политики значительного числа государств и интеграционных объединений. Так, в течение последних нескольких лет национальные стратегии по содействию, использованию и развитию искусственного интеллекта разработаны в Канаде, Китае, Дании, Финляндии, Франции, Индии, Италии, Японии, Мексике, Сингапуре, Швеции, Великобритании, ОАЭ и в ряде других государств. Свою стратегию принял и Европейский союз. Как правило, такие стратегии охватывают следующие направления использования технологий искусственного интеллекта: научные исследования, образование, государственное и корпоративное управление, передача данных и цифровая инфраструктура. Особое внимание в документах уделяется вопросам этики, а также формированию стандартов адаптации нормативного регулирования к сфере взаимодействия человека с искусственным интеллектом¹¹.

В октябре 2019 г. к числу государств, принявших собственную национальную стратегию по развитию искусственного интеллекта, присоединилась Российская Федерация: указом Президента России утверждена Национальная стратегия по развитию искусственного интеллекта¹² (далее — Стратегия).

¹¹ Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть — XXI век. 2019. № 5–6. С. 1–7.

¹² Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия по развитию искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Следует отметить, что до принятия настоящей Стратегии еще в 2016 г. была утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации¹³.

В Стратегии 2019 г. в качестве приоритета научно-технологического развития Российской Федерации обозначены направления, которые в числе прочего обеспечат в ближайшие 10–15 лет переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, созданию новейших материалов и способов конструирования, внедрению систем обработки больших объемов данных с использованием искусственного интеллекта. Кроме того, искусственный интеллект отмечен в качестве направления развития российских информационных и коммуникационных технологий в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

Принятие Национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта — долгожданное событие, которое предопределяет векторы общественного, экономического и научно-технологического развития Российской Федерации на ближайшее десятилетие. Документ носит программный характер, изобилует акцентами на общих подходах, однако, в отличие от подобных стратегий, принятых в ряде зарубежных государств, включает и вполне конкретные, сформулированные понятия, над которыми бились различные гуманитарные и технические науки. В частности, Стратегия отвечает на вопрос, что следует понимать под искусственным интеллектом, достаточно подробно и обстоятельно формулирует задачи, которые стоят перед публичным и частным сектором в области развития технологий искусственного интеллекта. Общность российской и зарубежных стратегий выражается в обозначении этической проблематики в качестве ключевой при решении вопроса о разработке нормативно-правового регулирования процессов

¹³ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. 05 дек. № 49. Ст. 6887.

с привлечением искусственного интеллекта, а также признании необходимости объединения усилий государства и бизнеса для достижения целевых показателей, упомянутых в Стратегии. Глава государства поручил правительству Российской Федерации до 15 декабря 2019 г. внести необходимые изменения в нацпрограмму «Цифровая экономика», в которой будут перечислены возможные риски, а также конкретные меры для выполнения задач, прописанных в Стратегии. Остается надеяться, что обозначенная траектория развития позволит России войти в группу мировых лидеров в области разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. И этот научный горизонт мы должны преодолеть вместе, в том числе усилиями Научного совета при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, Отделения общественных наук других отделений РАН. Работа в этом направлении уже весьма активно ведется, об этом свидетельствуют наши научные публикации¹⁴, а также подготовка научных кадров высшей квалификации, научные школы: по парламентаризму, праву и искусственному интеллекту; интеллектуальной собственности.

В заключение следует отметить, что оригинальность авторских подходов в научных исследованиях была связана не только с использованием междисциплинарных и межотраслевых знаний, но также с привлечением современных мировоззренческих позиций различных наук (философия, право, психология, социология, политология, экономика, IT-технологии и др.) с выходом на формирование научных школ и прикладных проектов.

© Любимов Алексей Павлович

¹⁴ Ведута Е.Н., Любимов А.П., Джакубова Т.Н., Ряскова Е.С. Концепция национальной программы создания проактивного искусственного интеллекта // Представительная власть — XXI век. 2019. № 4. С. 22–29; Любимов А.П. Основы электронной демократии в России // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сб. науч. тр. (ежегодник). М., 2013. № 5. С. 5–11; Любимов А.П. Жорес Алферов — легенда мировой науки: от полупроводников до искусственного интеллекта // Представительная власть — XXI век. 2019. № 1–2. С. 38–48.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПОСТРОЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ (ОБЪЕДИНЕНИЙ, ИНТЕГРИРОВАННЫХ СТРУКТУР)

Исходя из данного мною определения корпоративного комплекса как разновидности производственно-хозяйственных (финансовых) объединений в качестве совокупности корпораций в статусе юридических лиц, создаваемого для достижения специально обозначенных целей, необходимо учитывать, что такие образования прежде всего формируются путем объединения нескольких коммерческих корпораций для решения задач по повышению эффективности своего производства с рациональным использованием вкладываемых в производство инвестиций в условиях устойчивой конкуренции на рынках продукции, товаров и услуг.

Влияние на формирование таких комплексов оказывает ряд факторов, характерных для России на переходном этапе к современной рыночной экономике. В числе этих факторов прежде всего целесообразно выделить следующие: перераспределение собственности путем ускоренной приватизации объектов госимущества; отказ от плановых методов управле-

* Михайлов Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, начальник Научно-организационного управления РАН.

ния экономикой; признание многообразия форм собственности с акцентом на частную как доминирующую; обеспечение конкурентных начал в соответствующих сегментах рынка; реструктуризация экономики с ориентацией на потребности внутренних и внешних рынков; обновление всего предпринимательского (хозяйственного) законодательства, включая формирование правовой базы для регулирования создания и деятельности крупных производственно-хозяйственных (финансовых) комплексов в конкурентной среде; необходимость обеспечения соблюдения антимонопольных требований при сбалансировании интересов крупных, средних и малых коммерческих корпораций.

Указанные факторы следует рассматривать в сопоставлении отечественного и зарубежного опыта с учетом практики создания деятельности подобных комплексов в странах с рыночной экономикой. При этом, выбирая организационно-правовые формы создаваемого корпоративного объединения, необходимо наряду с социально-экономическими факторами учитывать особенности сложившихся правовых систем как в России, так и за рубежом, и прежде всего в странах, в которых заложены традиции регулирования создания и деятельности крупных объединений коммерческих корпораций.

1. Исследование отечественной и зарубежной нормотворческой и правоприменительной практики в вопросах выбора возможных форм организации и интеграции корпораций в крупные комплексы показывает, что наиболее распространенной является холдинговая модель. Это обусловлено, полагаю, наличием во многих странах схожего акционерного законодательства, которое и является, как правило, правовой основой для регулирования процесса создания и деятельности объединений коммерческих корпораций.

Именно с учетом этого в России проводилось, в контексте представляемых разработок, активное создание холдинговых компаний с включением в их состав предприятий ОПК в зависимости от их специализации по профилю создавае-

мых объединений корпораций на принципах вертикального интегрирования в соответствии с Указом Президента РФ от 23 октября 2000 г. № 1768 «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства в Российской Федерации» и постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 713 «О федеральной целевой программе “Реформирование и развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК)”».

Вместе с тем необходимо отметить все отчетливее проявляющуюся в отечественной и мировой практике закономерность формирования крупных корпоративных комплексов на принципах жесткого структурирования с объединением производственного капитала, инновационных и инвестиционных ресурсов для их максимально эффективного использования в конкретном рыночном секторе в определенный период времени. В результате все большее распространение получают правовые формы крупных производственно-хозяйственных (финансовых) комплексов с участием промышленных, строительных, торговых, транспортных предприятий, банков и инвестиционных компаний, охватывающих нередко различные экономические сектора нескольких стран и имеющих высокую степень управляемости. Данный фактор имеет, как уже было отмечено, одно из приоритетных направлений в условиях возрастающей конкуренции в мировой экономике.

Выявленные характерные черты, а также отличительные признаки производственно-хозяйственных комплексов, в том числе финансово-промышленных групп, дают основание для вывода о признании того, что рассматриваемые объединения коммерческих корпораций имеют соответствующие системообразующие факторы. Это позволяет отнести их по своей организационно-правовой конструкции к современным предпринимательским (хозяйственным) системам со спецификой, присущей комплексным образованиям в условиях рыночной экономики.

В определенной мере данное обстоятельство и повлияло на наблюдаемое терминологическое обновление рассматриваемого научно-практического понятия, когда в литературе стал использоваться термин «производственно-хозяйственные комплексы», а также «предпринимательские объединения».

2. В процессе проводимых комплексных фундаментальных исследований предметом анализа было также законодательство РФ о налогах и сборах, в котором заложены исходные принципы налогообложения применительно к консолидированным группам налогоплательщиков корпоративных комплексов — п. 1 ст. 20 Налогового кодекса РФ (НК РФ). Согласно этой норме в числе налогоплательщиков и плательщиков сборов определяется такое понятие, как взаимосвязанные лица со случаями участия одной организации в другой с долей в уставном капитале более 20 процентов. Наряду с этим в ст. 278 настоящего Кодекса закреплены положения об особенностях определения налоговой базы по доходам от участия в совместной деятельности по договору простого товарищества.

Следует подчеркнуть, что участниками консолидированной группы налогоплательщиков (КГН) могут быть организации при условии, что одна организация (в нашем случае — корпорация) непосредственно и (или) косвенно участвует в уставном (складочном) капитале других организаций и доля такого участия в каждой такой организации составляет не менее 90 процентов. Указанное условие должно соблюдаться в течение всего срока действия договора о создании КГН.

3. Эффективность локальной правовой базы каждого комплекса, включая такие документы, как организационный договор и бизнес-проект, предопределяется не только содержанием этих актов по отдельности, но и их сбалансированностью между собой, а также с другими локальными актами. В частности, если тот или иной производственно-хо-

зяйственный (финансовый) комплекс построен по горизонтальному принципу, а его участники интегрируются по однородной деятельности в определенном секторе рынка, то они взаимодействуют прежде всего с основной (головной, холдинговой, центральной) компанией. Она выполняет для них некоторые централизованные функции, например, по маркетингу, хранению и сбыту продукции, подготовке кадров, продвижению инвестиционных проектов и т. д.

Для комплекса вертикального типа свойственно объединение корпораций с разнопрофильным производством, продукция которых является сырьем, материалами или комплектующими для выпуска конечного продукта, реализуемого на рынке в качестве товара, готового к использованию потребителем. С учётом этого в таких производственно-хозяйственных (финансовых) комплексах наблюдаются разветвленные связи между непосредственными производителями сырья и его потребителями внутри комплекса, которые, в свою очередь, производят из него комплектующие детали, узлы, агрегаты, поставляемые на главный конвейер для сборки (изготовления) конечного продукта.

В зависимости от интеграционной специфики конкретного комплекса необходимо для каждого из них моделировать свой правовой механизм с использованием такого проверенного инструментария, как предпринимательский договор, для регулирования складывающихся организационно-производственных и финансово-инвестиционных связей в системе рассматриваемых комплексов.

4. Еще одной характеризующей чертой деятельности комплекса как корпоративного объединения являются проблемы ответственности его участников. В связи с этим следует выделить условие о том, что она должна увязываться с бизнес-проектом или организационным договором о формировании комплекса либо только в соответствии с таким договором (для комплексов, созданных по «системе участия») или бизнес-проектом (для комплексов, созданных по «хол-

динговой модели»). Названные документы, являясь актами локальной правовой базы, в сочетании с нормами действующего законодательства следует рассматривать в качестве правовых инструментов регулирования деятельности конкретного корпоративного комплекса.

Учитывая, что в процессе ведения совместной деятельности могут быть нарушения имущественных интересов отдельных участников корпоративного комплекса, которые допущены ими во взаимодействии между собой, а также порой возникают разногласия, приводящие к предпринимательским спорам, в локальных актах интегрированной структуры целесообразно определить механизмы ответственности в предпринимательских отношениях, складывающихся внутри комплекса.

Это необходимо для точной оценки объема продукции, работ или услуг, произведенных в процессе ведения совместной деятельности участниками комплекса, с определением совокупной доходной массы в результате консолидации ими своих ресурсов и последующим вычленением из нее доли каждого его участника пропорционально его вложениям в полученные общие доходы, а в случаях необходимости — для установления границ возможной имущественной ответственности таких интегрированных корпораций как субъектов предпринимательства.

В процессе определения механизма ответственности участников конкретного комплекса необходимо обратить внимание на возможность ее несения основной (головной, холдинговой, центральной) компанией солидарно с дочерними обществами при определенных условиях. С учетом отмеченного необходимо особо обратить внимание на определение круга обязательств такой компании, по которым для участников комплекса возможна солидарная ответственность. Это связано с тем, что подобная компания как юридическое лицо может осуществлять деятельность не только в интересах комплекса и входящих в его состав участников,

но и в целях решения других предпринимательских задач. Имеются в виду ситуации, когда функции основной (головной, холдинговой, центральной) компании согласно организационному договору по созданию комплекса выполняет одна из его корпораций, которая наряду с этим осуществляет производственную, торговую или финансовую деятельность, выступая в качестве самостоятельного субъекта предпринимательской деятельности за его пределами.

Характеризуя предпринимательно-правовую ответственность применительно к участникам корпоративного комплекса и его основной (головной, холдинговой, центральной) компании, следует обратить внимание на две ее черты. Так, в процессе создания и деятельности этих комплексов с ними в лице их основной (головной, холдинговой, центральной) компании взаимодействуют наряду с субъектами предпринимательства различные полномочные государственные органы, осуществляющие публичные функции, в том числе по контролю за соблюдением налогового, бюджетного, природоохранного и других отраслей законодательства. Поэтому возможно применение мер воздействия на корпоративный комплекс через такую его компанию не только со стороны других субъектов предпринимательства, но и иных участников указанных правоотношений, в том числе органов государственного управления и контроля.

Особо следует подчеркнуть, что рассматриваемая ответственность по своей природе является юридической, поскольку ее суть заключается в воздействии потерпевшего (субъекта предпринимательства) на правонарушителя непосредственно через арбитражный, административный или третейский суд, а в отдельных случаях — через суд общей юрисдикции. Следовательно, предпринимательно-правовая ответственность включает определенный, предусмотренный законодательством механизм переложения неблагоприятных последствий с одного участника правоотношений в сфере предпринимательства на другого.

Названные черты предпринимательско-правовой ответственности позволяют отграничить ее от экономической ответственности, суть которой заключается в претерпевании субъектом предпринимательства отрицательных экономических последствий в имущественной сфере в результате прежде всего своей неэффективной деятельности (бездеятельности), а не чьей-либо в виде неисполнения обязательства другим субъектом.

5. Рассмотренные элементы комплексных исследований пронизывают в той или иной мере, как показано, право, что в совокупности является фактически философией каждого вида интеграционных структур. Требуется смоделировать оптимальное правовое регулирование объединения нескольких корпораций (предприятий), целью которого, как правило, является консолидация капитала, снижение издержек производства, стремление к доминированию в определенных секторах рынка, что необходимо принимать во внимание с учетом названных факторов.

Вместе с тем исследование правовых проблем создания и деятельности корпоративных комплексов показывает ряд недостатков, лежащих в плоскости применения законодательства. При этом в данном случае часто причиной является нежелание учитывать в полной мере существующий нормативно-правовой массив как федерального, так и регионального уровней, что впоследствии только усложняет процесс не только создания, но и деятельности уже сформированного корпоративного комплекса.

© Михайлов Николай Иванович

Романова Виктория Валерьевна*

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

В.В. Романова — специалист в области энергетического права, автор и соавтор более 200 научных работ, из них семи монографий, в том числе четырёх личных, редактор и соавтор шести учебников по энергетическому праву, из них два изданы на английском языке.

Основные научные результаты В.В. Романовой:

- разработаны и научно обоснованы теоретические положения о предмете, методах, принципах, источниках энергетического права; сформулированы научные выводы о содержании правового режима энергетических ресурсов и объектов, особенностях правового положения субъектов частноправовых отношений, корпоративного управления, системе договорного регулирования, особенностях государственного регулирования;
- проведено комплексное научное исследование проблем правового регулирования строительства и модернизации энергетических объектов, разработаны научно обоснованные выводы и положения, касающиеся баланса частных и публичных интересов в сфере строительства и модернизации энергетических объектов;

* Романова Виктория Валерьевна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой энергетического права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, директор Центра энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

- на основании комплексного научного исследования текущего состояния, ключевых задач современного энергетического правопорядка, правового обеспечения энергетических рынков, энергетической безопасности сформулированы задачи науки энергетического права в обеспечении и развитии энергетического правопорядка, функционировании энергетических рынков, обеспечении энергетической безопасности, сформулированы предложения по унификации правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере энергетики.

В 2010–2012 гг. по результатам исследования особенностей правового регулирования строительства и модернизации энергетических объектов были изданы монографии В.В. Романовой: «Договорное регулирование строительства и модернизации энергетических объектов», «Государственное регулирование и саморегулирование строительства и модернизации энергетических объектов в Российской Федерации», «Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов». Многие из предложенных В.В. Романовой дефиниций, рекомендаций в отношении правового режима энергетических объектов как объектов строительства нашли отражение в действующем законодательстве.

В 2013 г. было подготовлено и издано учебное пособие В.В. Романовой «Энергетическое право. Общая часть». Учебное пособие включает в себя общетеоретические вопросы энергетического права, в том числе вопросы о правовой природе общественных отношений, составляющих предмет энергетического права, о методах, принципах энергетического права, источниках энергетического права. В работе сделаны выводы об особенностях правового режима энергетических ресурсов, энергетических объектов, об особенностях правового положения энергетических компаний, договорного регулирования в сфере энергетики, специфике правового регулирования публично-правовых отношений в сфере энергетики.

В 2014 г. был издан учебник «Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть» под редакцией д. ю. н. В.В. Романовой. При подготовке учебника учитывались основные положения, рассмотренные в работе В.В. Романовой «Энергетическое право. Общая часть». Учебник включает Общую часть и Особенную часть. В Общей части учебника рассматриваются вопросы о предмете энергетического права, его понятии, источниках энергетического права, правовом режиме энергетических ресурсов, правовом режиме энергетических объектов, правовом положении субъектов частноправовых отношений в сфере энергетики, договорном регулировании, государственном регулировании и саморегулировании. В Особенную часть включены разделы, посвященные правовому регулированию в отдельных отраслях энергетики: газовой, нефтяной, угольной отраслях, в сфере электроэнергетики, теплоснабжения, в области использования атомной энергии.

В 2015 г. вышло второе издание учебника по энергетическому праву под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. Необходимость переиздания учебника по энергетическому праву была обусловлена необходимостью отразить существенные изменения в правовом регулировании частноправовых отношений, в системе государственного регулирования, в сфере саморегулирования.

В 2015 г. вышел учебник «Актуальные проблемы энергетического права» под редакцией д. ю. н. В.В. Романовой. В данной работе рассматриваются современные тенденции развития энергетического права на национальном и международном уровнях, исследуются проблемы правового регулирования частноправовых и публично-правовых отношений в сфере энергетики в газовой, нефтяной отраслях, в сфере электроэнергетики, теплоснабжения.

В 2016 г. оба учебника под редакцией В.В. Романовой изданы на английском языке.

В 2016 г. издана монография В.В. Романовой «Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи». В ра-

боте исследуются проблемные аспекты правового регулирования общественных отношений в сфере энергетики, включая как частноправовые, так и публично-правовые отношения. На основании комплексного научного исследования текущего состояния, ключевых задач современного энергетического правопорядка на национальном и международном уровнях выявлены особенности правового обеспечения элементов энергетического правопорядка в различных отраслях энергетики. В работе сформулированы задачи науки энергетического права в обеспечении и развитии энергетического правопорядка и предложения по унификации правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере энергетики.

Система отраслевого правового регулирования в ключевых отраслях энергетики предопределила основные институты в составе отрасли права. Специфика правового регулирования общественных отношений в различных отраслях энергетики обусловила выделение в особенную часть энергетического права положений об отраслевом правовом регулировании. Разница в правовых моделях отраслевого регулирования, опыт правоприменительной практики за последние десятилетия требуют тщательного осмысления, сравнительно-правового анализа для разработки положений, направленных на устранение противоречий, пробелов, проблем правового регулирования. Одним из наиболее сформировавшихся институтов энергетического права является атомное право.

В 2017 г. издана монография «Проблемы и тенденции правового регулирования в области использования атомной энергии» под ред. д. ю. н. В.В. Романовой, которая получила высокую оценку и со стороны зарубежных ученых в области атомного права. Настоящая монография посвящена современным проблемам и тенденциям правового регулирования в области использования атомной энергии. В монографии «Проблемы и тенденции правового регулирования в области использования атомной энергии» В.В. Романовой исследуются особенности правового режима отдельных объектов ис-

пользования атомной энергии (атомных ледоколов, плавучих атомных станций, радиоактивных изотопов и радиоизотопной продукции, используемых для ядерной медицины), договорного регулирования в области использования атомной энергии, а также проблемные аспекты государственного регулирования, государственного контроля (надзора) в области атомной энергии. В.В. Романовой также исследованы особенности правового обеспечения строительства и функционирования центров ядерной медицины и проблемные аспекты правового обеспечения ядерной медицины. Сформулированы предложения по разграничению правовых режимов центров ядерной медицины с учетом функционального назначения и расположения, сформулированы предложения по совершенствованию норм, закрепляющих особенности правового режима радиоактивных изотопов, радиоизотопной продукции.

В 2018 г. издана монография «Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования» под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. Работа получила высокую оценку Министерства энергетики Российской Федерации. По результатам проведенного исследования правового регулирования общественных отношений, возникающих при формировании и функционировании энергетических рынков, выявлены проблемы и пробелы правового регулирования энергетических рынков Российской Федерации, проблемы унификации положений, регламентирующих формирование общих рынков энергетических ресурсов Евразийского экономического союза, проблемные аспекты правового обеспечения баланса интересов участников энергетических рынков, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования энергетических рынков на национальном и международном уровнях, положения по международно-правовой унификации.

Предложения и рекомендации, разработанные на основании проведенных исследований, получили апробацию на многочисленных российских, зарубежных, международных симпозиумах, конференциях, круглых столах.

В 2019 г. издана монография «Проблемы правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков» под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. Данная монография была подготовлена по результатам проводимого в течение нескольких лет исследования проблем правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав энергетических рынков, исследовалась правоприменительная практика энергетического законодательства, наиболее острые вопросы стали предметом конференций и круглых столов, в том числе международных. В работе исследуются стратегические задачи правового обеспечения энергетической безопасности на национальном и международном уровнях, проблемы правового обеспечения безопасности энергетической инфраструктуры, проблемы правового обеспечения и защиты прав участников энергетических рынков. Данные проблемные аспекты рассматриваются с учетом правоприменительной практики, правового анализа возможных тенденций дальнейшего развития правового обеспечения энергетической безопасности, с учетом принятых актов Конституционного Суда Российской Федерации, разнообразной судебной практики, правового анализа возможностей и порядка разрешения споров в сфере энергетики в досудебном и судебном порядке. В работе сформулированы предложения по мониторингу правоприменения в области энергетической безопасности. К сожалению, на сегодняшний день мониторинг правоприменения энергетического законодательства практически не проводится. Однако правовой анализ судебной практики, актов Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о наличии пробелов, противоречий и неопределенностей в правовом регулировании в сфере энергетики, что приводит к нарушению баланса интересов различных участников общественных отношений в сфере энергетики. В идеальном варианте именно по результатам мониторинга правоприменения в сфере энергетики было бы целесообразно осуществление доработки ключ-

ческого документа стратегического планирования в сфере энергетики — Энергетической стратегии России на период до 2035 г. и формирование дорожной карты по ее правовому наполнению. Сформулированные предложения по правовому обеспечению энергетической безопасности могут быть полезными для дальнейшего развития правового регулирования в сфере энергетики, корректировки моделей правового регулирования в отдельных отраслях энергетики.

В.В. Романова возглавляет кафедру энергетического права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), а также Центр энергетического права, созданный по решению ПАО «Газпром» на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Основными направлениями деятельности Центра энергетического права, который возглавляет В.В. Романова, являются: проведение правовых исследований по энергетическому, корпоративному, конкурентному праву, подготовка кадров высшей квалификации по научной специальности 12.00.07. На сегодняшний день на программы Центра энергетического права поступило 17 аспирантов. Решение о создании Центра энергетического права получило положительные отклики как российских, так и зарубежных специалистов, которые выразили уверенность в своевременности принятого решения и подчеркнули значимость тесного взаимодействия научного центра с крупнейшей энергетической компанией для развития энергетического права.

В.В. Романовой разработаны и преподаются курсы по энергетическому праву для аспирантов: «Энергетическое право»; «Проблемы правового регулирования нефтегазового комплекса»; «Проблемы правового регулирования в сфере электроэнергетики» — и магистрантов: «Правовое положение субъектов естественных монополий в сфере энергетики», «Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности в ТЭК», «Правовое обеспечение промышленной безопасности в ТЭК», «Государственное ре-

гулирование энергосбережения и повышения энергетической эффективности».

В.В. Романова — главный редактор журнала «Правовой энергетический форум». Журнал включен в перечень журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2018 г. журнал «Правовой энергетический форум» награжден Почетным дипломом Электроэнергетического Совета Содружества независимых государств за публикации, посвященные развитию международно-правового регулирования в сфере электроэнергетики.

В.В. Романова — член Экспертного Совета при Комитете Государственной Думы по энергетике, член Общественного совета при Министерстве энергетики Российской Федерации, член научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, председатель Комиссии по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, член Международной ассоциации атомного права.

Перед наукой энергетического права стоит много задач, и, как справедливо отмечает А.Г. Лисицын-Светланов, дать характеристику всех направлений правового регулирования в сфере энергетики и полностью раскрыть то, что требует исследований в целях совершенствования энергетического законодательства, более того, не только законодательства, но и энергетического права в целом, возможно лишь в серии масштабных исследований¹.

¹ Лисицын-Светланов А.Г. Энергетическое право: задачи дальнейшего развития отрасли // Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 11.

М.И. Клеандров в известной работе «Науке энергетического права — светлое будущее» обращает внимание на то, что «научные исследования в области повышения эффективности правового обеспечения энергетики в нашей стране, вообще все исследования в энергетическом секторе экономики не будут беспроблемными. Им будут всячески препятствовать: а) те жители нашей страны, которые не любят свою Родину; б) наши “ученые” — коекакеры (по А. и Б. Стругацким) и рутинеры, числящиеся по недоразумению учеными, но не способные органически создать что-то новое в науке и потому завидующие тем, кто может; в) отечественные лоббисты зарубежных интересов. Предвидя это, необходимы дальнейшее развертывание и всесторонняя поддержка научных правовых исследований по энергетическому праву, направленных на повышение эффективности энергетической безопасности и развитие энергетической отрасли России»².

Разделяя точки зрения А.Г. Лисицына-Светланова, М.И. Клеандрова, хотелось бы поблагодарить всех, кто поддерживает развитие энергетического права в Российской Федерации, и выразить надежду на дальнейшее успешное развитие проекта.

Основные научные труды В.В. Романовой

*Книги (монографии, коллективные монографии,
учебники, учебные пособия и др.)
(2010–2019 гг.)*

1. Романова В.В. Договорное регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М. : Издательство «Юрист», 2010.
2. Романова В.В. Государственное регулирование и саморегулирование строительства и модернизации энергетиче-

² Клеандров М.И. Науке энергетического права — светлое будущее // Правовой энергетический форум. 2018. № 2. С. 9–11.

- ских объектов в Российской Федерации. М. : Издательство «Юрист», 2011.
3. Романова В.В. Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М. : Издательство «Юрист», 2012.
 4. Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть : учеб. пособие. М. : Издательство «Юрист», 2013.
 5. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть : учеб. / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. М. : Издательство «Юрист», 2014.
 6. Актуальные проблемы энергетического права : учеб. / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. М. : Издательство «Юрист», 2015.
 7. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть : учеб. / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. Издание второе, перераб. и доп. М. : Издательство «Юрист», 2015.
 8. Energy Law. Textbook / ed. by V.V. Romanova. М. : Yurist Publishing House, 2016.
 9. Topical issues of Energy law. Textbook / ed. by V.V. Romanova. М. : Yurist Publishing House, 2016.
 10. Романова В.В. Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи. М. : Издательство «Юрист», 2016.
 11. Проблемы и тенденции правового регулирования в области использования атомной энергии : монография / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2017.
 12. Энергетические рынки: проблемы и задачи правового регулирования : монография / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. М. : Издательство «Юрист», 2018.
 13. Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков : монография / под ред. д. ю. н. В.В. Романовой. М. : Издательство «Юрист», 2019.

© Романова Виктория Валерьевна

Санникова Лариса Владимировна*

БЛОКЧЕЙН КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

Технология блокчейн в самом общем виде представляет собой децентрализованную базу данных, которая защищается криптографическими алгоритмами. Работу этой базы данных поддерживают компьютеры, на которых установлено соответствующее программное обеспечение. Информация в базу вносится путем совершения транзакций. Запись новой транзакции представляет собой блок, добавляемый в цепочку блоков после подтверждения транзакции большинством участников блокчейна. Все блоки последовательно связаны друг с другом таким образом, что каждый последующий блок содержит информацию о предыдущем. Несанкционированное внесение изменений в какой-либо блок блокчейна технически настолько сложно, что считается практически невозможным.

Технические характеристики блокчейна обеспечивают ключевые преимущества данной технологии, которые обуславливают ее востребованность:

1) децентрализация управления, так как отсутствует единый центр управления блокчейн-платформой и соответствующими правами наделены все ее участники;

* Санникова Лариса Владимировна — доктор юридических наук, профессор, профессор РАН, и. о. зав. сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН.

2) доверие, обеспечиваемое прозрачностью и отслеживаемостью транзакций;

3) неизменяемость хранящихся в блокчейне данных вследствие использования для их защиты криптографических методов;

4) устранение посредников.

Блокчейны бывают двух типов: публичные и частные. Различие между ними состоит в том, кому разрешено участвовать в сети блокчейна, выполнять согласованный протокол и поддерживать распределенный реестр.

Публичная сеть блокчейнов полностью открыта, и любой желающий может присоединиться к ней путем установки соответствующего программного обеспечения. Наиболее ярким примером публичного блокчейна является сеть биткоина. Как правило, исследователи описывают именно публичный блокчейн, обеспечивающий максимальное доверие пользователей ввиду открытости и прозрачности транзакций. Любой пользователь может видеть всю историю транзакций и их содержание, осуществлять свои транзакции посредством смарт-контрактов.

Частный блокчейн предполагает ограниченное количество идентифицированных участников, т. е. доступ разрешается лишь определенному кругу лиц, поэтому он именуется также разрешенным. Соответственно, использование частного блокчейна позволяет обеспечить конфиденциальность данных, хранящихся в реестре. Частный блокчейн обладает и рядом других преимуществ. Так, скорость транзакций в частных реестрах существенно выше, чем в публичных. При использовании частного реестра соблюдается требование KYC («знай своего клиента»), что особенно важно для финансовой сферы. Именно эти достоинства частного блокчейна и обусловили его популярность в корпоративной сфере.

Однако многие исследователи ставят под вопрос само отнесение частных децентрализованных реестров к блокчейну. Частные децентрализованные реестры не соответству-

ют фундаментальным принципам блокчейн-технологии, которые и породили завышенные ожидания общества от ее внедрения во все сферы общественной жизни. Основным недостатком частного блокчейна является то, что он может контролироваться одним или несколькими центрами. Это означает возможность «отката» транзакций, что подрывает принцип их неизменяемости в блокчейне. Кроме того, к недостаткам можно отнести и его меньшую безопасность, так как он состоит из меньшего набора узлов, чем публичный блокчейн.

Но все эти недостатки перевешивает одно достоинство — конфиденциальность частного блокчейна. Большинство представителей бизнеса полагает, что разрешенный блокчейн необходим, так как определенная информация должна оставаться конфиденциальной.

Сеть биткоин впервые продемонстрировала на практике технологические преимущества блокчейна, прежде всего возможность осуществления финансовых операций без посредников в виде финансовых организаций. Сама идея отказа от посредничества представляется довольно перспективной, так как означает более широкое вовлечение субъектов, прежде всего граждан, в процессы управления как в сфере экономики, так и в сфере политики.

Устранение посредников при внедрении блокчейн-технологий способно инициировать существенные институциональные изменения в обществе. В частности, использование участниками гражданского оборота вместо обычных договоров самоисполняющихся смарт-контрактов исключает возможность их неисполнения одной из сторон, а следовательно, снижает и потребность в разрешении споров с участием специальных институций; при замене обычных реестров децентрализованными отпадает потребность в держателе реестра, функции которого выполняют уполномоченные государственные органы; распространение криптовалют создает угрозу вытеснения фиатных денег, что подрывает мо-

нополю государства на эмиссию национальных валют и т. д. Как видим, в этих случаях в качестве посредников выступают различные экономические и правовые институты, к которым у граждан накопилось много претензий, что в конечном итоге привело к кризису доверия в обществе.

Уровень доверия в современном обществе настолько низок, что угрожает разрушению традиционных социальных институтов. Процесс цифровизации приводит к тому, что по мере утраты обществом доверия к традиционным социальным институтам последние вытесняются новыми институтами, в основе которых лежат цифровые технологии. Доверие же к новым институтам обусловлено тем, что в них возможность вмешательства человека сведена к минимуму, что формирует новую цифровую среду доверия.

Исследование цифровой среды доверия¹ показало, что в современных работах преобладает сугубо технократический подход, при котором цифровое доверие рассматривается лишь в контексте безопасности. При таком подходе за рамками исследуемого понятия остаются указанные выше институциональные изменения. Представляется, что доверие к институтам, основанным на цифровых технологиях, связано с ожиданием более справедливого общественного устройства, в частности более справедливого распределения экономических благ в обществе, так как поведение субъектов будет подчинено алгоритму компьютерной программы, созданной с использованием соответствующей цифровой технологии.

Право как социальный институт также подвергается существенным изменениям, обусловленным в том числе внедрением блокчейн-технологий.

В настоящее время в юридической науке, как зарубежной, так и отечественной, ведутся активные дискуссии о будущем

¹ Sannikova L.V., Kharitonova Y.S. The Trust and the Digitalization of Society // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019). Atlantis Press, 2019.

права в цифровую эпоху². Профессор Л. Лессиг впервые обосновал принципиально иной подход к регулированию поведения людей в виртуальном пространстве — «код есть закон», что означает возможность в будущем замены правовых норм алгоритмами, которые будут более эффективными в силу их высокой формализованности, не допускающей двусмысленности и неоднозначного толкования³. Академик РАН Т.Я. Хабриева также указывает на то, что действие цифровизации может привести к сужению области правового регулирования в связи с открывающимися возможностями образовывать посредством цифровых технологий саморегулируемую «криптосреду»⁴.

Данный тренд на саморегулирование представляется крайне перспективным, так как технология блокчейн позволяет создавать особые механизмы реализации прав и законных интересов граждан, не требующие в большинстве случаев разработки нового законодательства. Однако это не означает, что цифровое пространство не нуждается в правовом регулировании.

В связи с этим перед юридической наукой стоят задачи, связанные не столько с формированием нового законодательства, сколько с поиском оптимального баланса между частными и публичными интересами при регулировании цифровой среды. Это тем более важно в условиях, когда тенденция игнорирования законодателем мнения научного сообщества достигла такого уровня, что делает абсолютно бессмысленной научную дискуссию о развитии законодательства в той или иной сфере⁵.

² См., напр., Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9.

³ Lessig L. Code: And other laws of cyberspace. ReadHowYouWant. Com, 2009.

⁴ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.

⁵ См., подробнее: Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3.

Одной из сфер активного применения блокчейна стала сфера корпоративного управления, так как внедрение данной технологии позволяет акционерам более активно участвовать в управлении корпорацией.

С развитием новых способов коммуникаций распространение получило электронное голосование на общем годовом собрании акционеров, которое обеспечивает участие в нем акционера удаленно. Но гарантировать соблюдение прав акционеров может только голосование на блокчейн-платформе, так как прозрачность и отслеживаемость транзакций в блокчейне позволяет каждому акционеру не только проверить, был ли правильно учтен его голос, но и видеть картину голосования в целом. Кроме того, децентрализация и криптографические методы защиты снижают риски несанкционированного изменения проведенных акционерами транзакций в ходе процедуры голосования.

Процедура голосования на блокчейн-платформе в общем виде выглядит следующим образом: накануне голосования выпускаются токены по количеству акций в корпорации и распределяются между акционерами согласно количеству принадлежащих им акций посредством зачисления токенов на электронный кошелек акционера. При голосовании акционеры путем совершения транзакций перечисляют свои токены на электронные кошельки, обозначающие соответственно «за», «против», «воздержался».

В России возможность проведения общих собраний на блокчейн-платформе предоставляет Национальный расчетный депозитарий (НРД), используя блокчейн-платформу Hyperledger Fabric 1.0. Однако использовать все преимущества блокчейна НРД не удалось, так как акционерам была открыта только информация по учету их голосов, а не вся информация по голосованию. Соответственно, это не позволило создать ту среду доверия, которая обеспечила бы привлекательность корпорации для инвесторов и стейкхолдеров.

Проблема внедрения блокчейн-технологии в корпоративное управление видится прежде всего в закрытости россий-

ского бизнеса в целом. В связи с этим наибольшие перспективы блокчейна лежат в области корпоративного контроля и аудита. Именно здесь может быть оправдано использование частного или разрешенного блокчейна.

Перевод на блокчейн отдельных корпоративных процедур, например процесса одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, позволит существенно улучшить контроль за распоряжением имуществом в корпорации и предотвратит возможные злоупотребления со стороны менеджмента компании. Так как решения по данным сделкам принимаются в соответствии с корпоративным законодательством советом директоров, целесообразно использовать блокчейн-платформы для организации их работы прежде всего для голосования.

Таким образом, при использовании технологии блокчейн в корпоративном управлении участники корпорации могут получить более широкий доступ к информации внутри корпорации, контроль за ее менеджментом, а также технические возможности для более активного участия в ее управлении. Такая вовлеченность участников корпорации в ее управление будет способствовать росту доверия к самой корпорации и стимулировать привлечение инвестиций, что в конечном итоге благотворно повлияет на развитие экономики.

При этом проведенное исследование показало, что в российском законодательстве отсутствуют нормы, препятствующие использованию блокчейн-технологии для организации удаленного голосования как на общем собрании акционеров, так и на собрании совета директоров.

Не менее перспективным представляется использование технологии блокчейн в сфере интеллектуальной собственности.

Наиболее актуальной проблемой на сегодняшний день является возможность подтверждения наличия права у правообладателя на определенный момент времени, особенно в отношении объектов интеллектуальной собственности, существующих в цифровой форме. Решение данной пробле-

мы видится в использовании публичных негосударственных децентрализованных реестров на блокчейне, в которых транзакции по внесению информации о создании результатов интеллектуальной деятельности или приобретения прав на них верифицируются и обрабатываются силами самих пользователей. Значение такого реестра доказательственное, а не правоустанавливающее.

Однако блокчейн-платформы можно использовать не только в качестве надежных реестров, но и для оборота прав на объекты интеллектуальной собственности посредством использования самоисполняющихся смарт-контрактов⁶. Смарт-контракт — это компьютерная программа, которая проверяет, все ли условия выполнены, и только после этого транзакция подтверждается и активы обмениваются. Самостоятельное выполнение смарт-контракта связано с возможностью предварительной алгоритмизации решения об исполнении обязательств по контракту на определенных условиях, например автоматического перечисления средств со счета контрагента или расторжения лицензионного договора в случае неполучения очередного платежа.

Таким образом, публичные децентрализованные платформы на блокчейне способны гарантировать более полную защиту прав и законных интересов как авторов объектов интеллектуальной собственности, так и правообладателей.

Внедрение блокчейн-технологий в различные области экономики вызвало появление новых объектов — цифровых активов (digital assets). Их признание объектами имущественного оборота, а соответственно, и объектами гражданских прав обусловило необходимость создания для них адекватных правовых режимов, обеспечивающих надежную защиту прав и законных интересов граждан.

⁶ Sannikova L. V., Kharitonova Y.S. Culture, Art, Intellectual Property: Benefits of Smart Contracts and Blockchain // Proceedings of the 2019 International Conference on Religion, Culture and Art Lecture Notes in Arts and Humanities (ARTSH). Ottawa, 2019.

В современной литературе в качестве важнейших признаков цифровых активов указывается «двоичная» форма их существования, а также наличие реальной или потенциальной стоимости. Однако такой подход не позволяет отграничить новые объекты, требующие создания правового режима, от тех объектов гражданских прав, которые хотя и претерпели видоизменение в результате цифровизации, но не нуждаются в создании новых правовых норм (например, результаты интеллектуальной деятельности).

В связи с этим была выявлена правовая сущность цифровых активов как объектов гражданских прав, которая заключается в наличии у них специфических признаков: экономической стоимости, способности к обороту, исключительно цифрового характера, экстерриториальности⁷. Данные признаки позволили определить круг цифровых активов, которые нуждаются в создании особых гражданско-правовых режимов: криптоактивы (токены и криптовалюты); большие данные (big data); доменные имена и аккаунты; виртуальное имущество.

Исследование новелл российского законодательства, закрепляющих такие понятия, как «цифровые права», «цифровые финансовые активы», показало, что стремление российского законодателя к созданию новой терминологии в данной сфере не способствует гармонизации российского законодательства в области цифровой экономики и может негативно отразиться и на инвестиционной привлекательности российского крипторынка.

Проведенные исследования показали, что использование блокчейн-технологий позволяет создать новые механизмы защиты прав и законных интересов граждан в различных сферах общественной жизни.

⁷ См. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9; Защита цифровых активов как имущественной ценности // Хозяйство и право. 2018. № 5.

Однако цифровые технологии открывают не только новые возможности, но и несут в себе новые риски и угрозы. Наиболее очевидной для всех является угроза технической уязвимости. На сегодняшний день блокчейн является относительно новой технологией, еще недостаточно апробированной. Разрабатываемые блокчейн-платформы содержат в себе технические ошибки и уязвимости, которыми могут воспользоваться злоумышленники.

Не решена до сих пор и проблема масштабируемости. По мере увеличения размера цепочки требуется больше вычислительных ресурсов, а чем больше их требуется, тем меньше участников, способных эти ресурсы предоставить. Соответственно, участники стремятся к организации иерархических структур, в которых головной участник сети майнеров распределял бы работу по подчинённым ему центрам обработки данных, пользовался результатами их работы и делился бы с ними полученной комиссией в случае победы в гонке по вычислению очередного блока. При таком развитии сценария под сомнение может быть поставлен важнейший принцип блокчейна — его децентрализованный характер, который исключает возможность контроля за внесением транзакции в реестр.

Нельзя также не отметить, что наряду с известными угрозами в процессе внедрения и использования могут возникнуть и иные опасности, которые трудно прогнозировать на данном этапе развития технологии.

В связи с этим следует признать, что блокчейн до сих пор еще остается скорее идеей для новой цифровой экономики, чем конечным продуктом, готовым для использования в рыночном обороте. Поэтому при формировании новой цифровой среды, в том числе и посредством правового регулирования, должны учитываться не только потенциальные выгоды от внедрения блокчейна, но и возможные риски и угрозы.

© Санникова Лариса Владимировна

Старцун Виктор Николаевич*

О ДЕЛЕГИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМ АКТОРАМ

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется не только прорывом в научно-технологической сфере, но и сопутствующим нарастанием конфликтного потенциала в отношениях между основными «центрами силы». Совершенствование средств и способов вооруженной борьбы в целях геополитического доминирования формирует новые тенденции и без того в традиционно активной военной сфере.

Одной из таких тенденций, очевидно, становится попытка приватизации традиционно государственных, фундаментальных функций вооруженного насилия. Речь идет прежде всего о тех функциях, которые согласуются с принципом монопольного права государства на законное применение силы и которые государство, в силу своей сути, не может передавать на внешний подряд или делегировать частным акторам ни при каких обстоятельствах.

* Старцун Виктор Николаевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

К таким функциям относятся непосредственное участие в военных действиях, ведение войны или боевых операций, захват пленных, законотворчество, шпионаж, разведка, передача знаний военного и полицейского применения, применение оружия массового поражения и осуществление полицейских полномочий, особенно полномочий по аресту или задержанию, включая допрос задержанных, а также другие функции, которые конкретное государство считает сугубо государственными.

Из негосударственных акторов, которые все чаще реализуют названные функции, более всего известны разного рода частные военные и охранные компании, но далеко не только они являются сегодня субъектами аутсорсинга в военной сфере. В неменьшей степени заслуживают внимания различного рода парамилитарные объединения, которые стремятся участвовать в обеспечении различных аспектов национальной и международной безопасности — различного рода ополчения, вооруженная оппозиция и т. п.

Очевидной экономической предпосылкой делегирования государственных функций вооруженной силы частным субъектам является увеличение военных расходов государств, особенно тех, которые осознают для себя непосредственную угрозу массового проникновения терроризма. Представляется, что в номинальном выражении общемировые военные расходы будут возрастать в связи с новыми угрозами независимо от состояния мировой экономики. В свою очередь, сам либеральный характер и уклад большинства развитых экономик изначально предполагает приоритет всего частного перед государственным и публичным, презюмирует эффективность частноправовых форм во всех сферах отношений, что также способствует приватизации государственных функций в военной сфере.

Также очевидно, что между коммерческими интересами частных подрядчиков, целями различных общественных парамилитарных образований и террористической угрозой очень тонкая грань.

Частные подрядчики уже получают доступ к военным технологиям, например используют БПЛА без бортового вооружения для ведения разведки и рекогносцировки, которые легко преобразуются в дроны-камикадзе. И это случается все чаще и чаще.

Большую обеспокоенность вызывает активное формирование рынка частных военных услуг в странах Африки и Латинской Америки с формирующейся рыночной экономикой, где частные военные подрядчики пользуются такими преимуществами, как низкая заработная плата и рост спроса на их услуги. Эти страны стали удобными пунктами вербовки для международных террористических организаций, которые нанимают тысячи граждан третьих стран для участия в операциях в Афганистане, Ираке, Сирии и других странах.

В ряде этих стран сектор частных услуг по обеспечению безопасности с применением вооруженной силы является одним из немногих растущих секторов экономики, а компании этого сектора — одними из крупнейших частных работодателей.

Так, в штате частной охранной компании «Груп 4 Секьюрикор» (Group4Securicor) насчитывается более полумиллиона человек, в связи с чем она является вторым крупнейшим частным работодателем в мире. У нее имеются отделения в 30 странах Африки и 22 странах Центральной и Латинской Америки. В Южной Африке сегодня более 6000 зарегистрированных и действующих частных охранных компаний, в которых работают примерно 400 000 человек, что в два раза превышает численность сотрудников полиции.

В связи с масштабной приватизацией государственных функций по обеспечению безопасности с применением вооруженной силы в развивающихся странах, где правительственные учреждения зачастую все еще слабы, возникают важные вопросы о долгосрочных последствиях этой проблемы, в том числе о ее воздействии на общественную и международную безопасность, а также на подотчетность и ответ-

ственность частных субъектов, способных применить вооруженную силу.

Некоторые такие субъекты стали настолько мощными как с точки зрения находящегося в их распоряжении вооружения, так и с точки зрения приобретенного ими специального опыта, что для своих правительств они стали незаменимыми партнерами в области военной деятельности.

Как пример можно отметить историю вооруженного ополчения «Джанджавид», которое приобрело известность в ходе межэтнического конфликта в Дарфуре, где отличилось особой жестокостью. Позднее на его базе при поддержке правительства Судана были созданы военизированные отряды RSF (Rapid Support Forces), которые в июне 2019 г. суданская оппозиция обвинила в применении оружия при разгоне демонстрации в Хартуме, в результате чего погибли десятки человек.

При этом важно отметить, что в силу общих принципов международного права принцип ответственности государства состоит в том, что государство несет ответственность только за свои собственные действия — оно не отвечает за действия своих граждан или любых лиц (физических или юридических), находящихся на его территории.

Несмотря на общее понимание того, что государство не отвечает за действия частных лиц, в определенных обстоятельствах противоправные деяния частного лица могут привести к международной ответственности государства. Есть два обстоятельства, при которых это может произойти. Во-первых, противоправные деяния частного лица могут непосредственно возникать в силу агентских отношений между государством и частным лицом, и в этом случае противоправные деяния частного лица представляют собой международно-противоправные деяния государства, в результате чего наступает международно-правовая ответственность государства. Во-вторых, независимо от отношения государства и частного лица, государство несет ответственность, если оно не выполняет основные обязательства в отношении данного частного

лица. Например, государство имеет обязательства предотвращать противоправные деяния частных лиц. В этом случае государство должно нести международную ответственность за неспособность принять адекватные превентивные меры. Ключевой вопрос в таких случаях состоит не в том, считается ли действие (бездействие) частного лица действием (бездействием) государства, но в том, смогла или нет система государственного управления принять адекватные меры, чтобы предотвратить данное противоправное деяние. При этом признание или непризнание международной ответственности государства за то или иное противоправное деяние не исключает ответственность самого частного лица за совершенное им противоправное деяние в соответствии с международными нормами права и нормативно-правовыми актами государства¹.

Статья 5 статей КМП говорит, что «лицо или организация» (частная военная компания), которая «уполномочена правом этого государства [государства-нанимателя] осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как совершившее деяние этого государства по международному праву, при условии что в данном случае это лицо или организация действует в этом качестве». Как отмечается в главе 3, следует считать, что частная военная компания, нанятая государством-нанимателем по контракту для участия в боевых действиях, проведения допросов и дознания или содержания тюрем и иных подобных объектов, считается уполномоченной правом государства-нанимателя осуществлять элементы государственной власти и действует в этом качестве².

С сожалением приходится констатировать, что приватизация функции вооруженного насилия происходит на фоне очевидной коррозии международного права и утраты им ре-

¹ См. Статьи КМП. Статья 58 «Пересечение ответственности физического лица и ответственности государства в международном праве», 2003.

² Комиссия международного права. Ежегодник. 2001. Т. 11 (2). Ст. 3. Разд. 3.2.

гулятивного воздействия на отношения по использованию военной силы.

По-прежнему вызывает беспокойство неоднозначная практика применения Международного договора о торговле оружием (МДТО). В течение последних лет фиксировались неоднократные случаи нарушения отдельными государствами взятых на себя обязательств в отношении недопущения поставок продукции военного назначения в зоны вооруженных конфликтов. В контексте становления и оформления структур Договора проявились недостатки, не позволявшие в полной мере купировать риски перетока оружия в незаконный оборот. Исходя из этого, Российская Федерация считает нецелесообразным присоединение России к этому договору, учитывая в том числе, что установленные им стандарты существенно ниже российских. С 2010 г. приостановлена и деятельность по доработке обязывающего международного акта по контролю за деятельностью частных военных охранных компаний.

Сегодня отсутствуют какие-либо международно-правовые акты по вопросу о допустимости аутсорсинга сугубо государственных функций в военной сфере. На этом фоне по своему отношению к вопросу приватизации вооруженной силы можно условно выделить три типа государств. Во-первых, это государства, прямо допускающие делегирование отмеченных функций внешним, частным подрядчикам. Это, конечно, США, Великобритания, яркий пример — ЮАР и ряд других стран преимущественно развитых экономик. Соответственно, вторую группу образуют государства, не допускающие ни при каких условиях такой трансфер государственных полномочий. Как пример можно привести Эквадор и другие государства Латинской Америки, пережившие иностранное вторжение и испытывавшие на себе воздействие иррегулярных вооруженных формирований. Третья, наверно, самая большая группа государств — это государства, которые в своем национальном законодательстве еще никак не определились по данному вопросу.

Анализируя в этом контексте законодательство Российской Федерации, необходимо отметить конституционные положения, в соответствии с которыми в Российской Федерации «запрещается создание и деятельность по созданию вооруженных формирований и общественных объединений, цели или действия которых направлены на подрыв безопасности государства», а вопросы войны и мира находятся в исключительной компетенции Российской Федерации, то есть в ведении федеральных властей, и не подлежат передаче на уровень субъектов и органов местной власти.

Корреспондируют названным конституционным положениям соответствующие нормы Уголовного закона России, это статьи 208 и 359 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а также за «наемничество».

Таким образом, можно однозначно квалифицировать Российскую Федерацию как государство, не допускающее в своей юрисдикции делегирование государственных функций применения вооруженной силы частным акторам и последовательно выступающее за унифицированный и обязывающий подход к международно-правовому регулированию данного вопроса.

Что же представляется необходимым в целях решения проблемы неконтролируемого распространения вооруженной силы и вооружения частными акторами?

По нашему мнению, понимая все трудности формирования каких-либо новых международно-правовых режимов в современном международном пространстве, целесообразно продолжить последовательно работать как минимум над декларациями в этой сфере, в которых надо формулировать базовые подходы к вопросу делегирования фундаментальных государственных функций применения вооружения и предусмотреть необходимость принимать на национальном уровне такие законодательные, судебные, административные и другие меры, какие могут потребоваться для установ-

ления запрета частным субъектам использовать определенные виды вооружения и участвовать в любых военных и иных подготовительных действиях, способствующих террористической деятельности и формирующих ее предпосылки.

Авторская библиография по обозначенной проблематике (2016–2019 гг.)

1. Частные военные компании: международный опыт правового регулирования и перспективы легализации в Российской Федерации : монография. М. : ВУ, 2016.
2. Роль военно-правовой науки в формировании профессиональной компетенции военного юриста (научная статья) // Вестник военного права. 2016. № 3.
3. Военная интервенция против ИГИЛ в Ираке, Сирии и Ливии и правовая основа интервенции по согласию // Вестник военного права. 2017. № 1.
4. Гибридная война в странах Балтии. Опасности и потенциальные ответы // Вестник военного права. 2017. № 2.
5. Ответственность сирийской вооруженной оппозиции в контексте требований норм международного права // Вестник военного права. 2017. № 3.
6. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности о создании частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 4.
7. Правовой статус беспилотных летательных аппаратов в рамках норм международного права // Вестник военного права. 2018. № 1.
8. Войны XXI века: зарождение новых норм международного права // Вестник военного права. 2018. № 2.
9. Ударная сила как робототехника, кибер и космическое оружие меняют правила ведения войны // Вестник военного права. 2018. № 3.
10. Политика в отношении автономных систем вооружения // Вестник военного права. 2018. № 4.

© Старцун Виктор Николаевич

Тедеев Астамур Анатольевич*

ПРАВО, ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ПОСТСОЦИАЛИЗМ?

Свой первый учебник издал в одном из ведущих издательств, будучи очным аспирантом (с разрешения директора ИПГ РАН, академика РАН Б.Н. Топорнина). В 2019 г. этот учебник вышел 7-м изданием.

Является одним из самых молодых в России ученых, успешно защитивших докторскую диссертацию по юридическим наукам.

Заместитель декана Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В своих работах о перспективах постсоциалистического развития общества, права и государства, а также проблеме выбора постсоциалистического пути развития В.С. Нерсесянц указывал на тектонические последствия для миропорядка вследствие крушения Советского Союза, завершения системного противостояния между коммунистической и буржуазной идеологией, а равно антагонизма между капитализмом и социализмом и на глобальное значение для всего хода дальнейшей истории цивилизации того, как разрешена

* Тедеев Астамур Анатольевич, 41 год, родился в Цхинвали (село Мсхлеби) Южной Осетии, гражданин Российской Федерации, школьное обучение был вынужден прервать, в апреле 1994 г. зачислен, в 1999 г. успешно окончил Академический правовой университет при Институте государства и права РАН. Доктор юридических наук.

будет проблема постсоциализма. При этом в кризисе социализма он видел не только начало нового большого поворота в мировой истории, но и возможность для нашей страны конструирования благоприятного выхода из социализма в постсоциалистическое будущее — цивилизм, отвечающее, по его мнению, логике всемирно-исторического прогресса свободы и права. Этой идее — мечте В.С. Нерсесянца, к сожалению, не суждено было воплотиться, наша страна на развилке выбрала другой путь¹.

Но в целом он пророчески оказался прав, когда указывал на ошибочность господствовавшего в этот период ощущения, будто крах социализма есть естественное подтверждение концепции буржуазного, капиталистического конца истории² и исторического прогресса, капитализма как венца

¹ «Глубинные причины, в силу которых мы в результате проводимых посткапиталистических реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (можно сказать, нефеодальной) ситуации, кроются в природе складывающихся у нас общественных и политических отношений, в типе собственности и права. Эта типология предопределена постсоциалистическим огосударствлением собственности, т. е. созданием такой собственности, которая еще не свободна от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности». См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2004. С. 361. Указанное показательно верно для всех постсоциалистических стран на территории бывшего СССР, кроме стран Балтии, как известно, решивших проблему собственности через институт полного и безоговорочного возврата ее первоначальным (досоциалистическим) владельцам. Именно избранная государством модель решения проблемы разгосударствления социалистической собственности существенно влияет, видимо, на степень сложности выхода из социализма.

² Как указывал В.С. Нерсесянц, «этим обусловлено и широкое распространение статьи Ф. Фукуямы, который (со ссылкой на Гегеля и неогегельянца А. Кожева) дает гегельянское «добро» нынешнему процессу капитализации социализма и в целом капиталистическому... концу мировой истории и человеческой цивилизации. См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148. См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2004. С. 358 (в сноске).

и итога всемирно-исторического развития человеческой цивилизации, будто рыночный строй и либеральная западная система политико-правовых ценностей навсегда приходят на смену социализму с его, якобы, отрицанием права как модель, основанная на принципе всеобщего формально-правового равенства, который и характерен для капитализма. Итого будто бы никакого другого выхода из социализма, кроме как в капитализм, не существует. Сейчас уже не вызывает сомнений, насколько прав был В.С. Нерсесянц, когда указывал, что социализм — это переходный строй и в историческом движении от прежнего равенства к будущему большему равенству социализм действительно занимает промежуточное положение отрицания прошлого, социализм — это отрицание прошлого и радикальный антикапитализм³.

Но именно такой переходный строй оказался необходим для создания предпосылок для постепенного выявления и уничтожения экономического неравенства капитализма, именно он открывает путь к посткапитализму. Другим необходимым ингредиентом, катализатором изменений стал научно-технический прогресс и бурное развитие информационных технологий и информационного права. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «в постиндустриальном обществе, по всей видимости, произойдет переоценка не только места и роли информации в жизни человека, государства, мирового сообщества, но и правовой концепции самой информации, понимаемой в настоящее время как любые сведения, сообщения, данные независимо от их оформления, а информационное право выйдет за рамки полупериферийного состояния и приобретет значение если не основной, то важнейшей отрасли законодательства и права в целом»⁴.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2004. С. 360.

⁴ Хабриева Т.Я. Введение // Киберпространство БРИКС: правовое измерение : монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др. ; отв. ред. Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева ; сост. Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М., 2017. С. 18–19.

Новое общество, которое сейчас только возникает, обозначается в литературе по-разному: «текучая современность», «постфордизм», «капитализм катастроф», «когнитивный капитализм», «эмоциональный капитализм», «художественный капитализм», «легкий капитализм», «поздний капитализм». Различные в своих подходах исследователи (У. Бек, З. Бауман, Э. Гидденс, П. Мэйсон, Г. Стэндинг и др.) едины в том, что современный нам поздний капитализм становится более гибким, индивидуализированным, эмоциональным, одновременно используя новые способы социального контроля. Многие явления, очевидные для капитализма, утрачивают свою очевидность, трансформируются в нечто иное. На этой стадии развития общества происходит трансформация прежней социальной структуры: крах старых форм государственного суверенитета, кризис представительной демократии и всех прежних форм политической репрезентации, трансформация понятий нации и класса, сегментирование и дробление традиционных общностей и групп. Одной из проблем позднего капитализма является усиление социального неравенства⁵. При этом нам близка логика, основываясь на которой П. Мэйсон использует в названии своей не так давно вышедшей книги именно термин «посткапитализм». Нельзя не согласиться с ее автором, когда он утверждает, что цифровая революция может полностью изменить наши привычные представления о труде, производстве и стоимости и разрушить западную экономику, основанную на рынках и частной собственности⁶.

Нам представляется, что именно **цифровизация общества, права и государства решает проблему постсоци-**

⁵ См. подр.: *Логинов А.В.* Базовый доход как социальная и моральная проблема // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 15-1. С. 140–145.

⁶ *Mason P.* Postcapitalism: A Guide to Our Future. L. Allen Lane, 2015. На рус. яз. вышла в 2016 г.: *Мэйсон П.* Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М., 2016.

лизма и открывает дверь в новое, посткапиталистическое, а точнее, послекapиталистическое будущее. Уже сейчас всемирный вектор развития цифровой трансформации (цифровизации) общества, права и государства позволяет утверждать, что, вопреки ранее существовавшей парадигме, в новых условиях право возможно и при формальном равенстве не всех (и такая сегментация — это не регресс права). Действительно, в социализме не было свободы. В капитализме нет социальной ответственности и справедливости⁷. Именно поэтому в XX в. от капитализма отвернулись народы с особым запросом на общинность (в Азии — коллективизм) и справедливость. Не случайно исследователями отмечается, что обещание антибуржуазной справедливости — ключевая причина, по которой народ в России пошел в 1917 г. за большевиками (что потом и предопределило их победу в Гражданской войне).

Таким образом, основная причина, по которой такой цифровой посткапитализм становится возможным, как раз и заключается в том, что цифровизация права и государства сделала реальными немислимые еще недавно **цифровые институты социального управления.**

Для прорыва за горизонт традиционно очерчиваемого будущего нужен был портал, пороговое изменение — его и оказался способным обеспечить научно-технический прогресс. Сначала, в 2000-х гг., многим на Западе казалось, что глобализация информационных и коммуникационных технологий, Интернет, затем социальные сети и принципиальное изменение моделей создания, передачи и потребления массовой информации уничтожат закрытые политические

⁷ Уместно вспомнить тезу о том, что *нет такого преступления, на которое ради прибыли не пошел бы капиталист*, приписываемую К. Марксу. (Как известно, К. Маркс цитировал британского профсоюзного деятеля Т.Дж. Даннинга.) См.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга I: Процесс производства капитала // Сочинения. Издание второе. М., 1960. Т. 23. С. 770 (в сноске).*

режимы и докажут естественно-историческое преимущество капитализма над всеми иными общественными укладами. С основанными на тирании, непрозрачными в части распределения ресурсов и несправедливыми политическими режимами частично так и случилось. Но глобального переворота не произошло, на смену традиционному авторитаризму пришел информационный авторитаризм⁸.

Оказалось, что социализм (например, в его китайском постсоциалистическом варианте) способен перегруппироваться и приспособиться к новым условиям. Внедрение передовых технологий, цифровой технологический скачок, помноженные на социалистическую дисциплину и коллективизм, позволили доказать возможность конкурентоспособности и постсоциалистических способов хозяйствования. Более того, как и предполагали многие западные исследователи в 1920–1930 гг., оказалось, что при определенных условиях элементы народно-хозяйственного планирования действительно могут повышать устойчивость национальной экономической системы. А ведь одним из главных аргументов в пользу капитализма всегда был тезис о безоговорочной более высокой эффективности экономики, построенной на классических рыночных принципах. Китай показал, что в новых, цифровых условиях это оказалось не совсем так.

В области социального управления, казалось, сначала был избран так органичный социализму путь ограничения доступа к информации, ее блокировки («Великий Китайский файервол»). Однако поворотным моментом нам представляется запуск эксперимента по введению принципиально **новой формы тотального цифрового контроля** — индивидуально-го рейтинга граждан (или «системы социального доверия»).

Как нам представляется, сама идея такого рейтинга социального доверия или благонадёжности, видимо, основана на

⁸ *Guriev S., Treisman D.* How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. 2015. NBER Working Paper. № 21136.

историческом опыте КНДР, где достаточно длительное время (примерно с конца 1950-х) используется так называемая система «сонбун» (кор. 출신성분, chulsin sŏngbun — чхульсин сонъбун, ханчао от 出身 — «происхождение», 成分 — «элемент»). В литературе отмечается, что юридическим основанием для ее введения послужило решение Постоянного комитета (Политбюро) Центрального Комитета Трудовой партии Кореи от 30 мая 1957 г. «О превращении борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение», установившее курс на осуществление первых крупномасштабных «политических чисток» в Северной Корее⁹.

Применительно к Китаю речь, конечно же, будет идти о принципиально ином технологическом и информационно-коммуникационном уровне социального контроля.

В Китайской Народной Республике «План по созданию системы социального кредита доверия» был обнародован Государственным советом КНР еще в июне 2014 г. При этом первоначально ключевые элементы и принципы будущей системы были закреплены в «Некоторых замечаниях канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита» (2007 г.). Индивидуальный социальный рейтинг китайского гражданина создается на основе объединения всех баз данных, содержащих какую-либо информацию о физических и юридических лицах (интегрируется вся информация об имуществе и финансовом положении, банковская, юридическая и медицинская информация, сведения из образовательных учреждений, систем транспортного и гостиничного бронирования, данные из социальных сетей, со всех камер видеонаблюдения и т. д.), и их анализа с помощью технологий анализа больших данных. Таким образом, такой цифровой индивидуальный социальный, финансовый и политический

⁹ См. подр.: Ланьков А.Н. Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее // Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995.

портрет (паспорт) каждого гражданина, по сути, — это технологическая основа для тотального контроля за населением страны. «Соответствующие ведомства должны обеспечить создание и улучшение механизмов формирования записей о личной благонадежности..., своевременно обновлять информацию, уделяя особое внимание таким сферам, как пищевая продукция и медикаменты, безопасность производства, пожарная безопасность, безопасность на дорогах, охрана окружающей среды, биологическая безопасность, качество продукции, сбор налогов, здравоохранение, защита труда, инженерия и строительство, финансовые услуги, права на интеллектуальную собственность, судопроизводство, электронная коммерция и волонтерство»¹⁰.

На основании анализа объединенного массива информации для каждого гражданина формируется индивидуальный рейтинг общественной полезности и благонадежности. Фактически вся жизнь человека оценивается в баллах, которые начисляются за «хорошее поведение» и снимаются за неправомерные или нарушающие нормы нравственности поступки. После того как система начнет функционировать в полном масштабе (после 2020 г.), показатель социального рейтинга будет основанием для предоставления гражданину тех или иных прав и свобод либо, напротив, для ограничения в правах и доступе к государственным услугам¹¹.

Главный постулат новой системы был изложен на заседании Политбюро ЦК КПК Председателем КНР Си Цзиньпinem в 2016 г.: «Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил до-

¹⁰ Guiding Opinion by the General Office of the State Council on Strengthening the Establishment of the Personal Creditworthiness System. 2016. SGO release. № 98.

¹¹ См. подр.: Шахрай С.М. Цифровая Конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. № 12. С. 1078.

верие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие»¹².

Очевидно, такие цифровые социальные инструменты делают в недалеком будущем потенциально ненужными контроль за оборотом информации, юридические и технические ограничения Интернета и социальных платформ (фильтрацию и ограничения контента). В государствах с авторитарными политическими режимами они открывают опасный доступ к реализации принципиально новых возможностей социального управления через абсолютную не свободу каждого.

Обратим внимание, какую контрольно-регулирующую роль в разворачиваемой в КНР системе играет уже упомянутый коллективизм. Условно «контролирующая палка» передается из рук государства в руки общества, а точнее, его части — коллективу, микросообществу, семье и друзьям, непосредственно окружающим каждого индивидуума на работе и в быту. Ведь его оценка влияет и на их индексы, поэтому включается механизм взаимной слежки и контроля. Очень социалистическая и по духу, и по форме идея!

Есть ли у нас иллюзии, что подобные инструменты социального управления не будут вписаны в правовые модели капиталистического общества с оправданием тотальности контроля целями антитеррористической защиты населения? Ответ очевиден (особенно после принятия «Патриотического акта»¹³).

¹² Волков К. Ни поездов, ни самолетов. Должников по налогам в Китае больше не пустят в транспорт дальнего следования // Российская газета. 2018. 28 марта (№ 7527).

¹³ USA Patriot Act 2001 (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001, «Акт о сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму 2001 г.»), федеральный закон США, принятый после террористического акта 11 сентября 2001 г., предоставивший государству широкие полномочия по контролю за гражданами.

С другой стороны, цифровизация государственного хозяйства, новый цифровой экономический уклад во многих переломных с социально-экономической точки зрения государствах Западного мира уже поставили вопрос о возможности разворота в векторе финансовых обязательств между государством и гражданином. Пока граждане на референдуме в Швейцарии отказались от гарантированных выплат (от введения так называемого «гарантированного» или «безусловного базового дохода») ¹⁴, но очевидно, что «процесс уже пошел».

Безусловный базовый доход, как правило, рассматривается как платеж от правительства лицу или семье, чтобы обеспечить им минимальный уровень дохода. Считается, что базовый доход должен одновременно отвечать следующим существенным характеристикам: быть периодичным, а не выдаваться в виде единовременного гранта; выплачиваться в денежной форме, а не в виде ваучеров на приобретение конкретных групп товаров или услуг; быть индивидуальным, то есть предоставляться отдельным людям, а не домохозяйствам; быть универсальным, одинаковым для всех; выдаваться без всяких условий даже тем, кто не имеет работы и не желает её искать ¹⁵.

Как отмечается, идея всеобщего гарантированного государством базового дохода восходит к XVI–XVIII вв. («Утопии» Томаса Мора, работам Томаса Пейна, де Кондорсе, Жозеф Шарлье и др.). В отличие от социальной помощи, базовый доход предоставляется каждому, кто соответствует критериям приемлемости дохода, и, как правило, проще в администрировании ¹⁶. Однако свои реальные очертания эти социальные

¹⁴ Switzerland's voters reject basic income plan. BBC News. 2016. June 5.

¹⁵ BIEN. About Basic Income. 2018. URL: <https://basicincome.org/basic-income>.

¹⁶ См. подр.: Гриценко В.С. Безусловный базовый доход: теория и практика // Новые идеи в философии. 2017. № 4 (25). С. 11–12; Верякина В.П. Социальное государство в поисках оптимальной модели развития человека // Философские науки. 2018. № 2. С. 61–65 и др.

фантазии прошлого стали обретать в последнее десятилетие, когда стала очевидна, как написал Б. Шиллер, «неизбежность отступления капитализма под натиском информационных технологий»¹⁷.

Поэтому, как указывает Усман В. Чохан, безусловный базовый доход — это «зонтичная концепция, которая привлекает все больше внимания в свете прогнозирования тяжелого будущего, в котором экономическое неравенство значительно усугубляется различными социально-экономическими и технологическими факторами»¹⁸. Вместе с тем безусловный базовый доход может выступать способом решения **основного противоречия капитализма** — противоречия между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения¹⁹.

Швейцария стала первой страной, в которой 5 июня 2016 г. прошел соответствующий референдум²⁰. Однако сам факт проведения референдума, пусть и с отрицательным итогом, стал триггером повышения интереса к проблеме базового дохода — благодаря ему «обсуждение в мире этой, далеко не новой, идеи, вероятно, достигло своего пика»²¹. За-

¹⁷ Schiller B. Welcome to the Post-Work Economy. Fast Company. 2016. March 15.

¹⁸ Chohan Usman W. Universal Basic Income: A Review (August 4, 2017). URL: <https://ssrn.com/abstract=3013634> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3013634>.

¹⁹ См. подр.: Вишневецкая Ю. Призрак коммунизма // РР. Репортаж. 2009. 2 июля; Богомолов Е.В. Дифференциация подходов как причина революции // Вопросы экономических наук. 2018. № 2(90). С. 10–13; Богомолов Е.В. Неравенство в доходах и опасность революции // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности : сб. науч. тр. по итогам IV Междунар. науч. конф. Краснодар, 2017. С. 14–17.

²⁰ См.: Надыкто О. Швейцарцы высказались против гарантированного дохода в \$2,5 тыс. // РБК. 2016. 5 июня.

²¹ Стефанова Н.А., Шукин К.А. Безусловный базовый доход: быть или не быть // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 309.

тем пилотный проект по базовому доходу (ОВИР) стартовал в провинции Онтарио (Канада)²². Однако вскоре оказалось, что проект в провинции Онтарио идет неудовлетворительно, и он был досрочно приостановлен.

Имевшие место ранее (в США, Канаде, Индии, Кении и др.) государственные и частные локально ограниченные эксперименты (то есть проводившиеся в рамках небольших территорий или групп населения), также, как известно, не дали устойчивых положительных результатов. Именно поэтому швейцарский пример стоит несколько особняком.

Кроме того, необходимо учитывать, что в условиях старения населения, замедления роста экономики и при наличии других классических «хронических» проблем современного капитализма демократические государства социально ориентированного типа (Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, Нидерланды) испытывают существенное давление на бюджет груза своих социальных программ. Государствам становится все труднее выполнять свою социальную функцию. В сентябре 2013 г. в своей тронной речи король Нидерландов Виллем-Александр объявил, что на смену традиционному социальному государству приходит государство всеобщего участия. Скандинавские государства также все больше задумываются о смене модели. Базовый доход — удобная переходная модель, позволяющая частично сбросить социальный балласт. При этом формально речь идет не о перекладывании на граждан заботы о своем благосостоянии, а о смене их социального мышления — побуждении самостоятельно распоряжаться своими социальными гарантиями²³. Поэтому в Финляндии начался эксперимент, в рамках которого всем взрослым гражданам с 1 января 2017 г. социальные пособия

²² *Monsebraaten L.* Ontario's basic income experiment would continue under Doug Ford. *The Star*. 2018. April 24.

²³ См.: *Энгле Н.* Монетизация льгот по-фински // *Ведомости*. 2015. 9 дек.

заменяют фиксированной выплатой²⁴. Некоторые эксперты полагают, что эксперименты с введением безусловного основного дохода могут «решить проблемы слишком социальных государств»²⁵. В частности, нельзя не согласиться, что, «вводя безусловный базовый доход, государство частично снижает свою нагрузку и ответственность в социальной сфере — за счет сокращения социальных пособий и иных отчислений будет меньше необходимости содержать большое количество социальных работников, которые обеспечивали выплаты и проверяли фактические основания сокращенных социальных пособий»²⁶.

В рамках финского эксперимента безработному полагается 560 евро в месяц, но в то же время прекращается выплата пособия по безработице. На другие социальные пособия базовый доход не влияет. Базовый доход будут продолжать выплачивать, даже если человек найдет рабочее место. С помощью эксперимента власти Финляндии хотят узнать, побуждает ли подобная система социальных выплат к поиску работы²⁷. При этом продолжение эксперимента не планируется²⁸.

Другим, но параллельным путем идет Норвегия, где полагают, что вместо системы единой социальной защиты целесообразно постепенно перейти к созданию для каждого гражданина его индивидуального социального бюджета — личных счетов. Поступления на счета, ранжированные с уче-

²⁴ https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/zhrebii_vybral_2000_grazhdan_kotorye_budut_poluchat_bazovyi

²⁵ *Эппле Н.* Монетизация льгот по-фински // Ведомости. 2015. 9 дек.

²⁶ *Шакенов М.А.* Социальное государство: взгляд на возможности внедрения базового безусловного дохода // Право и государство. 2016. № 2 (71). С. 88.

²⁷ Финляндия обеспечит базовый доход некоторым безработным // БиБиСи. Русская служба. 2017. 1 янв.

²⁸ Finland Has Second Thoughts About Giving Free Money to Jobless People // The New York Times. 2018. April 24.

том доходов, будут производиться совместно государством, работодателем и работником²⁹.

Тут важно помнить, что право гражданина участвовать в управлении государством и требовать от высшей бюрократии выполнения тех или иных стандартов, в том числе социальных (да и вся конструкция правового государства), прямо фундаментировано на его правовом статусе налогоплательщика. Размыкая указанную взаимосвязь — открываем ящик Пандоры.

В последние два десятилетия существования без глобального антагонизма с социалистической системой, по сути, в однополярном капиталистическом мире «растренировали», расслабили капиталистическую систему, позволили предъявить все свои социально-экономические и политические негативные аспекты.

Западная цивилизация не удовлетворена качеством демократии и капитализма, обеспечиваемого ими уровня потребления. Оказалось, при абсолютном капитализме, не сдерживаемом антагонизмом с социалистической системой, принцип формального равенства дает сбой. Заложенное в сердцевину западной идеологии экономическое неравенство приводит к тому, что такая капиталистическая правовая система производит несправедливое право. Каждый всплеск социального возмущения за пределы судебных палат и административных процедур, на улицы — это свидетельство постепенного осознания, что только формально-правовое равенство, частная собственность и буржуазные ценности не решают всех проблем; осознания, что, возможно, капитализм хорош, только пока не может быть предложена иная форма социального управления, постоянная, на более справедливом распределении бремени поддержания цивилизованности. Все же, как и писал В.С. Нерсесянц, капитализм не венец истории.

²⁹ См.: Дервиш К. Как воссоздать социальное государство // Ведомости. 2015. 14 июня.

Так какие же возможности открывает цифровизация общества, права и государства? Одно направление движения (на этом пути, возможно, много развилки и остановок, но направление очевидно) — к формальному равенству, неизбежности частнособственнических отношений, гарантированности прав, но без свободы и в условиях тотального цифрового контроля со стороны государства и надевшего его на себя, как кафтан, господствующего политического класса, с очень большим риском цифрового рабства, с относительно высоким качеством жизни, но под тотальным контролем богатейшей буржуазии.

Как уже обосновывалось выше, фундаментальный факт всемирно-исторического значения заключается в том, что цифровизация общества, права и государства открывает новую, ранее не проглядывавшуюся возможность — переходный строй от капитализма к уничтожению свойственного ему экономического неравенства, но с сохранением верховенства права. С учетом вышеуказанного цифровой посткапитализм возможен как высокая мера свободы максимально возможного числа социально (взаимно) ответственных людей. При этом такая взаимная социальная ответственность возможна как раз в условиях существенного, ограниченного жесткими правовыми рамками и не тотального цифрового контроля.

При этом социально ответственных членов общества «создаёт», формирует переход к прямому цифровому народовластию (цифровой сход граждан и система цифровых референдумов вместо парламента), но при формальном равенстве прав по отношению к государству, но не между собой. В этом случае право на участие в управлении государством (а может быть, и базовый безусловный доход) необходимо будет «заслужить» своим социально ответственным поведением. Тут, кстати, пролегал принципальная разница с избирательными цензами прошлого. То есть, как нам представляется, **рейтинг социальной ответственности гражданина может использоваться и в свободном мире, но**

в системном взаимодействии с институтом базового дохода, не для тотального контроля и подавления политического инакомыслия, а напротив, **для конструирования новых демократических процедур посредством расширения использования цифровых технологий.**

Представляется, что процесс прогресса права цикличен. В рассматриваемом случае необходимый вектор движения — к обществу социально ответственных граждан. Сейчас граница социальной нормы должного поведения очерчена правом «по нижней границе» и формализована в виде административных проступков и уголовных преступлений. Это граница — черта отсечения, за которую сейчас «отвечает» право. В рассматриваемых условиях появляется правовой инструментарий эффективного социального конструирования, позволяющий сдвинуть эту контролируемую правовым инструментарием границу должного поведения гражданина. Например, граница может быть сдвинута «вниз», до морально-нравственных норм социальной ответственности или социальной (общественной) полезности с установлением конкретных параметров должного, то есть до пределов, ранее не попадавших «на радары» права, находившихся в сфере морально-нравственных регуляторов. Именно такое изменение роли права в цифровом обществе неминуемо приведет к усилению его (права) авторитета и возникновению нового типа правопонимания, ранее объективно недостижимого.

Таким образом, цифровые технологии способны вернуть подлинный смысл демократическим процедурам и институтам, развитие которых в последние годы забуксовало. В цифровую эпоху безусловный базовый доход может выступить способом решения основных противоречий современного капитализма. Поэтому появляется возможность для преодоления постсоциалистических противоречий и перехода в посткапиталистическое будущее.

© Тедеев Астамур Анатольевич

Ястребов Олег Александрович*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Введение

Сложившиеся в правовой доктрине теоретические представления о системе субъектов права в современных условиях требуют кардинального переосмысления. Необходимость изменений вызвана причинами двоякого рода.

Во-первых, появлением в правовом поле субъектов, которые, выступая в статусе юридического лица, наделяются властными публичными полномочиями и функциями, но не относятся к централизованной системе органов исполнительной власти.

Во-вторых, в числе таких причин выступает активное использование цифровых технологий и робототехники практически во всех сферах общественной жизни и увеличение числа связанных с этим этических и правовых проблем, включая вопрос о возможной правосубъектности искусственного интеллекта в качестве электронного лица. Определенные предпосылки наделения электронных лиц правами и обязанностями были заложены в прецедентах, касающихся субъектов права, не принадлежащих к человеческому роду,

* Ястребов Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института РУДН.

а также связанных с защитой прав искусственного интеллекта. Необходимость научной и практической разработки данной проблемы подтверждает тенденция возрастания автономности искусственного интеллекта, а также увеличение числа случаев гибели людей в результате «принятия решений» автономными роботами.

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г.) в числе основных задач развития искусственного интеллекта выделяются «создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта» (п. 24) и формирование гибкой системы нормативно-правового регулирования в этой области (п. 51).

Все это предопределяет актуальность и значимость исследований статуса юридического лица публичного права и правосубъектности электронного лица как приоритетных и наиболее перспективных для формирования отвечающей современным вызовам системы субъектов права.

Цели и задачи проводимых исследований

Цели исследований

1. Разработать основы современной теории юридического лица публичного права, на концептуальном уровне определить параметры системы юридических лиц публичного права и с учетом анализа мирового опыта правового регулирования их статуса разработать предложения по совершенствованию действующего отечественного законодательства.

2. Разработать теоретико-правовые и методологические подходы к правовому регулированию отношений между человеком и искусственным интеллектом (ИИ) и обосновать возможную правосубъектность ИИ как электронного лица (Э-лица).

Задачи проводимых исследований

1. В области разработки проблематики юридического лица публичного права:

- теоретически осмыслить практические потребности введения конструкции юридического лица публичного права в российское законодательство в современных условиях разграничения публичного и частного права и становления правового государства;
- разработать методологический подход к построению категориально-понятийного аппарата теории юридического лица публичного права;
- раскрыть сущность и содержательные характеристики понятия юридического лица публичного права и обосновать на концептуальном уровне его значение как одной из важнейших правовых категорий;
- провести классификацию юридических лиц публичного права и на этой основе разработать общетеоретический подход к построению системы юридических лиц публичного права.

2. В области исследований проблем правосубъектности электронного лица:

- разработка в теории права категорий «робот», «автономный робот», «искусственный интеллект», «электронное лицо», адекватных потребностям их современного правового регулирования;
- построение инновационной юридической конструкции электронного лица, посредством которой ИИ может быть включен в правовое поле;
- установление предпосылок для наделения электронных лиц правами, обязанностями и защитой.

Методологическая основа исследований: комплекс современных философских, общенаучных и специально-науч-

ных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, семиотический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический), историко-правовой, социологический, метод моделирования и др.

Среди специально-научных методов особо выделяется метод сравнительно-правовых исследований института юридического лица публичного права и «Э-лица», призванный обеспечивать необходимую фактологическую и концептуальную основу для построения современных юридических конструкций этих субъектов.

Результаты проводимых исследований

1. В области изучения юридического лица публичного права:

- определены общие контуры категориально-понятийного аппарата теории юридического лица публичного права, и выявлены опорные (узловые) категории, являющиеся базовыми для формирования его юридической конструкции;
- обоснована теоретическая и практическая значимость использования юридико-технического приема персонафикации субъектов публичного права;
- определена система критериев разграничения юридических лиц публичного права и юридических лиц частного права и установлены качественные различия в функциональной характеристике этих лиц;
- на основе компаративного метода выявлены основные теоретические подходы к определению признаков и понятия юридического лица публичного права;
- обоснована категория «система юридических лиц публичного права», выявлен ее системообразующий фактор и основные элементы в современных государствах, признающих деление права на публичное и частное;
- проанализированы в сравнительно-правовом плане особенности правового регулирования статуса юридическо-

го лица публичного права и дан формально-юридический анализ специальных публично-правовых законов о юридическом лице публичного права;

- установлена специфика элементного состава правосубъектности юридических лиц публичного права и особенности их административной, уголовной и гражданской деликтоспособности в зарубежных странах и раскрыты основные механизмы ограничения право- и дееспособности отдельных категорий этих лиц.
- актуальность постановки вопроса о правосубъектности ИИ обоснована с позиций нейробиологии, доказывающей возможность существования принципиально нового механизма бытия;
- ИИ в качестве электронного лица, рассматриваемого как субъект права, является, по существу, комплексом юридических прав и обязанностей, причем содержанием этих обязанностей и прав являются действия ИИ;
- по аналогии с юридическими лицами электронные лица как искусственные субъекты могут быть способны к реализации своей правосубъектности при условии признания их на законодательном уровне субъектами права, действующими на равных основаниях с другими участниками общественных отношений;
- выполняя функции, соответствующие определяемым разработчиками целям, Э-лицо предстает как лицо действующее: на него возлагается обязанность, которую оно может исполнить либо нарушить, что ставит вопрос об определении субъекта юридической ответственности.

Выводы исследований

1. В области изучения юридических лиц публичного права:

- Сложившаяся сугубо цивилистическая, отраслевая трактовка юридического лица как организации, создаваемой исключительно для участия в гражданском обороте, в со-

временных условиях не в состоянии обеспечить потребности в персонификации субъектов публичного права и не соответствует общим тенденциям их правового регулирования.

- Использование приема персонификации в публичном праве и признание юридической личности за публичными субъектами имеет не просто технико-юридическое значение, а знаменует переход к развернутой, полноценной реализации модели правового государства. Обращение к приему персонификации в публичном праве в ходе исторического процесса способствовало трансформации отношений власти между публичными субъектами и частными лицами из «полицейских» в юридические, при которых достигается корреляция взаимных прав и обязанностей, обеспечиваемая системой необходимых гарантий соответствующих правовых статусов участвующих в них лиц.
- В современных условиях на концептуальном уровне необходима смена парадигмы юридического лица и теоретическая интерпретация его как общеправового понятия.
- В современных условиях необходимо легальное признание подразделения юридических лиц на юридические лица публичного права и юридические лица частного права. В качестве главного основания такого разграничения следует использовать критерий интегрированности юридического лица в систему публичного управления. Все остальные критерии: критерий цели, критерий наличия или отсутствия властных полномочий, критерий происхождения (способа образования) — должны использоваться кумулятивно в качестве конкретизирующих основной критерий.
- Юридическое лицо публичного права как разновидность общеправовой категории юридического лица обладает следующими признаками: а) организационное единство, выражающееся в определенной внутренней структуре,

единстве воли и цели; б) отличие правосубъектности организации, наделяемой юридической личностью нормами публичного права, от правосубъектности составляющих ее физических лиц; в) персонификация организации нормами публичного права, наличие у нее собственных идентифицирующих признаков (наименование, организационно-правовая форма и др.) и подчинение в организационном и функциональном плане режиму публичного права; г) особое целевое назначение: реализация не просто общих, а общественных, публичных интересов; д) особый порядок создания, определяемый нормами публичного права; е) интегрированность в систему публичного управления.

- Исходя из выделенных признаков под юридическим лицом публичного права следует понимать организацию, которая создана законом или во исполнение закона для реализации общественно значимых целей, интегрирована в систему публичного управления и действует от своего имени в установленной организационно-правовой форме в рамках правового режима, определенного в своей основе нормами публичного права.
- Система юридических лиц публичного права в качестве основного критерия своего структурирования должна иметь подразделение этих лиц на государственные (т. е. интегрированные в государственную организацию) и негосударственные. Каждый из этих двух классов юридических лиц, в свою очередь, может быть подразделен на территориальные и институциональные (или функциональные).
- Система методологических оснований теории юридического лица публичного права должна включать: принцип деления права на публичное и частное, принцип общеправовой значимости конструкции юридического лица, принцип первичной публичной правосубъектности юридических лиц публичного права, принцип ограниченной

- (специальной) гражданской правосубъектности публичных юридических лиц.
- Статус исходных (опорных) в категориально-понятийном ряду теории юридического лица публичного права должны иметь категории «лицо» и «публичное право». Структурный понятийный ряд опорной категории «лицо» включает следующую цепочку понятий: лицо — личность — юридическая личность — юридическое лицо — юридическое лицо публичного права.
 - Правосубъектность юридических лиц публичного права выражается в двух основных формах: публично-правовой и частноправовой. Она определяется в своей основе нормами публичного права.
 - В случаях, установленных законом, юридические лица публичного права наделяются гражданской правосубъектностью, которая носит производный, специальный характер, и ее реализация регулируется нормами частного права. Эти нормы, содержащиеся в гражданских кодексах, минимальны и по общему правилу определяют примерный перечень данных лиц и условия их участия в гражданском обороте.
 - Мировой опыт показывает, что деликтоспособность юридических лиц публичного права (в сравнении с юридическими лицами частного права) ограничивается целым рядом законодательно установленных запретов: к ним не применяются процедуры банкротства и определенные виды административных санкций. Уголовная (наказательная) ответственность этих лиц либо существенно ограничена, либо исключается полностью и применяется только к юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность.
 - В плане законодательного регулирования порядок образования, правовой статус и правовой режим деятельности юридических лиц публичного права должны определяться публично-правовым законодательством, а отдельные

общие положения, касающиеся реализации их гражданской правосубъектности, — нормами гражданского законодательства. В этом контексте признание конструкции публичного юридического лица в отечественной юриспруденции предполагает необходимость разработки закона о юридических лицах публичного права. Отсутствие такого закона не препятствует законодателю в специальных законах вводить категорию юридического лица публичного права независимо от признания ее в ГК РФ.

- Для обеспечения непротиворечивого правового регулирования необходимо установление в ГК РФ в качестве основного деление юридических лиц не на коммерческие и некоммерческие, а на юридические лица публичного права и юридические лица частного права. Необходимые изменения в ГК РФ должны быть минимальны, но концептуально значимы. Следует дать новое, общее определение юридического лица, установить примерный перечень юридических лиц публичного права и определить, что к этим лицам не применяются нормы ГК, за исключением прямо установленных случаев, о порядке их образования, наименовании, государственной регистрации и учредительных документах.

2. В области исследования проблем Э-лица:

- Введение в научный оборот концепта «электронное лицо» обусловлено особенностями становления принципиально нового субъекта права. Данный концепт призван отразить сущность и правовую специфику этого искусственного субъекта. В понятийный ряд теории этого субъекта должны включаться в качестве базовых категории «электронное лицо» — «искусственный интеллект» — «робот» — «автономный робот», причем искусственный интеллект, носителями которого являются удовлетворяющие определенным критериям роботы, необходимо рассматривать как базовую составляющую электронного лица.

- Электронное лицо можно трактовать как персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект (электронный индивид), обладающий критериями «разумности».
- Исследование проблематики правосубъектности электронных лиц подтверждает необходимость формирования принципиально нового инструментария правового регулирования, что связано со спецификой электронных лиц, характеризующейся прежде всего трудностями локализации их юридически значимого поведения.

Библиография

1. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010
2. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Рос. ун-т дружбы народов, Юрид. ин-т. М. : Статут, 2017. 768 с.
3. Теория государства и права : учеб. / Российский университет дружбы народов, Юридический институт. М. : Статут, 2019. 512 с.
4. Ястребов О.А. Государственное унитарное предприятие как субъект публичного права : монография. М. : Наука, 2008. 165 с.
5. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права. Концептуальные основы общей теории : монография. М. : Наука, 2009. 238 с.
6. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории : монография. М. : Наука, 2010. 305 с.
7. Ястребов О.А. Публичные субъекты административного права : учеб. пособие. М. : РУДН, 2009. 144 с.
8. Ястребов О.А. Некоммерческие организации как субъекты публичного права : учеб. пособие. М. : РУДН, 2009. 324 с.
9. Ястребов О.А. Основы правового положения юридических лиц публичного права в зарубежных странах // Вестник РУДН. М., 2009. № 3. С. 32–36.

10. Ястребов О.А. Опорные (узловые) категории построения теоретической конструкции юридического лица публичного права // Журнал Юрист. М., 2010. № 4.
11. Ястребов О.А. Концептуальные подходы к пониманию юридического лица в правовой науке // Российская юстиция. М., 2010. № 4. С. 15–16.
12. Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2017. № 1. С. 189–202.
13. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
14. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

© Ястребов Олег Александрович

Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г.

I. Кандидаты в действительные члены Российской академии наук в 2019 г.

по специальности **философия**:

1. Долгов Константин Михайлович, *доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*;
2. Запесоцкий Александр Сергеевич, *чл.-корр. РАН, доктор культурологии, профессор, заслуженный деятель науки РФ*;
3. Касавин Илья Теодорович, *чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор*;
4. Миронов Владимир Васильевич, *чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор*;
5. Шульц Владимир Леопольдович, *чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*;

по специальности **психология**:

1. Петренко Виктор Федорович, *чл.-корр. РАН, доктор психологических наук, профессор*;
2. Ушаков Дмитрий Викторович, *чл.-корр. РАН, доктор психологических наук*;

по специальности **право**:

1. Клеандров Михаил Иванович, *чл.-корр. РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ*;

Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г.

2. Руденко Виктор Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор юридических наук, профессор;
3. Савенков Александр Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
4. Тосунян Гарегин Ашотович, чл.-корр. РАН, доктор юридических наук, профессор, кандидат физико-математических наук, заслуженный деятель науки РФ;

II. Кандидаты в члены-корреспонденты Российской академии наук в 2019 г.

по специальности **философия**:

1. Анненкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор;
2. Баксанский Олег Евгеньевич, доктор философских наук, профессор РАН;
3. Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор;
4. Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор РАН;
5. Синеокая Юлия Вадимовна, доктор философских наук, профессор РАН;
6. Чубаров Игорь Михайлович, доктор философских наук;

по специальности **социология**:

1. Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор;
2. Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
3. Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор;
4. Локосов Вячеслав Вениаминович, доктор социологических наук, профессор;
5. Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор;

Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г.

6. Осадчая Галина Ивановна, *доктор социологических наук, профессор;*

7. Черныш Михаил Федорович, *доктор социологических наук, профессор;*

по специальности **право:**

1. Бабурин Сергей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;*

2. Гаврилов Борис Яковлевич, *доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ;*

3. Керимов Александр Джангирович, *доктор юридических наук, профессор;*

4. Кропачев Николай Михайлович, *доктор юридических наук, профессор;*

5. Курбанов Рашид Афатович, *доктор юридических наук, профессор;*

6. Любимов Алексей Павлович, *доктор юридических наук, профессор;*

7. Михайлов Николай Иванович, *доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;*

8. Романова Виктория Валерьевна, *доктор юридических наук;*

9. Санникова Лариса Владимировна, *доктор юридических наук, профессор РАН;*

10. Старцун Виктор Николаевич, *доктор юридических наук, профессор;*

11. Тедеев Астамур Анатольевич, *доктор юридических наук, профессор, кандидат экономических наук;*

12. Ястребов Олег Александрович, *доктор юридических наук, профессор.*

**Доклады кандидатов
в члены Российской академии наук (РАН),
баллотировавшихся по секции философии,
политологии, социологии, психологии
и права в 2019 г.**

Ответственные редакторы
Николаичев Б.О., Редько Н.В.

Подписано в печать 21.12.2020
Формат 60×90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 121

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III